

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ФОЛЬКЛОРУ
И МИФОЛОГИИ
ВОСТОКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. С. Брагинский
Е. М. Мелетинский
С. Ю. Неклюдов (секретарь)
Д. А. Ольдерогге (председатель)
Э. В. Померанцева
В. Л. Рифтин
С. А. Токарев
С. С. Цельникер

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

•

ПОСЛОВИЦА
ЗАГАДКА

(СТРУКТУРА, СМЫСЛ, ТЕКСТ)

Составление, редакция
и предисловие
Г. Л. ПЕРМЯКОВА

Сборник содержит статьи и рефераты статей советских
и зарубежных ученых, посвященные пословице и загадке.

70202-022
013(02)-78 181-77

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
Пословица. Загадка
(*Структура, смысл, текст*)

Утверждено к печати

Редакцией серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока»

Редактор *И. Л. Елевич*. Младший редактор *И. И. Исаева*.
Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*.
Технический редактор *М. В. Повоскина*. Корректор *Г. В. Стругова*
ИБ № 13192

Сдано в набор 17/V-1977 г. Подписано к печати 5/XII-1977 г. А-03007
Бумага типографская № 1. Формат 60×90/16. Печ. л. 20. Уч.-изд. л. 20,5
Тираж 5000 экз. Изд. № 4035. Зак. № 2451. Цена 2 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

2-я типография издательства «Наука». Москва Г-69, Шубинский пер., 10.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока», выпускаемая Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» с 1969 г., призвана знакомить читателей с современными проблемами изучения богатейшего устного творчества народов Азии, Африки и Океании. В ней публикуются монографические и коллективные труды, посвященные разным аспектам изучения фольклора и мифологии народов Востока, включая анализ некоторых памятников древних и средневековых литератур, возникших при непосредственном взаимодействии с устной словесностью. Значительное место среди изданий серии занимают работы сравнительно-типологического и чисто теоретического характера, в которых важные проблемы фольклористики рассматриваются не только на восточном материале, но и с привлечением устного словесного искусства других регионов.

Первой книгой серии было второе издание труда В. Я. Проппа «Морфология сказки», в 1976 г. вышел в свет сборник его статей под названием «Фольклор и действительность», в 1975 г. был издан сборник «Типологические исследования по фольклору». Среди теоретических работ серии следует назвать «Поэтику мифа» Е. М. Мелетинского и «От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)» Г. Л. Пермякова. Последняя работа в значительной своей части посвящена изучению вопросов теории народных изречений — паремий. Учитывая большой интерес, проявляемый как специалистами, так и более широким кругом читателей к этой области фольклористики (во многих своих аспектах смыкающейся с лингвистикой), редколлегия включила в серию предлагаемый сборник, составленный из статей советских и зарубежных парматологов.

Книги, ранее изданные в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока»:

В. Я. П р о п п. Морфология сказки. 1969.

Г. Л. П е р м я к о в. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). 1970.

Б. Л. Р и ф т и н. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии «Троецарствия»). 1970.

Е. А. К о с т ю х и н. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. 1972.

Н. Р о ш и я н у. Традиционные формулы сказки. 1974.

П. А. Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. 1974.

Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). Сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. 1975.

Е. С. Котляр. Миф и сказка Африки. 1975.

С. Л. Невелева. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). 1975.

Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. 1976.

В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. 1976.

Е. Б. Вирсладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия. 1976.

Ж. Дюмезиль. Осетинский эпос и мифология. Пер. с франц. 1976.

Готовятся к изданию:

О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности.

Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности.

Б. Л. Рифтин. От мифа к роману (эволюция изображения персонажа в китайской литературе).

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Успехи в развитии фольклористики, начавшиеся с публикации известной работы В. Я. Проппа «Морфология сказки», значительный прогресс в области языковедения и других смежных дисциплин, широкое применение структурных методов исследования — все это способствовало становлению и бурному развитию современной научной паремиологии. За последние годы как у нас, так и за рубежом было проведено большое число интересных паремиологических исследований, знаменующих наступление нового этапа в истории этой древней отрасли знания.

Цель настоящего сборника — дать нашему читателю возможность ознакомиться с наиболее важными идеями в области паремиологии, работанными за последние 10—12 лет, и получить представление о ее современном состоянии. Для этого в сборнике наряду с оригинальными статьями, написанными специально для него, представлены также перепечатки и рефераты уже опубликованных работ.

Конечно, небольшой объем настоящего издания не позволяет полностью осуществить поставленную задачу. Однако кое-что в этом направлении сделать все же можно, особенно если прибегнуть к некоторым самоограничениям. Исходя из реальных возможностей, мы решили: во-первых, сосредоточить внимание лишь на двух, но зато самых «ходовых» типах паремий — пословицах и загадках; во-вторых, сузить тематику сборника, посвятив его наиболее актуальным проблемам современной паремиологии; и, в-третьих, поместить здесь только те из опубликованных статей, которые напечатаны в труднодоступных изданиях, а на остальные работы дать более или менее подробные ссылки.

В дальнейшем мы постараемся расширить тематику паремиологических сборников, помещая в них разного рода исследования о народных приметах, поверьях, прибаутках, скороговорках, шуточных ответах, «покушках», заговорах и других типах паремий. То же касается и проблематики статей, которая непременно должна быть пополнена, по крайней мере, такими существенными вопросами, как устойчивость и вариативность изречений, условия и особенности их употребления и т. п. Кроме того, мы намерены публиковать наиболее интересные, но мало известные материалы из классического наследия, в частности работы Ф. Бушлаева, А. Тейлора, Э. Вестермарка и ряда других авторов, чьи паремиологические исследования практически недоступны многим нашим читателям.

* * *

Пословицы и загадки представляют собой исключительно удобный материал для изучения ряда проблем фольклористики и языкознания. Для фольклориста они очень удобны потому, что как фольклорные тексты они малы по объему и легко обозримы в больших количествах, для лингвиста же — потому, что, будучи языковыми знаками, они достаточно велики и в них хорошо видно то, что трудно разглядеть в знаках меньшего объема — словах, морфемах, фонемах. К тому же пословиц и загадок за последние десятилетия собрано очень и очень много. Достаточно сказать, что в одной только Финляндии записано и хранится в литературных архивах около двух миллионов пословиц и один миллион четыреста тысяч загадок (включая сюда, конечно, разного рода варианты).

В фактическом отношении пословицы и загадки изучены довольно хорошо. Что же касается паремиологической теории, то с ней дело обстоит куда хуже. Как справедливо отмечает известный американский фольклорист и паремиолог Алан Дандис (см. его работу 1970 г., помещенную в настоящем сборнике), до сих пор нет даже сколько-нибудь удовлетворительных общепринятых определений пословицы и загадки. Больше того, не все паремиологи считают их необходимыми. Вообще логический уровень паремиологии недостаточно высок, хотя именно здесь теория могла бы развиваться наиболее успешно.

Следует признать, что традиционный описательный метод в паремиологии исчерпал свои возможности. Во всяком случае, он не в состоянии ответить на такие вопросы: что такое пословица, что такое загадка, что следует понимать под пословичным типом, почему в международном, национальном, региональном и личном пословичном фонде мирно сосуществуют изречения, прямо противоположные по своему смыслу, и многие-многие другие. Вот отчего особенно важно обратиться к работам, нащупывающим новые пути освоения богатейшего паремиологического материала, собрав их вместе и сделав более заметными их основные достоинства и недостатки.

Главное внимание в предлагаемом сборнике уделено следующим фундаментальным проблемам современной паремиологической науки: 1) выявлению и описанию внешней (языковой и логической) и внутренней (семантической и художественной) структуры изречений; 2) установлению связей между внешней и внутренней структурами, включая взаимные трансформации; и 3) оценке паремий по существенным признакам их внешней и внутренней организации. Как правило, все эти проблемы рассматриваются в их неразрывном органическом единстве, и только некоторые материалы касаются какой-либо узкой темы.

Как можно видеть из Содержания сборника, он состоит из двух частей. Первая посвящена пословице, а вторая — загадке.

Основное место в первой части занимают статьи по общей теории пословиц и проблеме их классификации (работы Алана Дандиса, М. А. Черкаского, Матти Кууси, Г. Л. Пермякова, обзорение Вильмоша Фойта),

а также исследования, более специально ориентированные на изучение смысловой структуры изречений и возможностей их употребления (работа Арво Крикманна и рефераты опубликованных статей). Далее идут статьи, анализирующие поэтическую структуру паремий в терминах модели «Тема ↔ Текст» (работы А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова). Особое место в этой части книги занимает статья Ю. В. Рождественского «О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок». Хотя тема ее и не относится к числу самых злободневных для паремиологии, эта работа, по нашему мнению, представляет большой интерес, так как обосновывает целесообразность нового направления в прикладной лингвистике.

Как уже было сказано, вторая часть сборника посвящена загадке. О загадках пишут давно и довольно много. Однако изучение загадок до последнего времени обычно ограничивалось их сравнительным описанием, исследованием некоторых их функций, а также их связей с этнографией. Серьезного структурного исследования загадок, по существу, не проводилось. Поэтому читателю покажутся особенно интересными предлагаемые в книге материалы, демонстрирующие новый подход к проблеме. Таковы, в частности, статья Элли Кёнгэс-Маранды о логике загадки, статья Ю. И. Левина о семантической структуре загадки и рефераты статей из журнала «Proverbium», посвященных загадко-пословицам. Надо сказать, что все эти работы находятся в русле основных идей современной паремиологии.

Материал в сборнике расположен не в хронологической, а, скорее, в логической последовательности — в порядке развития основных паремиологических идей. Но и этот принцип выдержан не до конца, ибо некоторые необходимые «звенья логической цепи» по тем или иным причинам выпали из книги. Так, не нашла отражения в сборнике интересная работа таджикских паремиологов, составивших большой академический свод местных пословиц. Не вошли в книгу статья английского филолога Нигела Барли о структурном различии пословицы и максимы («Proverbium», № 20, 1972) и работа Г. Л. Пермякова о логико-семиотическом аспекте пословиц и поговорок, в которой утверждалось, что пословичные изречения — не что иное как знаки (и модели) тех или иных ситуаций, т. е. определенных отношений между вещами, и описывалась система их логической трансформации («Народы Азии и Африки», № 6, 1967). Не нашла места в сборнике и более поздняя статья того же автора — «К вопросу о структуре паремиологического фонда», содержащая ряд дополняющих друг друга определений пословицы и поговорки, анализ текстовых функций паремий, их внешней и внутренней структуры, а также тематики. Следует, однако, сказать, что отсутствие в сборнике двух последних работ особой беды не представляет, так как обе они были опубликованы в сравнительно доступных изданиях и потому известны многим паремиологам.

Несколько слов о разногласиях между нашими авторами. Читатель,

без сомнения, обратит внимание на отсутствие единства и даже на принципиальные расхождения во взглядах у сторонников структурного направления в паремиологии. Так, например, во многом несхожи взгляды на структуру загадки у Алана Дандиса и Элли Кёнгэс-Маранды, на сущность и структуру пословицы у Матти Кууси, Г. Л. Пермякова и Арво Крикманна. Но эти и подобные им разногласия ни в коем случае не опровергают плодотворности структурного подхода. Они лишь свидетельствуют а) о сложности нового направления; б) о его молодости и «неустойчивости» его основных понятий и приемов; в) о значительной разобщенности авторов и несогласованности их работы; и, наконец, г) о различных исходных позициях исследователей. Однако сам факт обращения столь различных авторов к изучению структуры паремий говорит в пользу нового подхода и свидетельствует о явной его привлекательности.

Как правильно отметил в своей обзорной статье венгерский фольклорист Вильмош Фойт, несмотря на все свои разногласия ученые-паремиологи разных стран фактически развивают одну и ту же общую теорию афористики, уточняя и дополняя друг друга.

В этой связи особенно значительной представляется роль финского фольклориста и паремиолога доктора Матти Кууси, который в 1965 г. организовал и в течение одиннадцати лет издавал международный паремиологический журнал «Proverbiūm». Руководимый Матти Кууси журнал собрал вокруг себя многих ученых мира, объединил их усилия и тем самым способствовал успешному развитию паремиологии.

Возвратимся, однако, к нашему сборнику. Нам думается, что каждый внимательный читатель, ознакомившись с помещенными в нем статьями, непременно придет к двум следующим общим выводам: первому, — что настоящее изучение пословиц и загадок, по существу, только начинается; и второму, — что пословицы и загадки при всей их видимой простоте и элементарности оказываются весьма сложными фольклорными, языковыми, логическими, семиотическими, поэтическими и прочими смысловыми образованиями. В этом отношении пословицы и загадки можно сравнить с атомами физических тел, которые когда-то тоже казались элементарными, но по мере развития науки все более и более «усложнялись». Сегодня про пословицы и загадки, как, впрочем, и про многие другие типы паремий, можно с уверенностью сказать, что они так же неисчерпаемы, как и атомы.

В заключение скажем о системе ссылок и сокращений, принятой в книге. В конце каждой статьи дается список цитированной литературы (а в двух случаях — также и особые Приложения). Названные в этих списках и Приложениях материалы пронумерованы, и в текстах статей при ссылке на источник указывается номер этого источника и номер (или номера) страниц в нем. Статьи, перепечатанные из других изданий, имеют ссылку на источник, где данная статья опубликована.

г. Жуковский
октябрь 1975 г.

Г. Л. Пермяков

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ПОСЛОВИЦА

Алан Дандис

О СТРУКТУРЕ ПОСЛОВИЦЫ *

Пословицы привлекают внимание ученых самых разных специальностей — не случайно так обширен список работ, посвященных этому фольклорному жанру¹. Большинство исследователей считает особенно важным исторический подход к вопросу, и целью изысканий обычно является обнаружение общих корней пословиц у народов с близкими языками или определение возможного места и времени происхождения той или иной пословицы.

В двадцатом столетии, видимо, под влиянием современных общественных наук, начался известный отход от чисто литературного и исторического изучения пословиц². Были проведены детальные полевые исследования конкретных контекстов, в которых пословицы употребляются³, и было высказано предположение, что существуют какие-то закономерности или принципы, регулирующие употребление пословиц⁴. Некоторые ученые попытались определить соотношение между содержанием пословицы и ее национальным характером и экстраполировать свойства пословиц на мировоззрение народа в целом (см., например, 27 и 30). Ряд интересных работ по практическому использованию пословиц был проведен в области психиатрии. Тесты, содержащие пословицы, применялись для оценки умственных способностей. Испытуемым давали какую-либо пословицу, а затем просили выбрать из предлагаемого списка такую,

---

* Данная статья представляет собой доклад, прочитанный на международном симпозиуме фольклористов в Палермо в 1970 г. См. Alan Dundes. On the Structure of the Proverb.— «Strutture e generi della letteratura etnica». Palermo, 1970. Позднее была перепечатана в журнале «Proverbium» (№ 25, 1975).

¹ Перечень работ, посвященных изучению пословиц, см. 4; 23.

² Прекрасный обзор последних исследований в этой области см. в работе 18.

³ Образцом подобного исследования пословиц может служить работа 14.

⁴ О коммуникативных правилах, связанных с пословицами, см. 1, 70—85.

которая больше всего походила бы на первую. Иногда пословичные тесты использовались в качестве вспомогательного средства для диагностики шизофрении. Соответствующие эксперименты основывались на том факте, что больные шизофренией не способны понять переносный смысл пословиц и воспринимают их исключительно как буквальное утверждения [13, 435—440; 11, 263—266]⁵.

Если учесть то огромное внимание, которое постоянно привлекает к себе пословица, кажется совершенно удивительным, что она никогда не была толком определена. Арчер Тейлор начинает свою фундаментальную книгу о пословице «The Proverb» со следующего пессимистического заявления: «Определение пословицы слишком трудно, чтобы браться за такую задачу... О том, является ли данное предложение пословицей или нет, говорят нам какие-то неуловимые признаки. Поэтому никакое определение не поможет нам с уверенностью установить, имеем ли мы в данном случае дело с пословицей». В ответ на наше недоумение по этому поводу проф. А. Тейлор заметил, что в известном смысле вся его книга в целом служит определением пословицы⁶. Другой видный современный филолог, Б. Дж. Уайтинг, заявил приблизительно то же самое: «Предложить краткое и в то же время приемлемое для работы определение пословицы, особенно такое, которое охватывало бы все пословичные фразы, почти невозможно». Более того, он сказал, что такое определение, в сущности, не так уж и нужно: «К счастью, определение не является действительно необходимым, так как все мы знаем, что такое пословица»⁷. Может быть, все мы и знаем это, но в таком случае совершенно непонятно, почему никто не может сформулировать сию общеизвестную истину. Я смею утверждать, что определение пословичного жанра, даже самое приблизительное, было бы полезным для всех видов паремиологических исследований, будь то историческое изучение отдельной пословицы или поиски характерных национальных черт в обширном фонде пословиц какой-либо культуры.

Пословица лучше всего может быть определена в структурных терминах. Чисто функциональные определения несостоя-

⁵ Трудности в толковании метафоры как переносного выражения могут относиться также к определенным формам афазии [15, 69]. О других способах применения пословиц в психиатрии см. 2, 249—261.

⁶ См. 32. Замечание проф. А. Тейлора было сделано в личной беседе с автором этих строк.

⁷ Приведенные высказывания Б. Дж. Уайтинга взяты из его Введения к работе «Proverbs and Proverbial Sayings» [35, 331]. В названной работе Уайтинг дал обзор различных определений пословицы. Однако его собственное оставляет желать лучшего: «Она обычно коротка, но это не обязательно, она обычно истинна, но не всегда» [34, 273—307].

тельны, так как другие фольклорные жанры могут иметь те же самые функции, что и пословицы. Например, большинство функциональных определений пословицы указывают на ее свойство «обобщать ситуацию» или «рекомендовать определенные действия». Однако повествовательные тексты других жанров фольклора и даже обычная жестикация также могут обладать этими свойствами.

Разумеется, я не отрицаю полезности функциональных исследований, но утверждаю большую необходимость изучения внутренних дифференциальных признаков по сравнению с внешними. Главный вопрос состоит не в том, какую роль играет пословица, а в том, что она из себя представляет.

Кроме того, структурный анализ пословицы явился бы ценным образцом для структурного анализа фольклора вообще. Если фольклор действительно может изучаться структурно, то это должно относиться и к жанру пословиц. Все общие теоретические проблемы, связанные со структурным анализом фольклора, существенны и для пословицы. К числу этих проблем относятся: а) природа основных, или минимальных, структурных единиц; б) вопрос о том, есть ли у этих единиц — а если есть, то в чем оно заключается, — нечто устойчивое (постоянное), или они обладают смысловой делимостью; и, наконец, в) вопрос о том, являются ли единицы анализа реально существующими фактами («божьей истиной»), или же это всего-навсего эвристическая выдумка, мысленный прием, существующий только в воображении исследователя⁸. Огромным преимуществом пословиц по сравнению с народными сказками, мифами или песнями (балладами), несомненно, является относительная простота этого жанра. Вот почему имеет смысл заняться важнейшими теоретическими вопросами структурного анализа фольклора, сосредоточив внимание на сравнительно простой пословице, а не на сложном мифе.

Известно, что в прошлом вопрос о структуре пословицы уже обсуждался и притом неоднократно. Так, в 1947 г. М. М. Киммерле пыталась создать классификацию народных изречений, которая включала бы и пословицы. Однако ее система была слишком тесно связана с лингвистическими, и в частности синтаксическими, формулами [16, 351—366]. Не все из семнадцати категорий Киммерле относились к пословицам, а использование ею таких грамматических признаков, как *сказуемое* — *существительное*, *сказуемое* — *прилагательное* и т. п., свидетельствовало о том, что ее анализ

⁸ О противопоставлении объективного и умозрительного подходов применительно к вопросу о структуре фольклора см. 6, 57.

касался, скорее, поверхностной структуры пословиц, чем глубинной, если пользоваться терминами Н. Хомского⁹. И хотя грамматический анализ пословиц действительно можно произвести, весьма сомнительно, чтобы он сам по себе мог существенно разъяснить структуру пословицы. Дело не в том, обладают или не обладают пословицы языковой (в частности синтаксической) структурой. Раз пословицы сложены из слов, они должны иметь языковую структуру. Вопрос состоит в другом: лежит ли в основании пословиц — помимо языковой и в противовес ей — какая-либо 'фольклорная структура', которую можно было бы выделить особо¹⁰.

Проблема, возникающая в связи с возможным выделением фольклорных структур, которые лежали бы в основе пословиц, непосредственно связана с тем, что именно следует подвергать анализу — пословичный образ, пословичное сообщение или архитектурную формулу-пословицы¹¹. Существует определенное число пословичных архитектурных или композиционных формул. Такова формула «Лучше одно, чем другое» (например, *Лучше поздно, чем никогда; Лучше невредимый, чем несчастный; Лучше согнутый, чем сломанный*). Среди других общих формул можно назвать следующие: «То-то есть то-то» (например, *Сделка есть сделка*); «Нечто никогда не случается» (например, *Лающие собаки никогда не кусают*); «Одно или другое» (например, *Сделай или умри*); а также велелизм: «То-то сказал такой-то, когда он делал то-то» (например, *«Много визгу и мало шерсти», — сказал черт, когда стриг свинью*)¹².

Пословичные архитектурные формулы оказываются относительно независимыми от образа и — хотя в меньшей степени — от сообщения (смысла). *Лучше поздно, чем никогда* далеко не

⁹ Я думаю, что поиски Н. Хомским 'глубинной структуры' в противовес 'поверхностной структуре' по своему духу сходны с фрейдовским противопоставлением 'бессознательного' и 'сознательного' и с юнговским стремлением к 'архетипу'. То же можно сказать и о попытках К. Леви-Стросса выделить парадигматическую структуру, которая лежит в основе различных синтагматических структур (см. об этом 9, XII). Фактически, и Хомский, и Юнг, и Леви-Стросс заняты поисками Всеобщего, в какой бы форме оно ни проявлялось — в форме ли 'глубинной структуры', 'архетипа' или 'бинарно-опозиционной' парадигмы.

¹⁰ О различении 'фольклорной' структуры' и 'структуры языковой' см. 12, 117, сн. 15, 18.

¹¹ Эти три аспекта пословиц были четко выделены М. Кууси [19, 97—104]. См. также работу З. Неймана [25, 130].

¹² В трехчастной структуре велелизма третья часть не обязательна. Велелизм может иметь форму «То-то сказал такой-то» [32, 214—215]. Однако на практике третья часть велелизма обычно присутствует, так как именно она «представляет» первую часть — цитату или пословицу — в новом, и часто юмористическом, свете.

то же самое, что *Лучше быть мышью в пасти кошки, чем человеком в руках законника*, как то утверждает итальянская пословица. Несомненно в содержании обоих приведенных изречений есть нечто общее: их первая часть (назовем ее А) представляется более хорошей, чем вторая (В). Однако смысл сообщения каждого из них совершенно различен. В одной пословице говорится, что индивидуум не должен идти (к юристу), а в другой рекомендуется ему пойти (куда бы то ни было), даже в том случае, если это уже поздно. И так как «не идти» это не то же самое, что «пойти», то их содержание оказывается различным, хотя и охватывается одной общей формулой «Лучше одно, чем другое».

Финский паремиолог М. Кууси также отмечает, что содержательный или информативный аспект пословицы не связан с употребляемым образом [49, 98]. Это значит, что то же или сходное сообщение может быть передано при помощи различных образов. Английская пословица *Укушенный змеей боится веревки* по своему смыслу очень похожа на французскую *Ошпаренная кошка боится даже холодной воды*, и обе они сходны по содержанию с греческой пословицей *Кто обжегся тыкваенной кашей, дует на простоквашу*. Образы различаются, содержание — нет. Таким образом, вопрос относительно структурного анализа состоит в том, что собственно следует анализировать. Турецкая пословица *Нельзя сделать жеребца из осла, отрезав ему уши* сходна по содержанию с английской пословицей *Не сделаешь шелкового кошелька из свиного уха*, хотя образы в них различны. Что же именно должно быть подвергнуто структурному анализу: образ или основная формула «Нельзя сделать того-то из того-то», которая представляется независимой от какого-либо конкретного образа? Я думаю, это должна быть основная конструкция или формула, а не образ. Различные пословичные образы в какой-то мере напоминают различные сказочные типы Аарне — Томпсона. Дело в том, что различия в содержании не обязательно свидетельствуют о существовании соответствующих различий в основной структуре. И так как в основе самых различных сказочных типов Аарне — Томпсона лежит одна синтагматическая модель Проппа, а в основе самых разнообразных мифов южноамериканских индейцев — парадигматическая модель Леви-Стросса, то и паремиологам следовало бы поискать синтагматическую или парадигматическую модель, лежащую в основе пословиц¹³.

Английский филолог Дж. Б. Милнер в своей недавней претенциозной попытке раскрыть природу пословицы сосредото-

¹³ О разнице между синтагматической и парадигматической структурами см. 9, XI—XIII.

вает основное внимание на содержании, а не на форме¹⁴. Дж. Б. Милнер высказал предположение, что пословицы могут быть определены как фольклорные изречения четырехчастной структуры. Согласно теории Милнера, четыре «четверти» (меньшие сегменты) пословицы сгруппированы в две «половины» (большие сегменты), которые «противостоят друг другу и друг друга уравнивают». Первую «половину» Милнер назвал «головой», а вторую «хвостом». Милнер рассматривает слово (или слова) каждой четверти и оценивает их знаком + или знаком —. Так, в пословице *Что быстро созревает, то быстро и портится* Милнер распределяет оценки следующим образом:

+	+	(это означает, что голова
быстро	созревает	оценивается знаком +)
+	—	(это означает, что хвост
быстро	портится	оценивается знаком —)

Милнер говорит, что четверти, из которых состоят половины, могут обе оцениваться знаком плюс (как в *быстро созревает*) или быть противоположными (как в *быстро портится*). Если обе четверти оцениваются знаком + или обе оцениваются знаком —, то значение всей половины будет положительным. Если же четверти противоположны по своей оценке, то половина считается отрицательной. При таком рассуждении любая пословица состоит из положительной или отрицательной головы, за которой следует положительный или отрицательный хвост. Создав эту общую схему, Милнер может отнести каждую отдельную пословицу к одному из шестнадцати возможных классов. Эти шестнадцать классов сводятся к четырем основным. Класс А имеет положительную голову и положительный хвост; класс Б — отрицательную голову и положительный хвост; класс В имеет положительную голову и отрицательный хвост; и класс Г — отрицательную голову и отрицательный хвост. Внутри каждого основного класса конечный результат достигается четырьмя различными способами. Например, в классе А четыре четверти могут соответствовать (по оценкам) любой из следующих четырех схем: + + + +; — — — —; + + — —; — — + +. Подобным же образом членятся и другие основные классы [20, 200—201]. К сожалению, схема Милнера имеет ряд недостатков. Прежде всего, его анализ, по-видимому, не имеет иного назначения, кроме классификации ради нее самой. Не ясно, какую пользу дает отнесение той или иной пословицы к одному из шестнадцати милнеровских классов. Другая пробле-

¹⁴ См. 20, 199—202. Краткое изложение схемы Милнера дано в его статье 21, 379—383. Полное ее описание см. 22, 49—70.

ма связана с предположением Милнера о логическом и фактическом приоритете четырехчастной структуры пословицы. Исходя из этого предположения, Милнер приходит к мысли о том, что пословицы, не содержащие четырех четвертей, представляют собой остатки более ранних и более полных форм. Он говорит: «Вероятно, очень большое число трехчастных, двухчастных и одночастных идиом, употребляемых сегодня, были когда-то четырехчастными и разрушились от постоянного употребления» [20, 202]. Данное утверждение не только игнорирует общеизвестные факты, которые не соответствуют схеме, но и представляет собой пережиток отжившей английской теории, согласно которой предполагается, что существовавшая в прошлом полная оригинальная форма, развиваясь во времени, разрушалась, пока в конце концов от нее остались одни лишь фрагменты ¹⁵. Намек Милнера на то, что основная четырехчастная структура пословиц, в конечном счете, связана с квадратичностью м а н д а л ы Юнга ¹⁶, также чрезвычайно умозрителен.

Однако есть и другие теоретические возражения.

Одним из спорных моментов, признаваемых и самим Милнером, является субъективная природа оценок, даваемых четырьмя составными частями пословицы (т. е. обозначения их знаками + и —). Он сам приводит пример противоположного анализа одной и той же пословицы *Катящиеся камни мохом не обрастают* (Rolling stones gather no moss). Шотландская и английская интерпретации данной пословицы неизбежно влекут за собой различные оценки. Согласно Милнеру, в Англии под словом 'камни' подразумевают камни в ручье, которые редко движутся. Под словом 'мох' понимают богатство, процветание и т. п. Таким образом милнеровская оценка английского понимания пословицы будет выглядеть так:

—	+	
катящиеся	камни	(голова —)
не обрастают	мохом	(хвост —)
—	+	

В Шотландии, однако, говорит Милнер, под словом 'камни' подразумевают овальные гальки, давно отесанные волнами. Такие камни не могут оставаться неподвижными и обрастать мохом. Таким образом, в шотландском варианте и 'катящиеся' и 'камни' получают по плюсу, а 'не обрастают' и 'мох' — по

¹⁵ Обсуждение соответствующей теоретической позиции см. 10, 5—19.

¹⁶ Имеется в виду четырехчастная крестообразная схема, якобы отражающая внутреннюю структуру мира и всего сущего. — *Прим. ред.*

минусу. В целом пословица дает такое распределение плюсов и минусов:

	+		+	
	катящиеся		камни	(голова +)
не	обрастают		мохом	(хвост +)
—	+		—	
	—			

И хотя пословица продолжает демонстрировать четырехчастную структуру, английское и шотландское ее значения включают в себя различные «плюс — минус модели». Но можно ли при таком подходе ставить плюсы и минусы без непосредственной консультации с информантами? И если нет, то нельзя давать никаких оценок частям пословицы, глядя только на текст.

Столь же субъективны и некоторые другие примеры Милнера. Так, он дает следующий анализ пословицы *В Англии мягкие зимы и суровые лета*.

	+	+	
(В Англии)	мягкие	зимы	(голова +)
(и)	суровые	лета	(хвост —)
	—	+	

Милнер помещает эту пословицу в класс В (положительная голова и отрицательный хвост). Между тем, мне кажется, есть все основания спорить по поводу оценки слова 'зимы'. Его скорее следует оценить знаком —, а не +. И дело не просто в том, что Милнер неверно обозначил одну из четвертей, а, скорее, в том, что он оказался жертвой излишне атомистического анализа. Ведь какими бы ни были структурные единицы (части) пословицы, они не могут быть верно определены сами по себе, без учета их отношений с остальными частями пословицы. Ошибка Милнера состоит в попытке оценить плюсом или минусом каждую из четвертей в отдельности, как будто других трех четвертей не существует вообще. Он говорит буквально следующее: «В каждой пословице две четверти имеют не з а в и с и м ы е оценки, которые влияют друг на друга (н о н е о п р е д е л я ю т ч е т в е р т е й д р у г о й п о л о в и н ы. — Выделено мною. — А. Д.)» [20, 200]. На мой же взгляд, нельзя понять структурное значение слова 'зимы' в пословице *В Англии мягкие зимы и суровые лета*, не принимая во внимание слова 'лета'. Ясно, что 'зимы' и 'лета' противопоставлены друг другу (как, впрочем, и слова 'мягкие' и 'суровые'). В этом, по моему мнению, и заключается основная слабость милнеровской схемы.

Какой бы тип анализа мы ни предпочли — синтагматический или парадигматический, и в том и в другом случае невоз-

можно избежать односторонности, ибо нельзя хорошо понять какой-либо структурный элемент, полностью изолировав его от общей синтагматической последовательности или всей парадигмы.

Мой собственный подход к пословице основан на предположении, что существует тесная связь между структурой пословицы и структурой загадки. И хотя нет никакого сомнения, что между этими двумя жанрами имеются серьезные функциональные различия (а именно: загадки ставят в затруднительное положение, тогда как пословицы что-то разъясняют), я думаю, что в структурном отношении у них больше общего, чем различного. Прежде всего, и пословица и загадка зависят от конструкции «тема — толкование»¹⁷. Минимальная пословица или загадка состоит из одного дескриптивного элемента. Иначе говоря, каждая единица состоит из одной «темы» и одного «толкования». Правда, в загадках о смысле дескриптивного элемента надо догадываться, тогда как в пословицах его смысл, как правило, известен и говорящим, и слушающим. И в этом одно из принципиальных различий между пословицами и загадками.

Некоторые ученые обратили внимание на сходство моих предыдущих определений пословицы и загадки, утверждая, что указанное выше различие не является структурным¹⁸. Но я все же думаю, что оно структурное. Последнее хорошо видно на примере «опозитивных загадок». Их разгадка (т. е. их смысл) дает способ разрешить видимое противоречие. В пословицах же, которые также построены на оппозиции, противоречия обычно остаются неразрешенными. Исходная ситуация, которая побуждает употребить пословицу, иногда может, а иногда не может разрешить противоречие, выраженное в пословице. Дело, видимо, в том, что в загадках противоречия бывают обычно не подлинными, а мнимыми, т. е. псевдопротиворечиями. В опозитивных пословицах, напротив, противоречия истинные, и их нелегко разрешить, если вообще можно разрешить.

Ученые уже давно заметили сходство в строении пословиц и загадок. Русский фольклорист Ю. Соколов приводит в качестве примера изречение *Ничего не болит, а все стонет* [31, 285]¹⁹. Если этот текст используется как пословица, он отно-

¹⁷ О конструкции «тема — толкование» см. 5, 37; 12, 113.

¹⁸ Один из этих ученых — Чарлз Т. Скотт (см. 29, 110—127). Критика моей точки зрения содержится также в другой работе Скотта [28]. Независимо от Скотта те же замечания были высказаны Бертелем Натхорстом [24, 128—135].

¹⁹ Приведенный А. Дандисом пример заимствован Ю. М. Соколовым у В. И. Даля. См. «Пословицы русского народа». СПб., 1861, Напутное, с. XX. — *Прим. ред.*

сится к ханже или к нищему. Если же он используется в качестве загадки, то относится к свинье. Однако Соколов ошибается, утверждая, будто пословица превращается в загадку одним изменением интонации. Решающей причиной этого является, конечно, не интонация, а контекст, в котором данное изречение приводится. Если речь идет о лицемере, известном и говорящему, и слушающему, то данный текст фигурирует как пословица. Если же говорящий желает загадать загадку, то он произнесет данный текст по-иному, используя соответствующую (вопросительную) интонационную модель. Контекст и намерение говорящего определяют и интонационную модель, и различия в жанре. При этом интонация — лишь сопутствующий признак, своего рода сигнал и указатель жанра, но не его основа.

Двойственная жизнь текста — и как пословицы, и как загадки — не является, по-видимому, чем-то исключительным. В бирманском фольклоре мы встречаемся с тем же явлением (см. 7, 262). Вот характерный пример: *Кто не знает — перешиagnet, кто знает — выкопает и съест*. Если это загадка, то она означает картофель или другую сельскохозяйственную культуру, растущую под землей. Если же это пословица, то она относится к таким ситуациям, когда кто-то не знает о чем-либо безусловно полезном, находящемся у него под руками, и потому не пользуется им.

Если одни и те же тексты могут употребляться и как пословицы, и как загадки, то в утверждении о близости их структуры нет ничего удивительного.

В этой связи небезынтересно отметить, что в культурах, где отсутствуют или редко употребляются пословицы, не употребляются или почти не употребляются и загадки. Так, индейцы Северной и Южной Америки относительно редко пользуются как пословицами, так и загадками. Интересно, существует ли такая культура, в которой был бы представлен только один из этих жанров? По всей вероятности, наличие одного из них предполагает наличие другого.

Наряду с неопозитивными загадками существуют и неопозитивные пословицы. Примером таких пословиц могут служить изречения, состоящие из одного дескриптивного элемента, вроде *Деньги говорят (сами за себя)* (Money talks). Кстати сказать, в соответствии со структурным определением пословицы как высказывания, состоящего, по меньшей мере, из одного дескриптивного элемента (т. е. из одной темы и одного толкования), теоретически не может существовать пословицы из одного слова. Пословица должна состоять, как минимум, из двух слов. Ко-

нечно, в народной речи встречаются и однословные изречения. Но это не пословицы²⁰.

Прежде чем разбирать оппозитивные пословицы, следует хотя бы бегло остановиться на тех языковых единицах, которые лингвист Кеннет Пайк назвал «определяющими» и «контрастными» (или «оппозитивными») [26, 83]. Подъединицы или аллоединицы таких языковых единиц, как фонемы и морфемы, обладают обоими названными свойствами. Так, например, два аллофона английской фонемы *p*, встречающиеся в словах «*pit*» и «*tir*», имеют общие артикуляционные характеристики (определяющие свойства), но различаются по признаку аспирации (контрастные свойства). В английском языке начальное *p* произносится с придыханием, тогда как конечное *p* — без придыхания (в противоположность этому французское *p* и в начале слов обычно произносится без придыхания). Я не настаиваю на том, чтобы эти важные для лингвистики определяющие и контрастные различия рассматривались в качестве средства для структурного анализа пословиц. Но я убежден, что сложные (многодескриптивные) пословицы наделены аналогичными определяющими и контрастными свойствами. Некоторые сложные пословицы обладают преимущественно определяющими, другие — преимущественно контрастными свойствами, а третьи — и теми и другими.

Кроме того, следует сказать несколько слов о метафоре и ее связи со структурой пословицы. В нашей совместной с Робертом Джорджесом работе, где анализировалась структура загадки, отмечалось, что неопозитивные загадки могут быть как буквальными, так и метафорическими [12, 113]. Иными словами, структура загадки не зависит от характера ее изложения. То же самое, по-видимому, можно говорить о пословицах. Как и загадки, неопозитивные пословицы могут быть и буквальными, и метафорическими. К числу буквальных неопозитивных пословиц относятся, например, следующие английские изречения: *Честность — лучшая политика; Покупатель всег-*

---

²⁰ Сказанное имеет отношение к двум моментам милнеровского анализа. Первое, по Милнеру, получается, что выражение *Деньги говорят*, раз оно является пословицей, представляет собой лишь часть более полной четырехчастной структуры. Но каждому ясно, что это самостоятельное изречение. Я сказал бы, что, хотя и существуют четырехчастные пословицы, никак нельзя утверждать, будто все пословицы вообще имеют (или имели когда-то) такую структуру. Мне кажется, что основной структурной единицей пословицы следует считать конструкцию «тема — толкование», а милнеровская четырехчастная структура, по существу, представляет собой удвоенную структурную единицу. Второе, Милнер утверждает, будто существуют некие «одночастные идиомы». Я же сомневаюсь в возможности существования пословиц, состоящих из одного слова,

да прав; *Поспешишь — даром время потеряешь; Добродетель — сама себе награда; Жизненный опыт — лучший учитель; Благоразумие — лучшая часть доблести.* Некоторые ученые предпочитают называть буквальные пословицы иначе, например афоризмами или максимами. Однако со структурной точки зрения буквальные пословицы сходны с метафорическими.

Если построить воображаемую ось, один конец которой представлял бы определяющие признаки, а другой — контрастные, то пословицы, которые я когда-то назвал «уравнительными», должны будут располагаться на этой оси неподалеку от ее «определяющего» конца²¹. Если же «уравнительность» находит свое эксплицитное выражение в идентичности пословичных частей, как, например, в изречениях *Сделка есть сделка; Дело — это дело; Что прошло, то прошло; Мальчики — это мальчики* или *Довольно, значит, довольно*, то в таких пословицах фактически совсем не содержится контрастных или оппозитивных признаков. Вообще, уравнительные пословицы типа $A = B$ — определяющие, а не оппозитивные. К числу «уравнительных» пословиц относятся: *Время — деньги, Увидеть — значит поверить* и многие из приведенных выше неопозитивных изречений. Пословицы типа «Тот А, тот В», на мой взгляд, представляют собой трансформации основной формулы $A = B$. *Хорошо смеется тот, кто смеется последним* предполагает, что «Смеющийся последним» = «Смеющемуся хорошо». Аналогично *Кто колеблется, тот гибнет* означает, что «Коллеблющийся» = «Гибнущему». Другой трансформацией основной формулы уравнительных пословиц оказываются изречения типа «Где есть А, там есть и В». *Где жизнь, там и надежда* можно свести к тезису, что «Жизнь» = «Надежде». Точно так же пословицу *Где дым, там и огонь* можно сократить до выражения «Дым» = «Огню», а пословицу *Было бы желание, а способ найдется* — до выражения «Желание» = «Способу». (В двух последних примерах постулируется эквивалентность причины и следствия. В одном из них следствие («дым») предполагает причину («огонь»), а в другом причина («желание») ведет к следствию («способу»). Но Причина ли равна Следствию или Следствие равно Причине, уравнительная структура изречений остается той же самой.)

Еще одной трансформацией исходной уравнительной формулы ($A = B$) можно считать изречения, состоящие из двух и более дескриптивных элементов, связанных между собой повторением темы или толкования: *Много голов — много умов*

²¹ См. 5, 37—38. В этой работе, где впервые рассматривались уравнительные пословицы, я ни словом не обмолвился об оппозитивных изречениях.

и *Кто первый пришел, тот первый и получил*. Я думаю, что каждая из таких пословиц без потери смысла может быть записана в форме обычного уравнения. 'Много голов' = 'Много умов', 'Первый пришел' = 'Первый получил'. Любопытно, что в сложных неопозитивных пословицах, как правило, повторяется первый член дескриптивной группы. Например, *Обезьяна видит — обезьяна делает; Красив тот, кто красиво поступает; Ничем не рисковать — ничего не иметь*. Иногда, правда, встречаются изречения, в которых на первый план выступает не равенство частей, а их согласование друг с другом. Таковы: *Живи и жить давай (другим); Смейся и поправляйся, Смотри и учись* и т. п.

Обратимся теперь к оппозитивным пословицам.

В изречениях этого структурного типа можно встретить самые различные формы пословичных противопоставлений. Простейшая из них — отрицание²². Отрицание отвергает определяющее равенство. *Две ошибки не дают истины*. Основная формула подобных изречений — $A \neq B$. В приведенной пословице противопоставление усилено, ибо не только 'ошибка' $\neq$ 'истине', но и 'два' $\neq$ 'одному'. Примерно то же мы видим в пословице *Одна ласточка не делает весны*. Конечно, имеется в виду, что, если бы ласточек было много, это свидетельствовало бы о наступлении весны. Так что здесь имплицитно присутствует и противопоставление 'один' — 'много'. Я считаю, что пословицы, основанные на формулах $A < B$ и $A > B$ (включая сюда и все известные изречения типа «Лучше одно, чем другое»), являются контрастными, а не определяющими. (*Судить*) *после легче, чем (судить) до (события)*. Конечно, 'после' не равно 'до'. Их смысл противоположен. И в этом суть дела. Все пословицы являются утверждениями, содержащими сравнение и/или противопоставление. Сравнение — по самому своему смыслу — направлено на поиски сходных или одинаковых черт в разных вещах, а противопоставление нацелено на установление и подчеркивание различий между ними. В числе других примеров, воплощающих формулу $A > B$, можно привести изречение *Его*

²² Отношение отрицания к 'уравниванию' вообще недостаточно ясно. Например, В. Я. Пропп отметил, что в народных сказках 'приказ' играет роль 'запрета' [9, 27]. То же мы видим и в обычном общении: «Держи глаза закрытыми!» выглядит как приказ, а «Не открывай глаза!» — как запрет. С аналогичными трудностями я встретился при определении 'неравновесия' в повествованиях американских индейцев. П о т о м может быть истолкован и как избыток воды и как недостаток суши! (см. 6, 61—64). Точно так же оппозиции в загадках могут быть образованы и при помощи утверждения, и при помощи отрицания. Роль отрицания в фольклорной структуре должна стать предметом специального исследования.

глаза больше (прожорливее) его брюха и Пальцы старше, чем вилки.

Изучая характер оппозиций, встречающихся в пословицах, невольно склоняешься к мысли об известном параллелизме с оппозициями, обнаруживаемыми в загадках. Предыдущими исследованиями в английских загадках были установлены следующие три типа противопоставлений: 1) антитетическое, 2) привативное и 3) каузальное (см. 12, 114). Каждый из этих трех типов может быть образован либо из утверждения, либо из отрицания. Так, антитетическое противопоставление в загадках может быть выведено из утверждений $A = B$, $A \neq B$ (которые в данном случае служат прекрасной иллюстрацией сочетания определяющих и контрастных признаков) или же из утверждений $A = B$, $A = C$, причем $B \neq C$ [12, 114].

Антитетическое противопоставление можно сравнить с дополнительным распределением в лингвистике. Если у вас есть А, то не может быть В, а если есть В, то не может быть А. (Так, в английском языке фонема *p* в начале слова всегда произносится с придыханием, а без придыхания — никогда. В свою очередь, в конце слова та же фонема представлена аллофоном без аспирации и, за исключением особых случаев, когда ее почему-либо надо выделить, никогда не произносится с придыханием.)

Подобное отношение дополнительного распределения демонстрируют и некоторые пословицы. *Нельзя одновременно съесть пирог и иметь его*. Если у вас есть пирог, значит, вы его не съели. Если же вы съедите его, тогда никакого пирога у вас уже не будет. Таким образом, элементы 'иметь пирог' и 'съесть пирог' взаимно исключают друг друга. Указанная форма оппозитивной пословицы, безусловно, весьма древняя, судя по ее распространенности в Шумере. Рассмотрим следующий шумерский текст:

*Бедняку лучше быть мертвым, чем живым:
Если у него есть хлеб, то нет соли,
Если у него есть соль, то нет хлеба,
Если у него есть мясо, то нет барашка,
Если у него есть барашек, то нет мяса [17, 121].*

Иметь одновременно и мясо, и живого барашка так же невозможно, как иметь пирог, съев его. Другой шумерский пример:

*Кто строит как господин, живет как раб;
Кто строит как раб, живет как господин [17, 125]²³.*

²³ Дж. Б. Милнер приводит ряд примеров, в которых порядок слов во второй половине пословицы является обратным к порядку этих же слов

Очевидно, строить по-господски и в то же время жить по-господски нельзя — эти действия находятся в отношении дополнительного распределения.

Следует заметить, что дополнительное распределение может иметь место и в случаях, когда нет явно выраженного отрицания. *Когда кот уходит, мыши резвятся.* В дополнение к оппозиции 'кот' — 'мыши' (которая связана также с противопоставлением 'один' — 'много') здесь противопоставлены Наличие и Отсутствие. Если кот налицо, мыши отсутствуют; если кот отсутствует, мыши налицо. Иными словами, согласно этой пословице, кот и мыши находятся в отношении дополнительности и не могут быть вместе.

Как мы видели, встречается оппозиция и без явно выраженного отрицания. Однако чаще всего оппозиция основана на прямом отрицании одного из членов. Характерно, что таким членом не всегда бывает глагол, как в случае $A \neq B$. Отрицательным может оказаться как А, так и В ($\bar{A}$ и $\bar{B}$). (В этом отношении Милнер был прав, когда пытался оценить плюсами и минусами составные элементы пословиц. Правда, отрицание в пословице чаще всего выражено явно, и потому нет никакой нужды прибегать к субъективным оценкам, чтобы установить его.) Рассмотрим пословицу *Отсутствие новостей — хорошая новость.* Здесь отрицание содержится в первом дескриптивном элементе. А оппозиция возникает потому, что встает вопрос: «Как отсутствие новостей может быть какой бы то ни было (хорошей или плохой) новостью?» Однако отсутствие новостей может быть хорошей новостью. Таким образом, здесь, как и в пословице про кота и мышей, 'отсутствие' оказывается равным 'наличию'.

В пословицах, состоящих из нескольких дескриптивных элементов, отрицание чаще всего встречается во втором или в последнем из них. Возьмем в качестве примера изречение *Катящиеся камни мохом не обрастают.* Отрицание 'не' находится здесь в сочетании 'не обрастают', т. е. во втором элементе. Тем не менее оно неразрывно связано со словом 'катящиеся' из первого дескриптивного элемента. Если мы рассмотрим эту пословицу в несколько преобразованном виде: «Катящиеся камни — это камни, не обрастающие мохом», тогда сразу станет ясно, что 'перекатывание' камней исключает 'обрастание' их мохом. Если камень катится, он мохом не обрастает, а если он

в первой половине, например, *Кто говорит — не знает, кто знает — не говорит.* Он утверждает, что этот тип с формулой АВВА довольно часто встречается, например, в китайских и африканских пословицах [21, 382].

обрастает им, значит, не катится. Заметим, что подобный анализ сохраняет свой смысл независимо от того, хорошая или плохая вещь мох. Структура более или менее независима от значения, хотя можно с уверенностью сказать, что всегда отыщутся осознанные или неосознанные значения, связанные с данной структурой. Примерно таким же образом 'лаяние' в пословице *Лающие собаки никогда не кусают(ся)* исключает 'кусание'. Отрицательное тождество, соответствующее приведенной пословице, может быть выражено так: «Лающие собаки — это не кусающие(ся) собаки». И хотя пословицы обычно понимаются метафорически, прямой смысл приведенной тоже верен: собаки физически не могут и лаять и кусать(ся) одновременно. Иными словами, 'лаяние' и 'кусание' находятся в отношении дополнительного распределения, так как представляют взаимоисключающие действия. В обобщенном виде описанные отношения можно выразить моделью «То-то никогда (не) то-то», в которой наличие первого переменного элемента подразумевает отсутствие последнего. Так, в пословице *Горшок, за которым наблюдают, не закипает* 'наблюдение за горшком' исключает его 'закипание', а в пословице *Множество поваров портит похлебку* 'множество поваров' не допускает, чтобы сварилась 'хорошая похлебка'²⁴. Есть и другие примеры оппозитивных пословиц, которые содержат противопоставления, удивительно сходные с антитетическими противопоставлениями, встречающимися в загадках. В этом отношении показательна немецкая пословица *Тот, кто правит (страной), должен слышать и быть глухим, должен видеть и быть слепым*. Сочетание 'видеть и быть слепым' очень напоминает загадку о картошке: *Глаза есть, а не видит*.

Существуют также пословицы, содержащие, подобно некоторым загадкам, привативные противопоставления. Речь идет об изречениях, в которых отрицается логическая часть или определение объекта, например, *У толпы много голов, но нет мозгов*. Ср. соответствующую по структуре загадку о спичке: *Голова есть, а думать не может*.

Есть среди пословиц и параллели к загадкам с каузальными противопоставлениями. К ним относятся тексты, в которых нормальный вывод или следствие отрицается. (В числе причинных пословиц, конечно, встречаются неопозитивные изречения, где А просто влечет за собой В, например, *Навык мастера ставит; Поспешить — людей насмешишь; Панибратство порождает*

²⁴ В противовес этому, в уравнительных пословицах начальный элемент представляется эквивалентным последнему. В пословице *Ранняя (т. е. рано встающая) птица ловит червя* 'раннее вставание' = 'червь', а в пословице *Новая метла чисто метет* 'новизна' = 'чистоте'.

презрение и т. п. Но нас сейчас интересуют оппозитивные.) Естественно было бы ожидать, что в оппозитивных каузальных пословицах следствие будет параллельно причине — *Как посеешь, так и пожнешь*. Однако в большинстве пословиц с каузальными противопоставлениями следствие либо отрицается вовсе, либо почитается невозможным. *Можно привести лошадь к воде, но нельзя заставить ее пить*. Если привести лошадь к воде, можно надеяться, что ее удастся напоить. Пословичная оппозиция является результатом контраста между тем, что может, и тем, что не может быть сделано. Привести лошадь к воде 'можно', но заставить ее пить 'нельзя'. И это снова напоминает известную всем загадку *Что ходит к ручью и пьет и не пьет?* (ответ: Корова и колокольчик). В качестве других примеров пословиц с каузальными противопоставлениями назову: *Нельзя быть в двух местах одновременно; Не сделаешь шелкового кошелька из свиного уха; Из репы крови не выжмешь*. В этих и подобных пословицах А не может производить или порождать В.

Другая форма каузального противопоставления, встречающегося в пословицах, демонстрирует возможность необоснованного помещения следствия перед причиной. Внешне это выражается в нарушении временной последовательности элементов А и В. Вот некоторые примеры такого рода: *Не запирай конюшню после того, как украли лошадь; Не ставь телегу впереди лошади; Не считай цыплят, пока они не вылупились; Сначала поймай медведя, а уже потом продавай его шкуру*.

Пытаясь установить различия между определяющими и контрастными свойствами пословиц, а также между оппозитивными и неопозитивными типами изречений, следует иметь в виду, что не все пословицы четко укладываются в одну из названных категорий. Как уже отмечалось, некоторые пословицы обладают одновременно и определяющими, и контрастными признаками. Еще Э. Вестермарк в своем замечательном вступлении к книге пословиц, собранных им в Марокко, отметил, что одни пословицы содержат по два и более параллельных утверждения, тогда как другие включают в себя антитезы или противопоставления. Относительно последнего типа Вестермарк сказал, что в нем могут противостоять друг другу как субъекты, так и предикаты, а также и те и другие вместе [33, 5—6]. Я целиком согласен с выводами Э. Вестермарка, только я заменил бы его термины 'субъект' и 'предикат' на 'тему' и 'толкование'. И я подчеркнул бы его предположение, что параллели и противопоставления могут наблюдаться в одной и той же пословице. Кроме того, я сказал бы, что для пословичного жанра вообще характерно одновременное наличие определяющих и контрастных признаков.

По-видимому, наиболее распространенным способом построения оппозиций в пословицах является использование одной или большего числа традиционных семантических пар. В английском языке к ним относятся:

один — два	легко — трудно
мало — много	всегда — никогда
молодой — старый	хорошо — плохо
старый — новый	черный — белый
малый — большой	до — после
слабый — сильный	сегодня — завтра
худший — лучший	жизнь — смерть.

Само собой разумеется, что этот список неполон. Кроме того, надо заметить, что ни один член какой-либо из этих пар не может считаться лучшим. Так в паре 'один — два' иногда предпочитается первый член ('один'), а иногда второй ('два'). Во многих пословицах с формулой $A > B$ можно найти утверждения типа «Одно A лучше, чем два B »: *Один час сна до полуночи лучше, чем два часа после нее*. Однако с таким же успехом среди них можно встретить и утверждения, что «Два A лучше, чем одно»: *Две головы лучше одной*. (Иной раз попадаются изречения, в которых 'один' = 'двум'. Такова, например, пословица *Одна птица в руках стбит двух в кустах*. Правда, здесь на «сглаживание» количественного неравенства влияет противопоставление 'в руках' и 'в кустах'.)

Благодаря использованию такого рода пар в каузальных пословицах усиливается контраст между причиной и следствием. Например, в пословице *От маленькой искры разгорается большой огонь* противопоставлены не только 'искра' и 'огонь', но также 'маленький' и 'большой'. Та же оппозитивная пара обнаруживается в пословице *Большие дубы из маленьких железудей вырастают*. Иная пара противопоставлений использована в пословице *И черная курица несет белые яйца*. Но принцип оппозиции и здесь тот же самый.

Некоторые пословицы строятся и как оппозитивные и как неопозитивные одновременно. Таковы, например, уравнивательные пословицы *Что для одного пища, то для другого яд*, в которой 'пища' (т. е. жизнь) = 'яду' (т. е. смерти), и *Унция предупреждения стоит фунта лечения*, в которой 'унция' = 'фунту'. Уравнивательная структура этих изречений обуславливает их определяющий характер, однако их структурный остов содержит элементы, противопоставленные друг другу. Еще один пример: *Легко нажито — легко (и) прожито*. 'Нажито' и 'прожито' находятся в оппозиции, но двойное упоминание элемента 'легко' свидетельствует об идентичности обеих частей пословицы. Такого же типа комбинация встречается

ся в изречении *Немного выиграешь — немного (и) потеряешь*. Можно сказать, что в таких пословицах оппозиция существует не только между противоположными членами семантических пар (нажито — прожито, выиграть — потерять), но и между наличием идентичности и наличием контраста внутри самих пословиц!

Более четкой оппозитивной структурой обладают многодескриптивные пословицы, в которых и темы, и толкования оказываются противопоставленными членами семантических пар. *Дух крепок, а тело немощно* (дух — тело, крепок — немощно); *Человек предполагает, а бог располагает* (человек — бог, предполагает — располагает); *Последним нанят, первым уволен* (последний — первый, нанят — уволен); *Нынче здесь, завтра там* (нынче — завтра, здесь — там); *Умен на пени, а глуп на фунт* (умен — глуп, пени — фунт); и т. д. В изречении *Много званых, да мало избранных* 'много' противопоставлено 'мало', а 'званные' — 'избранным'.

Из всего сказанного можно видеть, что между противопоставлением и непротивопоставлением элементов в пословицах нет резкой грани, но существует постепенный переход от одного типа отношений к другому. Существует ряд конструкций, дескриптивные элементы которых параллельны друг другу и не находятся в оппозиции: *Много голов — много умов*; *Кто первый пришел, тому первому (и) подали*. Можно подобрать ряд изречений, в которых тема и толкование параллельны или идентичны элементу, находящемуся в оппозиции: *Легко пришло — легко (и) ушло*. И, наконец, есть большое число пословиц, в которых и темы, и толкования противопоставлены друг другу: *Последним нанят, первым уволен*.

Одно из самых ярких различий между членами однородных рядов и членами оппозиций проявляется в разнице между пословицами типа *Смотри и учись!*, с одной стороны, и пословицами типа *Сделай или умри!* — с другой. Между 'смотрением' и 'учением' нет ни оппозиции, ни противоречия. Напротив, 'смотреть' — это значит 'учиться'. Но 'делание' и 'умирание' находятся в оппозиции. 'Не сделать' — значит 'умереть', а 'умереть' — значит 'не сделать'. То же относится к изречениям *Утону или выплыву*; *Расскажи или исчезни* и многим подобным им. В пословицах с альтернативной структурой члены находятся в отношении дополнительного распределения, т. е. взаимно исключают друг друга. И, как уже отмечалось, дополнительное распределение в пословицах представляет собой самую сильную форму оппозиции.

Подводя итоги, можно сказать, что пословицы — это традиционные фольклорные высказывания, состоящие по крайней

мере из одного дескриптивного элемента, который, в свою очередь, состоит из темы и толкования. Это означает, что пословицы слагаются как минимум из двух слов. Пословицы, состоящие из одного дескриптивного элемента, являются неопозитивными. Пословицы, имеющие в своем составе два дескриптивных элемента и более, могут быть как неопозитивными, так и опозитивными. *Каков отец, таков и сын* — пример двухэлементной неопозитивной пословицы; *Мужчина работает от зари до зари, а женская работа вообще не кончается* — пример двухэлементной же, но опозитивной пословицы ('мужчина' — 'женщина', 'конечная работа' — 'бесконечная работа'). В неопозитивных многоэлементных пословицах подчеркиваются определяющие признаки; чаще всего для этого используется уравнительная форма или ряд однородных членов. В опозитивных пословицах выделяются контрастные признаки, и для этого используется форма отрицания или расположение членов в порядке дополнительности. Некоторые пословицы обладают и определяющими, и контрастными признаками одновременно. Способы создания оппозиции в пословицах удивительно похожи на те, при помощи которых создается оппозиция в загадках. Однако если в загадке противоречие разрешается ответом, то опозитивная пословица сама как бы служит ответом на определенную ситуацию и потому лишь отмечает имеющиеся в этой ситуации противоречия, но не разрешает их.

Данный выше анализ, конечно, является предварительным и нуждается в экспериментальной проверке на материале разных культур. Это тем более существенно, что пословичный жанр принадлежит не какой-либо одной культуре, но свойствен большинству их. А это значит, что определение пословицы также должно носить межкультурный характер и удовлетворять условиям всех культур, в которых зарегистрирован жанр. Одно из возможных направлений дальнейшего исследования пословиц, вытекающее из описанного анализа, касается различения ойкотипов [8, 219—220; 3, 220]. Одинаковы ли структурные типы пословиц в разных культурах? Может быть, некоторые культуры имеют уравнительные пословицы, состоящие из одинаковых слов, вроде *Достаточно — значит достаточно*, а другие их не имеют? Возможны также смысловые ойкотипы пословиц. Но во всех ли культурах, имеющих пословицы, существует противопоставление элементов, выражающих время и количество?

Вполне вероятно, что предыдущее обсуждение основывается на слишком ограниченном материале и что изучение африканских и азиатских пословиц потребует значительного пересмотра критериев, указанных выше. И так как пословицы в логичес-

ком смысле являются утверждениями, желательно также, чтобы они изучались с привлечением символической логики и связанных с нею дисциплин.

Пока же я нахожу подтверждение своих взглядов о важности оппозитивной структуры пословиц в двух известных «определениях» этого жанра. Одно из них принадлежит Сервантесу. Он сказал, что пословицы — это «короткие изречения, выведенные из долгого опыта». Другое, не менее замечательное и также построенное на противопоставлении, дал Бертран Рассел. По его словам, пословицы представляют «мудрость многих и остроумие одного».

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Arewa Ojo E., Dundes Alan. Proverbs and the Ethnography of Speaking Folklore.— «American Anthropologist», LXVI (6), pt 2, 1964.
2. Baumgarten Franziska. A Proverb Test for Attitude Measurement.— «Personnel Psychology», 5, 1952.
3. Bødker Laurits. Folk Literature (Germanic).— International Dictionary of Regional European Ethnology and Folklore, vol. 11. Copenhagen, 1965.
4. Bonser Wilfred and Stephens T. A. Proverb Literature: A Bibliography of Works Relating to Proverbs. London, 1930.
5. Dundes Alan. Trends in Content Analysis: A Review Article.— «Midwest Folklore», 12, 1962.
6. Dundes Alan. The Morphology of North American Indian Folktales. FFC № 195. Helsinki, 1964.
7. Dundes Alan. Texture Text, and Context.— «Southern Folklore Quarterly», 28, 1964.
8. [Dundes Alan, ed.] The Study of Folklore. Englewood Cliff, 1965.
9. Dundes Alan. Introduction to the Second Edition.— Vladimir Propp. Morphology of the Folktale. Austin, Texas, 1968.
10. Dundes Alan. The Devolutionary Premise in Folklore Theory.— «Journal of the Folklore Institute», 6, 1969.
11. Elmore Clyde M. and Gorham Donald R. Measuring the Impairment of the Abstracting Function with the Proverb Test.— «Journal of Clinical Psychology», 13, 1957.
12. Georges Robert A. and Dundes Alan. Toward a Structural Definition of the Riddle.— «Journal of American Folklore», 76, 1963.
13. Gorham Donald R. Use of Proverbs Test for Differentiating Schizophrenics from Normals.— «Journal of Consulting Psychology», 20, 1956.
14. Hain Mathilde. Sprichwort und Volkssprache: Eine volkswundliche-soziologische Dorfuntersuchung.— «Giessener Beiträge zur deutschen Philologie», H. 95, Giessen, 1951.
15. Jakobson Roman and Halle Morris. Fundamentals of Language. The Hague, 1956.
16. Kimmerle Marjorie M. A Method of Collecting and Classifying Folk Sayings.— «Western Folklore», 6, 1947.
17. Kramer Samuel Noah. History Begins at Sumer. New York, 1959.

18. Kuusi Matti. Parömiologische Betrachtungen. FFC № 172. Helsinki, 1957.
19. Kuusi Matti. Ein Vorschlag für die Terminologie der parömiologischen Strukturanalyse.— «Proverbium», № 5, 1966.
20. Milner G. B. What is a Proverb? — «New Society», 332, February 1969.
21. Milner G. B. Quadripartite Structures.— «Proverbium», № 14, 1969.
22. Milner G. B. De l'armature des locutions proverbiales: Essai de taxonomie sémantique.— «L'Homme», 9, 1969.
23. Mollotto E. Sprichwörterbibliographie. Frankfurt am Main, 1958.
24. Nathhorst Bertel. Genre, Form and Structure in Oral Tradition.— «Temenos», 3, 1968.
25. Neumann Siegfried. Zur Terminologie der parömiologischen Strukturanalyse.— «Proverbium», № 6, 1966.
26. Pike Kenneth L. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behaviour, pt 1. Glendale, California, 1954.
27. Raymond Joseph. Attitudes and Cultural Patterns in Spanish Proverbs.— «The Americas», 11, 1954.
28. Scott Charles T. Persian and Arabic Riddles: A Language — Centered Approach to Genre Definition. Research Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics, Indiana University, 39. Baltimore, 1965.
29. Scott Charles T. Some Approaches to the Study of the Riddle, Studies in Language, Literature, and Culture of the Middle Ages and Later, ed. E. Bagby Atwood and Archibald A. Hill. Austin, Texas, 1969.
30. Shimkin D. B. and Sanjuan Pedro. Culture and World View: A Method of Analysis Applied to Rural Russia.— «American Anthropologist», 55, 1953.
31. Sokolov Y. M. Russian Folklore. New York, 1950.
32. Taylor Archer. The Proverb. Hatboro, Pennsylvania, 1962.
33. Westermarck Edward. Wit and Wisdom in Morocco: A Study of Native Proverbs. London, 1930.
34. Whiting B. J. The Nature of the Proverb.— «Harvard University Studies and Notes in Philology and Literature», 14, 1932.
35. Whiting B. J. Proverbs and Proverbial Sayings. Introduction in «The Frank C. Brown Collection of North Carolina Folklore», vol. I. Durham, North Carolina, 1952.

М. А. Черкасский

**ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ОДНОЙ ЧАСТНОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
(пословицы и афоризмы) ***

Общеизвестные истины и есть наиболее любопытные истины, и часто они вовсе не истины, а бывшие сложности, от которых отмахнулись.

Даниил Гранин

Возникновение семиотики как особой науки неразрывно связано с идеей множественности знаковых систем. В свою очередь, эта идея естественным образом породила проблему классификации знаковых систем и установления различных отношений между ними. В частности, оказалось, что всякий текст (в широком смысле — синтагматика знаков любой природы) в семиотическом отношении является многоярусным, — даже если элиминировать из него знаковую субстанцию, которая не передает информации, специфической для данной системы (например, лингвистическое выполнение — для поэтики, религии и т. п.) (ср. 1). Кроме поверхностной структуры, текст обладает также и некоторой глубинной структурой, составляющей, по крайней мере в некоторых случаях, то, что в обиходном языке называется «подтекстом».

Поверхностная структура текста манифестирует его глубинную структуру. Поскольку это так, мы должны допустить, что, во-первых, между этими двумя структурными ярусами существует какая-то закономерная связь, во-вторых, что поверхностная структура является производной от глубинной структуры, т. е. порождается ею, и в-третьих, что существуют

---

* Настоящая статья была опубликована в «Филологическом сборнике» Министерства высшего и среднего специального образования КазССР, вып. VIII—IX. Алма-Ата, 1968. Публикация была сверена и исправлена по сохранившемуся оригиналу.

какие-то правила перехода от глубинной структуры к поверхностной (или, в случае анализа, от поверхностной структуры к глубинной).

Цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы на примере одной частной семиотической системы исследовать природу взаимоотношения между глубинной и поверхностной структурами текста и механизм перехода от глубинной структуры к поверхностной, т. е. построить функциональную модель этой системы. Поскольку в наблюдении нам дана лишь поверхностная структура текста, наша модель имеет ретроспективный характер: исходя из знания конечного результата процесса, мы пытаемся воспроизвести его начальный и промежуточные этапы.

1. ОБЪЕКТ МОДЕЛИРОВАНИЯ

1. 0. Материалом исследования для нас служат малые литературные формы (фольклорные или авторские), обычно называемые «пословицами». Мы предпочитаем пользоваться для их родового обозначения редко употребляемым, хотя и не новым термином *п а р е м и я*, так как, кроме собственно пословиц, т. е. паремий, обладающих образной мотивировкой значения (*Лучше синица в руке, чем журавль в небе*), сюда относятся также и афоризмы (в узком смысле), т. е. паремии, обладающие прямой мотивировкой значения (*Лучше меньше, да лучше*) (ср. 2).

¶1.1. *П а р е м и я* — это минимальная единица надъязыкового семиотического яруса¹, обладающая свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности.

1.1.1. Понятие *н а д њ я з ы к о в о г о* семиотического яруса противостоит, с одной стороны, понятию неязыковых семиотических ярусов, а с другой стороны — понятию языкового яруса. Надъязыковой семиотический ярус отличается от неязыковых (музыки, изобразительных искусств, пантомимы и др.) тем, что составляющие его знаковые системы базируются непосредственно на естественном языке. Кроме паремиологии, сюда относятся: мифология, художественная литература, словесная сторона этикета и ритуалов и т. п. Противопоставление же надъязыкового семиотического яруса языку основано на том, что одноименные семиотические планы и аспекты² этих

¹ В отличие от термина «уровень», обозначающего элемент внутренней иерархии какой-либо одной семиотической системы (например, уровень фигур и уровень знаков), термином «ярус» мы обозначаем элемент внешней иерархии самих знаковых систем.

² Под семиотическими *п л а н а м и* мы подразумеваем «означающее» и «означаемое» (т. е. выражение и содержание) знаков, под семиотическими *а с п е к т а м и* — их субстанцию и форму.

ярусов взаимно смещены. Все то, что для языкового яруса составляет план выражения и план содержания в их субстанциональном и формальном аспектах, — короче, вся лингвистическая реализация данной семиотической сущности — для систем надязыкового яруса (в том числе для паремиологии) сосредоточено в области субстанции выражения. Поскольку же мы согласны с тем известным положением, что любая знаковая система как таковая — это форма, а не субстанция, мы должны признать, что лингвистическая реализация паремий к самой паремиологии не относится. В этом именно смысле паремиология целиком принадлежит надязыковому ярусу, хотя материально всякая пословица или афоризм есть предложение, т. е. манифестируется в определенной лингвистической сущности.

1.1.2. Термином *клишированность* мы обозначаем свойство того или иного текста восприниматься глобально, как существующее в готовом виде конструктивное и семантическое целое, воспроизводимое без существенных изменений в соответствующих коммуникативных ситуациях.

1.1.3. Свойство *афористичности* подразумевает способность высказывания восприниматься как имплицитно содержащее более широкую информацию, чем та, которая эксплицитно выражена непосредственно в его тексте. Эта способность опирается на сеть сложных ассоциативных отношений, выходящих за пределы лингвистического контекста. Так, например, для любого носителя русской паремиологии совершенно очевидно, что смысл пословицы *Мал золотник, да дорог* отнюдь не сводится к констатации того частного факта, который в явном виде выражен в тексте. Еще пример. Если «развернуть» информацию, содержащуюся в пословице *Любишь кататься — люби и саночки возить*, то мы получим приблизительно следующую цепочку высказываний, прямо не связанных с самим текстом данной паремии:

1. Пользоваться благами — приятно;
2. Прилагать усилия — неприятно;
3. Однако пользоваться благами, не прилагая усилий, — невозможно (или неэтично);

4. Поэтому, если «приятность» пользования благами более существенна, чем «неприятность» прилагать усилия, следует примириться с последней во имя достижения первой.

Таким образом, одно и то же высказывание, рассматриваемое в плоскости языкового яруса и в плоскости яруса паремиологического, оказывается носителем совершенно разных функциональных нагрузок. В первом случае оно представляет собой знак некоторой индивидуальной ситуации, во втором же

случае оно функционирует как знак класса ситуаций, с которыми данная частная ситуация связана лишь по ассоциации.

1.1.4. Свойство сентенциозности (правоучительности) состоит в том, что всякая паремия содержит, кроме «фактической», также и оценочно-этическую информацию. Выше говорилось о том, что паремия — знак класса ситуаций. Но среди признаков, по которым могут классифицироваться ситуации, наиболее существенным с точки зрения уровня мировосприятия, отраженного в паремиологии, является, по-видимому, признак «добро — зло», оценивающий данную ситуацию как «хорошую» или «плохую». Разумеется, этот признак релевантен только для таких ситуаций, которые способны вызвать некоторую (положительную или отрицательную) эмоциональную реакцию человека. Если при этом факторы, определяющие выбор эмоциональной оценки, имеют социально-этическую природу, мы будем говорить, что соответствующее высказывание обладает свойством сентенциозности. Характерно, что в большинстве паремий так или иначе трактуются «плохие» ситуации. По-видимому, роль этических норм в основном сводится к коррекции социальных «шумов», и поэтому сами нормы часто представляют собой не положительные предписания, а запреты (ср. библейские: «не укради», «не убий» и т. д.).

1.2. Указанные выше свойства отнюдь не являются исключительной принадлежностью паремий. Каждое из этих свойств в отдельности и в любых сочетаниях с другими свойствами присуще очень широкому кругу текстов. Так, свойством клишированности обладает любой фиксированный текст, независимо от его объема и содержания (например, лозунг, формула, литературное произведение), поскольку он может быть точно воспроизведен либо путем прямого копирования (переиздание, репродуцирование любым способом), либо путем однозначного перекодирования (чтение вслух или «про себя», цитирование, декламация наизусть и т. д.). Большая часть таких текстов при этом описывает некоторые классы ситуаций и, следовательно, обладает свойством афористичности или обобщенности (ср., например, ситуации класса «Ромео и Джульетта», послужившие основой множества литературных сюжетов). И, наконец, многие из таких текстов имеют более или менее выраженное социально-этическое содержание, т. е. обладают свойством сентенциозности (подавляющее большинство произведений художественной литературы, а также юридические формулы, предписания этикета, кодексы и т. п.).

Специфика паремий, таким образом, не абсолютна. Она заключается в том, что паремии суть минимальные тексты, обладающие всем комплексом указанных свойств, в том,

что они с п е ц и а л и з и р о в а н ы в качестве носителей этих свойств, а главное — в тех особенностях с е м и о т и ч е с к о й природы паремий, которые вытекают из этих свойств. Указанные особенности проявляются в характере информативности, семиотической структуры и семантической мотивации паремий. Остановимся на этом несколько подробнее.

1.2.1. Так как всякая паремия есть клише, любой элемент ее текста полностью предсказуем и потому сам по себе не несет никакой информации. Информативным является не текст паремии «внутри себя», а лишь в ы б о р данной паремии как целого и ее использование в определенной ситуации³. Этот выбор относит данную ситуацию к некоторому ситуативному классу, знаком которого и служит соответствующая паремия. С другой стороны, именно указанная знаковая функция паремий составляет предпосылку для их кристаллизации в виде клише.

1.2.2. Поскольку паремия функционирует глобально, внутренняя семантическая мотивация ее текста в синхронии избыточна. Вместе с тем всякая паремия обладает определенной в н е ш н е й мотивацией. Такая мотивация осуществляется в виде ассоциаций, связывающих индивидуальную ситуацию, эксплицитно выраженную в тексте паремии, с соответствующим ситуативным классом, «образ» которого заранее существует в тезаурусе (т. е. запасе априорной информации)⁴ носителей данной паремиологической системы. Вне соотношения со строго определенным по своему составу тезаурусом паремия в принципе немыслима. Именно поэтому многие паремии являются таковыми только для «посвященных»; все остальные воспринимают их лишь как частные речевые высказывания.

1.2.3. Из предыдущего должно быть ясно, что семиотическая структура паремии складывается из двух компонентов, в определенном смысле противостоящих друг другу: семиотического ф о к у с а, воплощающего ту информацию, которая эксплицитно выражена в тексте паремии, и семиотического ф о н а, содержащего информацию, которая лишь имплицитно присутствует в паремии. Однако «фокусная» и «фононая» информация — это не механически соположенные составляющие общего информационного объема паремии. «Фокусная» информация в конденсированном виде представляет всю информацию, содержащуюся в паремии. Если мы найдем отношение информационного объема фона (I_F) к информационному объему фокуса (I_f), то тем самым определим величину компрессии или, что то же самое, с т е п е н ь а ф о р и с т и ч н о с т и

³ Ср. с отношением между семантикой и мотивацией слова.

⁴ О понятии тезауруса см. 3.

(А) паремии: $A = \frac{I_F}{I_f}$. Приняв далее информационный объем фокуса (I_f) за единицу, мы упростим формулу таким образом, что мерой афористичности паремии будет служить непосредственно информационный объем фона (I_F): $A = I_F$. В свою очередь, информационный объем фона определяется числом шагов порождения паремии (см. ниже).

1.2.4. Весьма существенно, что одна и та же «фоночная» информация может быть репрезентирована в целом ряде различных фокусов, воплощенных в паремиологических текстах, отличающихся друг от друга как своим предметно-образным наполнением, так и лингвистической реализацией. Это обстоятельство побуждает обратиться к вопросу об инвариантности и вариативности в паремиологии. Анализ паремиологического материала обнаруживает определенную иерархию ступеней инвариантности. Каждая такая ступень характеризуется, во-первых, содержанием того инвариантного свойства, которое принимается за основание для обобщения (классификации) паремий, и во-вторых, той степенью обобщения, на которой данное инвариантное свойство проявляется.

Множество паремий, служащих знаками одного и того же класса ситуаций, тем самым воплощает в себе некоторый ситуативный инвариант. По отношению к нему частные ситуации, выраженные в отдельных паремиях, представляют собой варианты. Ниже приводятся примеры некоторых ситуативных классов паремий с указанием их инвариантных значений:

I. Инвариантное значение: «Реальная польза важнее, чем абстрактный престиж»; например:

Лучше синица в руке, чем журавль в небе;

Лучше живой осел, чем мертвый лев.

II. Инвариантное значение: «Честность (душевное благополучие) важнее, чем выгода (материальное благополучие)»:

Заработанный ломоть лучше, чем краденый каравай;

Хоть в латаном, да не в хватаном.

III. Инвариантное значение: «Нравственное достоинство важнее, чем физическая безопасность (в предельном случае — важнее, чем жизнь)»; например:

Лучше рана на теле, чем позор;

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

IV. Инвариантное значение: «Принадлежность к „своему“ (клану, имуществу) важнее, чем практическая полезность или абстрактный престиж»; например:

Чужого не надо, хоть плохонькое, да свое;

Ближняя хаянка лучше дальней хваленки.

При всем различии инвариантных значений приведенных ситуативных классов у них легко прослеживается нечто общее, что составляет инвариантное свойство более высокого порядка. Это, с одной стороны, единая ситуативная схема: попарная игра трех начал, которые можно сопоставить с фрейдовской триадой «Оно» — «Я» — «сверх-Я»; мы предпочитаем обозначать эти категории как «эмоциональное» (привлекательное — отталкивающее, свое — чужое, внушительное — незначительное), «прагматическое» (полезное — бесполезное, богатство — бедность) и «этическое» (честь — бесчестье, благородство — низость). С другой стороны, во всех этих классах прослеживается одна и та же логическая схема. Указанные начала сочетаются в своих полярных проявлениях: одно — в положительном (оптимум), а другое — в отрицательном (пессимум) или наоборот, причем между этими сочетаниями устанавливается отношение предпочтения (предпочтительности); например, «полезное, хотя и незначительное, предпочтительнее, чем бесполезное, хотя и значительное»; «честный, хотя и бедный, предпочтительнее, чем нечестный, хотя и богатый»; «нравственное достоинство, хотя и сопряженное с физическим страданием (или даже со смертью), предпочтительнее, чем унижение, хотя и обеспечивающее физическое благополучие», и т. п. Поскольку даже в «более предпочтительной» части любого из приведенных сопоставлений непременно присутствует — явно или неявно — пессимальное значение одного из параметров («честный, но бедный», «свой, но плохонький» и т. п.), — логический инвариант, воплощенный в этих паремиях, может быть сформулирован, как «Выбор меньшего зла». Указанный логический инвариант характеризует собой весьма широкий круг паремий. Наряду с приведенными выше ситуативными классами в него включаются также и ситуативные классы, построенные по совершенно другим параметрам, таким, например, как «богатство — здоровье» (*Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным*), «качество — количество» (*Лучше меньше, да лучше*), «благополучие материальное» (физическое) — «благополучие душевное» (*В тесноте, да не в обиде*) и др.

Разумеется, сам выбор «более предпочтительного» и «менее предпочтительного» в значительной мере обусловлен социально-психологическими установками той среды, которая породила и использует данную паремию, а также соответствующей ситуацией. Поэтому в любой паремиологической системе можно найти прямо противоположные суждения по одному и тому же поводу: ср., с одной стороны, — *Здоровье всему голова*, с другой — *Богатому завсё праздник*, и, наконец, компромиссное: *Здоровье всего дороже, да и деньги тоже*. Но эти различия касаются лишь

вещественного содержания паремий и никак не затрагивают их логической структуры. В свою очередь описанный логический класс может быть включен в еще более широкий круг паремий, который мы назовем логическим надклассом, характеризующимся общим инвариантным значением: «Альтернатива двух благ». Наряду с рассмотренным выше, в этот надкласс входит целый ряд других классов, представленных такими паремиями, как, например: *Любишь кататься, люби и саночки возить*; *Не по хорошу мил, а по милу хорош*; *Мал золотник, да дорог* и др. Однако в настоящей статье мы ограничимся рассмотрением логического класса «Выбор меньшего зла» и именно для него попытаемся построить функциональную модель.

2. АППАРАТ ФОРМАЛИЗАЦИИ

2.1. Для формализованной записи логической структуры паремий мы используем при построении модели обычную символику:

$x \wedge y$ или xu — конъюнкция (логическое умножение); читается: « x и y »;

$\bar{x}$ — отрицание; читается: «не x » или «неверно, что x »;

$x = y$ — равнозначность; читается: « x равнозначно y »;

$x \rightarrow y$ — импликация; читается « x влечет y »;

2.2. В дополнение к указанным введем еще три символа для обозначения операций, связанных с сентенциозным характером паремий (см. 1.1.3). Поскольку эти символы (в данном значении) не общеприняты, они требуют пояснения.

2.2.1. $x > y$ — преференция; читается: « x предпочтительнее (лучше, важнее), чем y ». Левый член преференции обозначим термином *оптимум*, а правый — термином *пессимум*. Если преференция многочисленная, например: $(x > p > q > \dots > y)$, то средние члены обозначим как *меды* — соответственно 1-й, 2-й и т. д. ступеней. Отношение преференции обладает теми же алгебраическими свойствами, что и его формальный аналог — математическое отношение неравенства (чем и оправдан выбор знака). Из них для нас существенны свойства:

$$1) x > y \neq y > x;$$

$$2) [(x > y) \wedge (y > z)] \rightarrow (x > z);$$

$$3) [(x > y) \wedge (p > q)] \rightarrow [(x \wedge p) > (y \wedge q)];$$

$$4) (x > y) \rightarrow [(x \wedge p) > (y \wedge p)].$$

2.2.2. $x \sqsubset u$ — концессия; читается: «х, хотя и u»;
 $u \sqsubset x$ — адверсия; читается: «u, но х».

2.2.2.1. Отношения адверсии и концессии составляют отдельную весьма интересную логико-лингвистическую проблему. Однако ее обсуждение выходит за пределы нашей темы. Здесь мы коснемся только того случая, когда адверсия и концессия «накладываются» на отношение преференции. В этом случае (но вообще далеко не всегда) адверсия и концессия представляют собой по существу две взаимно инверсированные формы одного и того же отношения; иначе говоря, для нашего случая справедливо, что:

$$x \sqsubset u = u \sqsubset x$$

В сказанном легко убедиться, сопоставив, например, два следующих высказывания:

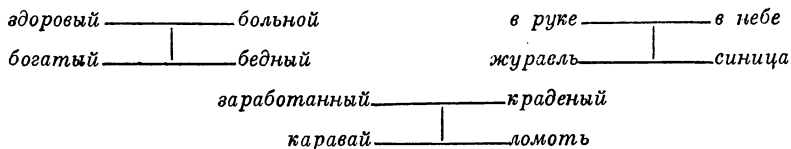
- 1) «Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным»;
- 2) «Лучше быть здоровым, хотя и бедным, чем больным, хотя и богатым».

Совершенно очевидно, что значение приведенных высказываний идентично. Это дает нам основание в дальнейшем говорить о едином отношении адверсии — концессии.

При формально-логическом подходе отношение адверсии — концессии можно рассматривать как частный случай отношения конъюнкции. В самом деле, если в приведенных выше высказываниях союзы *но* и *хотя и* заменить союзом *и*, то основной смысл этих выражений не изменится:

- 1) «Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным»;
- 2) «Лучше быть здоровым и бедным, чем больным и богатым».

Вместе с тем несомненно, что при такой замене некоторая специфическая информация («оттенок значения») утрачивается. Именно эта часть информации для нас весьма существенна, ибо она тесно связана с отношением преференции, на котором основан рассматриваемый нами класс паремий. Как уже отмечалось выше, в каждой из паремий этого класса сопоставляются по две комбинации из двух противоположных значений (а, $\bar{a}$; б, $\bar{b}$) некоторых двух параметров (А, В). Как разнице значения каждого из параметров, так и сами эти параметры находят-ся между собой в отношении преференции.

В этих схемах слева изображены оптимальные значения параметров, а справа — пессимальные: «быть здоровым лучше, чем быть больным», «быть богатым лучше, чем бедным» и т. д.; в то же время в верхней части схемы изображен более существенный параметр, а в нижней части — менее существенный: «соображения здоровья / нездоровья важнее, чем соображения богатства / бедности», «соображения доступности / недоступности чего-либо важнее, чем соображения его значительности / незначительности» и т. д. В общем виде эти отношения можно было бы изобразить в виде следующей схемы:

$$\begin{array}{c} a-A-\bar{a} \\ | \\ b-B-\bar{b} \end{array}$$

или в виде ряда формул:

- 1) $a > \bar{a}$;
- 2) $b > \bar{b}$;
- 3) $A > B$,

где a и $\bar{a}$, b и $\bar{b}$ — противоположные значения двух сопоставляемых параметров, A и B — сами эти параметры.

Если бы в наших высказываниях комбинировались между собой одноименные значения обоих параметров — оптимальное с оптимальным (т. е. a и b), а пессимальное с пессимальным (т. е. $\bar{a}$ и $\bar{b}$), то в каждой паре естественно было бы ожидать только отношения конъюнкции:

$$ab > \bar{a}\bar{b},$$

чему соответствует, например, высказывание типа: «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным». Ясно, что полученное таким образом высказывание тривиально, причем не только в житейском смысле, но и по чисто алгебраическим соображениям: оно прямо вытекает из свойства, присущего отношению предпочтения (см. 2.2.1.), согласно которому:

$$[(a > \bar{a}) \wedge (b > \bar{b})] \rightarrow ab > \bar{a}\bar{b}$$

Однако в действительности в паремиях рассматриваемого нами класса положение иное. Здесь оптимальные и пессимальные значения сопоставляемых параметров комбинируются «крест-накрест»: оптимум параметра A с пессимумом параметра B , а пессимум параметра A с оптимумом параметра B , т. е., с одной стороны, «здоровый и бедный», а с другой — «больной и богатый». При этом между указанными комбинациями так-

же устанавливается отношение предпочтения, в которой области оптимума и пессимума определяются распределением соответствующих значений более существенного параметра:

$$\bar{a}\bar{b} > \bar{a}b,$$

т. е. «Быть здоровым и бедным лучше, чем быть больным и богатым». Как видно из формулы, полученная таким образом новая предпочтения отличается от рассмотренной выше тривиальной тем, что в ней пессимальное значение параметра В перешло в область оптимума, а оптимальное значение этого же параметра перешло в область пессимума. Т. е., иначе говоря, оказалось, что при некоторых условиях «быть бедным лучше, чем богатым» (если бедность связана со здоровьем, а богатство — с болезнью). Именно в таких случаях отношение конъюнкции может быть заменено отношением концессии — адверсии:

«Лучше быть здоровым, хотя и бедным, чем больным, хотя и богатым» — т. е. $(a \lfloor \bar{b}) > (\bar{a} \lfloor b)$;

«Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным» — т. е. $(\bar{b} \lfloor a) > (b \lfloor \bar{a})$.

Как явствует из этих примеров, концессия имеет место тогда, когда в каждом члене полученной предпочтения слева стоит соответствующее значение более существенного параметра, а справа — менее существенного (напомним, что мы приняли $A > B$); если же порядок следования признаков обратный, то имеет место адверсия.

В том, что все указанные выше условия использования концессии — адверсии действительно релевантны, легко убедиться, если попытаться подставить это отношение вместо конъюнкции в приведенном выше тривиальном высказывании или заменить концессию адверсией и адверсию концессией в последних примерах:

«Лучше быть здоровым, хотя и богатым, чем больным, хотя и бедным» — т. е. $(a \lfloor b) > (\bar{a} \lfloor \bar{b})$;

«Лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но больным» — т. е. $(b \lfloor a) > (\bar{b} \lfloor \bar{a})$;

«Лучше быть бедным, хотя и здоровым, чем богатым, хотя и больным» — т. е. $(\bar{b} \lfloor a) > (b \lfloor \bar{a})$;

«Лучше быть здоровым, но бедным, чем больным, но богатым» — т. е. $(a \lfloor \bar{b}) > (\bar{a} \lfloor b)$.

Как видим, при такой некорректной подстановке получается либо комический эффект, либо просто нарушение смысла.

2.2.2.2. Как уже говорилось выше, отношение концессии — адверсии допустимо рассматривать, как частный случай конъюнкции, так как концессию — адверсию можно всегда заменить конъюнкцией (но наоборот — далеко не всегда) без ущерба для логической структуры высказывания. С чисто алгебраической стороны это верно в том же смысле, в каком деление можно считать частным случаем умножения, а именно умножением на «обратную величину», т. е. на дробь, в числителе которой — единица, а в знаменателе — делитель. И действительно, если конъюнкция обычно трактуется как логическое умножение, то концессию — адверсию не менее удобно трактовать как логическое деление, хотя, насколько нам известно, в общепринятом аппарате формальной логики такая операция не предусмотрена. Логическое деление можно представить, как операцию нахождения x , если дано:

$$ax \rightarrow b,$$

откуда:

$$x \rightarrow \frac{b}{a} \text{ или } x = \frac{b}{a}.$$

В данном случае мы имеем дело с делением предпочтения на предпочтение. В самом деле, поскольку предпочтение обладает теми же свойствами, что и неравенство (см. выше), по-видимому, действия, выполнимые над неравенствами, должны выполняться и над предпочтениями. Как известно, деление одного неравенства на другое неравенство производится следующим образом: делимое умножается на инверсированный делитель с обратным знаком, причем частное сохраняет знак делимого, т. е.

$$\frac{p > q}{m > n} = (p > q) \cdot (n < m) = (p \cdot n) > (q \cdot m)$$

Как видим, результат этого действия полностью идентичен тому, что мы наблюдаем в случае аналогичного взаимодействия предпочтения:

$$\frac{a > \bar{a}}{b > \bar{b}} = (a > \bar{a}) \wedge (\bar{b} < b) = (a \perp \bar{b}) > (\bar{a} \perp b)$$

В полученном таким образом частном противоположные значения двух параметров комбинируются «крест-накрест», и потому знак конъюнкции закономерно заменяется знаком концессии — адверсии (см. 2.2.2.1.).

3. ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МОДЕЛИ

3.0. Как уже говорилось выше (1.1.3.), всякая паремия по определению обладает свойством афористичности. Это значит, что информация, непосредственно выраженная в словесном тексте паремии и образующая ее семиотический фокус, имплицитно содержит в «свернутом» виде некоторую более обобщенную информацию, составляющую семиотический фон паремии. Исходя из этого, задачу построения функциональной паремнологической модели можно понимать так: необходимо «развернуть» и каким-либо способом эксплицировать фоновую информацию, содержащуюся в паремии, одновременно воспроизводя все последовательные этапы того процесса переработки фоновой информации, конечным результатом которого является семиотический фокус паремии.

Модель строится в общем виде (т. е. для некоторого логического класса паремий) и на сугубо формальном уровне — в виде исчисления с применением описанного в разделе (2) аппарата. Поэтому адекватность модели по идее должна обеспечиваться чисто алгебраической корректностью преобразований и выводов — разумеется, если принять, что исходные посылки верны. Тем не менее, в качестве дополнительной проверки, а также для большей наглядности изложения мы сочли целесообразным использовать содержательную интерпретацию каждой операции и каждого промежуточного результата в терминах какой-либо конкретной паремии. Для этой цели мы воспользовались уже упоминавшимся выше афоризмом: *Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным*, — так как он отличается максимально прозрачной логической структурой.

3.1. Принципиальную блок-схему модели (см. схему) можно представить в виде информационной системы, состоящей из логического устройства и контуров контроля адекватности. Логическое устройство включает преобразователь и блок памяти. Преобразователь выполнен, как цепочка отдельных узлов, отображающих последовательные этапы преобразования информации в виде ряда промежуточных результатов (C_m^1 ; C_m^2 ; C_m^3). Блок памяти состоит из нескольких отделов, содержащих априорную информацию в виде общих и частных посылок (P_g^1 ; P_g^2 ; P_p ; P_i).

Эти посылки подаются на соответствующие входы преобразователя и играют роль исходной информации (I_i), служащей объектом преобразования либо управляющей информацией (I_p^1 , I_p^2 , I_p^3), задающей направление преобразований на каждом этапе процесса. В случае пословиц (т. е. паремий, обладающих образной мотивировкой своего значения, — см. 1.0.) к системе

БЛОК-СХЕМА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Контроль	Логическое устройство	Контроль
Память		Преобразователь
Быть здоровым лучше, чем быть больным; Быть богатым лучше, чем быть бедным.	R_1^g Старшая общая ссылка $\left\{ \begin{array}{l} a > \bar{a} \\ b > \bar{b} \end{array} \right\}$	Быть здоровым и богатым лучше, чем быть здоровым и бедным; Быть здоровым и богатым лучше, чем быть больным и богатым; Быть здоровым и богатым лучше, чем быть больным и бедным; Быть здоровым и бедным лучше, чем быть больным и бедным; Быть больным и богатым лучше, чем быть больным и бедным.
(при этом:)	I_1 Задается иерархия значений компонента	S_1^m 1) В силу свойств преференции (2.2.1.) $\left\{ \begin{array}{l} ab > \bar{a}\bar{b} \\ ab > \bar{a}b \\ ab > \bar{a}\bar{b} \\ ab > \bar{a}b \\ ab > \bar{a}\bar{b} \end{array} \right\}$
Здоровье важнее богатства	R_2^g Младшая общая ссылка $A > B$	Быть здоровым и богатым лучше, чем быть здоровым и бедным или больным и богатым, а это лучше, чем быть больным и бедным.
Здоровье важнее богатства	I_1^r Задается иерархия компонента	S_2^m Полная упорядоченность по первой и второй компоненте: $ab > \bar{a}\bar{b} > \bar{a}b > a\bar{b}$

(поэтому если:)	P_p Частная посылка ad hoc: $\left\{ \begin{array}{l} \overline{ab} \\ \overline{ab} \end{array} \right\}$	I³_r Исключается абсолютный оптимум и абсолютный пессимум	S³_m 1) Первая ступень медиума становится оптимумом; вторая ступень медиума становится оптимумом $ab > \overline{ab}$	Быть здоровым и богатым — не-достижимо (слишком хорошо); Быть больным и бедным — неприемлемо (слишком плохо)
(то:)			2) согласно правилу (2.2.2.1) конъюнкция заменяется адверсией — конпессией $a \underline{b} > \overline{a} \underline{b} \equiv \overline{b} \underline{a} > b \underline{a}$	Лучше быть здоровым, хотя и бедным, чем больным, хотя и богатым. Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным.
	P_i Содержательная интерпретация символов: $\left\{ \begin{array}{l} A - \text{здоровье} \\ B - \text{богатство} \\ a - \text{быть здоровым} \\ \bar{a} - \text{быть больным} \\ b - \text{быть богатым} \\ \bar{b} - \text{быть бедным} \end{array} \right\}$	I³_r Вводится предметно-лексическое наполнение паремии	S_r Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным	

Условные обозначения:

— прямая связь

----- обратная связь

~~~~~ дублирующая прямая связь (после афферентной проверки)

подключается еще одно звено (не показанное на схеме) — устройство фигурального перекодирования (ср.: «большое» → «журавль», «малое» → «синица»; «доступное» → «в руке», «недоступное» → «в небе» и т. п.)⁵. Все названные элементы модели в совокупности соответствуют семиотическому фону паремии. Роль семиотического фокуса играет конечный результат преобразования (C_f), получаемый на выходе системы.

В целях проверки адекватности модели она снабжена двумя взаимосвязанными контрольными контурами: обратной связью, контролирующей каждую посылку и каждый промежуточный результат преобразования путем их содержательной интерпретации в терминах паремии, полученной на выходе системы, а также дублирующей прямой связью, которая после афферентной проверки логического процесса повторяет его на уровне конкретной паремии, избранной в качестве индикатора. Вообще говоря, если бы речь шла о моделировании какой-либо конкретной паремии, вполне можно было бы ограничиться описанной дублирующей прямой связью. Однако, поскольку нас интересует целый логический класс паремий, упомянутый контур играет лишь вспомогательную роль.

3.2. Описанная выше система моделирует структуру данного класса паремий в наиболее полном виде. Однако фактически мы очень часто сталкиваемся с разнообразными отступлениями от указанного образца. Правда, все эти отступления не нарушают целостности класса и могут рассматриваться лишь как частные видоизменения единой типичной структуры. Упомянутые отклонения бывают ненамеренными или же намеренными (для достижения комического эффекта) и могут затрагивать разные части логической структуры паремий — посылки, преобразования, фокус. По своему характеру отклонения могут представлять собой эллипсы, редукцию или замену того или иного элемента структуры.

3.2.1. Отклонения от типичной структуры в области *п о с л о к* обычно имеют намеренный характер и производят комический эффект. Заключаются они в следующем: в качестве членов исходных преференций (P_g^1) выбираются такие значения, которые либо не являются (хотя бы ситуативно) антонимичными, либо не могут быть членами преферативных отношений. Иначе говоря, в этих случаях за альтернативу выдается то, что альтернативой не является. Примеры:

⁵ Именно на это «устройство» обычно обращено основное внимание паремиологов, поскольку в нем сосредоточено национальное своеобразие. Между тем в общей структуре модели оно занимает далеко не главенствующее положение.

Лучше переестъ, чем недоспать;

Лучше иметь большой живот, чем маленький горб и т. п.

3.2.2. Отклонение от типичной структуры в области логических операций также вызывает комический эффект. Состоит оно в том, что на этапе ($C_m^3 - 2$) конъюнкция заменяется концессией — адверсией без достаточных к тому оснований, т. е. когда нет «перекрестной» комбинации оптимальных и пессимальных значений. По существу в этом случае происходит маскировка тривиальности под максимум (см. ниже); например:

Лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но больным — т. е. $a \underline{b} > \bar{a} \underline{\bar{b}}$ (вместо правильного: $ab > \bar{a}\bar{b}$).

3.2.3. Очень часто встречаются отклонения от типичной структуры в выборе семиотического фокуса. В «нормальном» случае роль фокуса паремии играет структура, являющаяся результатом полного цикла преобразования информации и полученная на выходе описанной выше системы. Однако фактический фокусом может служить любой промежуточный результат преобразования и даже любая посылка. При таком усеченном или даже сведенном к нулю цикле преобразования информации семиотический фон паремии соответствующим образом редуцируется. В зависимости от того, на каком именно этапе преобразования информация выдается из системы в виде семиотического фокуса паремии, мы получаем ряд структур, обладающих разной степенью «отлета» от очевидности или, что то же самое, разной степенью афористичности (см. 1.2.3.). С этой точки зрения, среди паремий различаются:

1) **М а к с и м ы** — «нормальные» паремии, семиотический фокус которых получен в результате полного (для данного класса) цикла преобразования информации; например:

Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным;

Лучше синица в руке, чем журавль в небе;

Лучше заработанный ломоть, чем краденый каравай.

2) **Т р и в и а л ь н о с т и** — паремии, фокусом которых служат структуры, полученные в результате лишь простейших преобразований, автоматически вытекающих из заданных свойств исходных предпочтений (т. е. выданные на этапе C_m^1). Такие паремии в чистом виде встречаются довольно редко. В «замаскированном» под максимум виде подобная структура представлена в приведенной выше пародийной паремии:

Лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но больным.

3) **Т р ю и з м ы** — паремии, семиотическим фокусом кото-

рых служат элементарные структуры, выступающие в «полном» случае как общие посылки (P_g^1 или P_g^2); например:

Лучше торговать, нежели воровать;

Здоровье важнее богатства;

Богатому завсё праздник и т. п.

3.2.4. Отклонения от типичной структуры в области семантического фокуса паремии могут выражаться в следующем:

Во-первых, словесный текст многих паремий рассматриваемого класса может не включать союзов, передающих отношение концессии — адверсии, хотя само это отношение в логической структуре паремии имплицитно присутствует; например:

Лучше с убытком торговать, чем с прибылью воровать;

Лучше умная хула, чем дурацкая хвала.

Во-вторых, нередко наблюдается эллипс какой-либо части фокуса:

$$a \lfloor \bar{b} \rangle (\bar{a} \lfloor b):$$

Лучше меньше, да лучше;

Лучше не дари, да после не кори.

$$a \lfloor \bar{b} \rangle \bar{a} (\lfloor b):$$

Чужого не надо, хоть плохонькое, да свое.

$$(a \lfloor \ ) \bar{b} \rangle \bar{a} \lfloor b):$$

Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой.

$$a (\lfloor \bar{b} \rangle) \bar{a} \lfloor b):$$

Старый друг лучше новых двух.

$$(a \lfloor \ ) \bar{b} \rangle \bar{a} (\lfloor b):$$

Лучше попросить ради Христа, чем отнять из-за куста;

Лучше умереть, чем неправду терпеть.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Зализняк А. А., Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем. — «Структурно-типологическое исследование», М., 1962.
2. Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
3. Шрейдер Ю. А. Некоторые проблемы теории научной информации. — «Научно-техническая информация», вып. 6, 1966.

Матти Кууси

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ
ПОСЛОВИЧНЫХ ТИПОВ

(Опыт классификации количественных пословиц) *

Выбор критериев для классификации пословиц, публикуемых в различных сборниках, обычно зависит от характера данной работы (научная, популярная, дидактическая), а также основывается на традициях, установившихся в предыдущих изданиях. Но часто этот выбор зависит от решения самого автора или издателя. Во вступительных статьях к подобным публикациям мы всякий раз сталкиваемся с анализом сильных и слабых сторон возможных решений, за которыми следует обоснование выбранных критериев, используемых в данной работе. В заметках такого рода иногда можно встретить поистине глубокий анализ существующих традиций (например, у Г. Л. Пермякова [30, 5—7], У. Робертса [480, 118—120], Э. Вестермарка [840, 42—45]).

Предлагаемый ниже обзор (как и следующий за ним опыт классификации) основан на 182 работах по пословицам, на которые — в ряду других — я ссылаюсь в библиографии к подготавливаемому мной Указателю международной системы пословичных типов. Отобранные сборники составляют лишь часть моего тысячетомного собрания. Но мне пришлось ограничиться ими. Я взял, главным образом, те книги, в которых нужную пословицу нетрудно найти, исходя из структуры сборника или по ссылкам на нее в других изданиях. Подбирая источники, я стремился охватить максимальное количество языков; но более или менее полно у меня представлена только литература по финским пословицам...

[Далее в статье посредством описанной автором системы индексов дается обстоятельный анализ 182 пословичных сборников]¹.

---

* Matti Kuusi, Towards an international Type-system of Proverbs. — «Proverbiium», № 19, 1972.

¹ Из приведенного М. Кууси списка работ мы взяли лишь 19 названий, на которые он ссылается в основном тексте. При этом мы сохранили за ними их порядковые номера в библиографии автора (см. список на стр. 80-81). — *Прим. ред.*

Как видно из приведенного списка, среди критериев систематизации в собраниях пословиц преобладает алфавитный и тематический. В 33% рассмотренных работ используется алфавитный принцип расположения материала, в 18% — тематический, в 42% — оба одновременно и в 7% — ни тот, ни другой. В 72% собраний пословиц народов мира используется языковой критерий. Частота использования других критериев систематизации по всему рассмотренному материалу распределяется следующим образом: хронологический — 10%, этнографический — 7, функциональный и метафорический — 2, генетический — 4, проблемный и структурный — 1,5%. Хотя последние семь типов критериев, как правило, свидетельствуют о самостоятельных исследовательских интересах авторов, на уровне макроструктуры они в большинстве случаев усложняют задачу расположения материала, а не облегчают ее.

Было бы желательным, чтобы в научном издании пословиц того или иного языкового ареала собранный материал был подлинным и исчерпывающим (разумеется, он может быть и ограничен согласно какому-либо научному принципу). Другое основополагающее требование заключается в том, чтобы читатель имел возможность отыскать интересующий его текст без необходимости просматривать весь материал или какие-то его большие разделы. Кроме того, если искомый текст найден, должна быть обеспечена возможность отыскать все другие содержащиеся в работе варианты данной пословицы, а также все ее синонимы и пословицы с тем же структурным ядром (Baukern).

Насколько я могу судить, некоторые недавние английские [240—241] и польские [430—434] издания пословиц ближе всего подошли к этому идеалу. В Финляндии такой подход был применен в последнее десятилетие к африканским [77] и карельским [370] пословицам. Для данного подхода характерны максимально определенная и понятная алфавитная макроструктура, а также сравнительно полный аппарат ссылок и/или глоссарий. В английском и польском изданиях был представлен материал, можно сказать, современный, поэтому не было смысла располагать его в хронологическом порядке, и составители ограничились тем, что распределили варианты по темам. В критике [82, 642—645] справедливо указывалось на то, что если при издании пословиц этот принцип будет широко и повсеместно использоваться, возникнут определенные трудности: от исследователя нельзя требовать знания польского, ндонга или карельского языков, а ведь только в этом случае подобные работы можно использовать при сравнительном изучении пословиц.

Лучшие многоязычные собрания пословиц нельзя упрекнуть

в том, что они неудобны в употреблении, но такие издания либо непомерно велики, либо непременно содержат значительные пропуски. Не приходится ожидать, что для большинства языков будут опубликованы такие фолианты, как труды Вандера и Занне [70; 71], где тысячи текстов одного языка снабжены ближайшими эквивалентами и в других языках. Попытка снабдить собрание целым рядом глоссариев [1; 3; 8; 100] или списками пословиц [7; 24; 58; 61; 72; 800] на разных языках — работа благородная, но трудоемкая и дорогостоящая.

Не существует общепринятой терминологии, которая позволяла бы специалистам кратко и однозначно выражать свои идеи, а также ориентироваться в материале незнакомого языка. (Исследователи сказки находятся в более выгодном положении: в их распоряжении имеется система типов Аарне — Томпсона — АТ.)

Чаще всего в качестве такого кода используют работу Дюрингсфельдов [1]. В журнале «Proverbium» Семахот Шенальтан опубликовал турецкие эквиваленты к пословицам Дюрингсфельдов, а Казыс Григас — литовские [82, 337—348, 459—461, 631—641]. Немецкие исследователи обычно ссылаются на Дюрингсфельдов так, как если бы их работа была системой классификации [57; 74; 313]. Так как Дюрингсфельды собирали исключительно западногерманский материал, у них отсутствует множество пословиц, общих для всей Европы, и вместе с тем приводится значительное число вариантов сугубо местных или периферийных с точки зрения международной традиции.

Впервые серьезную попытку научно систематизировать пословичный фольклор предпринял в 1968 г. Г. Л. Пермяков (ср. 82, 225, 234, 324). Основной материал он взял из обширной антологии пословиц на русском языке: «Пословицы и поговорки народов Востока» [32]. Но когда я попытался применить классификацию Пермякова к предмету моего изучения — финским и африканским пословицам, возникли непредвиденные трудности, о которых пойдет речь в последней части данной статьи. Предпринятая затем попытка систематизации возникла из необходимости найти такую альтернативу для классификации Пермякова, которая лучше соответствовала бы разноязыковому материалу пословиц, его внутреннему разнообразию и сходству.

На первой стадии работы мною были отобраны сотни типов пословиц из изданий, представляющих разные континенты. После более тщательного анализа (ср. 82, 473—476) я заметил, что отношения между различными типами не сводятся к проблеме их разграничения и что существуют пословицы, которые не попадают ни в один из общих типов, а располагаются между

ними; и эти пословицы также представляют интерес с точки зрения всей системы в целом.

Многоуровневый характер соответствий — вот проблема, которую приходится решать, если классификация предназначена для международного использования, и эта проблема может быть решена только таким образом, что какой-то один уровень соответствий, характерный для всех континентов, принимается за основной. Структурный анализ показывает, что с наибольшей последовательностью здесь могла бы применяться система бинарных оппозиций. Каждую пословицу можно интерпретировать как выбор между двумя альтернативами.

Количественные пословицы — наиболее подходящий материал для проверки классификации, поскольку бинарные оппозиции здесь (в группе 1 Один — два (или много), в группе 2 Один — все), как правило, четко выражены. Как показал Г. Л. Пермяков, большинство логико-тематических групп пословиц содержат утвердительную, отрицательную, амбивалентную и вопросительную трансформации, которые у него соответственно обозначены А, Б, В и Г. Вопросительная форма — это, скорее, стилистическая, нежели структурная альтернатива; так, в ежегоднике № 47 «Kalevalaseuran Vuosikija» (1967) я показал, что использование формул (аналоговых моделей) обнаруживает и другие альтернативные формы выражения, которые можно сравнить с указанным явлением. В следующем ниже опыте международной классификации будут приводиться лишь те трансформации, для которых были обнаружены эквиваленты в фольклоре разных народов мира. Наиболее обычный тип ответа, как отрицательный, так и положительный, будет всегда обозначен основной пометой (1.1, 1.2 и т. д.), его отрицательный трансформ соответственно —1.1-, 1.2- и т. д., а амбивалентный ответ, который в приведенном здесь материале только в одном случае удовлетворяет условию международного распространения, — 1.7±. Возможность некоторых добавлений к системе обозначений типов будет обсуждена ниже.

Основные языки-источники — английский, русский, немецкий, французский, латинский помечаются одной буквой: а, р, н, ф, л. Для других европейских языков используются сокращения из двух букв, за исключением случаев с неоднозначным прочтением, где используются более длинные сокращения: швед(ский), швейц(арский). Языки Азии обозначаются минимум тремя буквами, а африканские и полинезийские языки — без сокращений (например, суахили). В указании на древние источники приводится название и/или имя автора. Перечни ссылок (разумеется, далеко не полные) приведены после списков пословиц каждого типа².

Общие принципы классификации пословичных типов 1.1 — 2.6 иллюстрируются данными ниже образцами (х — предикат, X — субъект или объект).

1. ОДИН — ДВА (МНОГО)

- 1.1. Недостаточность одного субъекта. Нехорошо делать х одному. Хорошо делать х вместе. 1.1- обратное.
- 1.2. Недостаточность одного орудия. Невозможно делать х при помощи одного орудия, одной руки и т. д. (вместо двух).
- 1.3. Недостаточность одного основания. Опасно полагаться на один X (вместо двух и более).
- 1.4. Недостаточность (1.4- достаточность) одного ребенка, партнера, друга.
- 1.5. Сила (мудрость, надежность) двух X-ов больше, чем одного.
- 1.6. Один — ничто. Много (два) вместе — сила.
- 1.7. Множество X-ов (потребителей, производителей, знатоков) приводит к неудаче. 1.7[±]. Много производителей +, много едоков —.
- 1.8. Много (два) X-ов (опекунов, владельцев) пагубно для общего имущества.
- 1.9. Два X-а (соперника) не ладят в одном месте (при наличии одной добычи).
- 1.10. Один человек с двумя X-ами (два места, две цели, два хозяина) попадает в беду.
- 1.11. Один X (деятель), два объекта.
- 1.12. Все имеет два X-а (две стороны, два конца, два направления).
- 1.13. Кто-то имеет (никто не должен иметь) два X-а (головы, рта, сердца).
- 1.14. Из одного материала (источника) выходят два разных X-а.
- 1.15. Один X не дает два (много) одинаковых результата.

2. ОДИН — ВСЕ. ОДНА ЧАСТЬ — ВСЕ ЦЕЛИКОМ

- 2.1. Одна составная часть X-а не есть (не может быть) весь X.
- 2.2. Отсутствие одного участника (составной части) X-а не препятствует (не должно препятствовать) и не портит весь X. 2.2- наоборот.

²В русском переводе в целях экономии места эти перечни опущены. А все места, где они имеются в оригинале, помечены тремя звездочками.—
Прим. ред.

- 2.3. Один плохой X портит всё (все другие).
 2.4. Один X страдает, все другие также.
 2.5. Одно животное x, все другие также.
 2.6. Все X-ы не подходят для одного и того же. Один X не подходит для всего.

ГРУППА 1. ОДИН — ДВА (МНОГО)

1.1. Нехорошо делать x одному. Хорошо делать x вместе с другими

- A. **Существование.** *Горе одному!* (л). *Одиночество опасно* (да). *Человек-одиночка — пища для волков* (ф). *Овцу, отбившуюся от стада, волк съест* (татар). *Одинокого петуха лиса съест* (го). *Одиночество уничтожит тебя* (зулу).
- B. **Сопrotивление.** *Когда ветер дует на одинокое дерево, оно ломается* (эве). *Одинокое дерево боится ветра* (хакас). *Трудно лиане быть одной* (овамбо).
- C. **Прoцветание.** *Негоже человеку быть одному!* (Бытие). *В мире все парами* (ашанги). *Парами рыбы в море, парами птицы в воздухе, парами колья* (карел). *В одиночку и птицы в лесу не живут* (осет). *Одинокий человек как рыба в луже* (кор). *Будешь печален, если будешь одинок* (Овидий). *Даже в раю нехорошо одному* (рум).
- D. **Дорога.** *Река Нгоно побежала одна и заблудилась* (хайя). *Одинокому и дорога долга* (татар). *Попутчик укорачивает дорогу* (ир). *Разве пять человек не пройдут мимо быстро?* (фи).
- E. **Любовь, дружба, уважение.** *Любовь тягостна, если любимый не любит* (л). *Однобокая дружба недолго тянется* (фи). *Уважение покоится на взаимности* (ньянг).
- F. **Радость, печаль.** *Кто может наслаждаться в одиночку?* (Милтон). *Одинокий не долго смеется* (швед). *Разделенная радость — двойная радость* (фи, швед). *Печаль разделенная — печаль уменьшенная, радость разделенная — радость удвоенная* (ф). *Вдвоем и горе пополам разгорюешь* (р). *Вместе и беда не тяжела* (морд). *Плакать на поминках многих усопших не больно* (овамбо).
- G. **Ссора.** *Ссорятся всегда двое* (гирьяма). *Для ссоры нужны двое* (р). *Где двое друг с другом ссорятся, там оба виноваты* (эс). *Там, где нет противника, не рассоришься* (яп). *У того, кто живет один, спор не бывает* (кикуйю). *Лошадь не лягается, если она одна в конюшне* (лап).
- H. **Горение.** *Одно полено гореть не будет* (лив). *Один прут дымит, но не горит* (галла). *Одно полено не дает хорошего огня* (ит). *Дрова одного сорта горят ярче, если к ним доба-*

*вить дров другого сорта (перс). Трудно жить на свете бо-
былем — одним поленом костер не разведешь (тиб). Одну
хворостину трудно зажечь, одного сына трудно научить
(кит).*

* * *

1.1⁷. Одному хорошо

*Одному лучше всего (н). Приятней всего одиночество и покой
(л). Хорошо лежать одному: спокойно переворачиваешься с
боку на бок и без боязни пускаешь ветры (фи). Ты остаешься
один — ты ешь, ты жиреешь (сотхо).*

* * *

1.2. Одна рука (палец, вещь) не сделает того, что надо (вместо двух рук и т. д.)

- A. Звук.** *Чтобы получился звук, надо ударить двумя руками
(кор). Одной рукой в ладоши не ударишь (азерб). Если бу-
дешь аплодировать одной рукой, тебя не услышат (овам-
бо). Один браслет не звенит (фулани). Один грош в ко-
шельке не звенит (но). Один орех в мешке не гремит (рум).
Одной чашкой не чокнешься (кит).*
- B. Схватывание.** *Одним пальцем вошь не убьешь (кикуйю).
Одним пальцем личинки из щели не вынешь (монго). Одним
пальцем не поднять и зернышка кукурузы (тсонга). Одним
пальцем не ущипнешь (бенгал). Одной рукой двух арбузов
не удержишь (осет).*
- C. Работа одной рукой.** *Одной рукой муку не соберешь (эле).
Одной рукой корову не зарежешь (суахили). Одной рукой
нельзя собрать свои пожитки (дуала). Одной рукой не свер-
лят (яп). Одной рукой узла не завяжешь (тадж). Одна рука
мало может сделать (се).*
- D. Хождение, вожделение.** *Одна нога танцевать не может
(тхонга). На одной ноге далеко не убежишь (эрзя). На одном
полозу далеко не уедешь (р). Не гребь одним веслом (карел).
С одним быком не сделаешь хорошей борозды (ит).*
- E. Размалывание, раскалывание одним камнем.** *Одним камнем
нельзя намолоть муки (фриз). Одним кам-
нем пальмового ореха не расколешь (ваквели). Одним камнем
в два ореха не попадешь (арм).*
- F. Досягаемость.** *Одним бамбуковым шестом не достанешь
дна (кит).*

* * *

**1.3. Не ставь все на одну карту
(Опасно иметь только одно ремесло,
интерес, снаряжение, убежище)**

- A. Все на одном основании.** Не стоит класть все яйца в одну корзину (ва). Не рискуй класть все на одно основание (а). Не доверяй лодке все свое добро (го). Не стоит высевать все семена на одном поле (ф). У кого все находится в одном месте, у того (считай) все в огне (а). Не следует вешать всю одежду на один гвоздь (н). Не возлагай все надежды на одно дело (греч). Не откладывай все на один день (исл). Не нужно ставить все на одну карту (но). Все на одну карту поставили (р).
- B. Только одно ремесло, интерес, снаряжение.** Сохрани меня, господи, от того, у кого теперь одно занятие (ит). Боюсь человека одной книги (л). Плох музыкант, который играет одну мелодию (швед). На его скрипке не одна струна (н). Не так уж плохо иметь одну тетиву для лука (ф). Беден тот парикмахер, у которого одна расческа (ит). Хорошо держаться на двух якорях (л). Хорошо, если на одном корабле два якоря (го).
- C. Животное с одним убежищем.** У лисы не одна нора (эс). У доброй лисы по три отнорка (р). Достояна сожаления мышь, у которой одна нора (л). Мышку, у которой одна лазейка, быстро съедает кошка (исп). Не настигнешь мышь, у которой два выхода из норы (овамбо).

* * *

**1.4. Когда один ребенок (жена, друг),
этого недостаточно (много X-ов хорошо)**

- A. Ребенок.** Один сын — не сын, два сына — вот сын (кр. та тар). Единственное дитя — дитя печали (да). Тот, у кого только один бычок, сделает его толстым, тот, у кого только один сын, сделает его дураком (ит). Когда единственный сын умирает, жизнь угасает (монго). Много детей — много благодати (н).
- B. Жена.** Одной жены мало (суахили). Одна жена — один глаз (овамбо). Одна жена — ничто (ф).
- C. Друг.** Как не бывает инжира с одним плодом, так не должно быть человека только с одним другом (ал). Много друзей — это полезно: один не поможет, поможет другой (пол).

* * *

1.4. Много детей (или два ребенка) (партнера, друга) слишком много (одного X-а достаточно)

- A. (Дети). Много детей — много неприятностей (н).
- B. (Партнеры). Две жены — неприятность (суахили). Лучше всего иметь одного жениха — будут два, оба исчезнут (фи). Дом может вместить сто мужчин, но в сердце женщины есть место только для одного (египет).
- C. (Друзья). Один друг — это немало, а тысяча друзей — это слишком много (араб). Один друг — золото, два друга — серебро (н).

* * *

1.5. Двое (много людей) лучше (сильнее, умнее, надежнее) одного

- A. Сила, способность. Два хороших человека лучше, чем один (Аристотель). Двое — войско для одного (л). Двое одному — рать (р). Двое для одного — господин, трое для одного — король (фи). Один против двух не устоит (а). Один человек с толпой не препирается (кирунди).
- B. Знание, мудрость. Две головы мудрее одной (кит). Много голов лучше, чем одна (шо). Двое знают больше, чем один (ит). Один ум хорошо, а два еще лучше (арм). Один ум хорошо, а пятнадцать еще лучше (удм). Одна голова не может держать совет (кирунди).
- C. Зрение. Каким бы большим ни был один глаз, два глаза лучше (канури). Два глаза могут увидеть больше, чем один (эс). Один человек видит недалеко; два человека — далеко (кит). Четыре глаза увидят больше, чем два (исп). Глаза видят больше, чем глаз (л).
- D. Свидетельство. Два мнения стбят больше, чем одно (ф). Один свидетель — никто, два свидетеля — десять (исл). Один рот рядом с множеством ртов ничего не стбит (ба-конго).

* * *

1.6. У (единодушной) массы (людей) есть сила, у одного X-а ее нет

- A. Один — это никто. Один мужчина — не мужчина (швейц). Один — это все равно, что никто (исп). Один человек не может быть сильным (груз). Один всадник не совершит набег (араб). Одна пчела много меду не принесет (чув).

Одна волна не сдвинет камень (синг). Один слон не поднимет столб пыли (овамбо).

- В. Масса имеет силу.** Когда работающих много — работа спорится (дарг). Не питай отвращения к людям, ибо люди — богатство (малагаси). Много (людей) — это на пользу дела (фи). Ноша, которую несут сообща, становится перышком (мавритан). Много рук делают груз легче (рум). Много гончих легко растерзают одного зайца (а). Собором и черта поборем (р).
- С. Много или двое слабых сильнее одного большого.** Двое слабых здорового победят (араб). Против двух Геркулес бессилен (ф). Много муравьев и льва убьют (вен). Стая сорок может и оленя загнать (кит). Две кошки побеждают одного медведя (ал). Девять мышей вместе потянули и крышку с кадушки с сыром стащили (адыг).
- Д. Союз — сила.** В единении — сила (ит). Согласие кормит, раздор ест (швед). В единстве — житье (баш). Двое единоподушных завоеуют город (араб). Люди в согласии творят чудеса (урду). И море можно осушить, если люди единоподушны (бенг). Вместе и горы своротим (морд). Твоя корзина еды да моя корзина еды — вот гости и сыты; твое оружие да мое оружие — вот враги и разбиты (маори).
- Е. Много орудий.** Легко сломать одну стрелу, но не десять в одной связке (яп). Целую метелку сломать трудно (коми). Путья в связке не сломать (бондей). Тройная веревка дольше служит (ф). Веревку в три нитки просто не разорвешь (малай).

* * *

1.7. Слишком большое число людей приносит неудачу

- А. Много потребителей влечет за собой бедность.** Много ртов опустошают миски (фриз). Скворцы тощие потому, что они летают стаей (ит). Чем больше собак, тем меньше супа (ф). Много свиней — весь корм съеден (эс). Много нищих у одной двери — мало милостыни для каждого (го). Много братьев — дом скудеет (н).
- В. Много работников приносит неудачу.** Чем больше людей, тем медленнее налаживается дело (л). В доме, где много девушек, воды нет (татар). Когда много слуг, дело не делается (яп). Когда лодочников много, лодка тонет (араб). Где кукарекает много петухов, день никогда не наступит (ит). Много кошек не поймают и мыши (суахили).
- С. Много специалистов (советчиков) портят вещь или приносят вред.** Где много плотников, там стены кривые (кор).

У дома, который строят по советам многих, дело редко доходит до крыши (швед). Чем больше стряпух на кухне, тем хуже суп (ва). Если поваров слишком много, собачье мясо никогда не сварится (кит). Много наставниц сбивают с толку невесту (исп). При семи повитухах голова у ребенка сплюснутая (перс). Когда у больного много врачей, он умирает (амхара). Слишком много врачей — сын умирает (бирм).

* * *

1.7±. Много или мало работников — едоков. Нелегко приходится, если в деревне надо кормить многих, но если многие работают — это совсем другое дело (маори). Много людей — хорошо для работы, мало людей — хорошо для еды (кит). Много рук портят общую трапезу, но не портят общую работу (гереро). Много рук делают работу легкой — особенно когда ешь мясо (а). Работать лучше вдвоем, а есть лучше одному (карел).

* * *

1.8. X-у двух или многих опекунов (владельцев) не хватает внимания

- A. **Имущество, вещи.** До общего дела никому нет дела (а). Общее никогда не будет чистым (н). Общественные средства — как святая вода: каждый оттуда черпает (ит). Общий горшок разбивается на перекрестке дорог (хинди). Общия лодка остается не просмоленной (фи). Лодка, которой пользуются две семьи, протекает (кит).
- B. **Дом.** Когда много бонз, некому закрыть дверь пагоды (вьет). В доме, где две хозяйки, грязи по колено (перс). В доме, где две женщины, много дерьма (н). Общия зал некому подмести (кит).
- C. **Поле.** Общее поле всегда опустошают медведи (груз). Когда у нивы много хозяев, на ней ослы пасутся (осет). Там, где луг общия, трава совсем маленькая (н).
- D. **Домашние животные.** Так уж водится, что общия лошадь хуже всех подкована (а). Если у лошади два хозяина, она тощая, если лодкой пользуются двое, она протекает (кит). На общем осле всегда навьючено больше всего (ф). Когда пастухов много, тогда и овцы дохнут (лак). Свинья, у которой один хозяин, будет жить, свинья, у которой девять хозяев, наверняка сдохнет с голоду (фи). Собака, охраняющая два двора, не получает еды (эс).

Е. Человек. *Человек, у которого два дома, умирает от голода (ганда). Гость двух домов умирает от голода (маратхи). У двух нянек ребенок с голоду умер (груз). Кто служит всем, тот ни от кого не получит вознаграждения (да).*

* * *

1.9. Двум конкурентам не поделить одно место (одну добычу)

- А. Космические соперники.** *Как Земля не вынесет двух солнц, так и Азия — двух правителей (Плутарх). Две молнии не живут в одной туче (руанда).*
- В. Вожди, герон.** *Два царя не наследуют одно царство (Сенека). Двум царям в одном дворце тесно (карел). Семь дровишек поместятся на одном коврике, но два шаха не уместятся в одной стране (тадж). Два героя не могут стоять рядом (яп). Два силача не должны встречаться на мосту (идома).*
- С. Профессии.** *Двум ремесленникам одного и того же цеха трудно договориться (а). Два канатоходца не могут ходить по одному канату (араб). Двое рулевых в одной лодке (индон). Два акробата на одной веревке не устоят (гаг). Два свистуна в одном трактире не уживутся (швед).*
- Д. Социальные низы.** *Двум шлюхам никогда не ужиться в одном доме (а). Два дурака в одном доме наделают много шума (го).*
- Е. Двое одного пола.** *Для двух женщин любой дом будет тесен (а). Два чайника уместятся на одном очаге, но два поклонника не уместятся в постели одной красотки (фи). Два хозяина в доме — нет согласия; два короля в государстве — нет мира (вьет).*
- Ф. Одна пища или добыча.** *Два барашка не могут пить из одной калебасы (наго). Двум собакам одной кости не поделить (р). Две кошки у одной мыши, две женщины в одном доме, две собаки около одной кости редко договорятся (н). Два шершня на одну навозную кучу (араб). К одной сахарной пальме две лестницы, к одному хозяину два близких друга (малай). Две руки в одном горшке с едой (урду). Двум голодным не сговориться (а).*
- Г. Звери.** *Двум слонам тесно в тени одного дерева (овамбо). Если встретятся два леопарда в одной яме, они съедят друг друга (ваджагга). Два медведя в одну берлогу не уйдут (удм). Два крокодила не живут в одном озере (волоф). Две мамы не спят в одной норе (тсонга). Два сома в одной норе (индон).*

- Н. Домашние животные.** Не может быть двух самцов в одном маленьком стаде верблюдов (томашек). Одно семейство двух собак не кормит (л). Барахтаться, как две свиньи в одном мешке (а). Две кошки в одном мешке дружбы не заведут (р). Два петуха в одном курятнике (ит).
- И. Птицы.** Два соловья не садятся на одну ветку (турк). У двух воробьев на одном колоске нет дружбы (исп). Две птички в одном гнезде, два холостяка в одном доме (нкундо).
- Ж. Две вещи — одно место.** На одной голове два кувшина не унесешь (малагаси). Нельзя унести два арбуза одной рукой (се). В один рот двух ложек не впижнешь (кит). Плохо двум ногам в одном ботинке (ит). В одних ножнах два меча не поместятся (хинди). На одну лошадь два седла не наденешь (кор). Два кочана капусты в одном горшке не сварить (кирунди). Две мешалки на одной перекладине не вешают (овамбо). В бутылку нельзя заглянуть двумя глазами сразу (эве). В ушко иголки не вденешь две нитки, и сердце не вмещает две любви (судан).

* * *

**1.10. Два или несколько мест, хозяев и т. д.
одновременно — слишком много для одного человека**

- А. Местонахождение.** Быть здесь и там одновременно невозможно (л). Нельзя быть в одно и то же время во Франции и в Ломбардии (ит). На двух свадьбах сразу не танцуют (р). Не будь голубем для двух крыш (тадж).
- В. Средства передвижения, оборудование.** Кто хватается за две лодки, утонет (калмык). Кто садится на две лошади, разорвется на две части (суахили). Кто захочет сидеть на двух стульях сразу, упадет на пол (го). Нельзя обуть сразу две пары соломенных башмаков (яп).
- С. Пути.** Нельзя идти сразу двумя путями (а). Кто хочет идти по двум дорогам, должен разорвать или штаны, или зад (л). Гиена на распутье не знает, которую из двух дорог выбрать (кирунди).
- Д. Намерения, цели.** Тот, кто попытается достать две вещи, не найдет ни одной (тигре). Кто гонится за двумя зайцами, не поймает ни одного (чеш). Нельзя одновременно ловить угрей и охотиться на зайцев (да). Нельзя охотиться за двумя голубями сразу (сотхо). Вот пальма, и вот пальма — с которой сорвать лист? Вот дорога, и вот дорога — по которой пойти? (овамбо). Быть в положении Буриданова

- осла (в нерешительности) (ф). Если перед мухой два куска мяса, она не знает, на какой сесть (хауса).
- Е. Сходные действия.** Никто не может делать два дела одновременно (а). Две обязанности не выполнить одновременно (кирунди). Два надела в одно и то же время не обрабатывает (кикуйю).
- Ф. Разные или противоположные действия.** Никто не может ткать и прясть одновременно (швед). Нельзя одновременно находиться и в пекарне, и на мельнице (ф). Нельзя одновременно и грести, и вычерпывать воду (но). Нельзя пить и нести крест (ит). Нельзя одновременно и бежать, и мочиться (ка-рел). Я не могу спать и сторожить грядки (исп). Одновременно дуть и вдыхать весьма затруднительно (Плавт). Я не могу с полным ртом воды дуть на огонь (пор). Нельзя свою дочь выдать замуж и оставить дома (но). Хочешь, чтобы и желудок был полон, и хлеб цел (гаг).
- Г. Много профессий.** Одно ремесло кормит хорошо, много — плохо (да). Много понаделано — ничего не сделано (яп). Много ремесел — мало денег (араб). От тысячи сует пользы нет (туркм). Двенадцать ремесел — четырнадцать несчастий (ф). Девять ремесел — десять нищих (швейц). Если возьмешься за девять дел, голод будет десятком (ли).
- Н. Господа.** Никто не может достойно служить двум господам (л). На двух господ служить — никому не угодить (р). Кто хочет поклоняться одновременно двум королям? (кирунди). У поклоняющегося двум богам нет веры (курд).

* * *

1.11. Одно действие (посредник), два объекта

- А. Дорога.** Одно путешествие, а два поручения (исп.) Одна дорога — два дела (эс). Одна дорога — две цели (хинди).
- В. Орудие, действие.** В одном прыжке схвачу двух коз (Плавт). Одной палкой двух зайцев убить (туркм). Одним камнем двух птиц подбил (кор). Двух голубей одной стрелой поразишь (перс). Убить двух мух одной хлопнушкой (но). Сбить два ореха одним ударом палки (ва). Одно усилие, две выгоды (яп).
- С. Инструмент.** Лечить одним пластырем два черепа (н). Заткнуть две дыры одной затычкой (а). Ковать два гвоздя в одном огне (да).
- Д. Возмездие, дар, кусок.** Одна кара настигла двух королей (Цицерон). Одним подарком приобрести себе двух друзей (ит). Заткнуть два рта одним куском (а).

- Е. Ближайшие родственники.** С одной сестрой приобрести двух шурьев (че).

1.12. Все имеет две стороны (два конца)

- А. Две стороны.** Всякая вещь имеет две стороны (да). У каждой проблемы есть две стороны (Протагор). Лист бумаги — и тот имеет обратную и лицевую стороны (яп). Даже плохая монета должна иметь две стороны (кит). У каждой медали есть своя оборотная сторона (пор). У всякой медали две стороны (пол).
- В. Два конца.** У палки два конца (азерб). У песта оба конца тупые (чув). Деревянный посох острый с обоих концов (овамбо). У веревки два конца (перс). У колбасы два конца: этот и тот (фи). Все имеет конец, а у колбасы их два (сил).
- С. Два направления.** Каждая дорога ведет в две стороны (кит).
- Д. Две ручки.** У всех вещей две ручки (го). У каждой вещи есть ушко, а у кувшина их два (а).

* * *

1.13. Кто-то имеет (никто не должен иметь) две головы (лица, рта, языка, сердца)

- А. Голова.** У одного человека не должно быть двух голов (ф). Две головы в одном колпаке (ф). В одной чалме двух голов не бывает (араб).
- В. Лицо.** У него два лица (овамбо). Не доверяй человеку с двумя лицами (го). Проклятье тому, у кого два лица под одной шляпой, и чтоб ему никогда не разжиреть (а).
- С. Рот.** У него два рта (конго). Девуртый как трепанг (самоа).
- Д. Язык.** Двойной язык (маори). Плохо иметь два языка в одном рту (ит). Не держи в одном рту два языка (да).
- Е. Сердце.** Два сердца в одном теле (яп). Не бывает двух сердец (овамбо).

* * *

1.14. Две очень разные вещи делаются (происходят) из одного и того же материала (источника)

- А. Отпрыски.** От одной и той же овцы родятся белые и черные ягнята (туркм).
- В. Плоды.** Из одного и того же цветка извлекают и мед, и яд (л).
На одном дереве растут плоды и кислые, и сладкие (кит).

- C. **Деревянные изделия.** И деревянный башмак, и амида (фигурка Будды) сделаны из одного дерева (яп). Из одного дерева и икона, и лопата (бо). Из одного и того же дерева сколочены свинарники и церковные стулья (н). Из одной осины получают лопаты, которыми хлеб в печь сажают и которыми навоз выгребают (карел).
- D. **Металлические изделия.** Железо и сталь выходят из одного горна, но одно становится мечом, а другое — подковой для осла (тадж).

* * *

1.15. Один (одно животное, одно поле, одна вещь, материал) не производят двух или много (шкур, урожаяв, изделий)

- A. **Один (как таковой).** Из одного два сделаешь и оба окоротишь (р).
- B. **Одно животное.** С одного быка двух шкур не сдерешишь (л). С одной коровы двух шкур не сдерешишь (го). Дважды нельзя снять шкуру с овцы (мари). С одной лисы двух шкур не снимаешь (осет). С одного буйвола не сдерешишь две шкуры (кит). С одного барана десять шкур не снимают (тур).
- C. **Одно яйцо.** Из одного яйца две курицы не выведутся (кунду).
- D. **Одно поле.** С одного поля не соберешишь двух урожаяв пшеницы (кит). Один и тот же земельный участок не родит все злаки (Овидий).
- E. **Один мешок.** С одного мешка не два помола (р). Из одного мешка не вытянешь два помола (ф).

* * *

ГРУППА 2. ОДИН — ВСЕ. ОДНА ЧАСТЬ — ЦЕЛОЕ

2.1. Одна составная часть X-а — это не весь X.

- A. **Время года.** Один чудесный день лета не делает (го). Одна туча зимы не делает (турк). Один цветок весны не делает (л). Один лист не начинает весны (ит). Одна ласточка не делает весны (уз). Как одна ласточка не делает весны, так и один вальдинеп не делает зимы (а). Одна кукушка не делает лета (бо). Одна ворона не делает зимы (узб). Один листок лета не делает (швед).
- B. **Естественные объекты.** Одна волна моря не сделает (р). Из одного камня не получится и холмика, из десяти — скала вырастет (вьет). Одно дерево не образует леса (ашанти). Много деревьев образуют лес (вьет). Один цветок не делает сада (л). Один лист — это еще не дерево (ли).

- С. Стрoения.** *Один столб не начинает дома (баньяруанда). Одной соломинкой крыши не покроешь (диола). Из одного кирпича стену не воздвигнешь (кит). Один столб, одна опора дома не сделают (кирунди). Один кол забора не удержит (словац). Один куст терна — это еще не изгородь (ит).*
- Д. Полезная вещь.** *Щетинка от свиньи — это еще не щетка, и одно перо — еще не перина (го). Одна нить не делает ткани (да). Из одного волоска аркан не сплетишь (татар). Из одного прутика не получится веник (н). Один бамбук ряда не образует (кит). Из одного колоса снопа не получится (ит). Одно зерно мешок не наполнит (пор). Один цветок гирлянды не делает (хинди).*
- Е. Стая, рой.** *Один гусь не образует стаи (кит). Один муравей не построит муравейник (р). Одна пчела — это еще не рой (а).*
- Ф. Части тела.** *Один палец руки не делает, а одна ласточка — лета (исп). Один волос — не борода (араб).*
- Г. Общество.** *Один мужчина не делает государства (л). Один человек бала не делает (ф). Один плясун не делает свадьбы (дарг). Один актер пьесы не сыграет (кит). Один еврей — не ярмарка (че). Один черт — не ад (ит).*
- Н. Обобщение.** *Один случай не делает правила (да). Одна речь — не пословица (р).*

* * *

2.2. Отсутствие одного участника (элемента)

не препятствует (не должно препятствовать) всему X-у
(не портит весь X)

- А. Один человек.** *Война обойдется и без одного человека (фи). Рынок обойдется и без одного человека (н). Процессия не остановится из-за одного человека (го). Семеро одного не ждут (р). Из-за отсутствия одного монаха монастырь не распадается (ф). Ради одного манаха монастырь не строят (н).*
- В. Одна съедобная вещь.** *Не стоит портить омлет только потому, что жаль одного яйца (уэ). Из-за одной свеклы яму не вскрывают (карел).*
- С. Лекарство.** *Отсутствие одного целебного корня не портит целебных свойств другого (овамбо).*
- Д. Один несущественный элемент.** *Из-за одного цветка букет не распадется (ит). Из одного кола не начнут строить забор (н). С лесом еще не покончено, если срублена одна хворостина (овамбо).*

* * *

2.2. Отсутствие одного пустякового элемента портит весь X

Из-за одного гвоздя пропала вся вещь (рум). Один гвоздь может спасти подкову, подкова — коня, конь — всадника, всадник — всю страну (тур). Только один миг — и у Роберта уже нет ослика (л). Испортить все судно, пожалевши смолы на пенни (а). Из-за трех геллеров, которые пожалел на пряности, испортишь суп (ит).

* * *

2.3. Один плохой компонент портит целое

- A. **Плод, колос.** *Один гнилой банан испортит всю гроздь (суахили). Один гнилой персик испортит сто (яп). Одна плохая груша может испортить всю корзину (кит). Одно гнилое яблоко и другие испортит (рум). Один больной колос может испортить самый лучший сноп (го).*
- B. **Рыба, яйцо, мясо.** *Когда одна рыба протухнет — пропала вся связка (суахили). Если в корзине одна рыба испортилась, испортятся все (кхмер). Тухлое яйцо испортит все гнездо (н). Одно тухлое яйцо портит пирог (да). Один испорченный кусок мяса заставляет вонять весь горщик (кит).*
- C. **Нежелательная примесь к продукту.** *Немного желчи портит много меда (ф). Один катышек овечьего помета испортит целый бурдюк масла (кирг). Немного плохих дрожжей испортит все тесто (исп). Один червяк портит целую кастрюлю похлебки (вьет). Одна змея испортит целую корзину угрей (го). Одна лапа грифа портит весь суп (хауса).*
- D. **Монета.** *Одна нечестная монета сожрет десять честных (лап). Один нечестно заработанный пенни обесценит весь фунт (а). Одна фальшивая монета портит десять хороших (словен).*
- E. **Животное.** *Из-за одной паршивой овцы в полях гибнет целое стадо (Ювенал). Паршивая овца все стадо портит (рум). Одна паршивая коза заразит все стадо (сотхо). Свинья, которая вымажется в навозе, измажет и других (н). От одной курицы, которая портит воздух, будет вонять во всем курятнике (тай). Грязный хвост¹ одной коровы испачкает сотню (баш). Один буйвол в иле — все стадо запачкает (малай). Если одна лошадь взбесится — взбесится тысяча лошадей (яп).*
- F. **Нарыв, зуб.** *Один чирей портит всю кожу (эс). Один гнилой зуб заразит весь ряд (н). Один зуб портит все зубы (дуала).*

Г. Человек. Тот, кто ест тотемное животное, может быть один, но он навлекает проклятье на весь род (луганда). Из-за одного грешника погибнет сто человек (а). Вред от злого человека распространяется на семь кварталов (тур). Один дурак делает сотню себе подобных (ит). Достаточно одного дурного монаха, чтобы испортить весь монастырь (ф). Один трус все войско губит (тур).

* * *

2.4. Один (член семьи) страдает, все другие (члены семьи) тоже страдают

- А. Один палец — все пальцы.** Один палец порезан — все пальцы в крови (нкунду). Пальцев десять, но какой ни укуси — одинаково больно (монг). Который палец ни обрежь — все больно (чув). Какой из десяти пальцев ни порежешь, всё больно (н). Один палец так же люб, как и другой (эс).
- В. Одна часть тела — все части тела, все тело.** Если страдает один сустав, страдает все тело (н). Рана на носу болит так же, как и на голове (чеш). Не будет покоя у рта, в котором болит один зуб (кит). Болит палец ноги, и то в груди отдается (кареп).
- С. Одна — другая часть тела.** Когда пнут в живот, боль в спине отдается (дарг). Ущипни правое бедро — и левое тоже почувствует (малай). Если что случится с носом, плачет глаз (идома). Глаз не спит, когда страдает палец (нтомба).
- Д. Близкие родственники.** У сына болит пальчик — у матери сердце (р). То, что ужалило теленка, ужалило и корову (овамбо). Кто затронул отца, затронул и сына (амхара). Если ребенок занозит себе ногу, у отца душа заболит (н). Дети едят кислые сливы, а оскомины у родителей (ал). Ребенок поел фиг, а у старика разболелся живот (эле). Что случилось с твоей женой, случилось и с тобой (малагаси).

* * *

2.5. Когда идет (мочится, пьет, шумит) один (одно животное), за ним идут все

А. Следование. Одна зашевелившаяся корова поднимает со своих мест всех остальных (овамбо). Если одна корова поднимет хвост (т. е. побежит), то побегут и другие (ли). Где пойдет одна коза, там пойдут и все остальные (а). Один баран пойдет, за ним пойдет и другой (евр). Если один баран

в прорубь упадет, за ним все пойдут (бурят). Если один гусь идет в воду, за ним идут и остальные (но). Одна вошь идет, а за собой сто ведет (р).

- В. Мочейспускание.** Когда одна собака мочится, то же делают и другие (ит).
- С. Питье.** Когда пьет один цыпленок, все будут пить (но).
- Д. Шум.** Когда кричит один осел, кричат и все остальные (н). Как один баран заблеет, всю овчарню жажда одолеет (фи). Одна собака тявкнет — а за нею тысячи вой поднимут (яп). Одна собака лает просто так, остальные лают на нее (кит). Когда хрюкает одна свинья, хрюкают все (ис). Когда гогочет один гусь, гогочут и другие (н). Когда одна лягушка начнет квакать, все остальные ей подквакивают (рум). Стукнешь по одному звену — отдастся по всей цепи (сотхо).

* * *

**2.6. Все X-ы не годятся для одного и того же (для всего).
Один X не годится для всего. Все X-ы не сделаны
по одному образцу**

- А. Мудрость, власть.** Мудрость не живет в одном доме (Камерун). Все здравомыслие в одну голову не втиснуть (умбунду). Не все мозги находятся в одной голове (ит). Не вся власть в одной руке (но).
- В. Платье, обувь.** Всю одежду по одной выкройке не шьют (ф). Делать все на одну колодку (р). Все ботинки не сделаешь по одной мерке (швед). Все ноги одним башмаком обуть (л). Не всякий башмак на любую ногу годится (а). Одна шляпа не подойдет на все головы (но).
- С. Парус, седло.** Не всякий парус на любом корабле пригодится (ис). Не на любую спину подходит седло (ит).
- Д. Ключи.** Не все ключи висят на одном ремешке (н). Все ключи округи не висят на одном поясе (шо).

* * *

Для количественных пословиц характерным является логическое ударение на числительных, выражающих бинарные противопоставления. Если употребление числительного чисто стилистическое, пословица не количественная. Например: *Один дурак может спросить больше, чем десять мудрецов ответить*, или *Один враг — много, а сто друзей — мало*. Бинарные противопоставления в этих пословицах: «умный — глупый», «друг — враг».

Группа 1 охватывает все типы пословиц международного распространения, в которых имеется противопоставление «один — два или много» (или какое-нибудь другое числительное или слово, обозначающее количество большее, чем два). Один из членов оппозиции может только подразумеваться; так при утверждении «одному — плохо» подразумевается «вместе — хорошо».

Группа 2, в основе которой лежит бинарная оппозиция — «один — все (одна часть — целое)», была взята нами для сравнения; она представлена пословицами тех типов, которые ближе всего к пословицам группы 1.

В типах пословиц 1.1—1.6 ответ дается на вопрос «один или два (много)?» и альтернатива «один» отвергается. В типах 1.7—1.15 речь идет о соотношении «два или много — один» или об отношении одного к двум или многим объектам; «два» или «много» обычно отвергаются (кроме 1.11, где наличие двух объектов одобряется, и 1.12 и 1.14, где двойственность утверждается). Деление группы 1 на две группы привело бы к возникновению многочисленных трудных промежуточных случаев, тогда как в том виде, в каком она здесь дается (за исключением подгруппы 1.3А), она четко противопоставлена группе 2 и всем другим группам (за исключением 1.6).

В пределах группы 1 различные типы пословиц соотносятся и противопоставляются на разных уровнях, и нельзя сказать, чтобы эти уровни были хоть как-то связаны. Еще более проблематичным является выделение подтипов. Так, например, пословицы типа 1.9 можно сгруппировать по следующим принципам: 1) соперничество из-за места, из-за добычи или из-за района охоты; 2) соперничество при борьбе за власть, пищу или сексуального партнера, а также с целью вытеснить соседа, чтобы освободить место; 3) соперники могут быть одушевленными или неодушевленными, диапазон последних весьма разнообразен: от небесных светил до привычных мелких вещей. Животных можно классифицировать по их видовой принадлежности либо по тому, как их использует человек; людей можно классифицировать по полу, социальным или моральным критериям; 4) место соперничества и его объект могут изменяться от небесного свода до ушка иглы; 5) запрещение «тебе не следует» может принимать различные оттенки — предостеречь от невозможного, неразумного, безнравственного действия в ситуации «два против одного» или оставаться не выраженным точно; 6) понятие уместности включает отношения внутри чего-либо, над чем-либо, позади или до чего-либо; 7) запрещение может быть выражено категорически или более тонко, посредством разного рода стилистических приемов. Кроме того,

«два» может быть заменено словом «много» или местоимением множественного числа, возможны также комбинации различных подтипов. Разумеется, невозможно принять во внимание одновременно все критерии.

Если взять за основу лишь один уровень критериев для всех типов пословиц, то это может обернуться против наших целей, поскольку в разных контекстах использование одного и того же критерия может привести к противоположным результатам: в одном случае дать четкую классификацию, в другом — нечеткую. Так, в типе 1.9 у определенной части пословиц природа соперничества остается неясной; поэтому нам приходится классифицировать эту группу с помощью критериев третьего уровня (где в одну группу попадают пословицы с похожими соперниками), выделяя, однако, варианты, в которых подчеркивается наличие жертвы, в самостоятельную подгруппу (1.9F). Пограничные случаи встречаются иногда в связи с возникновением новых смысловых оттенков. Так, два капитана или кормчих на одном корабле — это тип 1.9С, корабль, затонувший из-за большого количества матросов, — 1.7В, а лодка, оставленная гнить по той причине, что у нее много владельцев, — 1.8А.

Мне уже приходилось излагать принципы международной системы пословичных типов на страницах журнала «Proverbium» (№ 15, с. 473—476). Международный симпозиум по пословицам, проходивший в Таллине совместно с конгрессом по финноугроведению в августе 1970 г., одобрил общий план моей работы по типологии, но по предложению некоторых ученых (в том числе Э. Кокаре из Латвийской ССР) я снабдил подтипы обобщенными описаниями. Я попытался включить в набор примеров, иллюстрирующих каждый подтип, по крайней мере один пример из каждого географического ареала, где он обнаружен, а в пределах данного ареала — представить ряд языков, достаточно далеко отстоящих друг от друга как типологически, так и географически. Тем не менее, в ряде случаев у меня получились нетипичные односторонние наборы примеров и даже совпадения в различных типах и подтипах. Например, числительное «два» в типе 1.7 и счетное слово «много» в типе 1.9 встречается куда чаще, нежели это можно заключить из приведенных примеров. Понадобится специальное исследование, чтобы ответить на вопрос, связаны ли эти отклонения с близостью 1.7 и 1.9; или же они отражают тот факт, что «два» и «много» в пределах данной группы взаимозаменяемы.

Как правильно отметил А. Крикманн («Proverbium», № 17, с. 624—626), моя система типов строится по принципу «God's Truth», т. е. по индуктивному принципу: она разворачивается снизу вверх, от конкретных текстов к конструкциям более об-

щего порядка, абстрактным или лишенным индивидуальных семантических характеристик (ср. Robbins Burling. *Cognition and Componential Analysis: God Truth or Hocus-Pokus?* — «*American Anthropologists*», 1964, vol. 66, с. 20—28). Сперва я обнаружил общие типы, сравнивая финский фольклор с фольклором овамбо, затем — фольклор Западной Европы с фольклором Востока. Позднее я стал искать их в фольклоре разных народов, в том числе и весьма разобщенных. Наиболее узкое международное распространение обнаруживается для типов 1.3 и 2.2, для которых я смог найти эквиваленты за пределами Европы только в фольклоре овамбо.

Возникает вопрос, в какой степени типы пословиц 1.1—1.15 покрывают все множество пословиц, структура которых основана на оппозиции «один — два (много)». Может ли система типов для пословиц разных континентов быть использована как основание для систематизации пословиц одного континента или одного языкового ареала, или же между типами и подтипами остаются широкие зоны, которым не находится места на карте?

Прежде всего я проанализирую несколько примеров из сборника «Пословицы овамбо» (ОР), которые не подходят под типы 1.1—2.6.

ОР № 50. *Невеста с двумя кожаными передниками* (= надежная). Эта пословица очевидно принадлежит к типу 1.13, хотя здесь речь идет о предмете одежды, а не о части тела, как в подтипах А — Е. Индекс этого типа — 1.13*.

ОР № 450. *Человек не одинок в мире; мне помог Угванга Шамбамби*. ОР № 2386. *Человек не одинок в мире*. В данном случае «быть одному» и «быть с другими» не противопоставляются как две исключаящие друг друга альтернативы, как в типе 1. Этот пример относится к классу пословиц, которые характеризуют существенные стороны бытия.

ОР № 701. *Один крааль не может одолеть голод* (т. е. человеку необходимо иметь много друзей). По-видимому, нам следует в типе 1.3А выделить подтип, куда войдут пословицы, в которых подчеркивается недостаточность одного дома, поля или жилища. Отсутствие модели «все зависят от одного» присоединяет № 701 к 1.3В. Индекс этого типа 1.3.*

ОР № 904. *Зимнее солнце — не солнце для двух работ*. ОР № 1778. *Пусть взойдет солнце и пусть будут два рассвета*. ОР № 1779. *Не бывает двух затра*.

Хотя по логической форме эти изречения связаны с группой типов 1.10—1.15, их ближайшие эквиваленты могут быть обнаружены среди пословиц, в которых содержатся размышления об отношении дня и ночи или о нехватке времени.

ОР № 1170. *Один столб держит крышу* (т. е. один помогает многим). Этот пример доказывает, что 1.3А является типом, промежуточным между 1 и 2. Пословице 1170 можно дать индекс 1.3А⁻, но все же она больше подходит для группы 2.

ОР № 1821. *Два льва съдят десяти гиен*. Пословицу следует рассматривать как контаминацию 1.5А и 1.6С.

ОР № 1993. *Птица упала на две страны, в каждой из которых свой вождь*. Если здесь речь идет о добыче для двух соперничающих вождей, то эта пословица принадлежит типу 1.9F; если же ее смысл в том, что птица — не подходящий предмет обладания для двух лиц одновременно, тогда это тип 1.8D. По всей вероятности, пословица принадлежит типу, в котором речь идет о дележе незначительных вещей.

ОР № 2128. *Солнце встает не для одного человека*. Здесь, очевидно, речь идет о недостаточности чего-либо (1.1—1.6) и незначительности в более широком контексте (2.1—2.2). Тем не менее структура данной пословицы не покоится на количественном противопоставлении, здесь, скорее, утверждается равенство людей (один — другой), неизбежность судьбы и явлений природы.

ОР № 2440. *Двое мужчин не соединяются (узами брака)* (т. е. один человек не может родить детей; без свидетеля нельзя опровергнуть заявление другого человека в суде). Этот пример заставляет нас подумать, стоит ли из системы классификации исключать информацию о контексте. В первом случае двое мужчин (вместо «один мужчина и одна женщина») противопоставляются так, как в группе мужчина — женщина. Во втором случае речь идет о том, что одного человека недостаточно для какого-то дела: 1.5D × 1.6А.

Видимо, в нашу систему типов необходимо ввести еще пару подгрупп, чтобы можно было все пословицы овамбо, распределенные между типами 1.1—2.6, обозначить точными индексами. В качестве особого случая мы только что проанализировали две пословицы как комбинацию типов 1.5 × 1.6 и одну пословицу как промежуточный тип между 1.3А и 2. Интересно, что 46 номеров из сборника пословиц овамбо, помещенных в сносках, распределились по 32 различным подтипам, и только типы 1.8, 1.11, 1.14 и 1.15 не представлены в фольклоре этой маленькой народности Юго-Западной Африки.

Среди пословиц других языковых ареалов мы несомненно встретим много больше количественных пословиц, с трудом поддающихся классификации, нежели мы их обнаружили среди пословиц овамбо, которые были подобраны в начальной стадии работы над классификацией. Некоторые указания на то, какие виды дополнений к предварительной схеме международной

классификации возможны, обнаруживаются на материале двух миллионов финских пословиц, просмотренных нами с целью выявления случаев, не нашедших отражения в наших подборках (примеры подтипов 1.1—2.6). Индекс типа со звездочкой обозначает самостоятельный подтип или аналогичное периферийное образование в сфере влияния данного типа; другие обозначения: — противоположное образование, $\pm$ амбивалентное образование и $\times$ промежуточный тип, контаминация.

Пословицы, на которые делается ссылка, можно найти по каталогу пословиц Финского Литературного общества; эти пословицы обычно начинаются на *uksi* (один) и *kaksi* (два).

1.1 $\pm$. *Хорошо быть одному и превосходно лежать вдвоем.*

1.1 $\times$ 1.2. *Не всю жизнь терпеть одному.*

1.4B $\pm$. *Одной женщины в доме недостаточно, а две — слишком много.*

1.5 $\bar{}$. *Один — это так же хорошо, как девять. Два редко бывает так же хорошо, как один.*

1.6 $\bar{}$. *Один добывает, девять съедают.*

1.8*. *Ладно, поделим поровну: два человека и один глаз.*

1.9 $\bar{}$. *Две лягушки легко поместятся в колодеце у пастора.*

1.9J $\times$ 1.10H. *Одному быку не нужны два ярма.*

1.10 $\times$ 2.6 $\bar{}$. *Один человек может кататься на многих санях.*

1.11*. *Если может один, и двое могут. Одно купание — два праздника.*

1.11 $\times$ 1.12 $\bar{}$. *Масло не намазывают с обеих сторон куска.*

1.12*. *И мы точим топор с двух сторон. Одно дело — девять точек зрения.*

1.13*. *Человек один, а хвостов пять.*

1.14*. *Одним и тем же ртом можно и плакать и смеяться.*

1.15*. *Нельзя расцепить себя надвое (или на несколько кусков).*

1.15D $\bar{}$. *В одном мешке можно унести разные плоды. Когда в горшке два куска мяса, жаркое ароматнее.*

2.1 $\times$ 2.2. *Войны не начинаются одним человеком и не кончаются, когда погибло десять.*

2.2*. *Из-за одного взбесившегося человека всех не сжигают. Из-за одного неурожайного года не стоит сжигать амбары.*

2.4 $\bar{}$. *Из-за одного человека животы у всех не болят.*

2.6*. *Одно лекарство не принимают от всех болезней. Нет места для всех в одной лодке, и дети всех матерей не поместятся за одним столом.*

В собрании финских пословиц обнаружены все типы 1.1—2.6, кроме 2.2 $\bar{}$. Остается надеяться, что национальные системы типов покажут, встречаются ли эти типы столь же часто, как в Финляндии и у овамбо. Только после того, как мы будем располагать такого рода данными, можно будет решить, каки-

ми типами и подтипами надо дополнить международную систему. Так, например, турецкая пословица *Нельзя привязать десять лошадей к одному столбу* [32; 525; 150] заставляет подумать, стоит ли в подгруппах 1.9J и 1.15E пословицы типа «двое вместе — слишком много» выделить в отдельную группу, поскольку в данных подгруппах не обнаруживается соперничества, столь характерного для 1.9, и нет той конкретности объекта, которая так характерна для 1.15. В пределах данного материала это, по-видимому, приведет к значительным трудностям в разграничении типов. По мере того как будет накапливаться новый материал, возможно, придется выделять новые типы и подтипы (1.16; 2.2E и др.), поскольку анализ достаточно большого количества разнообразных текстов вскроет в классификации лакуны и даже ошибки. Чтобы избежать возможного пересечения, лучше обозначать новые типы и подтипы пословиц при помощи индекса группы со звездочками 1*, 1** и т. д. или 1.1*, 1.1** и т. д.

В заключение мне остается изложить причины, по которым я не основываю свою систему на классификации Г. Л. Пермякова, представленной в последней части его работы [30]: «Пословицы и поговорки народов Востока, расположенные по логико-семиотическим инвариантам, а внутри них — по логикотематическим группам». Г. Л. Пермяков считает, что его классификация охватывает не только все существующие типы пословиц; но и такие, которые можно построить. В действительности же некоторые типы пословиц (1.1—2.6) из числа приведенных им часто встречаются в различных группах, в то время как около трети типов не представлено у него вовсе. Поскольку Г. Л. Пермяков начинает с наиболее общего членения и идет от него ко все более дробным подразделам, четкость его систематизации в значительной мере зависит от того, насколько хорошо различаются отдельные понятия.

Я продемонстрирую недостатки метода Г. Л. Пермякова на небольшой группе примеров:

1. *Два медведя в одной берлоге не уживутся.*
2. *Два хозяина в доме — нет согласия; два короля в государстве — нет мира.*
3. *Девушка одна, а женихов восемь.*
4. *Когда много кормчих — корабль разбивается.*
5. *Двое рулевых в одной лодке.*
6. *На одной голове два кувшина не унесешь.*
7. *В одной чалме двух голов не бывает.*
8. *Две пары сандалий сразу не наденешь.*
9. *Захочешь много — получишь мало.*
10. *Схватил много — ничего не схватил.*

По классификации Г. Л. Пермякова, два примера из числа приведенных выше выражают «отношение вещи и ее свойства» (инвариант IЖ) и принадлежат к одной логико-тематической группе «Внутренняя цельность — Противоречивость». Какие это примеры?

Г. Л. Пермяков считает, что пять примеров передают «отношения между вещами» (инвариант IЖ). Причем три из них попадают в логико-тематическую группу «Претенденты (соперники) и Место», а два других — в группу «Сколько — Столько», которая связана с количественной зависимостью или независимостью. Какие это три примера и какие два?

В трех примерах отражено «отношение предпочтения между вещами в зависимости от наличия у них тех или иных свойств» (инвариант IIЖ), и все они принадлежат к логико-тематической группе «Много или Мало?» Что это за примеры?

Если читатель догадается, о каких примерах в каждом случае идет речь (желательно, чтобы читатель предварительно сам ознакомился с теорией Г. Л. Пермякова в его собственном изложении), то я готов согласиться, что эта «манипуляционная» классификация может стать основой международной системы типов.

Теперь посмотрим, какой ответ дает на сформулированные выше вопросы классификация Г. Л. Пермякова. В примерах 6 и 8, оказывается, выражено отношение между вещью и ее свойством: изречения о двух кувшинах и двух парах сандалий представляют свойство «Внутренняя цельность — Противоречивость». Примеры 1, 3, 5, 7 и 9 объединяет идея отношения вещей между собой; в примерах 1, 5 и 7 речь идет о борьбе вещей за место, в примерах 3 и 9 — о количественной независимости вещей друг от друга. Наконец, в примерах 2, 4 и 10 говорится об отношении предпочтительности между вещами в зависимости от того, имеют ли они определенные свойства или нет (в данном случае — о предпочтительности их избытка или недостатка).

Если внимательно сравнить группы примеров Г. Л. Пермякова, можно увидеть, что он разделяет по далеко отстоящим друг от друга группам пословицы, сходные по своему характеру, и наоборот, объединяет пословицы, совершенно различные по содержанию. Отыскивать какой-либо тип пословиц в классификации Г. Л. Пермякова все равно, что искать иголку в стоге сена. Число «два» у него то оценивается как «вещь», то как «свойство», и расположение пословиц в работе, например тех, которые приводились выше [30, 189—190, 227—228, 244, 324—326], целиком зависит от этого в высшей степени спорного решения. При составлении группы «Много или Мало?» такое, в

общем-то случайное, обстоятельство — присутствует или нет слово, обозначающее изобилие или недостаток, в русском переводе данной пословицы, — оказывается более важным, чем действительное наличие изобилия или недостатка, имплицитно присутствующих в понятиях «болтливость», «любопытность» или «ветвистость (дерева)».

Точно так же при разделении логико-тематических групп на подгруппы Г. Л. Пермяков исходит из того, какое отношение к основной проблеме высказывается в пословице: положительное, отрицательное или амбивалентное. Иначе говоря, он основывается на поверхностной структуре пословицы. Пример 5 может показаться положительным высказыванием только потому, что там нет грамматически выраженного отрицания. На том же основании мы вынуждены считать амбивалентным пример *Семь дервишей поместятся на одном коврике, но два шаха не уместятся в одной стране* [30, 228]. Между тем по глубинной структуре оба примера несомненно следует отнести к типу 1.9.

Смелая и оригинальная работа Г. Л. Пермякова по классификации демонстрирует новаторский подход к изучению пословиц: именно его монография в значительной мере вдохновила меня на мои поиски в этой области. Но так или иначе, ученый, стремящийся построить классификацию, должен основываться на чем-то более общем и постоянном, нежели варьирующие и взаимозаменяемые поверхностные структуры, обусловленные языком или средой. Исследователь, который ограничивается одним языком или группой языков, едва ли сможет обнаружить то, что свойственно пословицам всех народов. В данной статье я попытался показать, что такая общая основа действительно существует. В будущем мы сможем уточнить, в какой степени бинарные противопоставления (один — два, один — все и др.) свойственны всем типам пословиц мира. Структурный анализ — это не ключ ко всем закрытым дверям в паремиологии, но это ключ, который открывает путь от поверхностных тождеств и различий к ясному пониманию существенных соответствий и противопоставлений.

БИБЛИОГРАФИЯ (ВЫБОРКА)

1. Düringsfeld I., Reinsberg-Düringsfeld O. Sprichwörter der germanischen und romanischen Sprachen vergleichend zusammengestellt, Bd 1—2. Leipzig, 1872.
30. Пермяков Г. Л., Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
32. Пословицы и поговорки народов Востока. Отв. ред. И. С. Брагинский. М., 1961.

57. Graf A. E. 6.000 deutsche und russische Sprichwörter. Halle, 1960; Idiomatiche Redwendungen und Redensarten der russischen und der deutschen Sprache. Berlin, 1956.
70. Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörterlexikon, Bd 1—5. Leipzig, 1867—1880.
71. Zanne J. A. Proverbele Româniilor din România, Basarabia, Bucovina, Ungaria, Istria și Macedonia... București, 1895 — 1900.
74. Otto A. Die Sprichwörter und Sprichwörtlichen Redensarten der Römer. Leipzig, 1890.
77. Kuusi M. Ovambo Proverbs with African Parallels. Helsinki, 1970.
82. Proverbium. Bulletin d'information sur les recherches parémiologiques. Helsinki, 1965—1972.
240. Whiting B. J., Whiting H. W. Proverbs, Sentences, and Proverbial Phrases From English Writings Mainly Before 1500. Cambridge, Mass., 1968.
241. Tille y M. P. Dictionary of the proverbs in England in the sixteen and seventeen centuries. University of Michigan Press, 1950.
313. Kjær I., Holbek B. Ordsprog i Danmark. 1970.
370. Karjalaisia sananpolvia (Karelische Sprichwörter). Red. Miettinen L., Leino P. Helsinki, 1971.
430. Krzyżanowski J. Mądrzej głowie dość dwie słowie. Warszawa, 1958—1960.
431. Krzyżanowski J. Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich. B. I—II, Warszawa, 1969—1970.
433. Wallis S. Przysłowia i «pogodki» ludowe na Górnym Śląsku. Wrocław, 1960.
434. Ondrusz J. Przysłowia i przymówiska ludowe ze Śląska Cieszyńskiego. Wrocław, 1960.
480. Roberts W. The Proverb. Studies of Cheremis Folklore. Ed. by Sebeok T. A. V. 1. Bloomington, 1952.
840. Westermarck E. Wit and Wisdom in Morocco. London, 1930

А. А. Крикманн

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОСЛОВИЦЫ

I. ВОЗМОЖНЫЕ СПОСОБЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ПОСЛОВИЦ

При исследовании содержания пословиц можно использовать, в частности, следующие три способа.

1. **Чисто семантический** (виртуальный) способ. Исследователь начинает расшифровывать пословичные тексты, не привлекая какой-либо прямой информации об их значении и употреблении, т. е. опираясь лишь на собственные знания и представления о том, (а) какими являются отношения предметов во внеязыковой действительности, (б) какие значения имеют слова, встречающиеся в данных пословичных текстах, в обычном, непоэтическом языке, и (в) что представляют собой сами пословицы, по каким семантическим правилам они конструируются и в каких случаях уместно употреблять ту или иную из них. Такой подход как максимально внеконтекстный¹ и тем самым максимально «удобный» принят большинством исследователей. Однако он страдает существенным недостатком, ибо дает лишь гипотетический результат: каждой пословице приписывается некоторый семантический потенциал, но невозможно сказать, какая часть этого потенциала действительно реализуется в фольклорной традиции. Когда исследуемый материал берется из чуждой для исследователя культуры или является интернациональным, то, естественно, возникают многочисленные ошибки в толковании пословиц.

---

¹ Но и этот способ является внеконтекстным лишь относительно. Большое количество предварительных знаний и представлений создает своего рода виртуальный контекст, близкий понятию «ограниченного контекста» (restricted context) Дж. Лайонса [29, 419 и сл.]. Для обозначения такого рода предварительных условий непосредственно в пословицах Г. Л. Пермяков пользовался термином «логический контекст» [11, 44] и М. А. Черкасский термином «семиотический фон» [17, 471].

2. **Семантико-прагматический** (актуальный) способ. Исследователь рассматривает тексты пословиц исключительно в их актуализациях, т. е. пользуется только прямой фактической информацией о конкретных речевых и ситуативных контекстах, в которых до сих пор актуализировался тот или иной пословичный текст. В принципе такой подход должен давать вполне достоверное представление о значении (значениях) каждой поговорки, но практически этим способом, к сожалению, пользоваться нельзя, потому что в распоряжении паремистов имеется безнадежно малое количество информации о действительных условиях применения поговорок и их контекстах, а этот пробел трудно восполним.

3. **Синтактико-семантический** способ. Этот способ, помимо интерпретации (употребления) каждой отдельной поговорки и ее семантического описания, подразумевает изучение семантических отношений между поговорками и их содержательное сравнение. В идеальном случае ставится задача семантического описания какого-либо пословичного корпуса в целом с оформлением описания в виде единой классификации или типологии. Научная ценность подобных классификаций была бы неопределимой. Однако такой способ предъявляет высокие требования к метаязыку описания: он требует, чтобы были указаны отношения каждой отдельной поговорки с каждой другой поговоркой, чтобы были найдены различительные элементы для экспликации коннотативных «нюансов» каждой поговорки, для разграничения синонимических поговорок и т. д. Это значит, что требование строгости языка описания вступает здесь в острое противоречие с многоаспектной семантической неопределенностью поговорок, о которой пойдет речь ниже.

Практически было бы целесообразно применять некоторый комбинированный способ, в котором учитывалась бы как прямая документальная информация, так и собственные знания и представления исследователя. Но ни один из приведенных способов не следует считать единственно возможным и единственно перспективным. К тому же в так называемых естественных системах часто бывает трудно отграничить чисто семантические аспекты от прагматических и синтаксических.

II. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ДЕНОТАЦИИ. ПРОБЛЕМА ТРОПА В ПОСЛОВИЦЕ

Итак, значение поговорки как виртуального или письменного зафиксированного текста является для исследователя лишь семантическим потенциалом. Окончательные, максимально оп-

ределенные значения пословичный текст получает только в своих действительных актуализациях. Существующее количество всех актуализаций какой-либо пословицы, как бы велико оно ни было, обычно не исчерпывает полностью интерпретационного потенциала этой пословицы: как традиционны сами пословичные тексты, так же традиционно какое-то количество «типовых ситуаций» и значений, в которых обращается или используется та или иная пословица. Так, при анализе пословичного текста мы имеем дело с двумя разными вещами: (а) «абсолютной суммой» всех его возможных значений, составляющих его интерпретационный потенциал, и (б) суммой всех его действительных значений, которые манифестировались в его прежних актуализациях. Так как мы недостаточно знаем действительные значения пословиц, в большинстве случаев нам не удастся сформулировать семантический потенциал пословицы таким образом, чтобы он был адекватным сумме ее действительных значений, т. е. мы допускаем некоторые ошибки, например: (1) тексту дается слишком широкое (в слишком общих терминах) описание, которое включает, кроме всех его действительных значений, и ряд ирреальных; (2) значение пословицы понимается слишком узко и часть реальных значений оказывается вне описания; (3) оба вышеуказанные недостатка одновременно: описание включает ряд ирреальных и исключает ряд реальных значений; (4) формулировка потенциала вовсе не содержит реальных значений².

В качестве иллюстрации рассмотрим возможности толкования эстонской пословицы *Tühi kott ei seisa püsti* (букв.: *Пустой мешок не стоит (прямо)*).

Мы можем понимать смысл этой пословицы довольно узко, как она может быть интерпретирована большинством наших современников, и описать ее при помощи конкретных, малообъемных, но содержательных понятий, например, таким образом: «глупый или неспособный в некотором

² (1) Из сказанного не следует, однако, будто возможно и «абсолютно безошибочное» описание значения текста пословицы. Точнейшим семантическим описанием пословичного текста является сам этот текст, всякое другое описание неизбежно будет лишь приблизительным (более бедным, извращенным). О. С. Ахманова [1, 20] обратила внимание на трудности семантического описания фразеологизмов и на неадекватность употребления для этих целей парфраз. (2) Знание действительных фактов использования пословичного текста помогло бы нам избежать опасности неправильного понимания, но не трудности описания «суммы его действительных значений». Проблемой становится уже разделение этой суммы значений как обшей (или соединение всех единичных значений, реализованных во всех отдельных актуализациях данной пословицы) на четко разграниченные классы на уровне осознания, т. е. выяснение так называемых «узлов» пословицы [об этом понятии см. 5, 174 сл.].

ином смысле человек не продержится долго на какой-нибудь позиции (на высокой должности, в хорошем мнении и т. п.), куда он случайно попал'. Но мы можем сформулировать описание и очень абстрактным языком, рассуждая примерно так: (1) м е ш о к — т. е. 'какой-то объект'; (2) п у с т о й — т. е. 'не содержит или не имеет чего-то такого, чего подобные объекты могут в принципе содержать или иметь'; (3) с т о я т ь (п р я м о) — т. е. 'находиться в течение некоторого времени в какой-то неподвижности по отношению к другому объекту (фону), причем состояние объекта по отношению к фону считается в некотором смысле более высоким (или более негэнтропическим), чем состояние фона, в результате чего существует возможность аннулирования этого состояния и необходимы какие-то] дополнительные условия, чтобы его сохранить'; (4) если рассматривать и «пустоту» и «неустойчивость» как действительные состояния объекта, то «пустоту» можно рассматривать как причину «неустойчивости», и, наоборот, «неустойчивость» — как следствие «пустоты»; (5) действительным состоянием объекта также можно считать только «пустоту», в то время как в аспекте «устойчивости» были бы возможны обе альтернативы, так что «неустойчивость» представляла бы реальную, вероятную возможность, «устойчивость» же — формальную, невероятную; (6) «пустоту» можно понимать как что-то такое, что свойственно объекту внутренне и сущностно, а «неустойчивость» — как внешнее или видимое проявление этого внутреннего и сущностного; (7) изречение можно интерпретировать и так, что «пустота» не свойственна объекту специфически, а характеризует лишь его единичное или случайное состояние, т. е. «неустойчивость» приписывается данному объекту не как таковому вообще, а только тогда и до тех пор, пока объект находится в этом (негишном для него) состоянии. Соответственно семантическое описание предложения можно сформулировать несколькими различными способами, например: (8) 'если существует причина, ей последует и следствие'; (9) 'если отсутствуют реальные возможности для совершения какого-то события, то это событие и не происходит в действительности'; (10) 'если объект имеет какой-нибудь внутренний или сущностный признак, то его существование проявляется и в чем-то внешнем и видимом'; (11) как-то «суммарнее», например: 'объект, у которого, в зависимости от его сущности или по каким-нибудь внешним и случайным обстоятельствам, отсутствует (или не является реальной) возможность перейти в качественно более высокое или более негэнтропическое состояние, не достигнет этого и в действительности, пока существуют причины, отрицающие или минимизирующие эту возможность (если они не являются сущностными); и если даже он по каким-либо внешним или случайным обстоятельствам попал в это состояние, то не может пребывать в нем после прекращения влияния этих случайных факторов'; (12) конкретизируя понятие «несодержимого»: 'система, которая не содержит достаточно вещества и / или энергии и / или информации, не сможет подняться из существующего состояния в более негэнтропическое или упадет в более энтропическое,

если прекратится приток соответствующего вещества и/или энергии и/или информация' или каким-либо другим способом.

Кажется, однако, что подобный способ описания содержания пословиц является нецелесообразным, потому что, во-первых, как мы видели, пословичный текст оказывается неопределенным «потенциалом» не только по отношению к конкретным возможностям употребления, но и по отношению к своим возможным абстрактным семантическим описаниям: мы можем давать пословице несколько разных описаний, ни одно из которых не будет исчерпывающим и из числа которых трудно предпочесть одно другому; во-вторых, с их помощью почти невозможно отличить одну пословицу от другой; в-третьих, они в значительной мере отражают не свойства самого описываемого объекта, а особенности языка описания и сознания описывающего.

Следовательно, надо сделать некоторые ограничения. Так как пословице специфически характерен «антропоцентризм», то будем полагать, что и эта пословица относится именно к человеку, т. е. определением «пустой» характеризуется некоторое состояние отдельного человека или группы, некоторое его мероприятие, речь и т. п. Конкретнее, пустой мог бы обозначать лишение разного рода физико-биологических, интеллектуальных, нравственных, социальных, материальных и других благ и достоинств, или же бессмысленность или ложность человеческих действий (работы, речи), например: (а) 'бессильный'; (б) 'больной'; (в) 'голодный'; (г) 'глупый'; (д) 'злой'; (е) 'бедный'; (ж) 'пустая работа'; (з) 'пустой разговор', 'ложь' и т. д. В этих же координатах мы можем интерпретировать и синтагму не стоит (прямо): (и) 'упадет'; (к) 'заболеет'; (л) 'потеряет физические способности (работоспособность и т. п.)'; (м) 'умрет'; (н) 'потеряет репутацию (поддержку, любовь, уважение, доверие)'; (о) 'потеряет позицию (роль, профессию и т. п.)'; (п) 'потеряет состояние, имущество'; (р) 'не имеет успеха (в работе)'; (с) '(ложь) выходит наружу' и т. д. и т. п. Если попытаться теперь скомбинировать предположения (а) .....(з) и следствия (и).....(с) между собой, то часть комбинаций выпадет уже на уровне здравого' смысла, но останется и ряд возможных комбинаций: аи ('бессильный упадет'), бл ('больной не может работать'), вл ('голодный умирает'), гн ('дурак потеряет репутацию'), гп ('дурак потерпит материальный убыток'), а также ак, ан, ао, би, бм, бн, бо, ви, вк, вл, го, дн, ен, ео, жр, зн, зс и другие.

Далее мы не можем самостоятельно аргументировать наличие или отсутствие, частоту или редкость той или иной комбинации в действительной традиции. К счастью, эстонские собиратели довольно подробно прокомментировали эту пословицу (имеется около тридцати разъяснений ее содержания) — и получается, что большинство из них представляет собой манифестации только двух комбинаций: вл ('голодный потеряет работоспособность') и зс ('ложь или напрасная похвала выходит наружу'). Толкования 'дурак потеряет репутацию' (гн) и 'дурак потеряет позицию' (го), сколь естественными они ни казались бы, в настоящее

время не встречаются вовсе. Если добавить, что существует также толкование 'голодное (домашнее) животное потеряет работоспособность или продуктивность', то и наша гипотеза о «человекообразности» этой пословицы оказывается неисчерпывающей.

Одним из главных источников семантической (особенно денотативной) неопределенности пословицы является многоинтерпретируемость пословичного тропа, на что часто указывалось и в литературе. В связи с «языковой» гомо/гетерогенностью текста пословицы и поэтичностью/непоэтичностью его словесных компонентов возможны два следующие противоположные толкования. (1) Текст пословицы предполагается внутренне гомогенным, целиком поэтическим. Каждый его элемент принадлежит ко «вторичному», поэтическому (П-языку) и с принципиальной строгостью отделяется от всех (особенно от омонимичных) элементов «первичного», т. е. обычного непоэтического (Л-языка) и языка «третьего порядка», т. е. метаязыка, описывающего содержание пословиц (М-языка). Так же отделяют Л-языковые выражения от М-языковых³. (2) Текст пословицы рассматривается внутренне гетерогенным, и его словесные компоненты делятся на «содержательные» (с-элементы) и «формальные» (ф-элементы). В число последних вошли бы всякого рода так называемые реляционные и кванторные слова (есть, нет, и, или, все, всегда, иногда и т. п.); слова, обозначающие модальность (должно, можно, нельзя, хорошо, плохо,); различные вопросительные слова; также слова, представляющие собой так называемые синтаксические фигуры или синтаксические формулы (Если..., то...; Кто..., тот...; У каждого... свое...; Лучше... чем... и т. п.). Остальные слова вошли бы в число с-элементов, и, в свою очередь, их можно разделить, например, по значению на прямые (с₁-элементы) и переносные (с₂-элементы). Притом поэтическими считались бы только, например, с-элементы или, еще уже, только с₂-элементы.

Несмотря на то, что применение первого толкования к пословицам требует некоторых оговорок, все же оно имеет существенные преимущества перед вторым, довольно распространенным.

1. Можно указать множество случаев, когда ф-элементы явно выполняют в пословице семантические функции, близкие

³ Ср., например, точку зрения Р. Якобсона [18] о том, что в поэтическом тексте — все поэтическое, включая грамматические элементы и структуры. Отношения П-языка с другими представляют здесь две модификации так называемого метасемантического отношения, которые носят у Р. Барта названия *к о н н о т а ц и я* (у нас Л : П) и *д е н о т а ц и я* (у нас П : М) (см. 20, 89 сл.).

функциям тропов. Довольно регулярно встречается в пословицах явление особой, можно сказать, модальной метарифы, примером которой могут служить, например, (а) риторический вопрос, регулярно обозначающий отрицание, (б) ирония, (в) другие случаи, когда формально изъявительное наклонение под влиянием с-элементов текста и/или содержания контекста приобретает значение некоторой иной (деонтической, эпистемической) модальности.

2. Существенными признаками поэтичности можно считать разного рода эффекты контраста и симметрии, возникающие при любых явлениях параллелизма (см. 18, 400). Если различать в поэтической реализации пословичного текста три аспекта — эвфонический, синтаксический и тропо-лексический, — то отношения эвфоники и тропики можно охарактеризовать следующим образом: (1) единство в «материальном плане» текста: эвфоническое «украшение» текста может происходить только путем выбора, повторения и/или комбинирования порядка словоформ; (2) оппозиция при создании текста: надо проявить поэтическую находчивость, чтобы «внесение» эвфонизмов не сопровождалось «приглушением» тропического образа; (3) взаимная компенсация при восприятии текста: для преодоления барьера фольклорной привычности тексту не обязательно обладать заметными достоинствами как со стороны тропа, так и со стороны эвфонии, а достаточно обладать ими или со стороны тропа, или со стороны эвфонии (или вне того и другого)⁴. Зато приемы, входящие в поэтический синтаксис пословицы, действуют в качестве компенсаторов как в плане создания, так и в плане восприятия. Так, например, свойственная пословице синтаксическая симметрия может, с одной стороны, вызывать к жизни некоторые спонтанные эвфонические начала (явления парадигматической или грамматической рифмы, контуры ритма), с другой же стороны, она выполняет непосредственно семантические задания («регулирует» смысл предложения, указывает на отношения с-элементов — утверждает и отрицает, соединяет и исключает и т. д.). Особенно существенно здесь то, что синтаксическая симметрия привлекает своего рода эффект «семантической симметрии»: устанавливается парадигматика второго (поэтического) порядка и оба (все) члена полученных парадигм манифестируются непосредственно в самом тексте. Это позволяет кроме обычных языковых антонимов и

⁴ На явления компенсации между уровнями стиля русских частушек указывал еще Б. И. Ярхо [3, 509]. Б. Гольбек предполагает непосредственно в пословицах существование отрицательной корреляции между наличием эвфонизмов и метафоры [23, 56].

синонимов рассматривать в качестве оппозиционных на уровне поэтики отношения большого количества слов, которые на уровне Л-языка были бы абсолютно несопоставимыми, например, слова *седина* и *бес* в предложении *Седина в бороду — бес в ребро*, слова *собака* и *ветер* в предложении *Собака лает — ветер носит*, слова *угол* и *пирог* в предложении *Не красна изба углами, красна пирогами*, слова *ухо* и *угол* в предложении *Скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол* и т. п.⁵

3. Рассматриваемая точка зрения не обязывает нас обозначить четкие «двувалентные» границы между ф- и с-элементами, с одной стороны, и между с₁- и с₂-элементами, с другой. Это целесообразно, потому что таких границ в действительности не существует. Скорее, положение в обоих аспектах можно рассматривать как чередование большого количества «серых тонов» на некоей длинной шкале. При различении с- и ф-элементов на одном конце этой шкалы могли бы расположиться типичные реляционные слова, а на другом — какие-то «сверхсодержательные» слова со сложной семантической структурой. Столь же проблематичным является различение с₁- и с₂-элементов. Нам неизвестно, предпринимались ли попытки установить, какие слова позволяют легче «переносить» себя, а какие труднее. Во всяком случае ясно, что, хотя ф-элементы и могут участвовать в образовании тропа, их переносы осмысляются в узком диапазоне тропов; слова, обозначающие абстрактные объекты с широким объемом понятия, также имеют лишь ограниченные возможности «тропизации», — иначе говоря, существует явная корреляция между «бессодержательностью» слова и «непереносимостью» его значения.

Дадим теперь краткую характеристику семантических механизмов пословичного тропа.

1. Паремологи пока мало интересовались тем, каковы факторы, позволяющие считать некоторый сегмент потока речи пословицей и требующие его семантического перекодирова-

⁵ Эти и другие обстоятельства позволяют относиться с осторожностью к попыткам описать так называемую логическую или синтаксическую структуру пословиц имманентно, т. е. не учитывая конкретных с-элементов. С-элементы пословичного текста не могут быть отождествлены с изменяющимися в логических выражениях. Логическую семантику интересует только истинность / ложность изменяющихся, а не их конкретное содержание, и возможности видоизменения логических выражений также зависят лишь от их истинности и от отношений логических операций, которые заданы аксиоматикой. Зато реальные трансформы (т. е. варианты) пословиц, как и возможности их трансформации, полностью зависят от содержания конкретных с- и ф-элементов. Также нецелесообразно игнорировать семантику с-элементов при создании порождающих моделей пословиц (ср. 2, 14—15).

ния. На наш взгляд, эти факторы могут быть следующими: (1) текст не подходит ситуативному и/или речевому контексту: у него «неправильный» квантор (общности), и его буквальное содержание не соответствует контексту; (2) Л-языковое утверждение или предписание, представленное в тексте, кажется слишком тривиальным; (3) Л-языковое утверждение или предписание кажется ложным; (4) ощущается несоответствие или противоречие между элементами самого текста: в буквальном понимании текст кажется бессмысленным; (5) текст слишком упорядочен и орнаментирован (синтаксическая симметрия, эфонизмы).

2. Кажется, что нет четкой границы (а) между пословицами со «слишком тривиальным» прямым значением и пословицами с бесспорно «неправильным» прямым значением и (б) между пословицами с «неправильным» прямым значением и пословицами с противоречивым или бессмысленным прямым (Л-языковым) содержанием. В последние годы многие авторы высказывали мнения, что изречения являются семантически правильными или неправильными, осмысленными или бессмысленными не сами по себе, а лишь в связи с конкретным контекстом, в котором они актуализуются, и что нет четких границ (а) между «нормальной» полисемией слов и их метафорическим употреблением, (б) между языковой («стертой») и поэтической («свежей») метафорой и (в) между метафорой и бессмысленной комбинацией слов (см., например, 15, 113—119; 16, 123—126; 33, 240—251; 21, 34—52).

3. С другой стороны, понятно, что на шкале полисемия → языковая метафора → поэтическая метафора → бессмыслица фольклорные (включая фразеологические) тропы занимают место, отличное от места тропов современной поэзии. Последняя стремится к уменьшению избыточности между элементами текста, так что истинной и ценной является здесь именно такая метафора, которая «вне данного поэтического контекста равняется бессмыслице» [10, 250] и даже в контексте осмысляется через сложные и неопределенные ассоциации. Зато фольклорные и фразеологические тропы являются традиционными, каноническими, стереотипными, как правило, слышанными много раз и автоматически «разгадываемыми»⁶.

⁶ Не рассматривая подробнее, почему паремические образы все же сохраняют поэтическое очарование в глазах потребителей, укажем на интересную концепцию Ю. М. Лотмана о принципиальном различии фольклорной эстетики как «эстетики тождества» и эстетики современной поэзии как «эстетики противопоставления» [8, 172—183] и о фольклорной коммуникации как особого вида автокоммуникации [9, 49—51].

4. Лексический состав пословичных тропов является довольно повседневным. Существует ряд семантических полей, лексикой которых пословица охотно оперирует в своих образах: названия животных, растений, элементов пейзажа, природных явлений и «стихий»; топонимы и этнонимы; соматическая лексика; числительные; названия бытовых предметов; лексика, связанная с пищей и домашним хозяйством; слова, обозначающие различные категории людей (родство, социальный статус и функции и т. д.) (ср. также 14, 228).

5. Существуют некоторые общие принципы и правила, по которым конструируются (в направлении идея → текст) тропы пословиц и которые работают в противоположном направлении (текст → значение) при понимании пословиц. Пословичный троп является чаще всего парадигматическим, т. е. метафорическим⁷, при этом метафорам пословиц свойственно определенное направление переносов: объяснить более сложное через более простое, менее известное через более известное, представить, например, духовное через физическое, идеальное через материальное, абстрактное через конкретное, социальное через биологическое и т. д. Ведущую роль в этих видоизменениях играют оппозиции **человеческое — нечеловеческое** и **природное — культурное**.

6. Чаще всего пословичный троп выступает в виде аллегории, проходящей через все с-элементы. Стихии, неодушевленные природные объекты, вещи, растения, животные и т. д. обозначают здесь людей, человеческие действия, объекты и продукты человеческой деятельности. Такие аллегорические тексты являются в основном внутренне непротиворечивыми (или избыточными), и их следует «переводить» целостно; ф-элементы принадлежат безличному «отправителю». Если наклонение в таких текстах является изъяснительным, то они представляют минимум участия человека в Л-языковом плане содержания пословицы. Дальнейшее проникновение человека во внешнее содержание может происходить (а) через ф-элементы (часто именно в побудительных предложениях): в тексте появляется адресат, безличный «ты», которому пословица направляет свои прогнозы, повеления, запреты и т. д.; (б) через с-элементы: человек начинает непосредственно действовать и в Л-языковом содержании текста (или же он содержится там имплицитно). Но и тогда, когда человек уже дан в Л-языковом содер-

---

⁷ О связи метафоры с парадигматикой (системой) и метонимии с синтагматикой см., например, 24, 81; 20, 60. Барт здесь же указывает, что одной из областей, где метафора доминирует над метонимией, является именно афористика.

жании пословицы, все равно сохраняются возможности переноса с «более низкого» на «более высокое»⁸.

7. При разгадывании аллегорий пословиц следует учитывать как синтагматические, так и парадигматические факторы. Предметные, вещественные «пики» аллегорий, взятые в отдельности, вне пословичного текста, часто не говорят ничего определенного о действительной теме и идее пословицы. С другой стороны, каждое слово, входящее в состав тропа, привносит в текст пословицы все ассоциации и коннотации, связанные с его прямым значением, которые также нельзя оставить без внимания⁹.

8. Есть ряд «полуформальных» слов, играющих роль своего рода ключей при осмыслении аллегорической цепи. Эти слова (в основном глаголы, прилагательные и наречия) являются более «содержательными», чем реляционные слова, но все же соединяются с большим количеством конкретных вещественных денотатов и так давно перенесены и на абстрактные и идеальные объекты, что мы не воспринимаем в них никакой образности¹⁰.

Подобные слова являются «слабыми звеньями» в аллегорической цепи и облегчают осмысление «пиков» аллегии, но, с другой стороны, делают невозможным указать точно, где именно пословицы с «полностью переносным значением» видоизменяются в такие, в которых троп бесспорно охватывает только часть с-элементов или является «ломаным» (broken).

9. При полной аллегории причиной (виртуального) переосмысления текста служит в основном чрезмерная тривиальность его Л-языкового содержания, малая «прагматическая нагрузка»

⁸ Например: (1) физический рго моральный или интеллектуальный недостаток (больной, слепой, глухой, горбатый); 2) физиологическое рго духовное или социальное состояние недостаточности / насыщенности (голод, жажда, сытость); (3) физическое рго психическое, моральное или социально-экономическое состояние бедствия или вреда (удар, рана, боль); (4) физическая рго социальная акция, взаимодействие или другое действие или процесс (лазанье, падение и вставание, поиск и нахождение, путешествие, охота, драка, дойка и стрижка) и т. д.

⁹ Ср. высказывание Б. А. Успенского: «... смысл слова в его поэтическом употреблении, с одной стороны, задается общим (парадигматическим) значением соответствующего слова, а с другой стороны, — создается контекстом» [16, 126]. Н. Барли предлагал ввести в описания структуры пословиц так называемые «ограничения релевантности (relevance restrictions)», которые уточняли бы сферу применения пословицы именно в зависимости от Л-языковых значений ее с-элементов [19, 740].

¹⁰ Например: близко и далеко, высокий и низкий, впереди и позади, начало и конец, старый и новый, много и мало, расти и уменьшаться, полный и пустой, тяжелый и легкий, сильный и слабый, мягкий и твердый, теплый и холодный, уходить и приходить, принести и унести, давать и получать и многие другие.

ка). Зато в частично аллегорической пословице мы обязательно имеем дело с какой-нибудь Л-языковой семантической несовместимостью или противоречивостью в самом тексте между его словесными элементами. В последнем случае метонимический образ доминирует над метафорой и направление переносов может быть обратным обычному: неодушевленное, животное или растительное характеризуется через человеческое, а биологическое и физическое — через социальное и психическое¹¹. Существует ряд слов, наличие которых является надежным признаком того, что троп охватывает только часть с-элементов или является «ломаным»¹². Возможности переноса таких слов вообще ограничены в силу того, что они уже по происхождению связаны с психическими, этическими и социальными аспектами человека, т. е. именно с теми семантическими областями, которые чаще всего подразумеваются в паремических переносах.

10. Многоинтерпретируемость не является единственным источником денотативной неопределенности пословицы. Если в пословичном тексте вовсе отсутствуют слова, обозначающие физические объекты, то нет причины вообще говорить о тропе.

Существует множество пословиц, состоящих только из ф-элементов и «полуформальных» слов и оперирующих уже в Л-языковом плане содержания очень абстрактными и объемистыми понятиями. Такие тексты напоминают, скорее, метаязыковые объяснения содержания, чем собственно поэтические тексты, и, кажется, имеют очень широкое применение¹³. Однако при наличии достаточной информации, возможно, обнаружилось бы, что область их употребления является более ограниченной, чем кажется с первого взгляда¹⁴.

¹¹ Например: *У зимы поповское брюхо; Собака друг, а лошадь враг; Просо ветру не боится, а морозу кланяется; Ветер снег съедает; Весна и осень на пегой кобыле ездят; Водка — вина тетка* и многие другие.

¹² Например: работа, усердие и лень, старание и нерадивость, мудрость и глупость, язык и мысль, радость и горе, счастье и несчастье, любовь и гнев, честность и подлость, смелость и трусость, скупость и жадность, гордость и покорность и т. п.

¹³ Например: *Век живи — век учись; Все хорошо, что хорошо кончается; Всему свое время; Лучше поздно, чем никогда; Нет худа без добра; От судьбы не уйдешь.*

¹⁴ Попытки терминологического разграничения «образных» и «необразных» пословиц предпринимались многими авторами: пословица ~ пословичное изречение (Вл. Даль); (metaphorical) proverb ~ (proverbial) apothegm (А. Тейлор); пословица ~ афоризм (Г. Л. Пермяков); proverb ~ maxim (Н. Барли). Подобные различия в принципе целесообразны, но нет основания надеяться, что на основе признаков 'образный / необразный' можно разделить репертуар на два четко разграниченных класса.

III. МОДАЛЬНАЯ (ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ, ПРАГМАТИЧЕСКАЯ) НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

В повседневном употреблении пословицы, как правило, используются для каких-то практических, прагматических целей: ими обосновывают свои положения, дают прогнозы, выражают сомнения, упрекают, оправдываются или извиняются в чем-то, утешают кого-то, издеваются и злорадствуют над кем-то, желают, обещают, разрешают, приказывают и запрещают и т. д.

О функциях пословиц у паремистов нет пока единого мнения. Более того, не существует даже достаточно удовлетворительного их обзора. К тому же пословица находится на границе языка и фольклора и, видимо, имеет общие функции с каждым из них. Нет единого мнения о функциях языковых и поэтических единиц вообще; отсутствует также единая терминология. В настоящей работе принимается за основу более простая и распространенная шкала: **утверждение — оценка — предписание**¹⁵.

Может возникнуть иллюзия, будто функциональную классификацию пословичного репертуара можно предложить непосредственно на основе грамматических наклонений в текстах; так, повествовательные предложения представляли бы пословицы с констатирующей функцией, побудительные предложения — прескриптивные пословицы и т. д. Но эту иллюзию разрушают два обстоятельства: (1) оценочная функция не имеет самостоятельного, отличного от других, формального выражения в виде какого-нибудь грамматического наклонения; (2) существует мнение, что каждое языковое высказывание выполняет не одну функцию, а все свои основные функции одновременно (ср., например, 6, 12; 22, 144). И действительно, нет оснований полагать, будто пословица может констатировать нечто совершенно безразличное или высказываться о вещах, которые лишены всякого социального значения. Нет также оснований считать, буд-

¹⁵ К этой шкале можно предложить, например, следующие параллели. (1) Известная формула В. И. Ленина о диалектическом пути познания: живое созерцание → абстрактное мышление → практика (ПСС, изд. 5, т. 29, с. 152—153). (2) Высказывание А. Тейлора о том, что пословица «summarizes a situation, passes a judgement, or offers a course of action» (подчеркнуто мною. — А. К.) [34, 7]. (3) Первые три из шести основных аспектов языка Р. Якобсона: (а) референциальная (денотативная, когнитивная) функция; (б) эмотивная (экспрессивная) функция; (в) коннотативная функция [25, 353—355]. Эти аспекты соответствуют так называемым аспектам 1-го, 2-го, 3-го лица К. Бюлера. (4) Виды прагматических знаков Ч. Морриса: деизгнатор, апрейвор и прескриптор [31, 95—103]. (5) Секция Б (функции 4, 5 и 6) в классификации вербальных актов Р. Ф. Бейлза [32, 44]. (6) Отрасли логики: логика истины и две более развитые модальные логики — аксиологическая и деонтическая.

то пословичные ситуации не содержат никаких альтернатив или пословица выдвигает такие утверждения, из которых нельзя вывести никаких стратегических предписаний. Очевидно и то, что пословица не может что-нибудь приказать, запретить, разрешить, посоветовать, не признав предварительно хорошим или плохим (или аксиологически безразличным) либо само действие, о котором идет речь, либо нечто, связанное с этим действием, например его цель, средство, интенсивность, темп, место, время и т. п. Эти оценки должны в свою очередь исходить из каких-нибудь познанных закономерностей, эмпирических истин или, по крайней мере, обиходных мнений или религиозных представлений.

В качестве примера приведем толкование эстонской пословицы *Kes korikad ei korja, see rublat ei saa* (букв.: *Кто копейку не собирает, тот рубль не получает*) на всех трех функциональных уровнях путем следующих рассуждений: (1) копейка — деньги; (2) рубль — деньги; (3) деньги — благо; (4) рубль больше, чем копейка; (5) рубль — 'большее благо', копейка — 'меньшее благо'. На оценочно-констатирующем уровне мы получим такое описание: (6) 'Кто не копил (не бережет) меньшее благо, тот не достигнет большего блага'. Далее можно установить оппозицию между гедоническим и утилитарным аспектами блага (добра): (7) некопление (растрачивание) приятнее; (8) копление (сбережение) выгоднее. На основании этих предположений мы получим возможные толкования в прескриптивном плане: (9) 'копи (береги) малые блага' — т. е. активная «собственно стратегия»; (10) 'растрачивай (не копи) малые блага, но учти, что в таком случае тебе придется мириться с существующим, отказаться от каких-то устремлений и т. п.' — т. е. пассивная «псевдостратегия». Описание можно распространить и на иронические, аксиологически «повернутые» использования, видоизменяя значение слова «копить» 'домгаться собирания' в значении 'допустить собирание' и заменяя аксиологический квантор 'хороший' квантором 'плохой'. На оценочно-констатирующем уровне мы получим тогда суммарное описание:

Кто не стремится к нагромождению хорошего количества
не допускает нагромождения плохого
в каком-нибудь прагматически значимом аспекте, тот
не достигнет желаемого качества.
избежит нежелаемого

С другой стороны, такого рода «дальние» или «глубинные» интерпретации могут зачастую становиться непроверяемо произвольными или неопределенными.

Можно предположить, что ступени нашей функциональной шкалы связаны определенным порядком, который отражает общую (временную по существу) последовательность ступеней

человеческого познания (ср. у В. И. Ленина). Так, с теоретической или гносеологической точки зрения информативная ступень оказалась бы самой низкой, оценочная — средней и прескриптивная — высшей. Интересно отметить, что с исторической точки зрения (позволяющей рассматривать эти ступени как исторические формы представления информации, служащей для социального регулирования) их порядок представляется диаметрально противоположным: по Ю. А. Леваде, низшей в этом плане оказывается именно непосредственно выраженная форма, приказ на соблюдение традиционной практики, и высшей — информативная форма, где адресат из сообщенных ему фактов сам должен сделать выводы о своем поведении [7, 68—69]. Так или иначе, утверждающая и прескриптивная функции являются экстремными на нашей шкале, и в то же время они могут быть эксплицитными по своей формальной манифестации. Зато оценочная ступень, которая находится между ними, является, как правило, имплицитной: оценка выступает обычно скрытой в метафорической ткани текста, или же о ней можно судить лишь на основе внетекстовых «пара»-факторов в конкретной актуализации. Оценочный аспект является в содержании пословицы, с одной стороны, определяющим, так как в повествовательных пословицах от оценки непосредственно зависит прескриптивный выход. С другой же стороны, определение оценочных характеристик отдельных элементов (слов, синтагм) пословичного текста и «вычисление» общего оценочного смысла пословицы оказывается часто затрудненным и довольно произвольным. Последнее обстоятельство позволяет, между прочим, присваивать пословицам *ad hoc* именно такие оценки и установки, которые исследователь хочет в них найти.

Пример аксиологической двузначности тропа. По данным Дж. Б. Милнера, английская и шотландская версии пословицы *Rolling stones gather no moss* (*Катящийся камень мохом не обрастает*) имеют в аксиологическом плане противоположные значения, в зависимости от разного толкования слов *rolling* и *moss* (а) в английской версии: «несвязанный» человек не собирает состояния»; (б) в шотландской: «человек со свежим умом и духом, постоянно активный и ищущий, не зарастает духовным «мохом» (лень, косность и т. п.) [30, 383].

Пример внетекстовых факторов. В пословицах *Kel vägi, sel võimuis* (букв.: *У кого сила, у того власть*), *Vaene on rikka roog* (букв.: *Бедный — пища богатого*) и т. п. можно, в зависимости от желания исследователя, увидеть, например, (а) острую социальную критику и протест; (б) грустную самоиронию трудового народа над своим безвыходным положением; (в) выражение покорности и подчинения, привитое господствующими классами или обусловленное ограниченностью кругозора крепостного

крестьянина; (г) циничное самооправдание господствующих классов, стремление показать социальное неравенство как закономерное и неизбежное. Эти тексты могут и в самом деле выражать все эти и другие установки, но конкретные с-элементы настроены здесь так нейтрально, что вряд ли можно сделать сколько-нибудь убедительные выводы о том, какие из этих оценочно-мировоззренческих вариантов и с какой частотой реализованы в действительной традиции.

Если обозначить буквой Н некую ситуацию, представленную в поверхностно констатирующей пословице, то, в зависимости от актуального присутствия/отсутствия этой ситуации и от приписываемой ей оценки (хорошо/плохо), отсюда можно вывести 8 различных прескриптивных решений: (1) 'сохранить Н!'; (2) 'ликвидировать Н!'; (3) 'достигнуть Н!'; (4) 'избегнуть Н!'; и (5) ... (8) — их пассивные соответствия¹⁶.

Модальная неопределенность пословицы имеет множество форм проявления и вне оценочного аспекта. Приведем несколько примеров.

1. Прескриптивная по своей поверхностной функции пословица не обязательно должна быть всегда оформлена в виде прямого приказа или запрета. Она может быть оформлена и в виде повествовательного предложения, т. е. «отчужденной» от конкретного адресата формулировки нормы или идеала, при помощи слов **можно, нужно, нельзя** и их языковых и поэтических синонимов. Но и эти деонтические определители могут отсутствовать в тексте. Слово **есть** (англ. *is*, нем. *ist*, эст. *on* и т. п.), при помощи которого происходит предикация во многих языках (например в эстонском), а также другие связки (включая копулятивный эллипсис, например, в русском языке) и грамматическая изъявительность в пословицах вообще могут часто пониматься не только в их обычном значении ('есть действительно', но и как 'должен (быть)', 'может (быть)', 'допустимо, чтобы' и т. д., и **не (есть)** соответственно может означать не только 'нет в действительности', но и 'не должен (быть)', 'запрещено, чтобы' и т. п. Но от того, приписываем ли мы тексту констатирующую или прескриптивную поверхностную функцию, кардинально зависит ход его толкования на уровне глубинных функций, а также более общая мировоззренческая интерпретация (т. е. видим ли мы в нем отражение действительности или идеалов). В принципе здесь возможны все альтернативы: (а) подразумевают действительность, не подлежащую нормированию; (б) подразумевают нормы, которым регулярно следуют (т. е. нормы и/или действительность); (в) под-

¹⁶ Аналогичные деривационные варианты, связанные с аксиологическими понятиями, см., например, 6, 124.

разумевают нормы, которые в действительности обычно нарушаются (т. е. нормы, но не действительность).

Например, эстонскую поговорку *Kelle leiba sa sööd, selle laulu sa laulad* (букв.: *Чей хлеб ты ешь, того песню ты поешь*) можно истолковать в следующих значениях: (а) 'неизбежно складывается так, что...'; (б) 'ты вынужден «петь», если даже это тебе не нравится'; (в) 'постарайся внешне! притворяться в этом «песнопении»'; (г) 'постарайся внушить себе эту конформистскую установку' и т. д.

2. Иногда остается неопределенным, следует ли грамматически индикативное утверждение поговорки толковать «фактографически» или «эпистемически», т. е. как 'есть в действительности', 'известно, что' или 'полагают, что', 'кажется, что', 'чувствуется, что' и т. п.

Например, в эстонском репертуаре имеются близкие по лексическому составу изречения *Sõõb vähe söödetu* (букв.: *Мало ест выкормленный*) и *Sõõb palju söödeta* (букв.: *Много ест накармливаемый*): оба они выступают в изъявительной форме, но первое из них, видимо, следует толковать фактографически, второе же — эпистемически.

3. Как правило, открытым остается «алетический» квантор поговорки: мы не можем точно определить, какую степень истинности и универсальности поговорка приписывает своим утверждениям и нормам. Во всяком случае не следует искать в поговорке стремления утвердить какие-то всеобщие истины, даже если в ней и встречаются кванторные слова вроде *всегда*, *никогда* и т. п.

Таким образом, семантическая неопределенность поговорки и в модальном плане проявляется в разных формах. Если в предложении *Sõber sõbra naha koorig* (букв.: *Друг дружью шкуру сдерет*) буквой X обозначить представленную содержательную информацию, то это предложение может получить, в частности, такие конкретизации: (а) 'всегда так, что X'; (б) 'есть опасение, что X'; (в) 'может случиться, что даже X'; (г) 'увы, часто бывает, что X'; (д) 'естественно, что X'; (е) 'это общеизвестно, что X'; (ж) 'существует мнение, что X' и т. д. и т. п.

IV. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ (АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ) ПОСЛОВИЧНОГО ТЕКСТА

Мы исходим из тезиса Г. Л. Пермякова, что «поговорки и поговорки являются знаками ситуаций или определенных отношений между вещами» [13, 19; 11, 26; 12, 226]. Этот тезис можно интерпретировать по-разному: (1) Под ситуацией пони-

маются семантические отношения словесных компонентов самого пословичного текста, описанные на таком уровне общности, что они охватывают и прямое значение текста, и все возможные переносные значения. (2) Под ситуациями подразумеваются те жизненные (чувственно ощущаемые или передаваемые в речи) ситуации, которые вызывают актуализацию пословиц. (3) Считается, что нет необходимости отличать ситуации, передаваемые в содержании самого текста, от ситуаций, которые эти тексты актуализуют, так как предполагается, что пословичный текст просто служит обозначающим описанием, «поэтической копией» актуализующей его ситуации.

Последнее мнение было бы кардинально ложным. Предлагаем следующие антитезисы.

(1) Ситуации, актуализующие пословицы, не находятся в однозначном соответствии с самими текстами пословиц, их отношения также нельзя рассматривать как отношения инвариантов с вариантами. Их отношения являются корреляционными лишь в самых общих чертах. Совпадающие тексты могут быть использованы во многих различных ситуациях, и наоборот, на одну и ту же ситуацию можно отреагировать разными пословицами, в зависимости от того, какую сторону отправитель текста хочет выделить в ситуативном комплексе, как он понимает и оценивает ситуацию и т. д.

(2) Называть семантическую структуру пословичного текста ситуацией даже при внеконтекстном восприятии представляется не совсем верным, так как (а) ситуация, видимо, предполагает наличие некоего статического отношения (положения, поля напряжения), пословичный же текст является предложением и акт предикации неизбежно привносит в него «движение» информации; (б) кажется, что ситуация требует от своих элементов некоего «сценарного» единства, вхождения в один и тот же универсум, однако трудно конкретно представить себе что-либо в качестве такой «рамы» или фонной системы; (в) здесь остается открытой специфика пословицы среди других знаков, так как ситуациями (если не событиями), по меньшей мере, можно считать денотаты большинства знаков; (г) в качестве ситуаций трудно представить себе приказы и запреты.

(3) Уж совершенно немислимо рассматривать действительный акт актуализации пословицы просто как обозначение или описание некоторой ситуации. Пословица выполняет в человеческом общении не только информирующую, но и оценивающую и предписывающую функции, т. е. актуализация связывается как с «компонентом прошлого», так и с «компонентом будущего» своего контекста. Пословица может, например, констатировать актуально данную ситуацию как «вход» и про-

гнозировать на этой основе некие (хорошие или плохие) последствия, советовать что-либо, предостеречь от чего-либо и т. д. Но она может рассматривать актуально данную ситуацию и как «выход» и сделать ретроспективные предположения о причинах происшедшего, оправдать какой-либо поступок, позлорадствовать над кем-либо и т. п. Если даже мы ограничимся только поверхностной функцией (повествовательной или побудительной) пословицы, актуальное членение текста останется неопределенным, и в принципе каждый текст имеет шансы актуализоваться двумя противоположными по своей информационной структуре способами: (а) п р о г н о с т и ч е с к и, когда познание движется из актуального прошлого (т. е. от ситуации) в будущее, от действительного к возможному, и (б) р е т р о с п е к т и в н о, когда движение происходит из актуального прошлого в еще более давнее, от известных фактов к неизвестным, от следствия к причине, от внешнего к внутреннему и т. д.

Рассмотрим следующий пример, иллюстрирующий неопределенность информационной структуры пословицы.

(букв.:	<i>Pime kana</i> <i>Слепая курица</i>	<i>leiab vahel ka tera</i> <i>иногда тоже зерно находит</i>
	← синтагма (а) →	← синтагма (б) →

1-я актуализация. Говорится о ком-то, кого участники разговора единодушно характеризуют как беспомощного, неуклюжего, невнимательного и т. п. Сообщается, что этот человек предпринял нечто (безнадежное для него). Кто-то возражает: «Что вы, и слепая курица иногда зерно находит».

Тип актуализации — прогностический. На уровне поверхностной повествовательной функции данное представляет синтагма (а) и новое — синтагма (б). Далее информация движется в «рематической» области на уровне глубинных функций примерно следующим образом: (1) «находить зерно — хорошо» → (2) «быть «слепой курицей» — не безнадежно плохой статус» → (3) (в зависимости от того, является актуальным адресатом сама «слепая курица» или кто-нибудь другой, например:) «не потеряй надежды «найти зерно», или «не думай, что тот, кого ты считаешь в общем «слепой курицей», не мог бы в отдельных случаях достигнуть успеха».

2-я актуализация. Речь идет о том, что кому-то что-то удалось, причем никто из участников, кроме одного, ничего не знает о личности достигшего успеха. Компетентное лицо комментирует: «Так оно и есть, и слепая курица находит зерно».

Актуализация является ретроспективной в том смысле, что движение происходит от известного к скрытому, от единичного к общему. На уровне поверхностной функции данным является синтагма (б), новым — син-

тагма (а), т. е. примерно: 'Н. считается «слепой курицей»'. Далее получим на уровне оценочной глубинной функции: (1) Н. в общем-то все же плохой (беспомощный, непонятливый и т. п.)', и → (2) отсюда предписание: 'не думай, что достижение Н. было закономерным', и → (3) более общие указания для дальнейшего отношения к Н.

3-я актуализация. «Зерно» «найдено», и участники хорошо представляют себе, какой личностью является «нашедший», — эта информация в сумме является данным. В качестве нового выступает весь пословичный текст в целом, точнее, две операции соединения: (1) «усиленное» описание этого противоречивого и неожиданного случая, перенос описания из Л-языка в П-язык, и (2) подведение единичного под правило, «доказательство» общего (т. е. пословицы) в единичном (т. е. в данной конкретной ситуации). Между прочим, это единственный тип актуализации, в котором рассмотрение пословичного текста «знаком ситуации» может считаться обоснованным.

4-я актуализация. Высказывание дается в абсолютном начале беседы или оно не имеет с рассматриваемым предметом и/или актуальной ситуацией никакой содержательной связи. Подобного рода употреблением пословиц увлекались некоторые писатели (например, драматург А. Н. Островский) при озаглавливании своих пьес, они встречаются также в экспозициях народных сказок, притч, басен и т. п. Здесь пословичный текст в целом создает данную информацию, а информация, даваемая в ходе последующей процедуры объяснения (т. е. рассказа или пьесы), является новой.

V. ТЕКСТОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ КАК ТИПА

В паремиологии распространено ошибочное представление, будто пословицы являются своеобразными 'ready — made' utterances, или окаменелыми клише, которые обращаются «в раз и навсегда сложившейся устойчивой форме» (см., например, 29, 177; 4, 6; 11, 9). Такого рода соображения могут, видимо, возникать только в том случае, если исследователь располагает ограниченным материалом или если он работает в основном с печатными источниками, которые часто не отражают реальных обстоятельств бытования пословиц. Хотя и вариативность фольклора в действительности не является столь универсальной, как это казалось представителям финской школы, все же весь накопленный опыт анализа более обширного архивного материала убедительно доказывает, что в живой пословичной традиции происходит пестрое и динамическое варьирование текстов (входящих в один тип) как в области лексики, так и в области синтаксиса и в области фонетики¹⁷.

¹⁷ Для иллюстрации богатства синтаксических трансформ пословиц сошлюсь хотя бы на работы 28, 73—80; 27, 97—98.

Варьирование послевичных текстов не может быть лишь варьированием их формы: изменениям в плане выражения так или иначе сопутствуют изменения в плане содержания. Таким образом, целый ряд проблем сосредоточивается вокруг вопроса: как различать семантически существенные различия между текстами пословиц от семантически несущественных. В принципе разумное, но практически неприемлемое решение мы получили бы, постулировав, что семантически нерелевантных различий вовсе не существует: пока еще никто не сумел (да и не пытался) эксплицитно описать семантические микроразличия, которые имеются у очень близких, но не полностью совпадающих текстовых вариантов пословиц, как *По барыне и говядина ~ По барыне говядина, по харчевне едок ~ По барину и говядина, а по говядине и вилка; С поклона голова не заболит ~ Поклониться — голова не отвалится; Отольются кошке мышкены слезки ~ Отзовутся кошке мышкены слезки; Бабе дорога от печи до порога ~ Бабыя дорога от печи до порога* и т. п. Можно условиться, что разные пословицы (т. е. тексты, представляющие разные типы пословиц) являются семантически различными, а варианты одной и той же пословицы — совпадают или, во всяком случае, различаются лишь незначительно. Но и это решение вопроса обеспечило бы только частичный успех, так как много трудностей связано именно с самим понятием **типа пословицы**. Для определения одно/разнотипности текстов пословиц можно пользоваться, например, критерием идейного и ядерного тождества М. Кууси [26, 340; 27, 97—98]. Хотя этот критерий и является самым корректным среди сходных, все же при применении к большому числу текстов он оставляет много случаев неопределенными. Главной причиной этого является не столько импрессионистская формулировка основных понятий «идея» и «ядро», сколько то, что сами **г р а н и ц ы** между типами пословиц иногда очень четкие, а иногда — расплывчатые. Семантическое пространство наполнено пословицами весьма неровно. В наиболее «густо заселенных» местах возможности для выражения некоторых идей или понятий могут быть реализованы настолько полно, что практически все возможные лексические и грамматические средства выражения этих идей и понятий встречаются и в реально зафиксированных текстах. В достаточно большом архивном корпусе текстов нам часто приходится вместо четко различающихся «совокупностей вариантов разных пословиц» иметь дело с объемными «органическими молекулами», которые охватывают несколько ядер разных послевичных типов. Эти ядра связываются посредством вариантов, последовательность которых можно было бы упорядочить таким образом, чтобы переход от одного ядра к другому происходил

бы по ступеням. В силу этого нельзя точно указать, где различия между вариантами одной и той же пословицы перерастают в различия между вариантами разных пословиц. Следовательно, оказывается невозможным сформулировать определенную номенклатуру межтипových текстовых различий, которая четко отделялась бы от номенклатуры внутритипových различий, так как типологические соотношения текстов пословиц определяются не только «абсолютной величиной» этих различий, но и пословичным окружением (или фоном), на котором эти различия обнаруживаются.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. А х м а н о в а О. С. и др. Вопросы оптимализации естественных коммуникативных систем. М., 1971.
2. Б а е в с к и й В. С. Порождающая модель поэтической системы пословицы. — «Структурно-математические методы моделирования языка», тезисы докладов и сообщений всесоюзной научной конференции, ч. 1. Киев, 1970.
3. Г а с п а р о в М. Л. Работы Б. И. Ярхо по теории литературы. — «Уч. зап. ТГУ», вып. 236. Тарту, 1969.
4. Г е р д т А. А. Русские и немецкие пословицы и поговорки. Ростов, 1965.
5. Г о р о д е ц к и й Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
6. И в и н А. А. Основания логики оценок. М., 1970.
7. Л е в а д а Ю. А. Сознание и управление в общественных процессах. — «Вопросы философии», № 5, 1966.
8. Л о т м а н Ю. М., Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1. Тарту, 1964 («Уч. зап. ТГУ», вып. 160).
9. Л о т м а н Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.
10. Л о т м а н Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
11. П е р м я к о в Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
12. П е р м я к о в Г. Л. О логическом аспекте пословиц и поговорок. — «Proverbium», № 10, 1968.
13. П е р м я к о в Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970.
14. Р о ж д е с т в е н с к и й Ю. В. Что такое «теория клише»? (послеловие к кн. Пермякова Г. Л. «От поговорки до сказки»). М., 1970.
15. У с п е н с к и й Б. А. «Грамматическая правильность» и понимание. — Keele modelleerimise probleeme 3.1. Тарту, 1969 («Уч. зап. ТГУ», вып. 226).
16. У с п е н с к и й Б. А. «Грамматическая правильность» и поэтическая метафора. Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам 17—21 августа 1970 г. Тарту, 1970.
17. Ч е р к а с с к и й М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы. — «Филологический сборник Министерства высшего и среднего специального образования КазССР, вып. VIII—IX. Алма-Ата, 1968; настоящий сборник — стр. 35—52.
18. Я к о б с о н Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. — «Poetics. Poetyka. Poэтика». Warszawa, 1961.

19. Barley N. A Structural Approach to the Proverb and Maxim.— «Proverbium», № 20, 1972.
20. Barthes R. Elements of Semiology. London, 1969.
21. Bickerton D. Prolegomena to a Linguistic Theory of Metaphor.— «Foundations of Language», 1969, № 5.
22. Halliday M. A. K. Language Structure and Language Function.— «New Horizons in Linguistics». Ed. by J. Lyons. Harmondsworth, 1970.
23. Holbek B. Proverbs Style.— «Proverbium», № 15, 1970.
24. Jakobson R., Halle M. Fundamentals of Language. The Hague, 1956.
25. Jakobson R. Linguistics and Poetics.— «Style in Language». Ed. by Th. A. Sebeok. Cambridge, Mass., 1960.
26. Kuusi M. Sananparsiston rakenneanalyysin terminologiaa.— «Virittäjä», № 3, 1963.
27. Kuusi M., Ein Vorschlag für die Terminologie der parömiologischen Strukturanalyse.— «Proverbium», № 5, 1966.
28. Kuusi M. Johdatusta sananlaskuston formula — analyysiin.— «Kalevalaseuran Vuosikirja», 47, 1967.
29. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1971.
30. Milner G. B. Quadripartite Structures.— «Proverbium», № 14, 1969.
31. Morris Ch. Signs, Language and Behaviour. New York, 1955.
32. Robinson W. P., Language and Social Behaviour. London, 1972.
33. Reddy M. J. A Semantic Approach to Metaphor.— Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, April 18—19, 1969. Chicago, 1969.
34. Taylor A. The Study of Proverbs.— «Proverbium», № 1, 1965.

Г. Л. Пермяков

О СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ
И СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ
ПОСЛОВИЧНЫХ ИЗРЕЧЕНИЙ

В нашей предыдущей работе «К вопросу о структуре паремиологического фонда» [10, 247—274], говоря о тематике пословичных изречений, мы показали, что подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов. К числу таких инвариантных тематических пар относятся «Большое — Малое», «Близкое — Далекое», «Хорошее — Плохое», «Старое — Молодое» и многие-многие другие (см. Перечень на стр. 107—118). Так, темой пословицы *Гора родила мышь* оказывается не гора, не мышь и не порождение одной вещи другою, а инвариантная пара «Большое — Малое», представителями которой и выступают использованные в пословице образы горы и мыши.

Там же было показано, что предметно-образный состав пословичных изречений представляет собой неотъемлемую часть их смыслового содержания, которое отнюдь не исчерпывается одной лишь логической формой, описанной нами ранее (в частности, в работе 7). В этом нетрудно убедиться на следующем примере. В пословицах *Нет дыма без огня*, *Нет розы без шипов* и *Нет реки без берегов* логическая форма, объединяющая члены тематических пар каждой данной пословицы, одна и та же: во всех трех говорится, что не бывает первого члена пары без второго. Между тем, смысл каждой из этих пословиц отличен от смысла двух других. Первая утверждает, что нет следствия без причины (в более широком плане: нет сопутствующего без основного), вторая, — что не бывает хороших вещей без недостатков, а третья, — что не существует целого без какой-либо (неотъемлемой) его части.

Дальнейшее изучение тематики пословичных изречений позволило установить, что имеющиеся в паремиологическом фонде

тематические группы пословиц основаны на инвариантных парах нескольких конструктивных типов. К одному из них (I) относятся тематические пары, представляющие разные стороны какой-либо одной вещи. Таковы, например, «Начало — Конец», «Содержание — Форма», «Целое — Часть», «Верх — Низ» и т. п. Ко второму (II) относятся пары, представляющие физически разные (и вполне самостоятельные) объекты, хотя и связанные друг с другом какими-то свойствами. Таковы «Здоровый — Больной», «Умный — Глупый», «Старое — Новое» и т. п. Третий тип (III) составляют пары, так сказать, «промежуточного характера», представляющие физически разные объекты, которые, однако, не могут существовать друг без друга. Таковы «Порождающее — Порождаемое», «Основное — Сопутствующее», «Производитель — Производимое» и т. п.

В свою очередь, тематические пары второго конструктивного типа подразделяются на подтипы: а) пары, члены которых существуют сами по себе, но допускают существование промежуточных форм, т. е. различаются по степени своих качеств (например, «Сильный — Слабый», «Высокий — Низкий» и т. п.); б) пары, между членами которых нет и не может быть промежуточных форм (например, «Друг — Враг», «Свое — Чужое» и т. п.); в) пары, члены которых представляют вещь и ее отсутствие (например, «Слово — Молчание», «Знание — Невежество» и т. п.).

Кроме того, имеются и тематические пары четвертого конструктивного типа (IV), представляющие собой разного рода пересечения элементарных тематических пар, т. е. пар всех предыдущих типов. Таковы, к примеру, «Качество — Количество» и «Красота — Любовь», возникшие из пересечения пар «Хорошее — Плохое» и «Много — Мало», а также «Красота — Уродство» и «Любимый — Нелюбимый».

Ниже предлагается перечень инвариантных тематических пар, лежащих в основе предметных тематических групп пословиц, с указанием наиболее важных тем, относящихся к соответствующим группам. Он составлен на материале пятидесятитысячной картотеки пословичных изречений более чем двухсот народов Востока, имеющейся в нашем распоряжении.

**ПЕРЕЧЕНЬ ИНВАРИАНТНЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ПАР,
ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ ПРЕДМЕТНЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП
ПОСЛОВИЦ**

I.

**Инвариантные пары противопоставленных сущностей,
представляющих разные стороны одной и той же вещи**

№ п/п	Инвариантная пара	Содержание соответствующей тематической группы
1	2	3
1.	Содержание — Форма	О содержании и форме вещей, об их внутренней и внешней сторонах, о сущности и явлении, о сути вещей и их видимости, о самой вещи как таковой и ее облачении (одежде, наряде, упаковке).
2.	Целое — Часть	О всей вещи в целом и об отдельном ее элементе, о разных частях, составляющих одно целое, а также о полном наборе каких-либо вещей (комплекте) и отдельно взятой вещи из такого набора.
3.	Начало — Конец	О начале и конце вещей, в том числе о начале и конце жизни (рождении и смерти), начале и конце дня (утре и вечере), начале и конце года (весне и зиме или осени), начале и конце какого-либо дела и т. п.
4.	Начало — Продолжение	О начале и продолжении каких-либо дел, в том числе о действиях и их естественном и неестественном продолжении или последствиях, а также о предыдущем и последующем вообще.
5.	Вещь — Признак	О вещи и каком-либо ее отличительном или характерном признаке, в том числе цвете, форме, особом свойстве, действии и т. п., а также о вещи и первом ее проявлении или предвестнике.
6.	Верх — Низ	О верхней и нижней сторонах вещи, в том числе о небе и о земле, о вершине и подножии (горы), о крыше и фундаменте (здания), о голове и ногах (человека), вершине и корнях (деревя) и т. п.

II.

Инвариантные пары противопоставленных сущностей,
представляющих физически разные объекты

IIa.

Пары, члены которых существуют сами по себе,
однако допускают существование промежуточных форм
(т. е. различаются по степени качеств)

1	2	3
1. Большое — Малое		О больших и малых вещах, о значительном и незначительном вообще, в том числе о значительных и незначительных событиях и поступках, а также о значительных (выдающихся) и незначительных людях.
2. Длинное — Короткое		О длинных и коротких вещах, в том числе о предметах обихода, одежде и т. п., а также о пространных и сжатых речах.
3. Высокое — Низкое		О высоких и низких вещах, в том числе о предметах, имеющих большую и малую высоту, о возвышенном и низменном, а также о знатных и незнатных людях.
4. Сильное — Слабое		О сильных и слабых вещах, т. е. о вещах, обладающих значительной и незначительной силой, в том числе о влиятельных и невлиятельных людях.
5. Крепкое — Некрепкое		О крепких и некрепких вещах, в том числе о вещах прочных и непрочных, твердых и мягких, а также о толстом и тонком (месте).
6. Старое — Новое		О старых и новых вещах, в том числе о старых и новых предметах, о давних и недавних событиях, о старинных обычаях и нововведениях.
7. Старое — Молодое		О старом и молодом, в том числе о стариках и молодежи, о состарившихся животных и молодняке, об увядающих растениях и молодых побегах, а также о старших и младших членах семьи, рода, общины.
8. Близкое — Далекое		О близких и далеких вещах, т. е. о вещах, расположенных близко и далеко во времени и пространстве, а также о близких и далеких людях.
9. Умный — Глупый		Об умных и глупых (особях), в том числе о мудрецах и дураках, о психически полноценных и неполноценных личностях (безумцах или сумасшедших), а также об уме и глупости вообще.
10. Хорошее — Плохое		О хороших и плохих вещах, в том числе о добре и зле, о счастье и горе, о полезном и вредном, о сладком и горьком, о чистом и грязном, а также о добрых и злых людях, о счастливицах и неудачниках.

1	2	3
11. Светлое — Темное		О светлых и темных вещах, в том числе о предметах, окрашенных в светлые и темные цвета, о белом и черном, а также о светлом и темном в переносном значении, т. е. о радостном и печальном, приятном и неприятном. ¹
12. Полное — Пустое		О полных и пустых вещах, в том числе о разного рода вместимых или сосудах, наполненных до краев и порожних, а также о содержательных и бессодержательных (никчемных) предметах или людях.
13. Богатый — Бедный		О богатых и бедных (людях, странах, народах) и, в первую очередь, о богачах, владеющих деньгами, сокровищами, другими людьми, землей и скотом, и о бедняках, не владеющих никакими ценностями, а также о самих этих ценностях.
14. Сытый — Голодный		О сытых и голодных, о живущих в довольстве и голодающих, а также об удовлетворенных и неудовлетворенных (людях) вообще.
15. Быстро — Медленно		О быстрых и медленных действиях (работе, передвижении), а также о торопливости и медлительности, спешке и размеренности (в делах) и т. п.
16. Много — Мало		О большом и малом количестве вещей, в том числе о многих и нескольких вещах, а также о многих и нескольких вещах, с одной стороны, и одной вещи с другой.

IIб.

Пары, между членами которых не имеется промежуточных форм

1	2	3
1. Два — Один		О двух и одной вещах, в том числе о паре вещей и одной вещи из этой пары, о двух претендентах на одно место, а также о двух вещах (в значении «много») в сопоставлении с одной единственной вещью ² .

¹ Строго говоря, группа «Светлое—Темное» по своему инвариантному смыслу является частью предыдущей группы («Хорошее—Плохое»). Однако ввиду исключительной широты последней, а также известной специфичности образов Светлого и Темного мы посчитали целесообразным выделить изречения о светлом и темном в самостоятельную предметную группу.

² В связи с последним обстоятельством группа «Два—Один» частично перекликается (точнее: пересекается) с группой «Много—Мало» из предыдущего подраздела (IIа). Однако две эти группы различаются типологически и потому должны быть даны раздельно.

1	2	3
2. Свое — Чужое	О своих и чужих вещах, в том числе о своем и чужом добре (имуществе), своих и чужих мыслях, достоинствах, недостатках, словах и т. п.	
3. Родные — Неродные	О родных и неродных (людях), т. е. о родственниках и неродственниках, о членах своей семьи, рода, в том числе о братьях, сестрах, дядях, тетях и остальных родичах, с одной стороны, и соседях, знакомых и просто посторонних, чужих людях, с другой.	
4. Подобные — Неподобные	О подобных и неподобных вещах, т. е. о вещах одинаковой и неодинаковой природы или судьбы, одинаковых и неодинаковых свойств, в том числе о людях одной профессии, животных одной (не одной) породы, минералах одного (не одного) вида, товарищах по несчастью, удаче и т. п.	
5. Привычное — Непривычное	О привычном и непривычном, т. е. о вещах, с которыми сталкиваются повседневно, и вещах необычных, редких, с которыми встречаются мало и не подолгу.	
6. Доступное — Недоступное	О доступных и недоступных вещах, т. е. о вещах имеющих или легко достижимых и таких, которых нет и нельзя или же очень трудно достать (получить).	
7. Здоровый — Больной	О здоровых и больных индивидуумах (людях, животных, растениях), в том числе о невредимых и раненых или калекках, а также о здоровье и болезни вообще.	
8. Сам — Другие	О своих и чужих усилиях, о своей и чужой пользе, а также о самостоятельных и не самостоятельных действиях, т. е. действиях, выполняемых с помощью внутренних сил и извне или с чужой помощью.	
9. Материальное — Идеальное	О материальном и идеальном, т. е. о материальных вещах и их отражении в духовном мире, в том числе о вещи и слове, о вещи и мысли, о слове и мысли.	
10. Слово — Дело	О слове и деле, т. е. об отношении слова (и мысли) к делу, действию, а также о правилах обращения со словом, связанным с каким-либо действием ³ .	

³ По существу, изречения о слове и деле относятся к предыдущей группе («Материальное—Идеальное»). Однако практически эти изречения осмысляются носителями паремий как самостоятельные. По всей вероятности, это объясняется тем, что в них сформулированы жизненно важные правила обращения со словом, отсутствующие в других изречениях группы «Материальное—Идеальное» (см. в данной связи статью Ю. В. Рождественского на стр. 211—229 настоящего сборника).

1	2	3
11. Прямое — Кривое		О прямых и кривых вещах, в том числе о правде и кривде (неправде), о честных и лживых людях, а также о справедливости и несправедливости.
12. Живой — Мертвый		О живых и мертвых, о здравствующих и погибших, о живущих на этом и ином свете, а также о жизни и смерти вообще.
13. Мужчина — Женщина		О мужчинах и женщинах, в том числе о мужьях и женах, любовниках и любовницах, юношах и девушках, а также о самцах и самках.
14. Друг — Враг		О друзьях и врагах, сторонниках и противниках, приятелях и неприятелях, а также о дружбе и вражде (неприязни).
15. Люди — Нелюди		О людях и нелюдях, а именно: о людях и животных, людях и растениях, людях и сверхъестественных существах — богах, демонах, духах.
16. Активный — Пассивный		Об активных и пассивных людях, предметах, действиях, о подвижных и неподвижных вещах, а также о движении и покое вообще.
17. Явное — Тайное		О явном и тайном, об открытом и скрытом (или скрываемом), а также об известном и неизвестном, понятном и непонятном.
18. Заработанное — Даровое		О вещах, заработанных трудом, и вещах, полученных в дар (без приложения усилий, бесплатно или незаслуженно).
19. Приобретенное — Утраченное		О приобретенных и утраченных вещах, о вещах найденных и потерянных, полученных и отобранных.
20. Сразу — Постепенно		О действиях, совершаемых с одного раза, и действиях, выполняемых постепенно, с соответствующей тщательной подготовкой, а часто — и незаметно.
21. Созидание — Разрушение		О создании, устройстве, соединении или починке каких-либо вещей и их разрушении, разъединении, поломке, а также о встречах и разлуках.

IIв.

Пары, члены которых представляют вещь и ее отсутствие
(по крайней мере, формально)

1	2	3
1. Слово — Молчание		О слове и молчании, о сказанном и несказанном, а также о говорящих и молчащих, спрашивающих и неспрашивающих, болтунах и молчаливниках и о многословии и молчаливости вообще.

1	2	3
2. Единство — Разобщенность		О единстве и разобщенности, т. е. о вещах, действующих совместно (сообща) и врозь (поодиночке), в том числе о дружных и недружных (людях), о согласных и находящихся в разладе друг с другом, о едином коллективе и отколовшихся от него отдельных членах.
3. Цельность — Двойственность		О цельности и двойственности вещей, т. е. об их внутренней однородности и противоречивости, проявляемых как в наличии подходящих и неподходящих друг к другу свойств, так и в действиях, находящихся в согласии друг с другом и взаимоисключающих.
4. Знание — Невежество		О знании и невежестве, в том числе о знающих и незнающих, ученых и неучах, грамотных и неграмотных, а также о воспитанных (вежливых) и невоспитанных людях (невежах).
5. Труд — Безделье		О труде и безделье, т. е. о работе и пустом временипрепровождении, а также о трудящихся и бездельниках, о трудолюбивых и ленивых (людях).
6. Умение — Неумение		Об умении и неумении (что-либо делать), а также об умелых и неумелых (людях), опытных и неопытных работниках, искусных и неискусных в своем деле лицах.

III.

Инвариантные пары противопоставленных сущностей, представляющих физически разные вещи, которые, однако, не могут существовать друг без друга

1	2	3
1. Акция — Реакция		Об акции и реакции, т. е. о действиях и ответных действиях, в том числе о вопросах и ответах, о севе и урожае, о заслуге и награде, а также о вине и наказании.
2. Порождающее — Порождаемое		О порождающем и порождаемом, в том числе о родителях и детях, о предках и потомках, а также о семенах и корнях или семенах и растениях, с одной стороны, и побегах или плодах, с другой.

1	2	3
3. Производитель — Производимое	О производителе и производимом, в том числе о производителе каких-либо благ и самих этих благах, а также о пользовании ими.	
4. Основное — Сопутствующее	Об основном и сопутствующем, т. е. об основных, главных вещах и тех дополнительных и неглавных, которые им обычно сопутствуют, в том числе о вещи и ее тени, огне и дыме, организме и паразите, лесе и его обитателях и т. д.	
5. Возглавляющее — Возглавляемое	О возглавляющем и возглавляемом, в том числе о правителях и их подданных, о начальниках и подчиненных, о пастырях и пастве, о главе рода (вожде) и его рядовых членах, о голове и других (подчиненных) частях тела и т. п.	
6. Уничтожающее — Уничтожаемое	Об уничтожающем и уничтожаемом, т. е. о вещах, одна из которых уничтожает или может уничтожить другую, в том числе о хищниках и их жертвах, об охотниках и объектах охоты, об огне и горючем материале, о воде и огне и т. п.	
7. Причина — Следствие	О причине и следствии, т. е. о вещах, влекущих (или не влекущих) за собой другие, зависимые от первых вещи ⁴ .	
8. Окружающее — Окружаемое	О вещи и ее окружении или соседстве, в частности об индивиде и окружающей его среде, в том числе среде обитания, о друзьях, соседях или попутчиках, а также о вещи и предметах, с которыми она соприкасается, например, человеку и орудиях его труда и т. п.	
9. Вещь — Место	О вещи и занимаемом ею месте, в том числе об индивидууме и его месте в пространстве, а также в сообществе себе подобных, в частности, о человеке и его служебном положении.	
10. Труд — Результат	О труде и его результате, в том числе о труде и вознаграждении за него, в частности, о труде и еде, а также о тех, кто трудится, и тех, кто получает за труд.	

⁴ Фактически, тематическая группа «Причина—Следствие» представляет собой один определенный тип взаимосвязи вещей, а именно — «Взаимозависимость—Независимость» (формообразующая группа № 8), и состоит из материала разных предметных групп («Основное—Сопутствующее», «Порождающее—Порождаемое», «Окружающее—Окружаемое» и ряда других), однако в языке и фольклоре разных народов осмыслиется как самостоятельная предметная группа, поскольку в изречениях прямо говорится о причинах и следствиях (напр., в афоризме кикуйю: *Нет ничего такого, что не было бы причиной существования другого*).

1	2	3
11. Цель — Результат		О цели и ее достижениях, в том числе о желаемом и получаемом, избегаемом и получаемом, желаемом и теряемом.
12. Цель — Средство		О цели и средствах для ее достижения, в том числе о желаниях и действиях, инструментах и методах, используемых для его осуществления.
13. Туда — Обратно		О движении вещей в каком-либо направлении и их движении в обратную сторону, в том числе об уходе и приходе (возвращении), об удалении и приближении, о выпускании и поимке каких-либо вещей и т. п.
14. Давать — Брать		О даче и получении каких-либо вещей, в том числе о продаже и покупке, об отчуждении и присвоении, а также о дающих и берущих, продавцах и покупателях, и т. д.
15. Исходное — Производное		Об исходном и производном, т. е. о материале (сырье) и готовой продукции из этого материала, а также об исходном месте (источнике) и исходящих из него вещах.

IV.

Инвариантные пары противопоставленных сущностей, представляющие наиболее частые пересечения элементарных тематических пар и поэтому могущие рассматриваться в качестве самостоятельных⁵

1	2	3
1. Качество — Количество		О соотношении качества и количества вещей. Пересечение групп П1а10 и П1а16 («Хорошее—Плохое» и «Много—Мало»), а также П1а10 и П1а1 («Хорошее—Плохое» и «Большое—Малое») и т. п.

⁵ Некоторые элементарные пары значительно чаще встречаются в пересечениях, чем в «чистом виде». Так, пары «Видеть—Не видеть» и «Слышать—Не слышать», пересечение которых дало пару «Видеть—Слышать», включенную в раздел IV, сами не попали в основной список инвариантных тематических пар.

1	2	3
2.	Сила — Право	О взаимоотношении силы и права. Пересечение групп Пa4 и Пб11 («Сильный—Слабый» и «Прямое—Кривое»).
3.	Сила — Ум	О взаимоотношении силы и ума. Пересечение групп Пa4 и Пa9 («Сильный—Слабый» и «Умный—Глупый»).
4.	Ум — Рост	О соотношении ума и роста (величины). Пересечение групп Пa9 и Пa1 («Умный—Глупый» и «Большое—Малое»).
5.	Ум — Возраст	О соотношении ума и возраста. Пересечение групп Пa9 и Пa7 («Умный—Глупый» и «Старое—Молодое»).
6.	Свое (Родное) — Чужое место	О своем (родном) и чужом месте (деревне, городе, крае и т. д.). Пересечение групп Пб2 и ПП9 («Свое—Чужое» и «Вещь—Место»).
7.	Красота — Любовь	О взаимосвязи красоты и любви. Пересечение групп Пa20 и Пб24 («Красивый—Уродливый» и «Любимый—Нелюбимый»).
8.	Усердие — Судьба	Об усердии (трудолюбии) и безусловной вере в судьбу (пассивности). Пересечение групп Пв5 и Пб16 («Труд—Безделье» и «Активный—Пассивный»).
9.	Видеть — Слышать	Об отношении зрения и слуха (а также глаз и ушей). Пересечение групп Пв13 и Пв14 («Видеть—Не видеть» и «Слышать—Не слышать»).
10.	Внутри — Наружу	О движении объектов внутрь и изнутри каких-либо вещей, в том числе о поглощении пищи или воды и соответствующих выделениях организма, о восприятии и производстве речи, а также о вхождении в какое-либо помещение и выходе из него. Пересечение групп П1 и ПП13 («Содержание—Форма» и «Туда—Обратно»).
11.	Вверх — Вниз	О движении вещей вверх и вниз. Пересечение групп П6 и ПП13 («Верх—Низ» и «Туда—Обратно»).
12.	Желаемое—Имеющееся	О соотношении желаемого и имеющегося в наличии. Пересечение групп ПП19 и Пб31 («Желающее—Желаемое» и «Наличное—Отсутствующее»).

Список инвариантных пар, на которых основаны паремиологические противопоставления, может быть продолжен (и ниже мы даем небольшое его продолжение). Однако перечисленные выше 78 пар, в том числе 66 элементарных, охватывают (по крайней мере, на материале нашей коллекции) более девяноста семи процентов всего пословичного фонда. На все остальные пары приходится немногим более двух процентов изречений.

**Продолжение списка инвариантных тематических пар,
на которых основаны предметные тематические группы
поговорок⁶**

I

№	Инвариантная пара	№	Инвариантная пара
7.	Перед — Зад⁷	9.	Правый — Левый
8.	Первый — Последний (по порядку)	10.	Середина — Край

IIa

№	Инвариантная пара	№	Инвариантная пара
17.	Дорогое — Дешевое	28.	Любимый — Ненавистный
18.	Щедрый — Скупой	29.	Нежное — Грубое
19.	Готовое — Неготовое	30.	Тихий — Шумный
20.	Красивый — Уродливый	31.	Острый — Тупой
21.	Долгое — Недолгое	32.	Сухой — Мокрый
22.	Нужное — Ненужное	33.	Горячее — Холодное
23.	Ловкий — Неловкий	34.	Широкий — Узкий
24.	Частое — Редкое	35.	Прошлое — Будущее
25.	Тяжелое — Легкое	36.	Рано — Поздно
26.	Высокое — Глубокое	37.	Простое — Сложное
27.	Глубокое — Мелкое	38.	Густой — Жидкий

IIб

№	Инвариантная пара	№	Инвариантная пара
22.	Честь — Бесчестье	24.	Любимый — Нелюбимый
23.	Природное — Культурное	25.	Храбрый — Трус

⁶ На парах, представленных в данном Продолжении, основаны, как правило, небольшие группы изречений. Чаще всего эти пары встречаются в сложных поговорах, темы которых образованы пересечением нескольких тематических пар.

⁷ Номера инвариантных пар и соответствующих тематических групп, представленных в настоящем, дополнительном, списке, продолжают нумерацию основного списка. Последним номером раздела I в основном списке был 6, поэтому раздел I настоящего списка начинается с номера 7.

№	Инвариантная пара	№	Инвариантная пара
26.	Мир — Война (Ссора)	41.	Надежда — Отчаяние
27.	Производство — Потребление	42.	Появление — Исчезновение
28.	Помощь — Помеха	43.	Свобода — Угнетение
29.	Прибыль — Убыток	44.	Развлечение — Скука
30.	Хитрец — Простак	45.	Обязательное — Необязательное
31.	Наличное — Отсутствующее	46.	В шутку — Всерьез
32.	Запасать (Сберегать) — Тратить	47.	Возможность — Действительность
33.	Скромный — Нескромный	48.	Уважение — Презрение
34.	Общественное — Личное	49.	Послушание — Непослушание
35.	Закономерное — Случайное	50.	Первый — Последний (по качеству)
36.	Поиск — Находка	51.	Утверждение — Отрицание
37.	Сделанное — Несделанное	52.	Забота (Заботливость) — Беззаботность
38.	Знакомый — Незнакомый	53.	Смирение — Гордость
39.	Хватать — Отпускать	54.	Равенство — Неравенство
40.	Спокойствие — Гнев		

II

№	Инвариантная пара	№	Инвариантная пара
7.	Терпение — Нетерпение	12.	Вера — Неверие
8.	Желание — Нежелание	13.	Видеть — Не видеть
9.	Память — Забвение	14.	Слышать — Не слышать
10.	Осторожность — Неосторожность	15.	Изменчивость — Неизменность
11.	Опасность — Безопасность	16.	Пределность — Беспредельность

III

№	Инвариантная пара	№	Инвариантная пара
16.	Вещь — Условия	24.	Действующий — Действия
17.	Вещь — Судьба	25.	Вещь — Мера
18.	Вещь — Следы	26.	Владелец — Владение
19.	Желающее — Желаемое	27.	Хозяин — Гость
20.	Победа — Поражение	28.	Вещь — Время
21.	Объективное — Субъективное	29.	Обидчик — Обиженный
22.	Вещь — Толкование	30.	Потребитель — Потребляемое
23.	Труд — Отдых		

IV

№	Инвариантная пара	№	Инвариантная пара
13.	Существующее — Используемое	19.	Благодарность — Неблагодарность
14.	Человек — Дело	20.	Простор — Теснота
15.	Учение — Умение	21.	Вперед — Сзади
16.	Умение — Дело	22.	Вперед — Назад
17.	Боязнь — Дело	23.	Внутри — Снаружи
18.	Количество — Величина	24.	Ласка — Битье

Разумеется, и этот список может быть продолжен. В принципе, перечень инвариантных тематических пар — вообще открытый. Однако практически почти все пословичные изречения (которых, как известно, огромное множество) укладываются в предметные тематические группы, основанные на инвариантных парах, названных выше, или на их пересечениях друг с другом.

* * *

Члены всех названных и не названных нами инвариантных тематических пар (в реальных изречениях они обычно представлены парами более низких рангов, вроде «Сладкое — Горькое» или «Чистое — Грязное»⁸, а также парами каких-либо конкретных вещей — образов вроде уже знакомых нам Горы и Мыши или Огня и Дыма) вступают в различные отношения друг с другом. Так, например, Порождающее и Порождаемое могут находиться в отношении Взаимной бытийной зависимости: «Если есть Порождающее, то есть (будет) и Порождаемое» (*Есть куры — будут и яйца*), в отношении Качественного соответствия: «Каково Порождающее, таково и Порождаемое» (*У рябого отца и сын рябой*), в отношении Качественного превосходства: «Порождающее лучше или хуже Порождаемого» (*Осел породил осленка, который оказался хуже своего отца*) и т. д., и т. п.

Рассмотрев с этой точки зрения все пословицы нашей картотеки, мы смогли обнаружить всего двадцать восемь видов отношений, в которые вступают члены тематических пословичных пар или, как мы будем именовать их в дальнейшем, тематические элементы пословиц. Ниже мы приведем перечень всех этих видов отношений в списке образованных на их основе двадцати восьми формообразующих групп, объединяющих изречения сходной логической структуры и организующих пословичный материал внутри предметных (тематических) групп. Здесь же мы скажем только о двух вещах. Во-пер-

⁸ И та и другая относятся к инвариантной паре «Хорошее — Плохое» (см. Па10).

вых, о том, что все эти виды отношений — и, соответственно, формообразующие группы — разделяются на четыре основных типа (четыре высших логико-семиотических инварианта), которые в свое время были выделены и описаны нами [7, 28—45; 8, 18 сл.], а теперь выверены на большом паремиологическом материале и значительно уточнены. И, во-вторых, о том, что нынешние формообразующие группы, в отличие от прежних логико-тематических групп, полностью абстрагированы от предметно-образного содержания и демонстрируют «чистые отношения» объектов (тематических элементов). Если раньше (например, в сборнике избранных восточных пословиц 1968 г.) изречения о неизменности (или изменчивости) хороших (или плохих), больших (или малых), длинных (или коротких), старых (или новых) и разных других вещей попадали в логико-тематическую группу «Неизменность — Изменчивость» и только туда, то теперь они попадают в различные предметные тематические группы — «Хорошее — Плохое», «Большое — Малое», «Длинное — Короткое», «Старое — Новое» и т. д., а внутри них в соответствующие логические (формообразующие) группы (или подгруппы) — «Неизменность — Изменчивость (Хорошего и Плохого), (Большого и Малого) (и т. п.)».

Для лучшего понимания списка формообразующих групп и содержащихся в нем структурных формул приводим необходимые пояснения.

1. В списке используются следующие условные обозначения (индексы и символы):

а) Индексы В (в том числе — V_1 , V_2 и V_3) означают Вещи (в том числе — Вещь первую, Вещь вторую и Вещь третью);

б) Индексы К (в том числе — K_1 и K_2) означают Качества или свойства Вещей (в том числе — Качество первое и Качество второе);

в) Стрелка ($\rightarrow$) означает импликацию и читается как «если..., то...» ($A \rightarrow B$ — «Если А, то В»);

г) Знак $\sim$ служит символом взаимосвязи вещей ($V_1 \sim V_2$) — «Вещь первая связана с Вещью второй»;

д) Знак $\in$ обозначает входжение какой-либо вещи в следующее за этим знаком множество ($A \in B$ — «А входит в множество В»);

е) Знак $\wedge$ изображает конъюнкцию и читается как «и», иногда как «а» ($A \wedge B$ — «А и В»);

ж) Знак $\vee$ изображает дизъюнкцию и читается как «или» в смысле «либо-либо» ($A \vee B$ — «А или В»);

з) Знак $>$ служит обозначением предпочтения и читается как «лучше, чем», «больше, чем», «предпочтительнее, чем» ($A > B$ — «А лучше В»).

2. Подгруппы К, Л и М, даваемые в списке, отмечают некоторые детали логических связей, моделируемых в изречениях данной группы

(какие именно — можно видеть из названия подгрупп и иллюстративных примеров).

3. Первые четырнадцать групп, т. е. все группы I раздела списка, моделируют отношения зависимости между двумя объектами, в частности — между вещью и ее свойством или между двумя вещами. Эти отношения сравнительно просты и могут быть выражены при помощи импликации.

а) Первые семь групп I раздела, т. е. все группы высшего логико-семиотического инварианта $I\mathfrak{A}$, моделируют отношения вещи и какого-либо ее свойства, например, свойства воды течь вниз, свойства навоза вонять и т. п. Формула данного инварианта $B \rightarrow B \in K$ означает, что любая вещь обладает каким-либо свойством (точнее: входит во множество вещей, обладающих свойством K);

б) Вторые семь групп I раздела, т. е. все группы высшего логико-семиотического инварианта $I\mathfrak{B}$, моделируют отношения двух различных вещей (пословичных тематических элементов всех типов). Формула данного инварианта $B_1 \rightarrow B_2$ означает, что если есть первая вещь (B_1), то есть (будет) и вторая (B_2).

4. Следующие четырнадцать групп, т. е. все группы II раздела списка, моделируют более сложные взаимоотношения объектов, в частности, зависимость между отношением вещей и отношением их свойств. При этом отношения типа $I\mathfrak{A}$ (зависимость между вещью и ее свойством) и отношения типа $I\mathfrak{B}$ (зависимость между двумя вещами) входят в отношения групп II раздела в качестве составных элементов.

а) Первые семь групп II раздела (от 15-й до 21-й включительно), т. е. все группы высшего логико-семиотического инварианта $II\mathfrak{A}$, моделируют отношения между свойствами вещей в зависимости от отношений самих вещей;

б) Вторые семь групп этого же раздела (от 22-й до 28-й включительно), т. е. все группы высшего логико-семиотического инварианта $II\mathfrak{B}$, моделируют взаимоотношения вещей в зависимости от наличия у них тех или иных свойств;

в) Оба высших логико-семиотических инварианта II раздела ($II\mathfrak{A}$ и $II\mathfrak{B}$) разделяются на два конструктивных типа, отличающихся деталями логической структуры. В частности, все группы второго конструктивного типа моделируют отношения не двух, а трех (и большего числа) объектов. Как в инварианте $II\mathfrak{A}$, так и в инварианте $II\mathfrak{B}$ к первому конструктивному типу относятся пять формообразующих групп, а ко второму — лишь две. Объяснение формул обоих подтипов дается в самом списке.

Итак, приводим список формообразующих групп, расположенных по типам и видам моделируемых в пословицах отношений, сопровождая его структурными формулами и иллюстративными примерами изречений, относящихся к разным предметным группам и логически противоположным рядам трансформов (А и Б).

**СПИСОК ФОРМООБРАЗУЮЩИХ ГРУПП, РАСПОЛОЖЕННЫХ
ПО ТИПАМ И ВИДАМ ОТНОШЕНИЙ, МОДЕЛИРУЕМЫХ
В ПОСЛОВИЦАХ**

I.

Непосредственная связь между двумя объектами

Высший логико-семиотический инвариант I ♀

$B \rightarrow B \in K$

(Каждая вещь обладает определенным качеством)

№ п/п	Условное название группы и подгруппы	Иллюстративный пример (изречения из рядов А и Б)
1	2	3
1. Обычность—Необычность	К. Правильность — Неправильность Л. Полноценность — Неполноценность	А. <i>Вода всегда течет вниз.</i> Б. <i>Дождь льет с земли на небо.</i> А. <i>Закон есть закон (и он требует строгого соблюдения).</i> Б. <i>Закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло.</i>
2. Неизменность—Изменчивость	К. Неизменность — Изменчивость отдельных признаков вещи Л. Неизменность — Изменчивость вещи как таковой	А. <i>Сколько навоз ни суши, он будет вонять.</i> Б. <i>И река меняет свое русло.</i> А. <i>Воду сколько ни толки, водой останется.</i> Б. <i>Когда скакун состарится, он становится клячей.</i>
3. Предельность — Беспредельность	К. Предельность — Беспредельность вещей во времени и пространстве Л. Предельность — Беспредельность вещей в степени (качеств)	А. <i>Всякое дело имеет конец.</i> Б. <i>Житейские дела конца не имеют.</i> А. <i>Сколько ни мойся, чище воды не будешь.</i> Б. <i>Мастеру нет предела для совершенства.</i>
4. Цельность — Противоречивость	К. Однородность — Неоднородность Л. Непогрешимость — Погрешимость	А. <i>К огню с какой стороны ни подойди, все равно обожжет.</i> Б. <i>Во всяком сердце и жар и холод.</i> А. <i>Зрелый сахарный тростник сладок до последней крохи.</i> Б. <i>В куче кокосов всегда найдется гнилой.</i>
5. Неисполнимость — Исполнимость	К. Невозможность—Возможность	А. <i>Мешок с дырой невозможно наполнить.</i> Б. <i>Слепой увидел, глухой услышал.</i>

1	2	3
	Л. Непрактикуемость — Практикуемость	А. В корзину воду не льют. Б. (Некто) льет воду в разбитый кувшин.
6.	Обратимость — Необратимость К. Обратимость — Необратимость во времени и пространстве	А. Река возвращается в старое русло Б. Что поглотило море, не вернется обратно.
	Л. Повторяемость — Неповторяемость	А. Там, где когда-нибудь побывала вода, она еще побывает. Б. Что прошло, то больше не повторится.
7.	Своеобразие — Однообразие К. Неодинаковость — Одинаковость	А. Каждый человек на свое лицо. Б. Гость, не гость — все люди одинаковы.
	Л. Непохожесть — Похожесть	А. Глаза не похожи на нос. Б. Скотина похожа на скотину.

Высший логико-семантический инвариант I $\exists$

$$B_1 \rightarrow B_2$$

(Если есть одна вещь, то есть и другая)

1	2	3
8.	Взаимозависимость — Независимость К. Бытийная Зависимость — Независимость Л. Неотделимость — Отделимость	А. Дрова горят — дым идет. Б. Луна и без брахмана взойдет. А. Где огонь, там и дым. Б. Горит, а дымом не палнет.
9.	Совместимость — Несовместимость К. Совместимость — Несовместимость в пространстве и времени Л. Дружественность — Враждебность	А. Прибыль с убытком на одной телеге ездят. Б. Где прибыль, там нет убытка. А. Собака — друг человека. Б. Мех лисы — ее враг.
10.	Порождение — Непорождение К. Собственно Порождение — Непорождение Л. Начинание — Неначинание	А. Подозрительность порождает призраки. Б. Пустоцвет не приносит плодов. А. Песня гребцов начинается с присвиста.
11.	Превращение — Непревращение К. Спонтанное Превращение — Непревращение одной вещи в другую	Б. Ичела не начинает свою работу с сотов. А. Тутовое поле обратилось в море. Б. Коза не станет овцой.

1	2	3
	Л. Превращение—Непревращение одной вещи в другую при третьей	А. <i>Мудрость этого года становится глупостью в следующем.</i> Б. <i>Даже сидя на дне моря, ты не станешь крокодилом.</i>
12. Очередность — Неочередность	К. Очередность—Нарушение очередности	А. <i>Не шей одежду еще не родившемуся ребенку.</i> Б. <i>Неродившемуся сыну железную колыбель приготовили.</i>
	Л. Чередование — Нечередование	А. <i>После зимы наступает весна.</i> Б. <i>Бедя за бедой идет.</i>
13. Проявление — Непроявление	К. Проявление — Непроявление одной вещи в другой	А. <i>Дым показывает, что в горах огонь горит.</i> Б. <i>Незаметен огонь, находящийся под золой.</i>
	Л. Проявление — Непроявление одной вещи при другой	А. <i>Сухой лист делает змею видимой.</i> Б. <i>Светлячок при солнце не светится.</i>
14. Незаменимость — Заменяемость	К. Незаменимость — Заменяемость одних вещей другими вещами	А. <i>Филин сокола не заменит.</i> Б. <i>На безрыбье и рак рыба.</i>
	Л. Незаменимость — Заменяемость каких-либо вещей такими же или сходными вещами	А. <i>Отчим — не отец, мачеха — не мать.</i> Б. <i>Если птица теряет перо, то вместо него вырастает новое.</i>

II.

**Зависимость между отношением вещей
и отношением их свойств**

Высший логико-семиотический инвариант III

(Отношение свойств вещей зависит от отношения самих этих вещей)

Конструктивный тип 1 (III1)

$$(B_1 \sim B_2) \rightarrow (B_1 \in K_1 \rightarrow B_2 \in K_2)$$

(Если две вещи находятся в определенной связи друг с другом, то между свойствами этих вещей наблюдается известное соответствие или несоответствие)

1	2	3
15. Качественные Соответствия—Несоответствия	К. Качественное Соответствие—Несоответствие вещей	А. <i>Каков горшок, такова и крышка.</i> Б. <i>К дырявому халату золотая заплата.</i>

1	2	3
Л. Соответствие — Несоответствие характера действий	А. Если грешит топор, грешит и пилориче.	Б. Топор движется, а тень стоит.
М. Соответствие — Несоответствие вещей (или их действий) по силе или степени качеств	А. Как ты меня почесешь, так и я тебя почесу.	Б. Если король хромает, подданные ползают.
16. Природно-Качественные Соответствия — Несоответствия		
К. Природно-Качественное Соответствие — Несоответствие вещей	А. Если отец лев, то и сын львенок.	Б. Отец лев, а сын шакал.
Л. Природно-Качественное Соответствие — Несоответствие вещи и ее действия	А. Собака поступает по-собачьи.	Б. Коза поймала лягушку.
17. Количественные Соответствия — Несоответствия		
К. Собственно Количественное Соответствие — Несоответствие	А. Сколько стебельков, столько и яблок.	Б. На сем домов восемь старост.
Л. Соответствие — Несоответствие вещей по величине	А. Платьё выкраивается по росту.	Б. Нитка не проходит через игольное ушко.
М. Соответствие — Несоответствие по количеству времени (продолжительности, скорости и т. д.)	А. Сколько человек живет, столько и надеется.	Б. Один день ловит рыбу, три дня сушит сеть.
18. Обстоятельственные Соответствия — Несоответствия		
К. Соответствие — Несоответствие места	А. Где курица кудахчет, там она и снесется.	Б. В одном месте яйца несет, в другом цыплят высиживает.
Л. Соответствие — Несоответствие времени	А. Когда побегит конь, побегит и собака.	Б. Весной наелся оладьев, а осенью почувствовал отрыжку.
М. Соответствие — Несоответствие направления	А. Куда иголка, туда и нитка.	Б. Один тянет на восток, другой на запад.
19. Актантные Соответствия — Несоответствия		
К. Субъектное Соответствие — Несоответствие	А. Кто чистит лук, тот и чувствует запах.	Б. Корова телилась, а бык стонал.
Л. Объектное Соответствие — Несоответствие	А. Что сошьешь, то и поносишь.	Б. Дочери выговаривает, снохе намек делает.
М. Субъектно-объектное Соответствие — Несоответствие	А. Чье имя произносят, тот уже на пороге.	Б. Ударили по рогам, а затряслись копыта.

Конструктивный тип 2 (II Ж 2)

$$[B_1 \sim (B_2 \sim B_3)] \rightarrow [B_1 \in K_1(B_2) \wedge B_1 \in K_2(B_3)] \vee [B_2 \in K_1(B_1) \wedge B_3 \in K_2(B_1)]$$

(Если какая-либо вещь имеет отношения с двумя другими вещами, находящимися в определенной связи друг с другом, то ее отношение к одной из них совпадает или же совпадает с ее отношением к другой)

1	2	3
20. Одинаковость — Неодинаковость отношения одной вещи к двум или многим другим		
К. Одинаковость — Неодинаковость отношения одной вещи к двум другим		А. <i>Напуганный огнем, пугается кочерги.</i> Б. <i>Медком полакомиться люблю, да не выношу пчелиных укусов.</i>
Л. Одинаковость — Неодинаковость отношения одной вещи ко многим (или всем) другим		А. <i>Солнце для всех одинаково светит.</i> Б. <i>Солнце одно, а всех греет по-разному.</i>
21. Одинаковость — Неодинаковость качеств одной вещи для двух или многих других		
К. Одинаковость — Неодинаковость качеств одной вещи для двух других		А. <i>Что вредит отцу, то вредит и сыну.</i> Б. <i>Что для одного лекарство, то для другого яд.</i>
Л. Одинаковость — Неодинаковость качеств одной вещи для многих (или всех) других.		А. <i>Один для всех вход в жизнь и одинаковый выход.</i> Б. <i>Смерть кошки — праздник для мышей.</i>

Высший логико-семиотический инвариант II Ж

Конструктивный тип 1 (II Ж 1)

(Взаимное отношение вещей зависит от наличия у них определенных свойств)

$$[(B_1 \in K_1 \wedge B_2 \in K_2) \wedge (K_1 > K_2)] \rightarrow (B_1 > B_2)$$

(Если одна вещь обладает каким-то свойством, а другая — другим или другой степенью того же самого свойства, то одна из вещей предпочтительнее другой)

1	2	3
22. Взаимное Качественное Превосходство — Непревосходство вещей		
К. Собственно качественное Превосходство — Непревосходство		А. <i>Большое дерево и от солнца и от ливня укроет.</i> Б. <i>Большой кусок застревает в горле.</i>

1

2

3

- Л. Превосходство — Непревосходство вещей по их значимости (эффективности)
- О. (Особая подподгруппа) Равноценность — Неравноценность вещей
- К.О. (Для подгруппы Собственно качественное Превосходство — Непревосходство).
- Л.О. (Для подгруппы Превосходство — Непревосходство по значимости)
23. **Взаимное Количественное Превосходство — Непревосходство вещей**
- К. Собственно количественное Превосходство — Непревосходство
- Л. Превосходство — Непревосходство вещей по величине
- М. Превосходство — Непревосходство вещей по количеству времени (продолжительности, скорости и т. д.)
24. **Бытийное Превосходство — Непревосходство вещей** (т. е. Превосходство — Непревосходство вещи или ее отсутствия)
- К. Наличие или Отсутствие?
- Л. Кое-что или Ничего?
25. **Превосходство — Непревосходство вещей по степени качества или ценности**
- К. Более или Меньше качественное? (для вещей, различающихся по степени их качеств)
- А. *Блоха прыгает, а пыль не поднимается.*
- Б. *Мала муха, а от нее стошнит.*
- А. *Что малая, что большая свадьба — одно и то же.*
- Б. *«Кто ел?» это не то же самое, что «Что вы ели?»*
- А. *И сидящему и стоящему одна цена.*
- Б. *Сидящему и стоящему почет неодинаковый.*
- А. *Сотня глаз видит больше, чем один.*
- Б. *Две монеты в одном кошельке издают больше шума, чем сто монет.*
- А. *Задок не может быть больше телеги.*
- Б. *У него хвост больше его самого.*
- А. *Обезьяна говорит, что падать все же быстрее, чем спускаться.*
- Б. *Прошел трехдневный путь за день и слег на десять дней.*
- А. *«Есть» лучше, чем «нет».*
- Б. *Ничего нет лучше, чем Ничто.*
- А. *Что-нибудь лучше, чем Ничто.*
- Б. *Лучше ничего не делать, чем делать плохо.*
- А. *Падать, так с верблюда.*
- Б. *Утопающий за колючки хватается.*

1	2	3
	Л. Более или Менее хорошее? (для вещей, различающихся по ценности)	А. Ум — хорошо, а два — лучше. Б. Получится — хорошо, не получится — еще лучше.
26. Превосходство — Непревосходство вещей, связанное с их отношением к норме	К. В меру или Не в меру?	А. Чрезмерная мудрость хуже глупости. Б. Лишнее добро только к добру.
	Л. К месту или Не к месту?	А. Во рту козла трава сладкая. Б. На рисовом поле каша вкуснее, чем у плиты.
	М. Вовремя или Не вовремя?	А. Лучшие плакать кстати, чем смеяться не вовремя. Б. Канун праздника лучше самого праздника.

Конструктивный тип 2 (ПЗЗ)

$$[B_3 \sim (B_1 \in K_1 \sim B_2 \in K_2) \wedge (K_1 \wedge K_2)] \rightarrow [B_3 > (B_1 \wedge B_2)]$$

(Если какая-либо вещь имеет отношения с двумя другими вещами, находящимися в определенной связи друг с другом и обладающими различными качествами, то эта вещь оказывается предпочтительнее или неpreferтильнее двух других)

ПОДТИП ПЕРВЫЙ

(при условии, что $K_1 > K_2$)

$$[B_3 \sim (B_1 \in K_1 \wedge B_2 \in K_2) \wedge (K_1 > K_2)] \rightarrow B_3 > B_1 > B_2$$

1	2	3
27. Преодоление — Непреодоление	К. Преодоление — Непреодоление более и менее трудного	А. Кто реку переплыл, тому пруд не страшен. Б. От пули выжил, а от укуса комара погиб.
	Л. Преодоление — Непреодоление более и менее сильным	А. Где толстый худеет, из того дух вон. Б. Сильна скала против лома, да слаба против травки.

ПОДТИП ВТОРОЙ

(при условии, что $K_1 \cong K_2$)

$$[B_3 \sim (B_1 \in K_1 > \text{ант.} < B_2 \in K_2) \wedge (K_1 \cong K_2)] \rightarrow B_3 > (B_1 \wedge B_2)$$

1

2

3

28. Преимущественное — Непреимущественное положение посторонней вещи или вещи-посредника

К. Положение посторонней вещи и двух других вещей

А. Когда дерутся моллюск с бекасом, выигрывает рыбака.

Б. Слоны дерутся, а пеландук ноги протягивает.

Л. Роль вещи-посредника для двух других вещей

А. Двое убьют друг друга, если между ними не станет третий.

Б. Заступник драку раздувает

* * *

Два приведенных в настоящей работе списка (в первом из которых перечислены основные тематические пары, а во втором — виды отношений между их членами), взятые вместе, дают достаточно верное представление о смысловой структуре пословичных изречений. Именно из перечисленных в первом списке тематических пар (и их комбинаций), по типам и видам связей, указанных во втором списке, и составляются все реально существующие пословицы и поговорки.

В известном смысле пословичные тематические пары можно сравнить с лексическими элементами языка (словами и словосочетаниями), а формообразующие группы — с грамматикой. И как лексические элементы объединяются в предложения по правилам обычной грамматики, так предметные тематические пары и их элементы соединяются в пословицы по правилам своей, «пословичной грамматики» или по правилам пересечения их с формообразующими группами⁹.

Построим матрицу, в которой инвариантные пары, лежащие в основе предметных тематических групп, образуют столбцы,

⁹ Сравнение формообразующих групп с грамматикой покажется еще более оправданным, если учесть, что в составе этих групп (которые можно расценить как грамматические категории) представлены упорядоченные наборы различных логических трансформов одного и того же вида отношений (т. е. их парадигмы).

а виды отношений, лежащие в основе формообразующих групп, образуют строки. Для простоты отберем для таблицы по шесть предметных и формообразующих пар, сохранив номера и индексы, данные им в соответствующих списках.

№ строки в списке	Индекс столбца в списке	0	I2	I3	IIa1	IIa10	IIb2	III1
	Формообразующие пары (группы)	Инвариантные тематические пары (группы)						
		Целое — Часть	Начало — Конец	Большое — Малое	Хорошее — Плохое	Свое — Чужое	Акция — Реакция	
2.	Неизменность — Изменчивость	+						
3.	Предельность — Беспредельность	+						
8.	Взаимозависимость — Независимость			+				
10.	Порождение — Непорождение				+			
15.	Качественное Соответствие — Несоответствие		+					+
22.	Качественное Превосходство — Непревосходство					+	+	

На пересечении столбцов и строк и возникают конкретные изречения, относящиеся к соответствующим предметным тематическим группам (по названию столбца) и соответствующим формообразующим подгруппам внутри каждой данной тематической группы (по названию строки). Так, на пересечении столбца IIa1 (Большое — Малое) и строки № 10 (Порождение — Непорождение) возникает пословица *Гора родила мышь*, относящаяся к предметной тематической группе «Большое — Малое», к формообразующей подгруппе «Порождение — Непорождение Малого Большим и Большого Малым». На пересечении столбца I3 (Начало — Конец) и строки № 8 (Взаимозависимость — Независимость) появляется изречение *Если есть начало, будет и конец*, относящееся к тематической группе «Начало — Конец», к формообразующей подгруппе «Взаимозависимость — Независимость Начала и Конца». На пересечении

столбца I2 (Целое — Часть) и строки № 15 (Качественное Соответствие — Несоответствие) возникает пословица *Каков город, такова и окраина*, относящаяся к тематической группе «Целое — Часть», к подгруппе «Качественное Соответствие — Несоответствие Целого и Части», а на пересечении столбца III1 (Акция — Реакция) и той же строки № 15 — пословица *Как аукнется, так и откликнется*, относящаяся к предметной тематической группе «Акция — Реакция», к формообразующей подгруппе «Качественное Соответствие — Несоответствие Акции и Реакции».

Любое пословичное изречение непременно относится к какой-нибудь формообразующей группе. И это понятно: ведь каждая пословица и поговорка передает (моделирует) какие-то отношения между упоминаемыми (подразумеваемыми) в ней вещами или же называет — прямо или косвенно — какие-то свойства упоминаемых (подразумеваемых) в ней вещей. При этом в каждом конкретном употреблении она может передавать только один вид отношений и, следовательно, относиться лишь к одной формообразующей группе.

Совсем по-иному обстоит дело с предметными тематическими парами. Их в изречении может быть и одна, и две, и три, и даже (правда, сравнительно редко) пять-шесть, а иной раз — не быть ни одной. Это означает, что отдельные пословицы могут относиться к одной, двум и даже к пяти или шести различным предметным группам, а иногда не входить ни в одну из них.

При отсутствии в тексте пословиц предметных пар изречения носят «беспредметный» характер, как, например, *Все течет, все меняется* и *Ничто не вечно (под луной)*. (Первое из них возникло на пересечении нулевого столбца со строкой № 2, а второе — на пересечении нулевого столбца со строкой № 3.) При наличии в тексте пословиц двух предметных пар в изречениях наблюдаются «двойные противопоставления» типа *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов* (здесь пересекаются столбцы II62 и IIa10 со строкой № 22). Если же в пословице насчитывается большее число инвариантных пар, семантическая структура изречения оказывается еще более сложной: *Слабый да смелый сильного да глупого одолеет; некрасивый да языкастый красивого да косноязычного победит* (здесь представлены инвариантные тематические пары Сильный — Слабый, Красивый — Некрасивый, Умелый — Неумелый, два члена из пересечения пар Храбрый — Трус и Умный — Глупый и формообразующая группа 22 Л — Превосходство — Непревосходство вещей по эффективности). «Семантическая сложность» последней пословицы представляется значительно большей, чем у всех предыдущих.

В изречениях с более чем одной предметной парой одна из пар может явно превалировать над другой (как в приведенной выше поговорке *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов*, где противопоставление Свое — Чужое представляется более значительным, чем противопоставление Хорошее — Плохое, выраженное образами хлеба и пирогов). Но они (предметные тематические пары) могут быть и равноценными, как, например, в изречении *Состаришься — не помолодеешь, умрешь — не воскреснешь*, где представлены пары, образующие предметные группы Старое — Молодое и Жизнь — Смерть и формообразующая пара Обратимость — Необратимость. Тогда основной предметный смысл пословицы (ее принадлежность к одной из двух названных предметных групп) будет зависеть от так называемого «актуального членения», а попросту говоря, — от ее логического акцента, придаваемого ей в том или ином конкретном контексте. При этом вторая предметная пара окажется вспомогательной.

Интересно отметить, что некоторые тематические пары конструктивного типа II, по крайней мере те, в которых сопоставляются несовместимые вещи, вроде Хорошо — Плохо, Быстро — Медленно, Неизменность — Изменчивость и т. п., в изречениях могут выступать то в качестве «темы», то в качестве «ремы», т. е. представлять то предметную, а то формообразующую группу. Сравним китайский афоризм *Погода изменяется за час, люди — за поколения* с афоризмом народа га *Мир подобен крабу: он идет то вперед, то назад* и с курдской поговоркой *Хромя коза и быстроногий пастух вечером возвращаются в загон вместе*. В китайском изречении Изменчивость (элемент инвариантной пары Пв15) выступает в качестве темы, в изречении га — в качестве ремы (формообразующая группа 2К). В курдской поговорке пара Быстрый — Медленный выступает в качестве тематической (инвариант IIа15), а в китайском афоризме — в виде формообразующей (группа 23М).

Возникающие на пересечении столбцов и строк изречения могут иметь и имеют многочисленные смысловые трансформы, составляющие в своей совокупности математически строгую систему логической трансформации, описанную нами ранее [6; 7], а иногда и сами изменяются по правилам этой системы. Так, например, поговорка *Игра не стбит свеч*, возникшая на пересечении столбца III4 (Основное — Сопутствующее) и строки № 22Л¹⁰, может трансформироваться в изречение ряда Б, т. е. получить прямо противоположный смысл — *Игра стбит свеч*,

¹⁰ В приведенной на стр. 129 таблице их нет, но они имеются в приведенных выше списках.

или в изречение ряда Г, т. е. приобрести вопросительный характер — *А стоит ли игра свеч?*

Здесь, пожалуй, уместно заметить, что упомянутая выше система логической трансформации относится к тому же (логико-семиотическому) плану пословиц и поговорок, что и представленный на страницах 121—128 список (набор) формообразующих групп. Таким образом, пересечение предметных инвариантных пар (групп) с формообразующими фактически представляет воссоединение логико-семиотического плана и плана реалей в один общий План содержания пословичных изречений.

Несколько слов о системе записи, позволяющей экономно и точно обозначить место каждой данной пословицы и поговорки в нашей классификации. Сначала указывается индекс основной тематической группы (для пословицы *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов* это — П62, т. е. «Свое — Чужое»), затем приводится индекс формообразующей группы с указанием ряда и вида логического трансформации (для той же пословицы о «своем черном хлебе» это — 22КАга) и, наконец, после знака пересечения (×:) указываются индексы всех остальных тематических групп, имеющихся в данной пословице, в порядке убывания их значимости. (В нашем примере это только Па10, т. е. «Хорошее — Плохое».) Итак, место пословицы *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов* в смысловой классификации будет выражено следующим образом: П62, 22КАга; × : Па10.

Описанная модель не только дает возможность точно определить место каждого отдельного изречения в общей системе, что важно само по себе, но и отвечает на многие актуальные вопросы современной паремиологии. К сожалению, ограниченные размеры статьи не позволяют осветить эти вопросы здесь. Поэтому мы лишь бегло коснемся некоторых из них и отошлем читателя к другой нашей работе, где им посвящено значительно больше места ¹¹.

1. С изложенной позиции представляется, например, возможным дать определение понятия «пословичный тип», без которого не может обойтись ни одно сколько-нибудь серьезное паремиологическое исследование и которое, в той или иной форме, присутствует во всех работах по паремиологии, однако до

¹¹ Мы имеем в виду книгу «Избранные пословицы и поговорки двухсот народов Востока», которая должна выйти в 1978 г.

сих пор так и не определено (см., напр., 17, 26 сл.; 5, 53—81; 21, 22 сл.; 19, 478 сл.; 15, 866, 873 и др.; 14, 769, 802, 947 сл.). **Пословичный тип можно определить как пересечение некоторого набора пословичных тематических элементов с какой-то одной формообразующей подгруппой** (т. е. строго установленным видом логической связи между этими элементами). При этом существенно, что он не зависит от логической трансформации внутри данной подгруппы. Так, пословицы *Яйца курицу не учат* и *Яйца курицу учат*, несмотря на всю их логическую противоположность, относятся к одному и тому же пословичному типу, так как в них пересекаются одни и те же тематические элементы (курица и яйца) с одной и той же формообразующей подгруппой (22Л), а изречения *Будет свинка, будет и щетинка* и *Какова свинка, такова и щетинка*, несмотря на всю их разную близость, относятся к разным пословичным типам, так как в них одинаковые тематические элементы пересекаются с разными формообразующими подгруппами (в первом случае — с 8К, а во втором — с 15К).

2. Основываясь на тех же исходных данных, можно построить логически непротиворечивые смысловые указатели, пригодные для сколь угодно полных национальных и межнациональных научных изданий пословиц и поговорок, над чем уже давно трудятся ученые-паремиологи (см., напр., 1, 981—991; 3, 463 сл.; 5, 53—81). Во всяком случае, в работе, названной в сноске 11, мы приводим два таких указателя — тематический и логико-семиотический, построенных на «перевернутых» списках инвариантных тематических пар и формообразующих групп и удовлетворяющих всем необходимым требованиям при условии, что материал соответствующих изданий будет расположен по существенным признакам пословичной смысловой структуры.

3. С той же точки зрения получает рациональное объяснение феномен семантической неопределенности пословицы, наиболее полно описанный эстонским ученым А. Крикманном [15, 865 сл.; 16а; 16б]. В самом деле, если пословица являет собой не только знак, но и модель какой-то ситуации, т. е. модель отношений между вещами, а сами эти вещи представлены в ней каким-то, — подчас довольно сложным, — набором тематических элементов, то она (эта пословица), как и любая модель, может быть использована в разных условиях с разной целью. При этом в разных случаях в зависимости от нужных логических акцентов основными могут оказываться разные тематические элементы и, соответственно, проявляться разные виды связи между элементами. И это — помимо того, что каждая инвариантная пара и каждый вид связи сами по себе «покрывают» огромное

число конкретных случаев, относящихся к данному инварианту. Так, Большое и Малое могут означать гору и мышь, море и каплю, слона и Моську, т. е. относиться к большому числу равных и непохожих друг на друга вещей, лишь бы они были большими и малыми. А отношением причинной зависимости могут быть связаны огонь и дым, корень и побеги, ветер и шелест листьев и многое-многое другое¹³.

Можно назвать ряд других проблем, находящихся свое разрешение с помощью описанной модели. Однако и сказанного довольно, чтобы убедиться в ее значительной «разрешающей силе». Правда, она, в свою очередь, ставит перед исследователем ряд новых нелегких вопросов, требующих ответа. Таковы, например, вопросы о типах пересечений предметных тематических пар и элементов, о типологии самих этих пар, о полноте и порядке их списка, об отношении однородных (близких по названию) инвариантных тематических пар и формообразующих групп (к примеру, Порождающее — Порождаемое и Порождение — Непорождение), о коммуникативном использовании пословичных изречений (т. е. об их «актуальном членении»), о составе отдельных предметных групп и многие другие.

Но тут уже ничего не поделаешь. Таков непреложный закон развития всякой науки. Как сказал один мудрый человек, чем шире круг наших знаний, тем больше у него точек соприкосновения с незнанием.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Д а л ь В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
2. Д а н д и с А. О структуре пословицы (доклад на международном симпозиуме в Палермо в 1970 г.).— Настоящий сборник, с. 13—34.
3. И л л ю с т р о в И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках, изд. 3. СПб., 1915.
4. К р и к м а н н А. А. К проблематике исследования содержания и мировоззрения пословиц (автореферат канд. дис.). Таллин, 1975.

¹³ Между прочим, сама многоаспектная неопределенность пословиц, вопреки мнению А. Крикманна, лишней раз подтверждает их инвариантно-вариантную структуру (на всех уровнях и во всех аспектах). Сколько бы конкретных актуализаций ни получала какая-либо пословица, все они содержат нечто общее и неизменное, непреложное для данной пословицы. Это общее и неизменное и составляет ее инвариантную суть, а все частное и переменное — ее вариативную сторону (конкретную форму). И это справедливо для всех аспектов пословицы, начиная от самого значимого — логико-семиотического — и кончая языковым. Пословицы, как и другие фольклорные тексты, только потому и могут варьировать, что они устойчивы (т. е. в основе своей инвариантны), а устойчивы — потому что могут варьировать.

5. К у у с и М. К вопросу о международной системе пословичных типов.— Настоящий сборник, с. 53—81.
6. П е р м я к о в Г. Л. О логико-семиотическом плане пословиц и поговорок (к вопросу о теории жанра).— «Народы Азии и Африки», 1967, № 6.
7. П е р м я к о в Г. Л. Введение к сб. «Избранные пословицы и поговорки народов Востока». М., 1968.
8. П е р м я к о в Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М., 1970.
9. П е р м я к о в Г. Л. Прodelки хитрецов (вступительная статья к одноименному сборнику). М., 1970.
10. П е р м я к о в Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда.— «Типологические исследования по фольклору». М., 1975.
11. Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц (Материалы межвузовского симпозиума, ноябрь, 1968). Тула, 1968.
12. Р о ж д е с т в е н с к и й Ю. В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок.— Настоящий сборник, с. 211—229.
13. Р ы б н и к о в а М. А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961.
14. Т и л а в о в Б. [Цикл статей о таджикском своде пословиц.]— «Proverbium», № 24, 1973; № 24, 1974.
15. К r i k m a n n A. Some Difficulties Arising at Semantic Classifying of Proverbs.— «Proverbium», № 23, 1974.
- 16a. К r i k m a n n A. On Denotative indefiniteness of Proverbs, Tallinn, 1974.
- 16b. К r i k m a n n A. Some Additional Aspects of Semantic indefiniteness of Proverbs. Tallinn, 1974.
17. К у у с и М. Parömiologische Betrachtungen. FFC № 172. Helsinki, 1957.
18. К у у с и М. Oyambo Proverbs. FFC № 208. Helsinki, 1970.
19. L e v i n I. Parömiologische Erstlinge vom Pamir für Archer Taylor.— «Proverbium», № 15, 1970.
20. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Compiled by W. G. Smith. Oxford, 1936.
21. T a y l o r A. The Proverb and an Index to the Proverb. Hatboro — Copenhagen, 1962.

А. К. Жолковский

К ОПИСАНИЮ ВЫРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПАРЕМИЙ (разбор одной сомалийской поговорки)

1. МОДЕЛЬ «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики является подход, связанный с построением моделей типа «Смысл ↔ Текст», т. е. с моделированием способности носителя языка преобразовывать подлежащий выражению смысл в соответствующий ему текст (или в разные синонимичные тексты) и, наоборот, извлекать из текста содержащийся в нем смысл (см. 18; 21; 22; 1; 2; 12; далее изложение идет в духе работ 1; 2). В моделях этого типа полное описание предложения (и шире — любого текста) мыслится как запись многоступенчатого (многоуровневого) соответствия между его наиболее «г л у б и н н ы м», семантическим, представлением и самым «п о в е р х н о с т н ы м» (орфографическим или фонетическим) представлением, опирающегося на набор э л е м е н т а р н ы х с о о т в е т с т в и й или п р е о б р а з о в а н и й в широком (и даже расширительном) смысле этого слова (именно в таком смысле мы и будем употреблять его ниже). Эти преобразования состоят главным образом в перекодировке элементов (или комбинаций элементов) более «глубинного» уровня в элементы (комбинации элементов) следующего, более близкого к «поверхности», уровня, т. е. носят с е м а н т и ч е с к и й характер: элементы каждого следующего уровня выступают в роли означающих по отношению к элементам предыдущего более глубинного уровня, которые являются их означаемыми. Это относится как к синтаксису, где определенная поверхностная конструкция (скажем, прилагательное, согласованное с существительным) оказывается означающим для некоторого «глубинного» синтаксического отношения (скажем, общеатрибутивного), так и к лексике, где определенное поверхностное выражение (скажем, слово *термометр*) представляется как означающее определенной комбинации сем ($\approx$ 'прибор для измерения температуры').

Подобным же образом удается представить отношение означающее / означаемое и в случае фразеологических единиц (фразеологически связанных выражений смысла)¹. Так, поверхностные лексемы *сильный*, *яркий* и *глубокий* являются означающими одного и того же означаемого — Magn 'очень', — выбор между которыми зависит от контекста: 'очень' о *дожде* — *сильный* (или, «склеенно», — *ливень*); 'очень' о *примере* — *яркий*; 'очень' об *убеждении* — *глубокое*. То же самое относится и к словарному описанию более длинных фразеологических оборотов: 'очень' о *знать* — *как свои пять пальцев*, или, «склеенно» (т. е. включая саму сему 'знать') — *собаку съест на чем-либо*).

Все приведенные до сих пор примеры отношения означающее / означаемое из области фразеологии касались поверхностного выражения одной элементарной стандартной лексической функции (ЛФ) — Magn ($\approx$ 'очень')². Общее число таких ЛФ (в одном языке и в разных языках), по-видимому, находится в пределах 50—100; возможны и сложные ЛФ — устойчивые комбинации элементарных ЛФ друг с другом. Однако очевидно, что стандартными ЛФ не покрываются все смысловые комплексы, имеющие в языке готовое (т. е. входящее в его код) фразеологическое выражение. Эти «нерегулярные» комплексы описываются в словаре³ с помощью так называемых нестандартных ЛФ; так, слово *проспать* описывается в словарной статье СПАТЬ нестандартной ЛФ 'упустить в результате того, что С.'; выражение *если мне не изменяет память* в словарной статье ПАМЯТЬ — как 'говорящий сообщает, что его утверждение может быть неверным только если плохо функционирует его П.', а паремия *Век живи — век учишь* (— *дураком помрешь*) в словарной статье УЧИТЬСЯ — как 'сколько бы человек ни учился, всегда найдется нечто, чего он не знает и что ему полезно знать (так что он всегда будет знать мало)'³.

Принципиальная правильность помещения таких речений в словарь, призванный сопоставлять готовым комбинациям смысла готовые средства выражения, представляется бесспорной. Но обоснованна ли трактовка всех этих комбинаций смысла как нестандартных?

¹ О типах связи между означающими и означаемыми по форме и по смыслу см. 11.

² О ЛФ см. 1.

³ О строении словарного компонента модели «Смысл ↔ Текст» — толково-комбинаторного словаря (ТКС) — см. 1; 2.

II. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Г. Л. ПЕРМЯКОВА

1. Из цикла работ Г. Л. Пермякова (см. 14—16), основанных на последовательно лингвистическом и семантическом подходе к материалу паремиологии, следует нетривиальный вывод, что ответ на поставленный выше вопрос должен быть отрицательным. Г. Л. Пермяков (а) исходит из лингвистически достаточно естественного взгляда⁴, что паремии (в дальнейшем речь пойдет о пословицах и поговорках) — «не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами» [14, 26]; из этого он делает справедливый вывод, что паремии должны описываться в рамках общего описания языка как механизма соответствий между смыслами и текстами; (б) при этом смысл каждой описываемой паремии он формулирует с предельной эксплицированностью на достаточно «сухом» и абстрактном метаязыке (ср. (1)):

(1) *У человека два уха и один рот: значит, два раза слушай, один раз говори* $\simeq$ «Сначала думают, потом делают; прежде чем что-либо сделать (сказать), следует все хорошо продумать (примерить, проверить)» [14, 232].

Существенно, что формулируемое подобным образом содержание паремий ему удается свести к достаточно простым и универсальным (единым для разных языков и культур) формулам. Согласно Г. Л. Пермякову (см. в особенности его последнюю работу [16, 40], где интересующая нас мысль получает наиболее ясную формулировку), содержание любой паремии складывается из двух аспектов — предметно-тематического, определяющего субстанцию содержания, и логического-семiotического, определяющего форму содержания⁵. Оба аспекта поддаются вполне обозримому описанию в соответствующих формальных терминах. Предметный аспект описывается конечным набором (порядка 100) важнейших семантических противопоставлений, разрабатываемых в паремиях: «видимость / сущность»; «много / мало»; «свое / чужое»; «умный / глупый» и т. д. Логический аспект описывается набором еще более абстрактных (а потому совсем уже немногочисленных) формул, задающих типы связи между

⁴ Хотя, возможно, фольклористам и паремиологам он поначалу и мог показаться неожиданным.

⁵ Далее предметно-тематические представления мы будем называть предметными, сохраняя термин тема для обозначения всего содержательного аспекта в целом (что соответствует терминологии, принятой в работах по модели «Тема $\leftrightarrow$ Текст», к которым мы обратимся ниже, см. п. IV); логико-семiotические варианты мы будем для краткости называть просто логическими.

предметно-тематическими величинами типа: «если р, то q»; «если р обладает свойством х, то оно обладает и свойством у»; «если q зависит от р и р обладает свойством х, то и q обладает свойством х». Дальнейшее разнообразие формул создается синонимическим варьированием на уровне абстрактной структуры (например, введением двойного отрицания: ‘Свое всегда хорошее’ → ‘Свое не бывает плохим’), а также трансформациями, не сохраняющими смысла (в частности, отрицательной: ‘Свое всегда хорошее’ → ‘Чужое всегда хорошее’). Перемножение всех этих возможных трансформаций дает несколько десятков (до 100) разных типов формул, в которые может быть «уложена» в принципе любая элементарная мысль о связи между исходными предметными характеристиками (типа: ‘свое / чужое’, ‘видимость / сущность’ и т. п.)⁶.

В результате содержание, или тема, каждой паремии описывается несложной формулой⁷, содержащей указание на предметную категорию (или категории), о которой идет речь, на логический инвариант, по которому, так сказать, обрабатывается эта категория, и на те трансформации (как синонимические, так и меняющие смысл), которым полученная формула подвергается на пути к тексту реальной паремии.

Помимо тематического аспекта в теории Г. Л. Пермякова паремия рассматривается еще в двух аспектах — лингвистическом и предметно-образном (или аспекте реалий).

2. Лингвистическое рассмотрение проведено с большой детальностью: использованы признаки, касающиеся синтаксического масштаба паремий (фразовые / сверхфразовые); синтаксической законченности (замкнутые, т. е. пословицы / незамкнутые, т. е. поговорки); «цели высказывания» (утвердительность / отрицательность⁸; повествовательность / побудительность / вопросительность); степени обобщенности (частные / обобщенные); числа сопоставляемых элементов (с двумя оппозициями / с одной оппозицией); характера мотивировки общего значения (прямая / обратная); и ряда других языковых характеристик высказываний (простые / сложные предложения; типы простых и сложных предложений — инфини-

⁶ «Эти трансформы дают все мыслимые варианты любой высказанной идеи, все жизненные и теоретически предполагаемые ситуации» [14, 42].

⁷ Пример такой формулы см. в п. VI (формула (4)).

⁸ Формальная (т. е. языковая) утвердительность / отрицательность независима от содержательной, относящейся к логическому аспекту (см. 15, 13, см. 6).

тивны е, безличны е, . . . , условны е, . . . и т. п.). Это рассмотрение доказывает «возможность строгой лингвистической классификации пословиц и поговорок, . . . каждое изречение получает в ней только одно место, и при этом получает его непременно» [15, 18]; практическое осуществление этой классификации приводит Г. Л. Пермякова к нетривиальному и семиотически важному выводу: оказывается, что «пословицы и поговорки представлены всеми возможными видами предложений» (см. 15, 18, особенно сн. 10). Иначе говоря, с лингвистической точки зрения пословицы и поговорки представляют собой как бы полный набор иллюстраций к грамматическим структурам языка — так же как в тематическом аспекте паремнологический фонд содержит все основные типы логических ходов мысли и операций над мыслями и все важнейшие содержательные (предметные) категории, с помощью которых носителю языка, так сказать, предлагается научиться осмысливать свой опыт.

3. Рассмотрение паремий в плане реалий пока что только намечено в работах 14—16. Подход Г. Л. Пермякова направлен (а) на четкое отделение этого аспекта от двух других (тематического и лингвистического) (см. 15, 29) и (б) на постановку задачи описания всех реалий, фигурирующих в пословицах и поговорках, в терминах того «алфавита необходимых признаков», каковым являются инвариантные предметные противопоставления, выделяемые в рамках тематического аспекта⁹.

Важнейший вывод, который следует из системы Г. Л. Пермякова для описания языка в терминах модели «Смысл ↔ Текст», состоит в следующем. Фразеологические единицы по крайней мере одного большого класса — пословицы и поговорки, семантику которых предполагалось описывать в толково-комбинаторном словаре с помощью нестандартных ЛФ, обнаруживают в тематическом плане полную регулярность: соответствующие нестандартные функции образуют как бы особый подкласс стандартных ЛФ — такой, в котором каждая функция представляет собой одну из инвариантных логических формул с подставленными в нее теми или иными инвариантными предметными противопоставлениями. Значениями таких ЛФ и являются рассматриваемые Пермяковым паремии.

⁹ Это описание обещает дать научно обоснованную экспликацию понятия национальной специфичности реалий: одни окажутся общими для всех языков и культур, другие лишь для определенных ареалов (ср. 15; 17).

III. ПЕРЕФОРМУЛИРОВКА МОДЕЛИ ПЕРМЯКОВА

1. Следует сказать, что в бегло изложенной нами теории Пермякова есть некоторые неясности, в частности в вопросе разнесения тех или иных свойств паремий по трем выделенным аспектам (тематическому, лингвистическому и реалий).

Иногда смешиваются тематический и лингвистический аспекты; как отмечает сам Г. Л. Пермяков, «различия между частными и обобщенными предложениями (отнесенные им к лингвистическому аспекту.— А. Ж.) по своей природе чисто логические. Однако, поскольку они находят свое выражение в грамматике, их нельзя не учитывать при построении лингвистической классификации» [15, 10, сн. 3]. То же самое относится, по-видимому, и к лингвистической категории отрицательности / утвердительности, дублирующей соответствующую логическую (ср. сн. 8): мы имеем в виду не отрицательный трансформ исходной мысли, меняющий мысль на противоположную, а выражение той же мысли через двойное отрицание. Видимо, аналогичный упрек может быть сделан и по поводу отнесения к лингвистическому аспекту такого признака, как число сопоставляемых элементов (см. 15, 14); скорее всего это число должно определяться уже на уровне выражаемой мысли, и, следовательно, относиться к тематическому аспекту; если же считать его лишь особым поверхностным способом выражения все той же мысли, то неясно, не должен ли он рассматриваться не только как чисто лингвистическая категория, но и в плане реалий.

Кстати, это был бы не единственный пример спорности разграничения двух соответствующих аспектов. Мы имеем в виду отнесение признака мотивировка общего значения к лингвистическому аспекту. С одной стороны, оно вполне естественно: этот признак связан с тем, каким образом смысл паремий выводится «из смысла составляющих эти клише слов» [15, 12], т. е. с типично лингвистическим вопросом (см. 11). Однако помимо двух основных классов, выделяемых в лингвистике в зависимости от выводимости / невыводимости значения целого из значения компонентов (и множества промежуточных случаев частичной выводимости), Г. Л. Пермяков обнаруживает еще одно деление — при наличии мотивировки (= выводимости) она может быть либо «обыкновенной», прямой, либо обратной, когда общий смысл клише «непосредственно не вытекает из смысла составляющих это клише слов, а связан с ним через образ, например, *Еж называет своих детей ватой*

(т. е. 'Свое всегда кажется хорошим') [15, 11]. Но выбор тех объектов (здесь — *еж, вата*), которые создают нужный образ, — это уже, казалось бы, сфера реалий — ведь «именно план реалий, т. е. о б р а з н ы й с т р о й (разрядка наша. — А. Ж.) пословиц и поговорок... в органическом сочетании с логико-семиотическим планом, делает пословицы и поговорки художественными произведениями» [15, 29]. Действительно, переносное употребление слов, использование метафор и метонимий [15, 12] — характерный признак художественной речи. Но это художественное обращение с темой и материалом паремий оказывается отнесенным то к одному, то к другому аспекту их структуры.

Интересно, что в художественной природе паремий, видимо, находит объяснение и еще один, уже упоминавшийся, случай, пограничный между тематическим и лингвистическим аспектами, — противопоставление частных утверждений обобщенным. Дело в том, что общие закономерности, образующие содержание многих паремий, вполне могут в реальном тексте принимать вид частных утверждений о единичных объектах, поскольку одним из характерных свойств искусства является «воплощение общего в отдельном». Иначе говоря, общие истины (тематический аспект) художественно выражаются в виде частных утверждений (языковый аспект).

Кстати, некоторые свойства паремий, явно относящиеся к их художественной стороне, вообще не отражены в предлагаемой Г. Л. Пермяковым классификации. Укажем хотя бы на такие характерные явления, как синтаксический (и ритмический) параллелизм и рифма; ср. следующие одинаковые по теме паремии:

- (2) (а) *Даже когда шутишь, говори обдуманно;*
 (б) *Думай дважды, говори раз;*
 (в) *Десять раз прикинешь, один раз отрежешь;*
 (г) *Семь раз отмерь, один раз отрежь,*

которые мы расположили в порядке постепенного возрастания синтаксической и фонетической симметрии.

Отсутствие соответствующих категорий в классификации Г. Л. Пермякова в каком-то смысле даже естественно: будучи сугубо «внешними», «формальными», «поверхностными», «бессодержательными», они (и другие им подобные) оказываются забытыми в системе, нацеленной на описание семантической организации паремий. Представляется, однако, что эта последовательно семантическая — в принципе — установка проведена недостаточно последовательно, результатом чего и является, с одной стороны, некоторое смешение аспектов, а с другой — неполнота классификации.

2. На наш взгляд, для устранения этих нечеткостей достаточно несколько модифицировать рассматриваемую паремиологическую модель. Все содержательные сходства и различия между паремиями должны по-прежнему фиксироваться в записи их тем. Говоря в с е, мы имеем в виду, что если какое-то различие признается с о д е р ж а т е л ь н ы м, т. е. меняющим тему паремии, то оно и должно быть отнесено к тематическому аспекту. Так, если различие между ч а с т н ы м и и о б о б щ е н н ы м и утверждениями признается в каких-то случаях содержательным, то в формулировку тем (а точнее — логических инвариантов) соответствующих паремий следует внести кванторы существования или общности, так что одни из них будут фиксировать мысли типа 'Некоторые X-ы...', а другие — типа 'Все X-ы...' ¹⁰.

То же самое относится, по-видимому, и к различиям «по цели высказывания», которые — в плане содержания, т. е. в тематическом аспекте — могут, вероятно, быть соотнесены с некоторыми из текстовых функций паремий, зафиксированных Г. Л. Пермяковым [16, 254 сл.]: п о в е с т в о в а т е л ь н о с т ь — с м о д е л и р у ю щ е й, п о б у д и т е л ь н о с т ь — с м а г и ч е с к о й и т. п. Преобладание или, по крайней мере, некоторое выдвигание на первый план той или иной из этих функций должно, очевидно, отражаться в формулировке темы паремий.

С другой стороны, во многих случаях различия между лингвистическими категориями, фигурирующими в тексте паремий, совершенно несущественны с точки зрения содержания. Тематически несущественными могут быть те же категории повествовательности / побудительности, отрицательности / утвердительности и вообще любые категории, которыми по необходимости должен характеризоваться всякий языковой текст, вплоть до таких «бессодержательных» свойств художественного текста, как синтаксический и иной параллелизм, фонетические созвучия и т. д. Нетривиальным открытием является самый факт, что в паремиях бывает с лингвистической точки зрения в с ё (см. выше, стр. 140). Но, может быть, именно в силу этого не имеет смысла строить особую лингвистическую классификацию для паремий; лингвистический аспект их описания, по-видимому, должен слиться с лингвистикой вообще, точнее с моделями типа «Смысл ↔ Текст», поскольку задачей этого аспекта, или уровня, — вполне в духе работ

¹⁰ Если же это различие не признается содержательным, то оно не относится к тематическому аспекту, так как является различием не между мыслями, а между способами выражения одной и той же мысли.

Г. Л. Пермякова — можно считать установление соответствия между смыслом¹¹ и текстом пословиц и поговорок.

При этом, подобно тому как в тематическом аспекте различаются более абстрактный и более конкретный компоненты (логические формулы vs. предметные противопоставления), в лингвистическом аспекте также можно различать аналогичную пару компонентов. Роль более абстрактного компонента в рамках всей системы языковых средств придется на долю грамматики в широком смысле слова, т. е. всех тех категорий, о которых говорилось выше. Роль же конкретного лингвистического компонента в таком случае естественно отнести к словарю, основную часть которого составят реалии, до сих пор рассматривавшиеся в качестве особого аспекта¹². Действительно, если задача лингвистического уровня — облекать смысловые конструкции тематического уровня в конкретную языковую форму, то реалии должны быть отнесены к нему: их названия «подбираются» по семантическим признакам (см. 15, 30) совершенно так же, как это делается со словами при автоматическом переходе от смысла к тексту в лингвистических моделях.

Как видно из сказанного выше, не только тематический уровень, но и лингвистический можно мыслить не как классификацию¹³, а как систему преобразований. На тематическом уровне возможны тематически эквивалентные (сохраняющие тему) и тематически неэквивалентные (меняющие тему) преобразования; преобразования лингвистического уровня должны быть строго синонимичными, т. е. тематически и семантически эквивалентными.

Однако этими двумя уровнями (или аспектами) и двумя типами преобразований все упоминавшиеся выше (и другие существенные) свойства паремий покрываются не полностью. При этом «за бортом» остаются такие категории, как характер мотивировки значения, синтаксический и фонетический парал-

¹¹ О соотношении между смыслом (в лингвистическом значении термина) и темой (в принятом здесь понимании, см. сн. 5 и п. IV) см. п. VII. 4. К развиваемой нами здесь точке зрения в последней работе, по-видимому, приходит и Г. Л. Пермяков (см. 16, 263).

¹² Возможно, что набор реалий, по Пермякову, просто совпадает со словарем в нашем понимании. Дело в том, что не совсем ясно, относится ли Г. Л. Пермяков к реалиям только реалии в строгом смысле слова (*яичко, лоб, погост, лотос, слононая кость* и т. п.) или всю лексику вообще (*изъян, трещина, пятно, внутри, красив, болтун, дброд, даже, водиться,...*). При попытке провести между теми и другими границу возникает ряд трудноразрешимых вопросов.

¹³ Классификации, предлагаемые в работах 14—16, по сути дела основаны на соответствующих преобразованиях и потому вполне допускают такое переосмысление.

лелизм, а также, скажем, те случаи использования частных утверждений, которые не predeterminedены соответствующим квантором (существования) в формулировке темы паремии, и те случаи использования реалий, которые не сводятся исключительно к покрытию набора семантических признаков, заданных в формулировке темы. Иначе говоря, все то, с чем связана образность, художественность паремий. На наш взгляд, все эти явления образуют особый уровень, или аспект, структуры паремий — аспект в ы р а з и т е л ь н о с т и, который точно так же допускает описание в терминах вполне определенных преобразований, как и два рассмотренные выше аспекта. Причем эти преобразования, как мы увидим, будут носить характер как сугубо «бессодержательных» операций над языковой оболочкой паремий (см. выше о внесении параллелизма и рифмовки), так и в каком-то смысле «содержательных» операций над исходными формулировками (вроде введения образной мотивировки значения и т. п.)¹⁴.

IV. МОДЕЛЬ «ТЕМА ^{ПВ} ↔ ТЕКСТ»

Система подобных преобразований была предложена Ю. К. Щегловым и автором в виде так называемой модели «Тема ^{ПВ} ↔ Текст» (см. 4—10), задуманной как формализация достаточно традиционного понимания искусства¹⁵: искусство рассматривается как преобразователь, на вход которого поступает некая информация (чувства, ощущения, мысли ...) и который переводит ее в форму внешних знаков, причем, в отличие от языка (= преобразователя «Смысл ↔ Текст»), в искусстве перевод делается таким образом, что слушатель (читатель и т. п.) не просто узнает сообщаемое, но «заражается», проникается им, так что оно захватывает глубины его существа, становится как бы частью его собственного опыта.

Эти представления зафиксированы в следующих понятиях. Передаваемая информация называется темой. При этом характер и функции информации могут быть очень разнообразными: это могут быть какие-то общие философские истины или

¹⁴ Именно воздействием операций выразительного уровня на остальные и будет объясняться в таком случае то смешение аспектов, о котором говорилось раньше.

¹⁵ «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им ощущения, а другие люди заражаются¹ этими чувствами и переживают их» (Л. Н. Толстой. «Что такое искусство». — Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 30, с. 65).

более конкретные актуальные проблемы; те и другие могут трактоваться в плане самых разных задач (моделирование действительности; воздействие на нее, в частности на воспринимающего; обучение воспринимающего: прогнозирование и т. п.¹⁶). С точки зрения объекта, к которому относится информация, образующая тему, существенно противопоставление тем первого и второго рода. Более привычные темы I рода касаются того, что условно можно назвать предметной сферой, т. е. мира, лежащего вне языка и искусства; темы II рода — того, что мы назовем орудийной сферой, т. е. самих средств, с помощью которых строится художественный текст, т. е. тех или иных явлений естественного или поэтического языка. Пример темы I рода — ‘Сначала подумай, потом сделай’ (в поговорке *Семь раз отмерь, один раз отрежь*); пример темы II рода — ‘Научись произносить трудные звуки *р* и *л* и их сочетания с *к* (в скороговорке ¹⁷ *Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет*)’¹⁸.

Механизм, обеспечивающий «заражение» воспринимающего темой, задается системой особых преобразований — *п р и е м о в ы р а з и т е л ь н о с т и* (ПВ). На входе каждого ПВ — некоторый элемент (тема; компонент темы; результат предыдущих преобразований темы или ее компонентов), на выходе — элемент (комбинация элементов), передающий ту же тематическую величину, но с большей «силой». Существенно, что тема представляет собой сугубо «декларативную», «н е в ы р а з и т е л ь н у ю» формулировку передаваемой информации, а ПВ — тематически эквивалентные, и в этом смысле «б е с

¹⁶ Г. Л. Пермяков выделяет 7 текстовых функций [16, 254 сл.]; на наш взгляд, его классификация нуждается в пересмотре и иерархизации; в частности, мы объединили бы развлечательную и орнаментальную функции.

¹⁷ О теме скороговорок см. 16, 256.

¹⁸ Противопоставление предметной и орудийной сфер шире противопоставления тем I и II рода: если последнее относится только к темам, то первое полезно иметь в виду и тогда, когда речь идет о *в ы р а ж е н и и* тем. Как темы I рода, так и темы II рода могут проводиться через обе сферы; так, скороговорки проводят темы II рода в основном через орудийную сферу, а мнемонические стихи для запоминания грамматических (и иных) правил проводят темы II рода в основном через предметную сферу; сюжетная сторона паремий проводит тему I рода через предметную сферу, а в поэзии темы I рода, как правило, проводятся также и через орудийную сферу (например, повтор *у-у-у* в *Я утром должен быть уверен, Что с вами днем увижусь я* выражает в орудийной сфере тематический элемент ‘регулярность, неуклонность’, который в предметной сфере выражен словами ‘должен, уверен’ и мотивом ‘наступления дня вслед за утром’). Возможны, разумеется, более сложные и пограничные случаи. Подробнее см. 4, 18 сл.; 6, 54—63; 9; 10, 124—130.

с о д е р ж а т е л ь н ы е», преобразования, обеспечивающие лишь придание теме выразительности¹⁹.

Описанием выразительной структуры текста является запись соответствия между темой и текстом в виде вывода, выполняемого на основе ПВ. Таким образом, ПВ — это стандартные единицы для формулирования соответствий между темами и художественными текстами²⁰. В каком-то смысле можно сказать, что вывод представляет выразительную структуру текста в виде истории превращения сырой темы в полноценный художественный текст путем применения все новых и новых «фокусов» (= ПВ), в виде своего рода замедленной съемки этих фокусов. Однако важно помнить, что такая аналогия верна лишь отчасти, поскольку отношение между этапами вывода имеет не временной, а чисто логический характер: преобразование темы в текст — не имитация процесса творчества (в ходе которого исходный замысел автора может и меняться), а условный способ эксплицитной записи соответствий между (уже выраженной в тексте) темой и текстом. Просто изображение этих соответствий (одновременно присутствующих в произведении), часто довольно сложных, оказывается удобным представить в виде целой иерархии этапов, имеющей внешнюю видимость временной последовательности.

V. ПРЕДПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ ПАРЕМИЙ В ПВ ТЕРМИНАХ МОДЕЛИ «ТЕМА ↔ ТЕКСТ»

Применение понятий модели Тема ↔ Текст к паремиологическому материалу представляется уместным по ряду причин.

С одной стороны, как мы старались показать в п. III, есть потребность в дополнении системы Пермякова компонентом, «отвечающим» за выразительный аспект паремий. С другой стороны, некоторые предположения, лежащие в основе модели «Тема ↔ Текст», находят себе естественную опору в системе Пермякова.

¹⁹ Принцип «темы — чистое содержание, ПВ — чистая выразительность» является, конечно, лишь идеальной установкой; в действительности полное отделение ПВ от темы («вычитание приемов из текста», см. 4, 33 сл.) возможно далеко не всегда (см. 5, 12—23): с одной стороны, некоторые ПВ необходимы для формулировки некоторых тем, с другой — при некоторых темах ПВ применяются не просто для повышения выразительности, а как средства реализации этих тем: так, тема 'много' может реализоваться в серию повторов, т. е. в применение ПВ ПОВТОРЕНИЕ, а тема 'всегда, все, всё' — в применение ПВ ВАР_{контр} (см. ниже, п. VI. 1.1 и 10, 141 сл.; 6, 71 сл.; о темах, предрасполагающих к применению ПВ, см. 5, 15 сл.).

²⁰ Перечень ПВ читатель найдет в Приложении.

Во-первых, если при описании достаточно сложных художественных текстов встает вопрос об отделимости темы от текста (см. сн. 19), вызывающий у многих исследователей скептицизм, то для паремий этот вопрос не только представляется разрешимым, но и практически разрешен. Действительно, благодаря работам Г. Л. Пермякова мы располагаем готовыми формулировками тем всех реально существующих и мыслимых пословиц и поговорок, имеющими стандартную форму (в плане как их логической структуры, так и предметного содержания). Иначе говоря, то, что должно служить входными данными для преобразователя «Тема ↔ Текст», вполне эксплицитно и «невыразительно» задано в работах Г. Л. Пермякова ^{ПВ} 21.

Во-вторых, характерной — и вызывающей сомнения и споры — чертой вывода «Тема ↔ Текст» является обилие гипотетических промежуточных формулировок, описывающих структуру текста с определенной степенью приближения. Сомнения бывают связаны обоснованностью именно таких, а не иных приближений, а иногда и вообще с правомерностью разложения структуры текста в ряд последовательных приближений. Но если обратиться к пермяковской классификации пословиц и поговорок [14], то оказывается, что в один самый узкий тематический класс, т. е. в класс паремий с совершенно тождественной темой, обычно входит довольно много (более десятка) разных текстов. Различаются они именно своей выразительной структурой: В одних случаях — количеством и характером примененных ПЗ (ср. примеры в формуле (2)), в других — разными **КОНКРЕТИАЦИЯМИ** одной и той же выразительной структуры ^{ПВ} 22. В результате промежуточные этапы (а также альтернативные варианты) выводов «более выразительных» паремий оказываются проиллюстрированы и подкреплены другими реально существующими паремиями на ту же тему ^{ПВ} 23.

²¹ В этом теоретическом рассуждении мы позволяем себе отвлечься (а) от того факта, что Г. Л. Пермяков продолжает совершенствовать свое описание, пересматривая от работы к работе организацию логических и предметных инвариантов тематического уровня, а также (б) от того, что (в силу соображений, высказанных нами в п. III и в силу «невычтенности» ПВ из тематических формул, даваемых в работе 14) может потребоваться и более радикальная переформулировка тем паремий. Более подробно этого вопроса мы в настоящей статье коснуться не сможем.

²² Т. е. разными реалиями, покрывающими совершенно один и тот же тематический и выразительный костяк, ср. пропорции 2 : 1, 10 : 1, 7 : 1 в (2б, в, г), являющиеся соответственно разными словарными реализациями (ПВ КОНКР) тематического компонента 'числовое выражение отношения много : мало'

²³ О сходстве между промежуточными этапами вывода одного текста (пословицы (3)) и реальными текстами других пословиц (8б, д) ср. ниже,

VI. ПРИМЕР ВЫВОДА ПАРЕМИИ ИЗ ТЕМЫ

На примере одной художественно достаточно интересной сомалийской пословицы попытаемся показать, как строится вывод текста из темы на основе 11В. Приведем эту пословицу по-сомалийски и в буквальном переводе.

(3) *Saano aan fiirsi loo dhamin iyo hadal aan fiiro loo odhan, feedhaahaaga ayuu wax yeelaan* — Молоко, выпитое не глотками (т. е. выпитое залпом), и слова, сказанные не со вниманием (т. е. необдуманно), вредят твоим ребрам.

Формулировка темы пословицы (3) не представляет особых трудностей: перед нами

(4) высказывание о группе «Размышление и дело», построенное по логической формуле IЖ1ОВЗАβα (см. 14, 232).

Эта формула означает следующее: инвариант IЖ (отношение между вещами); конструктивный тип 1 (логические конструкции без фильтра)²⁴; подтип ОВЗ (общая взаимозависимость вещей); основной ряд — А (утверждается «прямая» связь между размышлением и делом — «сначала следует думать, потом делать», — а не, скажем, обратная, типа наполеоновского *On s'engage et puis on voit*); отрицательная форма βα («основная» мысль высказана с помощью двойного отрицания — сказано не что «хорошо сначала думать, потом делать», а что «плохо делать, не подумав сначала»). Данная пословица или достаточно сходная с ней по структуре отсутствует в соответствующем месте индекса Пермякова [14, 233], где фигурируют только следующие две паремии:

(5) (а) *He gloyai ne projevavishi, ne boltai ne podumavishi;*

(б) *He otmeriv — ne rezh.*

Некоторые из пословиц, близких к (3) по теме («Размышление и дело» IЖ1ОВЗАαα, различие только в последней паре индексов), были приведены в (2) (более полный набор см. 14, 232—233).

Формулировку (4) темы паремии (3), заимствованную из работы 14, 232—233, необходимо уточнить, пожалуй, лишь в одном отношении: по-видимому, внутри предметной группы «Размышление и дело» следует различать две подгруппы —

п. VI.1 и формулу (9); об опасениях по поводу произвольности гипотетических формулировок и предпочтении к преобразованиям «текст ↔ текст», а не «тема ↔ текст», см. 13.

²⁴ Отсутствие фильтра означает, в частности, что утверждение носит всеобщий характер [14, 29, 30].

«размышление и дело» и «размышление и слово». Действительно, более или менее очевидно, что, скажем, русская поговорка *Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь* нормально применима только к ситуациям, касающимся 'обдуманности / необдуманности с л о в' (а не любых действий), так что ее тему лучше сформулировать так:

(6) Прежде чем что-либо сказать, всегда следует это хорошо продумать.

Иначе обстоит дело с рассматриваемой сомалийской поговоркой, которая применима к любым [необдуманным действиям]²⁵, — ее тема

(7) Прежде чем что-либо сделать, всегда следует это хорошо продумать.

Примечание. Мы предпочитаем пользоваться словесной формой записи тем. Элемент 'всегда' введен с целью эксплицитно показать всеобщий характер делаемых в (6) и (7) утверждений (о роли кванторов в формулировках тем см. выше, стр. 143 о выражении элемента 'всегда' в тексте паремии см. ниже, п. VI.1.1). Утвердительная (а не отрицательная, ср. (7) с (4)) форма избрана сознательно (о преобразовании, заменяющем ее на отрицательную на пути к тексту, см. ниже п. VI.2.1).

Как же тема (7) выражена в нашей «художественно интересной» поговорке? С помощью каких «фокусов» эта голая мысль превращена в эффектный и убедительный маленький шедевр? Попытаемся набросать вывод текста (3) из его темы (7) на основе ПВ.

1. ПРОВЕДЕНИЕ ЧЕРЕЗ РАЗНОЕ и НАРАСТАНИЕ

1.1. **Применение ПВ ВАР**, точнее, его разновидности ВАР_{контр} (ПРОВЕДЕНИЯ ЧЕРЕЗ КОНТРАСТНОЕ РАЗНОЕ), несет не только общевыразительную функцию, но и является прямой КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ одного из элементов темы (7) — 'всегда' (ср. сн. 19): та мысль, что (7) есть истина, верная во всех случаях, наглядно выражается в том, что для нее подбираются (две) разные и даже контрастные иллюстрации. Окончательный вид эти иллюстрации примут на последующих этапах вывода; пока что фиксируется само решение построить для (7) две такие контрастные КОНКРЕТИЗАЦИИ.

Двойное (а не одинарное) КОНКР — ПВ, довольно распространенный в паремиях, в частности на темы (6) и (7), ср:

²⁵ Это устанавливается не анализом текста и структуры поговорки, а опросом информантов.

- (8) (а) Собака три раза обегит вокруг места, прежде чем ляжет; человек должен подумать тридцать пять раз, прежде чем сказать;
- (б) Прожуй, прежде чем проглотить; послушай, прежде чем говорить.
- (в) = (1) У человека два уха и один рот: значит, два раза слушай, один раз говори;
- (г) Семь раз отмерь, один раз отрежь; только дурак сначала делает, а потом думает;
- (д) = (5а) Не глотай не прожевавши, не болтай не подумавши.

Наша пословица (3) сходна с теми или иными из (8а—д) в ряде отношений, из которых на теперешнем этапе вывода следует отметить следующие.

1.2. К О Н К Р Е Т И З А Ц И Я и заострение контрастного отношения (о / к). Выбираются такие два способа КОНКР темы (7), которые взаимно контрастируют по признакам:

‘материальное (физические действия, еда) / духовное (слова)’, ср. (8а, б, д);

‘направление сюда (внутрь тела) / туда (наружу из тела)’, ср. (8б, д);

и одновременно сходны по признаку ‘место’ (= ‘рот’: ‘в рот / изо рта’) ²⁶.

Практически это значит, что выбираются ситуации, связанные с ‘едой’ и ‘речью’ ²⁷.

1.3. Х а р а к т е р с о о т н о ш е н и я м е ж д у д в у м я и л л ю с т р а ц и я м и по степени конкретности. Часто вторая из двух иллюстраций содержит более прямую формулировку выражаемой темы, играя как бы роль «морали» по отношению к первой — «собственно басне», ср. (8а, в, г). Подобное НАРАСТАНИЕ «явности» выражения

²⁶ Введение в контрастную пару элементов сходства или тождества (ПВ СОГЛ) служит заострению (ПВ УВЕЛ) контраста (см. 6, 76 сл.). О дальнейшем заострении о/к между двумя иллюстрациями см. ниже в п. 3.

²⁷ Примером оригинальной игры с этими противопоставлениями и самим принципом парности иллюстраций является пословица

(i) Сначала свари слово, потом вытащи изо рта.

Казалось бы, в отличие от примеров в (8), она построена на одинарной иллюстрации (без ВАР) — подобно (ii):

(ii) Сначала хорошенько подумай, а уже потом говори (ср. также примеры в (2)).

Однако в действительности ее структуру, по-видимому, лучше описывать как результат ВАР_{контр} рассматриваемого типа с последующим СОВМЕЩЕНИЕМ двух иллюстраций и СОКРАЩЕНИЕМ одной из них: в тексте (i) говорится о ‘словах’ (‘духовном’, ‘выходящем наружу’), но описываются они, как ‘пища’ (‘материальное’, ‘(обычно) принимаемое внутрь’).

темы отчасти ²⁸ применено и в нашей пословице, где во второй иллюстрации прямо говорится о 'внимании' (fiiro). В результате первого шага вывода, т. е. применения ВАР_{контр} и НАР_{явн}, из (7) получаем (9).

(9) Прежде чем принимать (внутри) пищу, следует сделать нечто, в чем проявляется продуманность; прежде чем произносить (= выпускать наружу) слова, следует подумать ²⁹.

2. Конструкция ВНЕЗАПНЫЙ ПОВОРОТ и фигура ПРОВАЛ ПРЕТЕНЗИЙ

Особая убедительность и емкость пословицы (3) связаны, вероятно, с тем, что в ней описан целый ряд событий, образующих причинную последовательность, целый сюжет (и даже двойной). Действительно, это отличает ее от всех процитированных выше паремий (ср. (1), (2), (5), (8)) ³⁰. Кроме того, она отличается от них ясно выраженным юмором.

В терминах модели «Тема ↔ Текст» это означает, что при выводе текста (3) применяется одна из сюжетных конструкций — ВН.ПОВ — и одна из комических фигур — ПРОВАЛ; выбор именно данной комбинации средств в значительной мере объясняется ее устойчивостью, основанной на множестве общих черт ВН.ПОВ и ПРОВАЛА ³¹. Реализация этого решения состоит в следующем.

2.1. Тема, точнее формула (9), переводится из утвердительной формы в отрицательную — именно таким образом может быть построен поучительный сюжет с 'провалом' на тему (7). Иначе говоря, рассуждение теперь будет строиться по схеме (10):

²⁸ Хотя и не в полной мере, так как во второй иллюстрации речь идет все-таки о 'словах' (hadal), т. е. одном из возможных КОНКР тематического элемента «делать» из (7), а не прямо о «делании» (ср., напротив, (8 г)). Некоторая завуалированность этого ПВ (НАР_{явн}), возможно, связана с необходимостью сохранить опущение симметрии, равноправности двух иллюстраций темы, — важное с точки зрения выражения элемента 'всегда'.

²⁹ «...сделать нечто, в чем проявляется продуманность» — формулировка, означающая, что данный компонент обязательно должен будет в дальнейшем получить более конкретный вид, чем предельно явный второй, аналогичный компонент («подумать»).

³⁰ На причинной связи основана также паремия (8в), образующая, однако, не сюжет, а своего рода силлогизм («...значит...»).

³¹ Эти и подобные конструкции и фигуры суть сложные комбинации ПВ, см. 5; 7, 49—87; о фигуре ПРОВАЛ и ее связи с ВН.ПОВ см. подробно в 8, 202 сл. в настоящем сборнике. Заметим, что комические фигуры обычно вводятся в действие в качестве КОНКР тематического элемента 'комизм' (см. сн. 19 и работы 5; 8); однако здесь мы не включаем такого элемента в тему и предпочитаем уклониться от обсуждения этого вопроса.

(10) Если прежде чем принимать пищу, не подумать, будет плохо... , где элемент 'плохо' и есть первая, самая общая КОНКРЕТИЗАЦИЯ искомого 'провала'. Так задачами выразительности мотивируется выбор отрицательной формы (б α) вместо утвердительной (а α).

2.2. Будущему 'провалу' предпосылается эпизод, где персонаж, наоборот, изображается действующим успешно, хотя в его действиях и имеется некое «слабое место», предопределяющее провал (ПВ ОТКАЗ и СОГЛ, входящие во ВН.ПОВ). Кроме того, в соответствии с требованиями комизма в этот эпизод вносятся мотивы 'претензий', 'увлеченности' и 'слепоты, неосознания': поведение персонажа изображается не просто как непродуманное, но как продиктованное какой-либо обуревающей и ослепляющей его страстью. Таковы 'жадность' и, может быть, в меньшей степени, 'болтливость' в нашей поговорке — в отличие, скажем, от простой 'непродуманности' в (8г) ³².

2.3. Для элемента 'провал' определяется общий характер его будущей КОНКРЕТИЗАЦИИ, которая

(а) сама может содержать элементы комизма;

(б) должна быть поучительным образом СОГЛАСОВАНА с материалом, из которого строится данная сюжетная линия (элементами 'еда', 'необдуманность', 'жадность'..., 'слова'...).

Требование (а) реализуется в виде типично фарсового элемента 'побой, телесная боль'; требование (б) — выбором для 'провала по линии жадной еды' типичной схемы 'перегибание палки' ³³ (типа *Подавился костью; Откусил больше, чем может проглотить*, и т. п.), а для 'провала по линии необдуманной болтовни' — ситуации типа *Язык твой — враг твой*.

Результатом всех этих операций будет (11).

(11) Тот, кто жадно и поспешно ест, испытывает в результате боль; тот, кто говорит, не подумав, подвергается побоям, которые навлекает на него содержание его речей.

3. СОГЛАСОВАНИЕ И СОВМЕЩЕНИЕ

Этими ПВ обрабатываются прежде всего две контрастные иллюстрации необдуманного поведения ('поспешное поглощение пищи и его последствия' и 'необдуманные речи и их по-

³² О роли мотивов 'увлеченность' и 'неосознание' в комической фигуре ПРОВАЛ ПРЕТЕНЗИЙ см. 8, 203 в настоящем сборнике.

³³ О ВН.ПОВ, построенных по такой схеме, см. 7, 62.

следствия'), но также и начальный (ОТКАЗНЫЙ) и конечный (связанный с 'провалом') участки каждой линии. Функция этих СОГЛ и СОВМ — подчеркивание отношений контраста и сходства между обрабатываемыми объектами путем внесения дополнительных элементов тождества (ПВ КОНТР_{тожд}, ср. сн. 26)³⁴, а также повышение органичности и связности всего построения. Ряд тождеств между двумя иллюстрациями уже имеется — это

(а) сам тематический комплекс (7), подвергшийся ВАРЬИРОВАНИЮ (п. 1.1) и обогащенный элементами 'провал' (п. 2.1) и ОТКАЗ (п. 2.2);

(б) сходство по 'месту приема пищи / произнесения слов' ('рот'), выработанное в п. 1.2;

(в) сходство по элементу 'боль', неявным образом введенное в п. 2.3.

Дополнительные тождества вносятся следующими операциями.

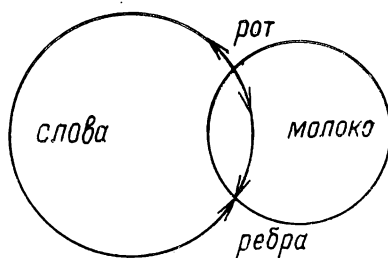
3.1. 'Провалы', постигающие персонаж в разных линиях, СОГЛАСУЮТСЯ друг с другом по 'месту'. Это СОГЛ происходит, так сказать, в два шага: во-первых, места обоих 'провалов', подобно месту, где начинаются обе линии (еще одно СОГЛ), располагаются на границе тела персонажа; во-вторых, места двух разных 'провалов' сливаются в одно общее место: в качестве того участка тела, где персонаж испытывает боль от 'жадно проглоченной пищи', выбирается типичный объект 'побоев' (*ребра*, а не, скажем, *живот* или *горло*). Этим СОГЛ заканчивается доведение до предела симметрии (зеркальной) между двумя линиями сюжета:

(12) слова выходят изо рта наружу и возвращаются побоями к границе тела на участке ребер снаружи; пища входит в рот снаружи и возвращается к границе тела на участке ребер изнутри.

Схематически эту симметрию можно показать следующим рисунком³⁵.

³⁴ Точнее было бы сказать, что новые сходства являются не средством подчеркивания старых (ПВ УВЕЛ), а средством их развертывания (ПВ КОНКР): внесение новых сходств придает еще большую конкретность основному параллелизму двух иллюстраций (введенному ПВ ВАР в п. 1.1).

³⁵ Разные размеры двух траекторий (внутренней и внешней) на рисунке — это еще один контраст между двумя параллельными иллюстрациями — в дополнение к тем о/к, которые были выработаны в п. 1.2. Как и они, это о/к служит КОНКРЕТИЗАЦИИ контраста, внесенного ПВ ВАР_{контр} (п. 1.1.). Можно предположить, что направление пропорции (НАРАСТАНИЕ размера траектории от первой иллюстрации ко второй) также не случайно и призвано подкрепить (КОНКР) то НАР, о котором шла речь в п. 1.3.

3.2. Разные звенья двух сюжетных линий (механизм 'болезненного воздействия жадно проглоченной пищи на ребра' и ход 'конфликта, вызванного необдуманными речами и приводящего к побоям') опускаются (ПВ СОКРАЩЕНИЕ). Этим повышается параллелизм этих двух линий, а также вовлеченность читателя в сюжет, опущенные звенья которого ему приходится мысленно восстанавливать самому³⁶.

3.3. Преобразования, описанные в п. 3.1—2, позволяют СОВМЕСТИТЬ обе сюжетные линии на участке 'провала': за двумя разными (хотя и очень сходными) ОТКАЗНЫМИ участками сюжета будет следовать один общий финал, состоящий из довольно неопределенного указания на факт 'провала' (вах уеелаан 'вредят') и точного указания на его место ('ребра'). В результате это последнее аккумулирует всю выразительность финального эпизода, становясь как бы символом 'провала'.

3.4. СОГЛАСОВАНИЯ распространяются и на орудийную сферу, где опять-таки они особенно тесно связывают друг с другом ОТКАЗНЫЕ начальные эпизоды двух линий.

В области фонетики применена типичная для сомалийского стиха аллитерационная начальная рифмовка³⁷ (на *i*-) и общий фонетический параллелизм всех трех (особенно первых двух) отрезков текста. Инвариантная структура двух первых выглядит, как:

³⁶ Это один из характерных выразительных эффектов ПВ СОКР (ср. 23, 83).

³⁷ См. об этом 3; 20; возможно, именно задачей подбора рифмы объясняется выбор вида пищи (*молока*), применительно к которому 'необдуманность' может быть КОНКРЕТИЗИРОВАНА довольно хитроумно построенным оборотом со словом (*fiiqsi* 'глоток'), рифмующимся с достаточно близко лежащими *feedhaba* 'ребра' и *fiiro* 'внимание' (*aan fiiqsi loo dhamin* '[которое] пьют не глотками').

- (13) ... а ... aan fii ... loo ...dh... n (всего 8 слогов), а общая часть всех трех состоит из «рифмы» на f- и окончания строк на -n (эпифоры).

С точки зрения синтаксиса два первые отрезка (два ОТКАЗНЫХ эпизода) построены совершенно одинаково: букв. 'молоко [, которое] некто пьет не при помощи глотка / слова [, которые] некто говорит не при помощи внимания'.

4. УВЕЛИЧЕНИЕ финального 'провала'

Функцией этого УВЕЛ является подчеркивание общей части двух эпизодов (о ее возникновении см. выше, п. 3.3). В качестве развязки сюжета эта часть естественно выносится в конец, чем, кстати, еще больше приглушается роль НАР_{явн} от первого ко второму эпизоду (см. п. 1.3.) и повышается равноправность двух эпизодов. Значение 'провала', уже как бы удвоенное СОВМЕЩЕНИЕМ в нем развязок двух эпизодов, подчеркивается также следующими средствами:

(а) Этот отрезок текста представляет собой предикативную часть предложения (с фразовой частицей и глаголом в утвердительной форме индикатива — ауау вах уеелаан) в противоположность двум первым отрезкам, каждый из которых представляет собой лишь распространенную группу существительного (с придаточным глаголом в отрицательной форме сослагательного наклонения).

(б) В финальном отрезке персонаж, хотя и остается неопределенно-личным, как бы приближается к читателю: если в первых двух отрезках фигурирует неопределенно-личное местоимение 3 лица (la 'некто' $\simeq$ фр. on, нем. man), то в третьем появляется неопределенно-личное местоимение 2-го лица (feedhah-aaga 'ребра—твой')³⁸. Будучи СОВМЕЩЕНО в одно слово с 'ребрами', аккумулятивом в себе всю 'боль', связанную с двумя 'провалами', это ты, пусть неопределенно-личное, создает эффект своего рода 'удара под ребра читателю'³⁹.

В целом, благодаря (а) и (б) третий отрезок, не превышающий первых по длине (8—9 слогов в каждом), выглядит как более «тяжелое», «суммирующее» окончание после двух коротких зачинов.

³⁸ Такая смена неопределенно-личных местоимений в пределах одного предложения вполне обычна в сомалийском языке, причем la 'некто' и aad 'ты' могут появляться в любом порядке (см. 19, 158).

³⁹ Ср. соображения о НАРАСТАНИИ прямоты и конкретности изложения к концу максимы Ларошфуко в [8, 196 сл.].

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы из сказанного и возникающие в связи с этим проблемы состоят, на наш взгляд, в следующем.

1. Многие нестандартные лексические функции, с помощью которых в модели «Смысл ↔ Текст» (точнее, в толково-комбинаторном словаре) описываются фразеологические единицы, в частности паремии, могут быть заменены стандартными комбинациями семантических элементов, предложенными Г. Л. Пермяковым в рамках тематического компонента его паремиологической модели, — некоторыми новыми квази-ЛФ. Это, в свою очередь, может повести к обобщению понятия ЛФ.

2. Паремиологическую модель удобно представлять как состоящую из тематического, лингвистического и поэтического компонентов. Темы паремий записываются в терминах инвариантных предметных противопоставлений, образующих логические формулы стандартного типа. Для последних определены тематически эквивалентные и тематически неэквивалентные преобразования. Лингвистический компонент переводит тематическую запись паремии (или результат ее обработки приемами выразительности) в языковой текст путем тематически и семантически эквивалентных преобразований. Важнейшие составные части лингвистического компонента (= преобразователя «Смысл ↔ Текст») — грамматика и словарь (ТКС). Поэтический компонент предлагается ввести для описания художественно-выразительной структуры паремий.

3. Эта структура может быть представлена в виде вывода — последовательности преобразований, переводящих тему паремии в некую более выразительную конструкцию. Преобразования основаны на универсальных схемах правил — ПВ и их комбинациях (конструкциях, фигурах). Хотя некоторые паремии обладают нетривиальными художественными достоинствами (что делает запись вывода в терминах элементарных ПВ и их комбинаций достаточно громоздкой), можно надеяться, что дополнение имеющихся в модели Пермякова логических и лингвистических формул формулами вывода на основе ПВ возможно. Встает задача разработать соответствующую удобную (скорее всего, очень сокращенную) систему записи⁴⁰.

4. Что касается места, занимаемого поэтическим компонентом в рамках паремиологической модели, то существенно следующее. В отличие от преобразований логического компо-

⁴⁰ Используемый в настоящее время в модели «Тема ↔ Текст» способ записи вывода в виде схем можно видеть в работах 4—10.

нента ПВ не могут менять т е м ы, которая развивается с их помощью, т. е. являются тематически эквивалентными. Но в отличие от лингвистических трансформаций ПВ могут менять с м ы с л (сигнификат и денотат) утверждений, поступающих на их вход, а точнее, могут сопоставлять одной и той же теме в качестве средств ее выразительной реализации разные смыслы. Действительно, при выборе для будущего высказывания отрицательной формы высказывания вместо утвердительной в VI.2.1 (см. формулу (10)) тема осталась той же, но смысл (в лингвистическом значении этого слова) изменился. Точно так же выбор *ребер*, а не *живота* или *горла* в VI.3.1. был безразличен с точки зрения темы, но не безразличен с точки зрения смысла будущего языкового высказывания (*ребра*, *живот* и *горло* — не синонимы). Иначе говоря, ПВ не являются семантически эквивалентными преобразованиями. Это не з н а ч и т, что они о б я з а т е л ь н о связаны с семантическими различиями — так, в интересах выразительности возможна и замена слова его точным синонимом (нужным для рифмы, размера и т. п.), — но лишь, что они м о г у т быть семантически неэквивалентными.

5. Вопрос об иерархии трех названных аспектов паремиологической модели остается открытым. Связаны ли они с последовательными уровнями представления паремий (подобно семантическому, синтаксическому, морфологическому и фонетическому уровням в языке) или являются компонентами, сложно взаимодействующими друг с другом на всем протяжении вывода текста? Мы ограничимся здесь постановкой этого вопроса.

6. Изучение и описание выразительной стороны паремий представляется благодарной областью. Это связано, с одной стороны, с их художественной интересностью (свойство, которое мы стремились продемонстрировать в п. VI), а с другой — с обилием достаточно однородного как в содержательном, так и в выразительном отношении материала, предоставляемого ими в распоряжение исследователя⁴¹.

7. Согласно Пермякову (см. п. II), паремиологический фонд является одновременно сводом основных предметных противопоставлений, логических операций и языковых категорий, выполняющим роль сокровищницы и орудия передачи человеческого опыта, образующего некоторую культуру. По-видимому, есть основания утверждать, что составной частью этого культурного кода (встроенного в язык, поскольку паремии — часть языка) являются также элементарные приемы выразительности и их важнейшие комбинации.

⁴¹ О предпосылках описания выразительной структуры паремий подобно говорилось в п. V.

Приложение
ПРИЕМЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

1. РАЗВЕРТЫВАНИЕ, или КОНКРЕТИЗАЦИЯ (сокр. КОНКР) — замена элемента X на более конкретный и наглядный X₁, включающий все существенные свойства X-а плюс некоторое «приращение» а. Иначе говоря, КОНКР — это замена общего случая на частный, рода на вид, вида на индивидуальный экземпляр и т. п.

Примеры: 'вход, $\xrightarrow{\text{КОНКР}}$ 'дверь'; 'прикосновение', $\xrightarrow{\text{КОНКР}}$ 'объятия'; 'эгоцентризм', $\xrightarrow{\text{КОНКР}}$ 'много внимания к себе, мало внимания к другим'.

Возможно РАЗВЕРТЫВАНИЕ элемента X по частям (полченное КОНКР): операция КОНКР применяется по отдельности к каждой части или аспекту X-а.

2. УВЕЛИЧЕНИЕ (УВЕЛ) — замена элемента X на элемент X[!], превосходящий его в том или ином количественном аспекте (по размеру, степени, продолжительности и т. п.).

Примеры: 'просить' $\xrightarrow{\text{УВЕЛ}}$ 'умолять'; 'измена' $\xrightarrow{\text{УВЕЛ}}$ 'измена с первым встречным'; 'длинный нос' $\xrightarrow{\text{УВЕЛ}}$ 'неправдоподобно длинный нос'.

3. ПОВТОРЕНИЕ (ПОВТ) — замена элемента X на серию элементов X, X₁, X₂, . . . , X_n, находящихся в отношении очевидного, хотя и приблизительного тождества.

Примеры: 'дверь' $\xrightarrow{\text{ПОВТ}}$ '1-я дверь, 2-я дверь, 3-я дверь, . . .'; 'испытание героя дарителем (в сказках)' $\xrightarrow{\text{ПОВТ}}$ '1-е испытание . . . , 2-е испытание . . . , 3-е испытание . . .'; 'лекарь (в комедиях Мольера)', $\xrightarrow{\text{ПОВТ}}$ '1-й лекарь, 2-й лекарь'.

4. ПРОВЕДЕНИЕ ЧЕРЕЗ РАЗНОЕ, или ВАРЬИРОВАНИЕ (ВАР) — замена элемента X на серию элементов X₁, X₂, . . . , X_n, из которых каждый является результатом КОНКР X-а и которые значительно (вплоть до контраста в случае ВАР_{контр}) отличаются друг от друга.

Примеры: 'божество' $\xrightarrow{\text{ВАР}}$ 'изображения различных богов и идиолов в монтажной фразе «Боги» («Октябрь» Эйзенштейна)'; 'предмет современной бытовой техники' $\xrightarrow{\text{ВАР}}$ 'электробритва, мотоцикл, магнитофон, проигрыватель, . . . (начало «Невинных чародеев» А. Вайды)'; 'прикосновение' $\xrightarrow{\text{ВАР}}$ 'объятия, нанесение раны'.

5. РАЗБИЕНИЕ (РАЗБ) — замена элемента X на серию элементов $X_1, X_2, \dots, X_n$, являющихся частями X-а.

Примеры: 'прием гостя' $\xrightarrow{\text{РАЗБ}}$ 'встреча, приветствие, усаживание к столу, беседа, ...'; 'слово (в акrostихе)' $\xrightarrow{\text{РАЗБ}}$ 'то же слово, выдаваемое по буквам'.

6. КОНТРАСТ (КОНТР) — замена элемента X на пару элементов X и Анти X, находящихся между собой в отношении контраста (о / к) по некоторому признаку.

Примеры: 'смерть' $\xrightarrow{\text{КОНТР}}$ 'жизнь, смерть'; 'объятия' $\xrightarrow{\text{КОНТР}}$ 'напесение рапы, объятия'.

7. ПОДАЧА (ПОД) — замена элемента X на пару элементов ПреX и X, где ПреX предшествует X-у в тексте и представляет собой (а) «неполный» X, или (б) осязаемое отсутствие X-а, или (в) АнтиX. Соответственно, различаются три вида ПОД: (а) ПРЕДВЕСТИЕ (ПРЕДВ), (б) ПРЕПОДНЕСЕНИЕ (ПРЕП) и (в) ОТКАЗ (ОТК).

Примеры: 'Медный всадник скачет, преследуя героя (в поэме Пушкина)' $\xrightarrow{\text{ПРЕДВ}}$ 'конь с поднятыми копытами, (затем) Медный всадник скачет, преследуя героя'; 'всадник' $\xrightarrow{\text{ПРЕП}}$ 'пустынная дорога, (затем) всадник на дороге'; 'герой умнее всех (в сказках)' $\xrightarrow{\text{ОТК}}$ 'герой — дурак, герой (оказывается) умнее всех'.

8. СОГЛАСОВАНИЕ (СОГЛ) X-а с У-ом по а — замена элемента X на элемент X_1 , который включает все существенные свойства X-а (= является КОНКР X-а), но, кроме того, содержит свойство а, присущее некоторому элементу У, участвующему в выводе; при этом У не заменяется ничем (= переносится на следующий этап вывода параллельно с X_1).

Примеры: 'прикосновения', 'любовь' $\xrightarrow{\text{СОГЛ}}$ 'объятия', 'любовь'; 'возглас с целью задержать преследователей', 'преследователи — военные' $\xrightarrow{\text{СОГЛ}}$ 'выкрик: Стой!', 'преследователи — военные'.

9. СОВМЕЩЕНИЕ (СОВМ) X-а с У-ом — замена элементов X и У на один элемент Z, включающий все существенные свойства X-а и У-а, т. е. представляющий собой КОНКР X-а и У-а одновременно. Элемент Z — один объект или составная конструкция, которая, однако, по своей «прочности», «устойчивости» приближается к цельному объекту.

Примеры: 'стол', 'смерть' $\xrightarrow{\text{СОВМ}}$ 'покойник на столе'; 'присутствие героя на месте действия (в сказках)', 'отсутствие героя...' $\xrightarrow{\text{СОВМ}}$ 'присутствие героя на месте действия в преращенном виде (например, в облике птицы)'.

10. СОКРАЩЕНИЕ (СОКР) — замена элемента X на элемент X₁, являющийся частью X-а, причем такой, что по нему восстановима вся содержащаяся в X-е информация, существующая с точки зрения темы, выражаемой X-ом.

Примеры: 'мертвая акула, брюхо которой видно над водой (в рассказе Л. Толстого)' $\xrightarrow{\text{СОКР}}$ 'брюхо акулы, видимое над водой'; 'Сизиф перестал катить камень и сел на него отдыхать (в «Метаморфозах» Овидия)' $\xrightarrow{\text{СОКР}}$ 'Сизиф сел на свой камень'.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка, «Наука», М., 1974.
2. Апресян Ю. Д. и др. Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике ИРЯ АН СССР (ПГЭПЛ), вып. 2, 4, 7, 23, 26, 28, 29, 34, 35, 37, 42. М., 1970—1974.
3. Жолковский А. К. Сомалийский рассказ «Испытание прорицателя» (опыт порождающего описания). — «Народы Азии и Африки», 1970, № 1, с. 104—115.
- 4—7. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. К описанию смысла связного текста. I—IV. ПГЭПЛ, 22, 33, 39, 49, М., 1971—1974.
8. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Разбор одной авторской паремии. — Настоящий сборник, с. 163—210.
9. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. К понятиям «тема» и «поэтический мир». — Семиотика. Тарту, 1975 («Ученые записки ТГУ. Труды по знаковым системам», VII), с. 143—169.
10. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. К описанию приема выразительности ВАРЬИРОВАНИЕ. — «Семиотика и информатика. Девятый выпуск», М., 1977, с. 106—150.
11. «Известия АН СССР», Серия литературы и языка, № 5, 1968, с. 426—438.
12. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
13. Падучева Е. В. О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа). — Семиотика. Тарту («Ученые записки ТГУ. Труды по знаковым системам», IX) (в печати).
14. Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
15. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М., 1970.
16. Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда. — Типологические исследования по фольклору. М., 1975, с. 247—274.

17. Рождественский Ю. В. Что такое «теория клише»? (послесловие к кн. 15).
18. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
19. Абрахам Р. С. Somali—English Dictionary. London, 1964.
20. Анджеjewski В. W., Льюис I. M. Somali Poetry. An Introduction. Oxford, 1964.
21. Fillmore Ch. Types of lexical information.— «Studies in Syntax and Semantics», ed. Kiefer F. Dordrecht — Holland, 1969.
22. Schank Roger C. Conceptual dependency: a theory of natural language understanding.— «Cognitive Psychology», vol. 3, № 4, 1972.
23. Тодоров Тзветан. Poétique. Paris, 1973 (русский перевод — в сб. «Структурализм: „за“ и „против“». М., 1975, с. 37—113).

А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов

РАЗБОР ОДНОЙ АВТОРСКОЙ ПАРЕМИИ

(0) *Pourquoi faut-il que nous ayons assez de mémoire pour retenir jusqu'au moindres particularités de ce qui nous est arrivé, et que nous n'en ayons pas assez pour nous souvenir combien de fois nous les avons contées à une même personne? 'Почему наша память устроена столь неудачно, что ее хватает на то, чтобы удерживать мельчайшие подробности происшедшего с нами, но не хватает на то, чтобы упомянуть, сколько раз мы уже рассказывали их одному и тому же человеку?'* (Ларошфуко, максима № 313).

Ниже предлагается описание структуры этой максимы — но не как морально-этического или философского суждения, а как миниатюрного художественного произведения, литературного текста (ЛТ)¹.

О чем этот текст? На первый взгляд, Ларошфуко говорит о курьезах памяти². Вместе с тем читатель догадывается, что дело не в памяти, а в чем-то более серьезном, что и неудиви-

¹ В статье используются следующие сокращения:

ВАР — ПРОВЕДЕНИЕ ЧЕРЕЗ РАЗНОЕ, или ВАРЬИРОВАНИЕ

ВАР_{контр} — ВАР через контрастное разное

ВАР_{парт, контр} — ВАР через контрастные части

ВН. ПОВ — ВНЕЗАПНЫЙ ПОВОРОТ

ГР — глубинное решение

КОНКР — РАЗВЕРТЫВАНИЕ, или КОНКРЕТИЗАЦИЯ

КОНКР_{парт, контр} — КОНКР в контрастные части

КОНТР — контраст

ЛТ — литературный текст

НАР — НАРАСТАНИЕ

о/к — отношение контраста

ОТК — ОТКАЗ

ПВ — прием(ы) выразительности

ПОВТ — ПОВТОРЕНИЕ

ПРЕДВ — ПРЕДВЕСТИЕ

СОГЛ — СОГЛАСОВАНИЕ

СОВМ — СОВМЕЩЕНИЕ

СОКР — СОКРАЩЕНИЕ

УВЕЛ — УВЕЛИЧЕНИЕ

УВЕЛ_{гиперб} — ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ

Названия приемов выразительности и фигур пишутся прописными буквами. Фигурам посвящено Приложение А. Полный список ПВ с определениями и примерами см. 1, 159 сл. в настоящем сборнике, а также в 3.

² Не случайно эта максима включается в словари афоризмов под рубрикой «Память», ср. 17, 64.

тельно, если учесть общее моралистическое направление сочинений Ларошфуко. Перед ним возникает психологически убедительный портрет эгоцентрика, исполненного безуспешно скрываемой самовлюбленности³. Портрет этот дается автором ненавязчиво, он как бы проглядывает сквозь наблюдения над памятью и трактуется автором не столько в обличительном, сколько в иронически-снисходительном ключе; тем не менее отрицательное, в конечном счете, отношение моралиста к своему персонажу очевидно.

Сказанное есть краткое резюме «читательских впечатлений» от афоризма Ларошфуко. Задача настоящей статьи — экспликация в терминах модели «Тема ↔ Текст» (см. 1—6; 13; 14) как этих впечатлений, так и техники их внушения читателю.

В модели «Тема ↔ Текст» описание структуры ЛТ мыслится как в ы в о д этого ЛТ из его т е м ы (содержащейся в нем глубинной «художественно невыразительной» смысловой величины) на основе п р и е м о в в ы р а з и т е л ь н о с т и — ПВ (типовых соответствий, или преобразований, в принципе «бессодержательных», т. е. сохраняющих тему неизменной)⁴.

За тему ЛТ (0) примем выражение (1):

- (1) (а) эгоцентризм, (б) ищущий самооправдания, (в) изображаемый в духе психологического правдоподобия, (г) порицаемый в комическом ключе.

Все остальное, что имеется в тексте (0) и придает ему художественный блеск, остроумие и глубину (т. е. курьезы плохой и хорошей памяти, многократное рассказывание подробностей о себе, авторскую интонацию притворного удивления и сожаления и т. п.), мы отнесем за счет действия ПВ, многоступенчатое применение которых к теме (1) и образует вывод названных элементов ЛТ из темы. Этот вывод и будет формальной записью соответствия между темой (1) и текстом (0), т. е. описанием выразительной структуры данного ЛТ.

Подчеркнем, что понятие вывода не предполагает жесткой однозначности соответствий между темой и выводимым из нее текстом. Так, теме (1) могли бы соответствовать и иные ЛТ,

³ Действительно, тема себялюбия, эгоцентризма (а не памяти) — одна из центральных в книге Ларошфуко (см. Приложение Б, 1—10, 22—24, в особенности 1—5). Не менее постоянной является тема притворства (см. там же, примеры 11—21). Часто обе темы совпадают (см. примеры 22—24). Таким образом, интересующая нас максима (№ 313) может считаться характерным представителем поэтического мира Ларошфуко (о понятии «поэтический мир» см. 2; 6).

⁴ О «невыразительности» тем, «бессодержательности» ПВ и о случаях усложнения этого идеального соотношения между ними, а также о других аспектах модели «Тема ↔ Текст» см. 1, 145—147 (в настоящем сборнике).

кроме (0); получение альтернативных вариантов возможно, вообще говоря, на каждом шаге вывода. Однако, поскольку задачей статьи является описание только данного ЛТ, в ней прослеживаются лишь те преобразования, которые ведут к реальному тексту максимы. Альтернативные же варианты, как правило, молчаливо опускаются и рассматриваются лишь изредка, когда это выгодно оттеняет достоинства или особенности варианта, представленного в максиме (см., например, замечания в сносках 18, 19, 25, 32, 36, 37, 43). Фактически логика описания-вывода состоит в том, что констатируется, каким образом данный ЛТ мог бы быть получен из темы с помощью данного набора ПВ; речь идет, так сказать, о «подгонке» вывода под данный текст. Однако по ряду причин (в частности, в риторических целях) изложение вывода построено так, как будто имитируется «сочинение» неизвестного наперед текста. Это, однако, лишь *façon de parler*, и ему не следует приписывать концептуального значения.

1. УТОЧНЕНИЕ ТЕМЫ (ПЕРВИЧНАЯ КОНКРЕТИЗАЦИЯ ЕЕ КОМПОНЕНТОВ)

Первичную КОНКРЕТИЗАЦИЮ компонентов темы (1), сводящуюся в значительной степени к эксплицитной формулировке присущих им свойств⁵, удобнее всего представить в виде схемы (см. схему 1), снабдив ее следующими пояснениями.

1. КОНКР_{парт, контр} — сокращение, обозначающее одну из разновидностей КОНКРЕТИЗАЦИИ — РАЗВЕРТЫВАНИЕ X-а в совокупность его частей, причем таких, что между ними имеется отношение контраста (сокращенно о/к), в данном случае — по признаку «сам / другие»⁶.

2. Развертывая элемент (1г) «комическое порицание» в (ба, б), мы следуем за А. Кёстлером, который в своем фундаментальном исследовании комического, трагического и научного способов мышления [18] считает (ба) необходимым компонентом смеха. Отчужденное отношение к осмеиваемому объекту он

---

⁵ Подобные свойства можно называть конститутивными свойствами объекта, а КОНКРЕТИЗАЦИЮ типа (1а) → (2) соответственно конститутивным КОНКР (о таком КОНКР см. [4; 13]). Понятие конститутивного свойства используется в настоящей статье в п. 5.0, с. 179, в сноске 19 и в Приложении А, 1.2.

⁶ Что КОНКРЕТИЗАЦИЯ тем, связанных с «эгоцентризмом», через контраст между отношением к себе (внимательным, снисходительным,...) и отношением к другим (невнимательным, притворчивым,...), достаточно естественна, видно из многочисленности паремий на эту тему, основанных на предметном противопоставлении «свое — чужое» [11, 298—302]; см. Приложение Б, 25.

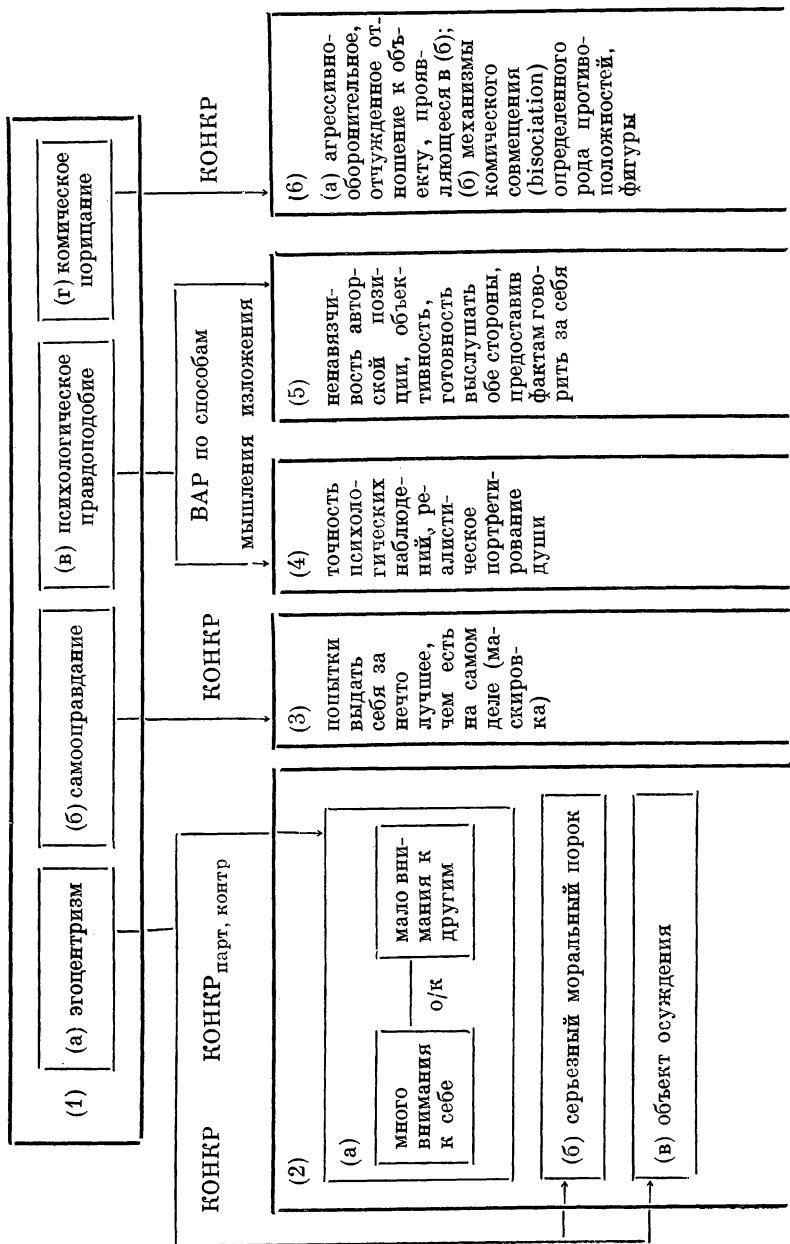

Схема 1

противопоставляет «партиципации» (соучастию, состраданию), необходимой для драматического или трагического эффекта⁷. Оттуда же нами позаимствован термин bisociation, который в рамках системы ПВ может быть отнесен к СОВМ. СОВМЕЩЕНИЕ как неотъемлемая часть техники смеха отмечается и другими авторами, в частности Эйзенштейном в его специальных лекциях о комическом (см. 15).

Для удобства дальнейших операций совместим элементы (2в) и (6а), касающиеся эмоционального отношения автора к изображаемому объекту, в (7):

(7) агрессивно-оборонительное, осуждающее, отчужденное отношение.

Еще одним существенным шагом в КОНКРЕТИЗАЦИИ формулы (1) будет введение (пока что достаточно неопределенного) персонажа N, который возьмет на себя роль носителя отрицательных качеств в (2), (3) и объекта авторского отношения в (4)—(7). Эта операция имеет целью перевод материала, представленного в (1)—(7), из абстрактной «назывной» формы в форму сообщения о частном случае, конкретном событии. При дальнейшем использовании формул (2)—(7) в них уже будет фигурировать лицо N.

2. ВЫБОР ГЛУБИННОГО РЕШЕНИЯ (ГР)

2.0. Произведенная первичная КОНКРЕТИЗАЦИЯ элементов темы (1) лишь проясняет различные ее аспекты, но еще не организует их в какую-либо художественную конструкцию. Первым шагом в этом направлении является выработка «глубинного решения» (ГР) темы — наиболее общей «программы», которая и будет реализоваться на различных участках и этапах вывода. Оно может быть сформулировано следующим образом:

(8) умеренно-комическое порицание эгоцентризма и его маскировки;

(а) детальное комическое портретирование и разоблачение эгоцентризма, проглядывающее сквозь (б);

(б) комическое затушевывание эгоцентризма⁸.

2.1. В каком смысле (8) представляет собой удачное решение темы (1), эксплицитно выраженной в формулах

⁷ Об игре с партиципацией см. ниже, п. 5.1, стр. 180 сл. и формулу (23).

⁸ Обращаясь к другим максимам Ларошфуко, мы находим в них многие существенные черты темы и ГР нашей максимы: осуждение не только «себялюбия», но и «притворства» (см. Приложение Б, 13 и 14); «комическую трактовку притворства» (там же, пример 18); «проглядывание эгоцентризма сквозь попытки его скрыть» (примеры 19 и 21).

(2)—(7)? Ответ на этот вопрос может быть дан с точки зрения как выразительности этого ГР, так и его соответствия теме.

В плане выразительности данное решение привлекательно, во-первых, своей конструктивной четкостью (пара контрастных членов — (8а) и (8б)) и связностью ((8а) проглядывает сквозь (8б)) и, во-вторых, тем, что оно укладывается в некоторую готовую конфигурацию из арсенала комических средств (так называемая фигура I, взятая в ее «умеренной» разновидности).

В содержательном плане ГР (8) достаточно адекватно отражает тематические компоненты (2)—(7). Из соответствий между ГР и этими компонентами прокомментируем лишь некоторые, считая остальные самоочевидными.

«Затушевывание» в (8) есть не только комический прием, как таковой, но и КОНКР тематического элемента (3) «маскировка». Самый факт такого использования ПВ или их устойчивых комбинаций (фигур) в качестве средств КОНКР тематических компонентов (см. 1, сн. 19; 3, 15 сл.) означает глубокое пронизывание всего художественного построения выражаемой темой, высокую степень его мотивированности. В данном случае, где выбираемая фигура мотивируется свойством персонажа, заданным в теме («маскировкой»), это равносильно КОНКРЕТИЗАЦИИ еще одного тематического элемента — «психологическое правдоподобие».

«Умеренность комизма», выражающаяся в выборе соответствующих разновидностей фигур I—IV («затушевывание и проглядывание», а не, скажем, «фарсовое возвеличивание и срывание масок»⁹), — КОНКРЕТИЗАЦИЯ того же элемента «психологическое правдоподобие» (эксплицированного выше как (4) «...реалистическое портретирование...» и (5) «ненавязчивость..., объективность, готовность выслушать обе стороны, предоставив фактам говорить за себя»).

2.2. Основную роль в реализации ГР (8) играют «крупные блоки», имеющиеся в готовом виде в арсенале средств выразительности, — так называемые ф и г у р ы и их комбинации (см. Приложение А). Реализация ГР (8) в целом возлагается на фигуру I ПРИУКРАШИВАНИЕ, которая выполняет одновременно задачу (8а) «комическое изобличение» и (8б) «комическое затушевывание».

Будучи главным орудием построения текста, фигура ПРИУКРАШИВАНИЕ применяется в ходе вывода несколько раз, на разных уровнях и в разных масштабах. На отдельных участ-

⁹ Это значит, что гротеск и фарсовый комизм допустимы лишь в ограниченной степени, причем только в реализации компонента (8а), но не (8б)

ках вывода она дополняется другими фигурами, а также отдельными ПВ,— так, для КОНКР компонента (8а) «комическое разоблачение» применяются также фигуры III ПРОВАЛ (претензий) и II ШАРЖИРОВАНИЕ.

Применяясь для осмеяния пороков (2) и (3), фигуры сцепляются в более крупные конструкции, построенные по принципу КОНТРАСТА, или ОТКАЗА. Для осмеяния «эгоцентризма» применена

(А) устойчивая комбинация фигур II и III, состоящая в том, что проваливается некий объект, предварительно доведенный до карикатурно преувеличенных размеров.

Осмеяние «попыток самооправдаться» реализует

(Б) тройная конструкция «фигура I — фигура IV — фигура I»: приукрашивание «эгоцентризма» терпит провал, который, в свою очередь, приукрашивается (см. Приложение А, 5).

При изложении вывода мы будем начинать с операций, соответствующих задаче изобличения, а затем «покрывать» их результаты более многочисленными и интенсивными операциями «затушевывания», что соответствует установке на умеренность комизма и на эффект «проглядывания исподволь», а не «срывания масок».

Отметим важную черту общей выразительной структуры ЛТ(0). Хотя в ней различим ряд самостоятельных блоков, их компоненты несут — помимо главной роли, выполняемой каждым из них в рамках «своего» блока,— и побочные функции, работая на остальные блоки. Такая замаскированность, «замотивированность» главных функций побочными придает структуре текста большую цельность, неразрывность, затрудняя, в частности, задачу исследователя, стремящегося выявить эти блоки и описать их по отдельности. По-видимому, это свойство максимы выходит за пределы нормальной органичности, присущей всякому ЛТ (и являющейся одной из важнейших функций ПВ СОВМЕЩЕНИЕ). Поэтому его *raison d'être* следует, вероятно, искать в особенностях данного ЛТ, в частности его темы и ГР. Можно полагать, что к указанной замаскированности главных функций компонентов побочными предрасполагает тематический элемент «затушевывание», преобладающий, как было сказано, в процедурах вывода.

3. ШАРЖИРОВАНИЕ (КАРИКАТУРНОЕ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ) «ЭГОЦЕНТРИЗМА»

«Эгоцентризм», о котором идет речь в (1) и в (2), это, так сказать, «нормальный эгоцентризм», свойственный человеку. Его комически разоблачительное изображение (см. (8a)) выражается, в частности, в том, что к этому среднему, массовому эгоцентризму применяется фигура II ШАРЖИРОВАНИЕ (см. Приложение А, 2). Суть ее — в изображении некоторого нормального по масштабам объекта как сильно, вплоть до неправдоподобности, увеличенного.

Подвергнем КОНКРЕТИЗАЦИИ «нормальность эгоцентрика N». Пусть она развернется в элемент (9):

(9) N — массовый, усредненный нормальный персонаж, everyman, наделенный известной долей эгоцентризма (см. (2)).

На протяжении значительной части вывода этот персонаж будет фигурировать именно в таком абстрактном качестве; окончательная КОНКРЕТИЗАЦИЯ его усредненности произойдет позже (см. п. 5.1, стр. 182 о преобразовании N → nous «мы», главной функцией которого является заглушевание критики, а побочной — подчеркивание «нормальности» персонажа).

Контрастом к «нормальности» персонажа N становится его «преувеличенный эгоцентризм».

Во-первых, «эгоцентризм», точнее, компонент «много внимания к себе», подвергается КОНКР с учетом (=ПВ СОГЛ) фигуры III ПРОВАЛ (претензий), которая будет применена позднее, при выводе формул (19) — (21). В силу этого СОГЛ желательно, чтобы при РАЗВЕРТЫВАНИИ элемента «много внимания к себе» к нему в качестве приращений (неизбежных при КОНКР) были добавлены, в частности, такие элементы, как:

(10a) претензии персонажа N;

(10б) энергичная деятельность N по осуществлению претензий;

(10в) душевная вовлеченность N в эту деятельность;

(10г) «зрелищность», в частности публичность, действий N.

Желательно также, чтобы был учтен компонент «мало внимания к другим», кстати, легко согласующийся с (10г).

В результате элемент «много внимания к себе» предстает в виде (11):

(11) N любит рассказывать другим о себе.

Действительно, «рассказывание другим о себе» это и «претензии» (на интересность), и «активная деятельность», и «вовлеченность» (самораскрытие), и «публичность» (наличие аудитории), позволя-

ющая, в частности, вписать сюда впоследствии и «невнимание к другим»¹⁰.

Во-вторых, ситуация (11) подвергается ПРЕУВЕЛИЧЕНИЮ по фигуре П ШАРЖ (см. Приложение А, 2). Конечным результатом этого будет формула (16), к которой мы приходим следующим образом.

На первом шаге получается достаточно абстрактное выражение (12):

(12) N непропорционально много рассказывает другим о себе,

которое, в свою очередь, преобразуется (путем ВАР_{контр}, см. ниже) в (13) и (14):

(13) N постоянно рассказывает другим о себе¹¹;

(14) N рассказывает другим о себе даже мелочи.

При получении (13) и (14) из (12) ВАРЬИРОВАНИЮ подвергается элемент «непропорциональность»: в (13) «непропорциональность» достигнута ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕМ «количества рассказывания», а в (14) — преуменьшением¹² «оснований для того, чтобы рассказывать». При этом имеет место не простое ВАР, а ВАР с контрастом, поскольку (13) и (14) это ситуации, так сказать, с противоположным знаком («преувеличение / преуменьшение»).

Дальнейшее ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ, т. е. усиление эффекта непропорциональности, достигается суммированием этих двух противоположно направленных деформаций «нормальной склонности к рассказыванию», т. е. путем СОВМ (13) и (14):

(15) N постоянно рассказывает другим о себе даже мелочи.

Еще большая непропорциональность получится, если заострить контраст между двумя полюсами формулы (15) путем устранения из нее промежуточных случаев, т. е. таких, когда рассказываются и «не-мелочи»:

(16) N постоянно рассказывает другим о себе мелочи.

До сих пор речь шла лишь об одной части компонента (2а) — «много внимания к себе». Обратимся теперь ко второй его части — «мало внимания к другим». На данном этапе вывода он подвергается некоторому УВЕЛИЧЕНИЮ и СОВМЕЩЕНИЮ с (16):

¹⁰ Что «рассказывание о себе» относится к числу распространенных в поэтическом мире Ларошфуко проявлений себялюбия, видно из ряда других его максим, см., например, Приложение Б, 6—10. По-видимому, «говорить и слышать о себе» — одна из классических КОНКРЕТИЗАЦИЙ темы «себялюбие, тщеславие»: она использована и в остроте Талейрана о Шатобриане (см. Приложение Б, 29).

¹¹ Выбор компонента «постоянно» связан также с установкой на изображение поведения N как «стереотипного», что соответствует одному из общих требований комизма (см. Приложение А, 2, сн. 46).

¹² Т. е. ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕМ «незначительности».

СОВМ проявляется в том, что «другие» из (2а) отождествляются с «другими» (=слушателями N) из (16). Получаем:

(17) N постоянно рассказывает другим мелочи о себе, причем не обращает никакого внимания на своих собеседников.

На этом несколько абстрактном выражении разработка образа «преувеличенного эгоцентризма» временно останавливается. Дальнейшие операции по КОНКРЕТИЗАЦИИ и еще большему ПРЕУВЕЛИЧЕНИЮ компонентов формулы (17), в частности путем СОВМЕЩЕНИЯ различных ПРЕУВЕЛИЧЕНИЙ в единую гротескную ситуацию, будут произведены позже, одновременно с реализацией ПРОВАЛА претензий (см. п. 4, получение формулы (21)); некоторая дополнительная КОНКРЕТИЗАЦИЯ «эгоцентризма» (в плане его влияния на психику, в частности на память) состоится в ходе его ПРИУКРАШИВАНИЯ (см. п. 5.2, стр. 191).

Прежде чем перейти к работе с фигурой ПРОВАЛ (претензий), сделаем последнюю операцию по фигуре ШАРЖИРОВАНИЕ — совместим преувеличенный образ эгоцентрика из (17) с реальным образом «среднего эгоцентрика» из (9), для осмеяния которого и была привлечена фигура II. Результатом этого СОВМ (типа «ментальное отождествление», см. Приложение А, 2) будет:

(18а) персонаж N из (9), изображаемый как персонаж N из (17).

При этом один из двух совмещаемых таким образом членов, а именно — реальная личность из (9) — не обязательно должен присутствовать в тексте, поскольку читатель отлично понимает, какие человеческие свойства представлены в (17) в преувеличенном виде. Иначе говоря, образ N из (9), как легко реконструируемый, подвергается СОКРАЩЕНИЮ. В итоге СОВМ формул (17) и (9) с последующим СОКР компонента (9) дает (18б), где часть, подлежащая изъятию из окончательного текста, заключена в квадратные скобки:

(18б) N [массовый, усредненный персонаж, наделенный известной долей эгоцентризма] постоянно рассказывает другим мелочи о себе, причем не обращает никакого внимания на своих собеседников.

4. ПРИМЕНЕНИЕ ФИГУРЫ III: ПРОВАЛ (ПРЕТЕНЗИЙ)

Обработка темы фигурой II ШАРЖ, произведенная к настоящему моменту, носила характер осмеяния эгоцентрика N чисто риторическими методами, так сказать на словесном уровне. Фигура III ПРОВАЛ (претензий), сцепленная в данной максиме с фигурой II, представляет собой другой тип юмора — «фи-

зический», событийный: строится с ю ж е т, в котором персонаж N так или иначе «падает лицом в грязь» (см. Приложение А, 3).

Какие же акции, способные стать первым членом фигуры ПРОВАЛ (претензий), можно усмотреть в ситуации (18), описывающей поведение эгоцентрика N? Очевидно, это его «рассказы другим о себе» — компонент, при выработке которого было произведено СОГЛ с фигурой ПРОВАЛ, причем таким образом, чтобы он мог занять в ней место первого члена (см. вывод формулы (11)). Последующее ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ (по фигуре II) элемента «рассказы о себе» дало желательное с точки зрения фигуры III изображение «эгоцентризма» (в (186)) как чрезвычайно активной и увлеченной деятельности, связанной, так сказать, с обнажением души и рассчитанной на публичный успех (см. Приложение А, 3.2).

Если проявлением «претензий» оказывается «рассказывание всего о себе, обнажение души», то необходимым по фигуре III контрастом, воплощающим «провал претензий» будет, очевидно,

(19а) отсутствие у слушателей интереса к рассказам и личности N, а в более ярко выраженном случае (УВЕЛ контраста) —

(19б) скука и досада слушателей по поводу рассказов N о себе.

Дальнейшая обработка ситуации (186) по фигуре III ПРОВАЛ (претензий) будет состоять в обеспечении эффективного СОВМ (186) с (19б), а именно в дотягивании этой пары до конструкции ВНЕЗАПНЫЙ ПОВОРОТ (о ее связи с фигурой III см. Приложение А, 3.1, п. (3)).

Действительно, в (186) и (19б) налицо два основных полюса будущей конструкции ВНЕЗАПНЫЙ ПОВОРОТ (она же — фигура III): (186) «рассказывание о себе, претендующее на интересность для слушателей» и (19б) «скука и досада слушателей». Предстоит произвести СОВМЕЩЕНИЕ этих двух полюсов в причинно-следственную пару, причем таким образом, чтобы одновременно реализовалось «неосознание персонажем N того, что с ним происходит», и чтобы СОВМЕЩЕНИЕ было поучительным, т. е. чтобы в качестве связующих звеньев между «претензиями» и «провалом» использовались не какие-то случайные обстоятельства, а те или иные черты самих «претензий» (в данном случае — «эгоцентрического поведения») (см. Приложение А, 3.2)¹³.

Задача эта решается следующим образом. Как часто бывает в сюжетах с ВН. ПОВ и ПРОВАЛОМ, в СОВМ участвуют факторы двойкого рода:

¹³ «Неосознание» эгоцентриком своих провалов, его слепота к ним — ситуация, не только желательная для выразительного и смешного построения, но и соответствующая духу тех психологических законов, которые выявляет Ларошфуко в своих максимах (ср. Приложение Б, 20, 21, 24).

(а) некоторая «реальная» причинно-следственная цепочка, ведущая от «претензий» к «провалу»;

(б) некоторый механизм, обеспечивающий «слепоту» заинтересованного персонажа и тем самым позволяющий этой цепочке сработать, а также демонстрирующий «неосознание» персонажем происходящего.

Что касается пункта (а), то пока что лишь ставится абстрактная задача подыскать ситуацию, совмещающую «увлеченное рассказывание о себе» со «скучностью и досадностью для слушателей»; как конкретно реализуется эта задача, будет показано несколько ниже (см. формулу (21) и далее). Что же касается пункта (б), то некоторое решение относительно построения механизма «слепоты» принимается уже на теперешнем, абстрактном, уровне: в качестве фактора, мешающего N предвидеть, а затем осознать «провал», используется его «невнимание к слушателям». Тем самым выполняется требование поучительности, поскольку «невнимание» есть КОНКРЕТИЗАЦИЯ «преувеличенного эгоцентризма». В результате получается следующая абстрактная формулировка искомого СОВМ:

(20) персонаж N [массовый, усредненный,...] постоянно рассказывает другим мелочи о себе; при этом он не обращает никакого внимания на своих собеседников, в результате чего допускает ситуацию, при которой его рассказы вызывают у них скуку и досаду.

Реализация этой задачи на СОВМЕЩЕНИЕ сопровождается КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ, а в ряде случаев и ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕМ ее отдельных компонентов, а также внесением некоторых других комических эффектов. Выпишем сначала результат всех этих операций в виде формулы (21), а затем покажем, каким образом в ней нашли свое отражение различные компоненты ситуации (20).

(21) персонаж N [массовый, усредненный,...] постоянно рассказывает другим одни и те же незначительные мелочи о себе; в сочетании с полным невниманием к собеседникам вплоть до неразличения их личности это приводит к тому, что он рассказывает эти мелочи одним и тем же лицам по многу раз; в результате его рассказы вызывают у собеседников скуку и досаду.

(а) Компонент «... постоянно рассказывает другим...» отразился в (21) как «постоянно рассказывает одно и то же одним и тем же лицам», т. е. подвергся двойному ПРЕУВЕЛИЧЕНИЮ (по линии количества рассказов на «душу аудитории» и на единицу рассказываемого: каждый факт и каждый слушатель используется по многу раз); оба эти ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ совмещены, а результат согласован с КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ «скуки» (см. (в)).

(б) Компонент «... не обращает внимания на собеседников...»

отразился как «полное невнимание к собеседникам вплоть до неразличения их личности»; налицо ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ «невнимания к собеседникам» с заострением давно выработанного контраста (см. (2)): «к себе внимателен в мелочах, к другим невнимателен в самом фундаментальном — в том, что касается тождества личности собеседника». Одновременно «неразличение собеседников» согласовано с КОНКР компонента «допускает ситуацию... скуки и досады» (см. (в)).

(в) Компонент «... рассказы вызывают скуку и досаду слушателей...» развернут в «рассказывает одни и те же незначительные мелочи о себе одним и тем же лицам по многу раз». Очевидно, что «незначительные мелочи» есть КОНКР «скуки» по линии «содержания рассказов» и СОГЛ с уже имевшимся элементом «мелочи»; компонент «рассказывает одно и то же одним и тем же по многу раз» — это КОНКР «скуки» по линии «новизны рассказов» и СОГЛ с шагом, рассмотренным в пункте (а)¹⁴.

Таким образом, ситуация «многократного рассказывания одного и того же одним и тем же лицам», реализующая причинно-следственную связь между «претензиями» и «провалом», лежит на пересечении целого ряда взаимно согласованных ПРЕУВЕЛИЧЕНИЙ и РАЗВЕРТЫВАНИЙ компонентов формулы (20).

Заметим, что ситуация (21) построена к тому же по одной из известных комических схем: осмеиваемый персонаж, подобно автомату или примитивно действующему существу, многократно без изменений воспроизводит одно и то же стереотипное поведение, как бы потеряв разумный контроль над собой (см. сн. 46 в Приложении А, 2). Тот факт, что персонаж N, как попугай, многократно рассказывает одно и то же одним и тем же лицам, придает его провалу дополнительную комическую окраску именно в плане стандартизации его поведения.

В ситуации (21) решена, таким образом, задача СОВМЕЩЕНИЯ двух контрастных полюсов: найдена ситуация, правдоподобно сочетающая «претензии рассказчика на интерес слушателей», «скуку слушателей» и «неосознание этого рассказчиком». Теперь предстоит решить вторую задачу, связанную с построением конструкции ВН.ПОВ. — создание того отказного начального участка сюжета, на котором «неудачные попытки заинтересовать» выгля-

---

¹⁴ Что такое нагромождение факторов, делающих рассказы скучными и невыносимыми для слушателей, гарантирует необходимое ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ «скуки», видно, в частности, и из того, что в поэтическом мире Ларош-фуко даже простое рассказывание о себе считается скучным и нежелательным (см. Приложение Б, 8 и 10, а также пример 7, где в качестве необходимого условия «нескучности» предполагается, что слушателю говорят о нем самом, а не о других). Из примера 10 явствует также, что любитель поговорить о себе проявляет, однако, «слепоту» по отношению к этой закономерности.

дели бы как более или менее успешные и во всяком случае не как провал. На эту роль выбирается компонент «рассказывание мелких незначительных деталей», который станет вполне благополучным, если опустить в тексте элемент «незначительность»¹⁵. Иначе говоря, принимается общее решение расположить выдачу сведений о ситуации (21) в такой последовательности, чтобы все, что свидетельствует о «скуке слушателей», было убрано из «гладкого» начального отрезка текста и сконцентрировано в конце. (Конкретная разработка линейной последовательности деталей сюжета пока откладывается, см. п. 6.) Еще одно абстрактное решение, направленное на заострение внезапности поворота, состоит в том, чтобы придать начальному отрезку сюжета характер не только гладкого (без провала) развития событий, но и видимость определенного взлета, удачи: вырабатывается задание совместить «рассказывание мелочей» с некоторым «достижением персонажа N». (Реализация этого СОВМ окажется возможной в ходе операций по фигуре I — роль «достижения» сыграет «хорошая память». Это будет побочной функцией «хорошей памяти», главная функция которой — ПРИУКРАШИВАНИЕ «эгоцентризма»).

Выпишем очередное приближение к реальному тексту максимы — формулу (22), являющуюся результатом а) только что принятых решений, б) некоторых СОКРАЩЕНИЙ, не требующих специального обоснования¹⁶, а также в) замены компонента «одним и тем же лицам» из (21) компонентом «одному и тому же лицу» — нового преобразования, которое мы прокомментируем ниже.

(22) персонаж N [массовый, усредненный, ...] постоянно рассказывает другим одни и те же мелочи о себе, с чем связано некоторое его достижение; но это приводит к тому, что он рассказывает незначительные мелочи о себе по многу раз одному и тому же лицу.

Произведенная замена вносит в разрабатываемый сюжет то, что можно назвать «эффектом символичности». Не предпринимая

¹⁵ Благодаря такому СОКРАЩЕНИЮ элемент «мелочи» превращается в типичное регрессивно осмысляемое ПРЕДВЕСТИЕ (см. 5, 15 сл.): что «мелочи» были воплощением «скучного», становится понятно лишь по прочтении всей максимы; именно тогда читатель мысленно восстанавливает опущенный в тексте элемент «незначительность» (ср. регрессивное осмысление в детективной новелле, также строящейся на ВН. ПОВ).

¹⁶ Будут СОКРАЩЕНЫ такие более абстрактные тематические элементы, как «невнимание», «неразличение личности собеседников», «скука и досада», которые «растворены» в КОНКРЕТИЗИРУЮЩИХ их остальных компонентах ситуации и легко прочитываются в ней. Эти СОКР продиктованы, во-первых, общими соображениями художественной экономии; во-вторых, задачами, о которых сказано в сн. 15; в-третьих, желательностью затуманивания истинных причин поведения N (о последней функции этих СОКР см. в п. 5.2).

здесь попытки исчерпывающего разъяснения этого понятия (подробнее о символической КОНКРЕТИЗАЦИИ см. 14), скажем, что символичность связана прежде всего с (а) максимальной э к о н о м и е й поверхностных элементов текста и (б) максимальной «п р о з р а ч н о с т ь ю» текста, т. е. тенденцией к взаимной однозначности соотношения между элементами текста и элементами темы. Она характерна для ЛТ, рассчитанных на обобщенное описание самых разных ситуаций, ключом к пониманию которых призваны быть эти ЛТ, в частности для притч, басен, а также паремий — пословиц, афоризмов и т. п. Так, в баснях любое отношение между людьми («лесть», «жестокость» и т. п.), как правило, КОНКРЕТИЗИРУЕТСЯ в виде отношения между минимальным количеством персонажей, чаще всего между двумя («Кукушка и петух», «Ворона и лисица», «Волк и ягненок» и т. п.). Естественно применение символической КОНКР и в нашем случае, где речь идет об «эгоцентризме вообще» и фигурирует «усредненный персонаж N».

Переход от (21) к (22) сводит число участников ситуации к двум — эгоцентрику N и его слушателю, что соответствует требованиям экономности и прозрачности¹⁷. Кроме того, сведение в (22) группы лиц, одновременно слушающих N, к одному лицу повышает (УВЕЛ) стереотипность ситуации. Ситуацию (21) можно понимать и так, что N обращается к каким-то группам лиц, хотя бы и одних и тех же, и тогда стереотипность оказывается не столь полной (например, это могут быть «текучие» группы, допускающие разнообразие комбинаций из одних и тех же лиц).

Еще один побочный эффект превращения множественного слушателя в единичного состоит в том, как эта единичность отражается на чисто повествовательной стороне развиваемого построения. Ситуации (21)—(22) — это сюжет, который должен быть как-то рассказан. Поэтому ему показаны такие категории, свойственные повествованию как *narratio* и *descriptio*. В частности, для стадии *narratio* в повествовании характерна разработка какого-то конкретного эпизода, predisposing к использованию единичных персонажей. Для нашей краткой максимы это, по-видимому, равносильно требованию (независимому от установки на символичность) иметь лишь одного слушателя. О том конкретном месте, которое *narratio*, а с ним и единичный слушатель, займет в линейном изложении данного сюжета, речь пойдет в свое время (см. в п. 6 о концентрации эффектов конкретности и разоблачения в финальной *pointe* максимы).

Обратим внимание, что этот единичный слушатель — не какое-то определенное лицо, хотя бы и символизирующее «других

¹⁷ Этот эффект дополнительно усилится в дальнейшем благодаря слиянию автора с персонажем N в ходе операций над точками зрения, см. п. 5.1.

людей», к которым обращается N¹⁸. Подобная единственность собеседника, выражая идею типичности изображаемого поведения эгоцентрика, скрадывала бы, однако, существенные компоненты, выработанные на предыдущих этапах вывода, а именно «множественность» актов рассказывания и их стереотипность. СОВМЕЩЕНИЕМ двух (достаточно противоположных!) требований — «единичности» и «стереотипной множественности» — является представленный в тексте неопределенный персонаж («ше тѣме персонапе»). В самом деле, благодаря неопределенному артиклю мы имеем дело с такой единичностью, которая одновременно указывает на множество одинаковых лиц, подставимых в описываемую ситуацию. В результате N много раз рассказывает одно и то же одному и тому же лицу, и таких лиц — а следовательно, и одинаковых ситуаций многократного рассказывания — много; получается как бы «множественность в квадрате».

Заканчивая разговор о применении фигуры III ПРОВАЛ (претензий), приведем к формулам (21) — (22), укажем — в духе сказанного в п. 2.2 — на тесноту ее связи с фигурой II ШАРЖИРОВАНИЕ.

1) СОВМ, произведенное по фигуре III (см. комментарии к (21)), заодно служит и тем СОВМ различных ПРЕУВЕЛИЧЕНИЙ «эгоцентризма» по фигуре II, которое в свое время (по получении (17)) было отложено. Этим ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯМ — компонентам «постоянно рассказывает другим мелочи о себе» и «не обращает никакого внимания на собеседников» из (17) — предстояло СОВМЕСТИТЬСЯ друг с другом, чтобы еще больше повысить степень ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ (см. описание фигуры II в Приложении А,2). Задача такого СОВМ оказалась выполненной, когда эти компоненты в ходе работы по фигуре III включились в число звеньев единой причинно-следственной конструкции, обеспечивающей ВН.ПОВ от гипертрофии эгоцентризма к его фиаско.

2) Помимо этого своеобразного СОВМЕЩЕНИЯ СОВМЕЩЕНИЙ, предусмотренных фигурами II и III, последние вообще сцеплены здесь в единую прочную конструкцию (об устойчивости такого сцепления см. п. 2.2). В рамках этой конструкции фигуры II и III взаимно усиливают друг друга следующим образом. С одной стороны, фигура ШАРЖИРОВАНИЕ играет роль особо подчеркнутого ОТКАЗА в составе фигуры ПРОВАЛ (претензий): преувеличенность претензий эгоцентрика делает еще более эффективным его последующее посрамление. С другой стороны, и ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ по фигуре II становится еще выразительнее, войдя в состав фигуры III. Действительно, фигура III построена здесь

¹⁸ Такой обобщенно-индивидуальный собеседник мог бы быть представлен в окончательном тексте как персонаж, имеющий собственное имя, или, например, как «сосед», «друг» и т. п.

на ВН.ПОВ — конструкции, которая энергично подчеркивает все элементы, попадающие в ее поле действия. Оказавшись звеньями «сюжетной драмы», компоненты «невнимание» и «постоянное рассказывание» дополнительно подчеркиваются (УВЕЛ).

5. ПРИУКРАШИВАНИЕ «ЭГОЦЕНТРИЗМА»

5.0. До сих пор речь шла о реализации ГР в аспекте «изобличения и осмеяния» (8а). Перейдем теперь ко второму аспекту ГР — к «затушевыванию» (8б), доминирующему, как было сказано выше, в структуре данного ЛТ. Напомним, что выполнение этой задачи возлагается на фигуру I: она организует строение максимы в целом, так что рассмотренные выше ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ и ПРОВАЛ «эгоцентризма» оказываются в рамках этой фигуры лишь исходным материалом ПРИУКРАШИВАНИЯ. Напомним также, что компонент (8б) (а с ним и фигура I) был «психологически мотивирован» тематическим элементом (3) «попытка выдать за лучшее». Это означает, что фигура ПРИУКРАШИВАНИЕ развертывает не только один из аспектов ГР, но и совершенно конкретный элемент самой темы — (3).

Суть фигуры I (см. Приложение А, 1.1) в том, что некий «злокачественный» объект X_1 с целью его осмеяния изображается как некий «доброкачественный» X_2 . Диапазон комических эффектов, заложенных в фигуре ПРИУКРАШИВАНИЕ, довольно широк и включает, вообще говоря, сколь угодно неправдоподобные и парадоксальные ситуации. В данном случае выбирается тот вариант фигуры I, который наиболее соответствует особенностям темы, — элементам (4) «реализм, психологическая точность» и (8б) «...затушевывание, умеренность тона».

Действие элемента (4) сказывается в том, что в качестве основания для приравнения X_1 к X_2 здесь используются конститутивные, «центральные» (а не окказиональные, периферийные) свойства осмеиваемого объекта (X_1): ПРИУКРАШИВАНИЕ эгоцентризма строится таким образом, что основанием для искомого СОВМЕЩЕНИЯ становятся проявления «невнимания к другим» (то есть одного из двух конститутивных свойств «эгоцентризма», см. (2а))¹⁹.

Действие принципа «умеренности, замазанности» сказывается в том, что из разновидностей фигуры I (см. Приложение А, 1.2, в частности таблицу) выбирается такая, в которой отличие X_1 от X_2 минимально. Речь идет о самой слабой, IV степени деформации

¹⁹ Выбор неконститутивного признака обычно создает эффект словесного жонглирования, риторического комикования, зубоскальства; такова острота Бендера «Гомер, Мильтон и Паниковский» («слепота» — не конститутивный, а окказиональный признак Паниковского), см. Приложение Б, 26.

X_1 , при которой X_2 совпадает с X_1 по его конститутивному свойству («невниманием к другим» так и остается «невниманием», а не перекрашивается под «внимание к другим») и характеризуется слабой, нейтральной степенью «доброкачественности» («порок» выдается не за «добродетель», а лишь за некое свойство из внеэтической, «технической» сферы, а именно за «простительную слабость» — дефект памяти).

Очевидно, что объектом ПРИУКРАШИВАНИЯ станет «эгоцентризм», принявший к настоящему этапу вывода вид ситуации (22). В ходе применения к (22) сама фигура ПРИУКРАШИВАНИЕ подвергается одной из разновидностей ПВ ВАР — она ПРОВОДИТСЯ через РАЗНЫЕ части, или аспекты, ситуации (22)²⁰. Последняя, как и многие другие литературные ситуации, естественно распадается на факты как таковые и авторское отношение к ним. Факты сформулированы в (22) достаточно ясно. Что же касается отношения к ним, «растворенного» в (22), то оно в явной форме было сформулировано в (7):

(7) агрессивно-оборонительное отношение автора к персонажу N²¹.

Итак, ПРИУКРАШИВАНИЮ по фигуре I будут подвергнуты, с одной стороны, фактическая сторона ситуации (22), а с другой стороны, отношение (7); в этом и будут состоять как применение фигуры I к «эгоцентризму», так и ВАР этой фигуры.

5.1. ПРИУКРАШИВАНИЕ авторского отношения

Применение к (7) фигуры I дает (23):

(23) агрессивно-оборонительное отношение автора к N изображается как партиципация²². (О противоположности этих понятий см. п. 1, пояснение 2.)

²⁰ Имеется в виду ВАР_{парт}, или ПРОВЕДЕНИЕ варьируемого X-а через РАЗНЫЕ ЧАСТИ какого-либо другого элемента (см. 4, 36). Когда операции ВАР_{парт} подвергается ф и г у р а, в роли элемента, поставляющего необходимые части, выступает тот объект, к которому эта фигура применяется (в нашем случае — ситуация (22)). Заметим, что выбором такой разновидности ВАР предпринимается и последующее СОВМ результатов ВАР, поскольку части остаются связанными в рамках цельного объекта.

²¹ Мы понимаем, что изъятие из (22) компонента (7) должно дать формулировку фактов, несколько отличную от (22) (более объективную, менее издевательскую...); однако ввиду трудности и кропотливости этого «вычитания» мы этим различием пренебрегаем.

²² Заметим, что ПРИУКРАШИВАНИЕ авторского отношения в отличие от ПРИУКРАШИВАНИЯ самих фактов производится лишь по одному признаку, тому, который был назван основанием сравнения X_1 с X_2 (здесь — «агрессивность/партиципация»). Признак «злокачественность/доброкачественность» полностью относится на счет самих фактов, которые независимо от рассматриваемых сейчас операций все равно должны будут получить оценку как «злокачественные», «внеэтические», «простительные» или «доброкачественные».

К формуле (23) применяется опять-таки ВАР: она ПРОВОДИТСЯ через две РАЗНЫЕ сферы, в которых проявляется отношение автора к (22), — сферу авторской интонации²³ и сферу точек зрения. В первой из них это дает (24):

(24) обличительная интонация подменяется интонацией партиципации, сопричастности.

(Подмена возможна благодаря наличию у обоих элементов общей черты — негативного характера фактов.)

В дальнейшем СОГЛАСОВАНИЕ формулы (24) с компонентом «простительная слабость» (см. ниже) позволит еще больше конкретизировать авторскую интонацию:

(25) обличительная интонация подменяется интонацией сожаления по поводу слабости персонажа N.

Иначе говоря, вместо интонации типа «Как возмутительно...!» (естественной для (22)) будет взята интонация «Как грустно...!», «Как жаль...!».

Во второй из упомянутых сфер — сфере точек зрения — формула (23) разворачивается в

(26) два отдельных персонажа: «усредненный N — носитель порока» vs. «автор-читатель» изображаются как один собирательный персонаж: «усредненный носитель порока, в частности, возможно, и автор-читатель».

Какова логика перехода от (23) к (26)?

Очевидно, что в исходной ситуации (22) точка зрения на персонаж N внешняя — различаются оценивающий автор (с которым может отождествлять себя и читатель) и оцениваемый персонаж (N). В плане противопоставления «отчуждение vs. партиципация» это явное «отчуждение», каковое — согласно (23) — должно быть выдано за «партиципацию», причем — в духе установки на «умеренность» ПРИУКРАШИВАНИЯ — за ее среднюю, а не крайнюю степень. Эти требования и сформулированы в (26), где «партиципация» выражается в собирательности, нерасчлененности нового персонажа, а «умеренность» этой «партиципации» — в том, что причастность автора к осмеиваемым порокам утверждается не категорически («...возможно...»). Реализацией этих требований будет

(27) ситуация (22), главным действующим лицом которой является персонаж *nous* «мы» (а не N).

Действительно, что такое *nous* в ряду различных собирательных персонажей, удовлетворяющих формуле (26) (типа *on*, *les gens*, *la plupart des hommes*, *ceux qui...*)?

²³ Здесь и далее интонация понимается не в строго фонетическом, а в том более общем смысле, в котором об интонации часто говорят применительно к явлениям письменной литературной речи.

Во-первых, *vous*, бесспорно, обладает свойствами, работающими на эффект «партиципации»: будучи неопределенно-личным по функции, по форме оно представляет собой местоимение 1-го лица и потому — хотя бы чисто формально — включает «я». Осмысление *vous* как включающего «я» поддерживается и тем, что данное неопределенно-личное местоимение идентично по форме и тесно связано по происхождению с личным *vous*, входящим в парадигму *vous, vous, ils* и т. п. и уже недвусмысленно включающим «я».

Во-вторых, *vous* отвечает и требованию «умеренности» в выражении «партиципации», состоящему в некатегоричности включения «я» в состав собирательного персонажа (см. (26)). Ведь именно это характерно для неопределенно-личного *vous*, которое, как уже говорилось, включает «я» чисто формально, а по сути дела может к нему и не относиться, ср. пушкинское: «Мы ленивы и нелюбопытны»²⁴. В этом отношении *vous* сходно с другими собирательными выражениями (типа *les hommes, французы, блондины* и т. п.), подразумевающими не всех, а лишь многих представителей соответствующего класса. Итак, благодаря *vous* разделенность человечества на «я» и «он, они» подменяется не диаметрально противоположной слитностью («я и они»), а чем-то промежуточным («многие, в том числе, возможно, и я»)²⁵.

Обратим внимание на одно побочное преимущество выбора *vous*. Поскольку житейское сознание обычно исходит из аксioms о нормальности «я» (ср. у Пушкина: *Как вы, да я, да целый свет*), местоимение 1-го лица дополнительно КОНКРЕТИЗИРУЕТ «нормальность» героя максимы. А это желательно с точки зрения фигуры II, приведшей к ПРЕУВЕЛИЧЕНИЮ «эгоцентризма» до ненормальных размеров. Дополнительные указания на фактическую «нормальность» объекта насмешки способствуют поддержанию и заострению контраста, на котором основан комизм ШАРЖИРОВАНИЯ.

Рассмотрев мотивы, делающие выбор точки зрения *vous* желательным, покажем теперь, что делает ее использо-

²⁴ Неопределенность отнесения собирательного «мы» к реальному 1-му лицу лежит в основе игры слов в Приложении Б, 28.

²⁵ Своеобразие точки зрения, вносимой выбором местоимения *vous*, легко видно из сравнения рассматриваемого ЛТ с другими возможными решениями. Пример полного отсутствия «притворной партиципации» (при наличии фигуры ПРИУКРАШИВАНИЕ и существенных сходств в ее реализации) — острова Талейрана о Шатобриане (см. ниже, сн. 32), где объектом насмешки является «он», явно отличный от «авторского я». Напротив, «маскировка под полную недвусмысленную партиципацию» применительно к ситуации данной максимы выглядела бы, например, так: «Как странно устроена наша память! Я прекрасно помню мельчайшие детали...»

вание в о з м о ж н ы м. Иначе говоря, выделим свойства, позволяющие СОВМЕСТИТЬ фактическую, внешнюю точку зрения с притворной, выражающей «п а р т и ц и п а ц и ю». Сходство этих двух объектов, подлежащих СОВМ, состоит в следующем. Оба они обозначают по сути дела один и тот же набор лиц: в одном случае это нерасчлененная масса людей (pous), в другом — та же масса людей, но представленная в виде суммы «они» + «я». Чтобы выдать одно за другое, достаточно пренебречь различием по расчлененности, сделав упор на тождество суммы, — тем более, что указанное различие представляется довольно условным. Действительно, с одной стороны, в паре «они» + «я» первый член, в своем качестве «усредненного, массового явления», имеет тенденцию вобрать в себя второй; с другой стороны, собирательное pous может и не включать «я». Таким образом, два совмещаемые по фигуре I объекта как бы встречаются на полпути, и подмена двух персонажей одним общим проглатывается читателем без возражений.

Подчеркнем, что здесь, как, впрочем, и в случае интонации (см. (25)), речь идет именно о полной п о д м е н е действительного объекта («агрессивность, отчужденность») мнимым («партиципация»). Ни обличительная интонация, ни внешняя точка зрения в реальном тексте не манифестированы; иначе говоря, применен последний, факультативный шаг фигуры I — СОКРАЩЕНИЕ исходного элемента X_1 . Этот шаг вообще «показан» данному художественному построению ввиду особенностей его темы и ГР (установка на «затушевывание»); тем более он уместен на теперешнем участке вывода, имеющем дело со сферой «авторского отношения». Здесь он желателен в силу тематического элемента (5) «ненавязчивость авторской позиции, ... предоставление фактам говорить за себя» и в о з м о ж е н благодаря тому, что «отношение» по своей природе вторично и предполагает «факты», которые и будут свидетельствовать об истинном «отношении» к ним, даже после СОКР этого «отношения»²⁶.

²⁶ Отсутствие в окончательном тексте каких-либо указаний на внешнюю точку зрения вызывает законный вопрос: а есть ли вообще в этой максиме какое-либо «отчуждение» автора от персонажа, не считает ли автор себя и всерьез причастным порокам своего персонажа? Со стороны философа-скептика, каким являлся автор «Максим», это было бы вполне естественно. Следует поэтому подчеркнуть, что «отчуждение» необходимо имеет место уже в силу самой комической установки автора, предполагающей агрессивно-оборонительное отношение к объекту осмеяния: смеющаяся ипостась автора отчуждает себя от осмеиваемого им человечества, в том числе и от собственной повседневно-человеческой ипостаси. Не исключено, что слияние внешней и внутренней точек зрения в данной максиме создает дополнительный эффект — впечатление «добросовестного заблуждения персонажа-автора относительно своих качеств». Подобное «заблуждение» соотносилось бы с тематическими

Еще один, побочный, эффект, достигаемый таким слиянием точек зрения, — УВЕЛИЧЕНИЕ прозрачности всего ЛТ в целом, его «символичности» (см. выше, п. 4 и сн. 17): перед читателем предстают всего два персонажа — «мы» и «одно и то же лицо».

Мы продемонстрировали обработку фигурой ПРИУКРАШИВАНИЕ авторского отношения к поведению N. Фигура I была проведена (ВАР) через две сферы авторского отношения: сферу интонации (с результатом (25)) и сферу точек зрения (с результатом (27)). Остается совместить (25) и (27) в единую формулу (28):

(28) ситуация (22)²⁷, главным действующим лицом которой является персонаж nous, описываемая с интонацией сожаления по поводу слабостей nous.

5.2. ПРИУКРАШИВАНИЕ фактов и его ПРОВАЛ

ПРИУКРАШИВАНИЕ фактической стороны (22) производится по «тройной схеме»: «вранье — разоблачение — новое вранье» (см. Приложение А, 5). Ее применение соответствует предусмотренному в ГР перевесу «затушевывания» над «разоблачением», поскольку «затушевывание» (занимающее в этой схеме место «вранья») фигурирует в ней дважды, в частности завершает всю конструкцию²⁸. Заметим также, что такая последовательность фигур (фигура I, маскирующая порок, — фигура IV, разоблачающая эту маскировку, — снова фигура I, маскирующая факт разоблачения), по-видимому, соответствует тактике разоблачаемого лгуна (он врет — его ловят на противо-

---

элементами «эгоцентризм» и «притворство» следующим образом. Это одновременно одна из форм «эгоцентризма» и одна из форм фигуры IV ПРОВАЛ (вранья) — фиаско, постигающего того, кто притворяется (конструкция типа «попадание в собственные сети»), ср. Приложение Б, 20, 21, 24, в особенности 24, где можно видеть сразу оба типа фиаско — и «самообман», и «неудачное вранье»: «человек, с одной стороны, запутывается сам, с другой — терпит неудачу в попытке обмануть других». К тому же «самообман» — типичное проявление «неосознания», которое входит в число общих предпосылок комического эффекта (см. Приложение А, 3.2). В данном случае впечатлению самообмана легко возникнуть потому, что даже самая условная авторская речь в гораздо большей степени, чем речь персонажей, принимается читателем за чистую монету: максима звучит как высказывание эгоцентрика, поддавшегося самообману, выявление же истины возлагается целиком на читателя.

²⁷ Или любая более поздняя формула, описывающая поведение эгоцентрика N и вобравшая в себя (22) (ею станет формула (35), получаемая из (28) и (34), см. ниже).

²⁸ Аналогичный перевес имеется и при ПРИУКРАШИВАНИИ в сфере авторского отношения (см. п. 5.1), где фигура I применяется всего один раз, так как ПРИУКРАШИВАНИЕ не терпит ПРОВАЛА.

речиях — он объясняет их новой благородной причиной). А такое психологическое соответствие желательно в силу тематического элемента (4) «точность психологических наблюдений, реалистическое портретирование души».

Особенно часто выступают в паре первые два члена — ПРИУКРАШИВАНИЕ и ПРОВАЛ вранья (см. выше, п. 2.2, а также Приложение А, 5) ²⁹. В данном случае (при ПРИУКРАШИВАНИИ фактов из (22)) фигуры I и IV, реализующие соответственно вранье и его провал, не только сцепляются, но и тесно переплетаются — в силу установки на особую ограниченность СОВМ разных участков структуры ЛТ (см. п. 2.2). Поэтому представляется удобным рассматривать обе эти фигуры вместе. Им и посвящен п. 5.2; о третьем члене — новом ПРИУКРАШИВАНИИ — речь пойдет в п. 5.3.

Как и в двух предыдущих случаях (применение фигуры I к (22) в целом и к (22) в аспекте авторского отношения), приукрашивание фактической стороны (22) также проводится через разное (ВАР) ³⁰. ПРИУКРАШИВАНИЮ подвергаются оба конститутивных свойства «эгоцентризма» — «внимание к себе» и «невнимание к другим» (см. (2)), представленные в (22) в виде своих более конкретных проявлений. Иначе говоря, здесь, как и в п. 5.0, 5.1, имеет место ВАР фигуры I через части приукрашиваемого объекта; причем, поскольку эти части связаны отношением контраста, перед нами ВАР_{парт, контр} ³¹.

Согласно установке на «умеренность» в ПРИУКРАШИВАНИИ, проявления «эгоцентризма» выдаются не за этические достоинства, а за свойства, лежащие вообще вне морально-этической сферы:

- (29) проявления внимания N к себе в (22) изображаются как проявления некоторого внеэтического, «технического», свойства N; проявления невнимания N к другим в (22) также изображаются как проявления некоторого «технического» свойства N.

Изображение моральных пороков как безобидных явлений «технического» плана — довольно распространенный тип ост-

²⁹ Провал притворства, приукрашивания пороков (для чего в нашей максиме и используется фигура ПРОВАЛ вранья) — одна из характерных ситуаций поэтического мира Ларошфуко, ср. Приложение Б, 18, 19, 21.

³⁰ Многократное ВАР фигуры I, пронизывающее все построение, — одна из реализаций той доминирующей роли, которая отведена в ГР мотиву «защувывания».

³¹ Ср. п. 1, где речь шла о КОНКР_{парт, контр}, т. е. КОНКРЕТИЗАЦИИ в контрастные части. Рассматриваемое сейчас ВАР_{парт, контр} — результат СОВМ нынешнего ВАР с тем КОНКР_{парт, контр}.

рот по фигуре I. Чаще всего порок выдается за «технический недостаток»: человек поступает плохо как бы не по злой воле, а из-за дефектов в своей конституции, психике, здоровье и т. п. (речь идет опять о самой слабой, IV степени деформации «порока», ср. ее применение в п. 5.0)³². Как будет показано ниже, в нашем случае порок перекрашивается не только под технический недостаток («плохая память»), но и под техническое достоинство («хорошая память»), хотя перекрашивание под недостаток и затрагивает наиболее важную часть эгоцентрического поведения — его «провал».

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ситуации (29) производится с учетом требований фигуры IV — ПРОВАЛ (вранья), сцеленной, как уже было сказано, с фигурой I (ПРИУКРАШИВАНИЕ). Тесное переплетение двух фигур выражается, в частности, в том, что их СОВМ начинается уже на достаточно глубинном этапе вывода. Как организовано это СОВМ?

Фигура IV может конкретизироваться в ряд конструкций, из которых в данном случае выбирается ИЗОБЛИЧАЮЩАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ (см. Приложение А, 4.2). Суть этой конструкции в том, что необходимое в фигуре IV СОВМ утверждения и его опровержения имеет вид:

(30) некто утверждает одновременно, что имеет место А и что имеет место исключающее его В.

СОВМ фигур I и IV, о котором идет речь, выразится в СОВМЕЩЕНИИ формул (29) и (30). Как и в ряде предыдущих случаев, мы сначала выпишем результат этого СОВМ, а затем прокомментируем логику его получения.

(31) N одновременно изображает проявления своего внимания к себе в (22) как проявления якобы присущее-

³² Вообще говоря, стратегия приукрашивания в поэтическом мире Ларошфуко бывает различной. Иногда порок утаивается (см. Приложение Б, 24) или выдается за добродетель (ср. примеры 12, 19 и 23). Однако не менее типично перекрашивание недостатков под недостатки же: так, в примере 15 слабохарактерность выдается за упрямство. Встречается и случай, более близкий к интересующему нас: в примере 16 прямо формулируется принцип подмены крупных недостатков мелкими. Намечена у Ларошфуко и одна из наиболее характерных КОНКРЕТИЗАЦИЙ подобного мелкого недостатка («дефекты памяти», см. пример 17).

В принципе мелкий недостаток может относиться как к психической сфере («память»), так и к физической, примером чего может служить острота Талейрана о Шатобриане (см. Приложение Б, 29). Между прочим, она сходна с рассматриваемой нами максимой не только в плане «перекрашивания порока под недостаток» (тщеславия под глухоту), но и в ряде деталей: как и в максиме № 313, здесь а) порок — тщеславие; б) это тщеславие терпит фиаско (= отсутствие желанной славы). Об одном существенном отличии остроты Талейрана от рассматриваемой максимы Ларошфуко (в организации точек зрения) — см. выше, сн. 25.

го ему «технического» свойства А, а проявления своего невнимания к другим в (22) — как проявления якобы присущего ему «технического» свойства В, исключающего А.

Собственно говоря, данное СОВМ особых пояснений не требует, так как представляет собой довольно элементарное взаимоналожение «подобных членов» формул (29) и (30). Но само это подобие явилось результатом довольно тщательной взаимной подгонки этих формул, точнее взаимного СОГЛАСОВАНИЯ операций, приведенных к (29) и (30), в расчете на их последующее СОВМ. Имеется в виду, с одной стороны, выбор ВАР (и именно ВАР_{контр}) при получении (29), а с другой — выбор для реализации фигуры IV конструкции ИЗОБЛИЧАЮЩАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ. В обоих случаях имеется пара утверждений одного и того же лица и некоторый контраст между ними. (Ср., напротив, одночленное «вранье», менее удобное для СОВМ с (29), в других конструкциях с ПРОВАЛОМ (вранья), например в анекдоте «Je!», см. Приложение Б, 33а). Следует сказать, что конструкция ИЗОБЛИЧАЮЩАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ вообще удобна с точки зрения задач, решаемых при выводе данного ЛТ. Ее важная особенность состоит в том, что это, так сказать, алгебраическая формула «лжи как таковой» — безотносительно к содержанию утверждений: ни часть А, ни часть В (см. (30)) не оказываются истинными; не выявляется и никакое третье, истинное положение (скажем, С). Это свойство конструкции используется, по крайней мере, дважды. Во-первых, оно соответствует общей установке на умеренный, некатегорический характер разоблачения, принятый в данном ЛТ: хотя в (31) ПРИУКРАШИВАНИЕ эгоцентризма предстает как ложь, однако истина (эгоцентризм как объяснение ситуации (22)) остается неэксплицированной, избыточные вранья никак на нее не опираются. Во-вторых, это «безразличие к истине» соответствует характеру ситуации (29), где оба утверждения суть ПРИУКРАШИВАНИЯ и потому ни одно из них не должно предстать как истинное, так что опровержение не может строиться на демонстрации истинности какого-либо из них³³.

Прокомментировав таким образом вывод формулы (31), перейдем к ее дальнейшей КОНКРЕТИЗАЦИИ. Попытаемся сначала несколько усовершенствовать ее строение; затем займемся подысканием конкретных объектов для замены ими абстрактных выражений этой формулы.

³³ Ср., напротив, конструкцию типа «Je» (Приложение Б, 33а), где ПРОВАЛ (вранья) происходит путем выяснения истины.

В (31) фигурируют взаимоисключающие свойства А и В. Распространенный случай несовместимости — это несовместимость противоположных значений одного и того же признака. Если воспользоваться таким способом КОНКР свойств А и В, получим (32):

(32) N изображает проявления своего внимания к себе и своего невнимания к другим в (22) как проявления якобы присущих ему взаимоисключающих значений А и АнтиА одного и того же «технического» параметра.

В (32) благодаря сведению свойств А и В в единый (новый) признак (ПВ СОГЛ) достигается как ббольшая простота и прозрачность, по сравнению с (31), так и ббольшая четкость контраста между двумя ПРИУКРАШИВАНИЯМИ («А» и «В») ³⁴.

Заметим, что указанное заострение контраста делает более ярко выраженным ПРОВЕДЕНИЕ ЧЕРЕЗ РАЗНОЕ не только самих этих ПРИУКРАШИВАНИЙ, но и объектов ПРИУКРАШИВАНИЯ, каковыми являются два противоположных аспекта эгоцентризма («внимание...», «невнимание...», см. (2а)). Иначе говоря, при переходе от (29) к (32) дополнительно подчеркивается, освещается новым светом тема «эгоцентризма». (Когда «технический» параметр реализуется в виде «хорошей/плохой памяти», то «эгоцентризм» предстанет как порок, равным образом проявляющийся и в хорошей и в плохой памяти, — эффект, подобный ВАР_{контр} типа «N эгоцентрически ведет себя дома и на улице [domi et foris]» или «... со старшими и с младшими», «... устно и в письмах» и т. п.) ³⁵.

Перейдем теперь к РАЗВЕРТЫВАНИЮ абстрактных элементов, содержащихся в (32): «...изображает... как проявления... взаимоисключающих значений А и АнтиА одного и того же „технического“ параметра».

Какого рода «технический» («внеэтический») параметр человеческой личности можно было бы использовать для ПРИУКРАШИВАНИЯ проявлений «внимания...» и «невнимания...», представленных в ситуации (22)? В ЛТ, основанных на ПРИУКРАШИВАНИИ, проявления моральных пороков часто выдаются за следствия тех или иных особенностей физической

³⁴ Следует сказать, что первый шаг в сторону заострения контраста между ПРИУКРАШИВАНИЯМИ был сделан еще при переходе от (29) к (31), когда при СОВМ (29) с (30) просто разные вещи (два «технических» свойства) наложились на взаимоисключающие («А» и «В») и в результате сами стали взаимоисключающими.

³⁵ Аналогичное ПРОВЕДЕНИЕ «себялюбия» через контрастные проявления можно наблюдать в еще одной максиме Ларошфуко, где этот порок, с одной стороны, ослепляет человека, а с другой — придает ему зоркость и провицательность (см. Приложение В, 24).

природы данного лица. Пример — уже упоминавшаяся остро-та Галейрана о Шатобриане (см. сн. 25 и 32), где тщеславие маскируется под феномены слуха; можно представить себе также перекрашивание пороков под дефекты зрения, плохое самочувствие и т. п.³⁶ Представляется, однако, что выбор ф и з и ч е с к о й с ф е р ы как средства маскировки «эгоцентризма» не отвечал бы — ввиду своего откровенно издевательского и к тому же внепсихологического характера — требованию (4) «точность психологических наблюдений, реалистическое портретирование души» и установке на умеренность в приукрашивании. Желательно, по-видимому, выбрать такой «внеэтический параметр», чтобы соотнесение с ним проявлений эгоцентризма отражало некоторую психологическую реальность, например, чтобы была возможной причинная связь между «эгоцентризмом» и этим параметром и вообще чтобы описывалась «душа». Иначе говоря, желательно выбрать этот параметр из психической сферы, которая, с одной стороны, отвечает требованию «внеэтичности», а с другой — подвержена влиянию страстей, как раз предполагающих этическую оценку. Известно, в частности, положение психоанализа о том, что особенности функционирования воображения, внимания, языка и других психологических механизмов часто обусловлены действием подсознательных желаний, подавляемых «этической цензурой» (ср. хотя бы феномен «вытеснения»). Итак, искомый «внеэтический параметр» будет относиться к сфере психики. Иначе говоря, поведение N в (22) будет описываться как следствие «чрезмерной разговорчивости (или общительности)», или «недостатка ума и воображения» (= «рассказывает только то, что случилось с ним самим, так как неспособен оторваться от непосредственно наблюдаемых будничных фактов»), или еще чего-нибудь в этом роде.

Что же может сыграть роль того психического параметра, одни проявления которого естественно совмещались бы с «проявлениями внимания к себе», а другие — с «проявлениями невнимания к другим» в ситуации (22)? Этим требованиям отвечает параметр «память» со значениями «хорошая память / плохая память»³⁷, подстановка которых на место A и АнтиA в формулу (32) даст:

³⁶ Так, «рассказывание одного и того же одному и тому же лицу» в (22) могло бы выдаваться, например, за следствие близорукости: «N ведет себя таким образом потому, что не различает внешность собеседников».

³⁷ По-видимому, «память» — классический пример психического параметра, значения которого определяются действием страстей; ср. наблюдения Цицерона над памятью стариков (Приложение Б, 30). В то же время «память» — типичный «простительный недостаток», и его применение для маскировки

(33) то, что [массовый,...] N постоянно рассказывает другим одни и те же мелочи о себе, он изображает как проявление хорошей памяти (рассказывает — значит, помнит); то, что он при этом рассказывает эти незначительные мелочи по многу раз одному и тому же лицу, он изображает как проявление плохой памяти (забывает, кому рассказывал, кому — нет).

Сделаем несколько дополнительных замечаний о том, как была получена формула (33).

Во-первых, обращает на себя внимание отсутствие в ней каких-либо прямых упоминаний об «эгоцентризме», в частности о «внимании к себе» и «невнимании к другим», которые имелись в (21). Применение ПВ СОКРАЩЕНИЕ (см. описание фигуры ПРИУКРАШИВАНИЕ) привело к тому, что на пути к (33) — а именно в (22) — они были опущены, а оставлены были лишь сами конкретные проявления этих свойств N (см. сн. 16).

Во-вторых, следует заметить, что перекрашивание «эгоцентризма» («внимания..., невнимания...») под «память» в том виде, в каком оно осуществлено в (33), — это, в сущности, не только ПРИУКРАШИВАНИЕ, но и новое КОНКР «эгоцентризма» (дополнительно к тем его КОНКР и УВЕЛ, которые были произведены на пути к (22)). Действительно, в той мере, в какой ситуация (22) изображается в качестве спонтанной игры памяти, никак не связанной с моральным обликом N, перед нами типичное ПРИУКРАШИВАНИЕ, вранье. Однако в той мере, в какой эта «игра памяти» может рассматриваться как новый

пороков — не уникальная находка данной максимы (см. другое изречение Ларошфуко — Приложение Б, 17).

Представляется, что выбор «памяти» в качестве искомого параметра в данной точке вывода практически предreshен. Другие из упоминавшихся нами параметров не подошли бы, поскольку лишь одно из двух противоположных значений каждого из них могло бы убедительно наложиться на ситуацию (22). Так, «болтливость» хорошо объясняет поведение N, но ее противоположность — «немногословие» — применения себе не находит; то же самое с «воображением»: его недостаток хорошо объясняет «разговоры о себе», но его избыток ничего не дает для перекрашивания ситуации «рассказывает одному и тому же...».

Однако если бы на каком-то этапе были избраны другие способы развития исходной темы, то и выбор психического параметра мог бы быть иным. Так, если бы не был выбран «двучленный» вариант ПРИУКРАШИВАНИЯ и его разоблачения (см. (29), (30)), то, очевидно, отпали бы только что приведенные доводы против «болтливости» и «недостатка воображения». С другой стороны, если бы «двучленность» применялась, но вместо ситуации (22) были бы выработаны иные проявления эгоцентризма, то можно было бы использовать не только «болтливость», но и «немногословие» (например, «...разговаривая, когда говорит о себе, немногословен в остальных случаях» или «...проповедует немногословие, когда другие говорят о себе, проявляет разговорчивость, когда сам говорит о себе», и т. п.).

«метастаз эгоцентризма», мы имеем дело с еще одной **КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ** его как реального явления. Таким образом, обоснованный выше выбор «памяти» для (33), как и многие другие ходы в нашем выводе, сыграл одновременно (СОВМ) на оба аспекта ГР — на разоблачение и на затушевывание. Иначе говоря, организация **ПРИУКРАШИВАНИЯ** в (33) строится примерно так:

(33а) эгоцентризм, подчиняющий себе всю личность N, в том числе, возможно, и его память, изображается как чистая, «внеэтическая» игра памяти.

В-третьих, наличие среди «феноменов памяти» не только плохого, но и хорошего ее функционирования дает возможность **КОНКРЕТИЗИРОВАТЬ** тот «взлет», который предшествует фиаско эгоцентрика N (см. п. 4): «хорошая память» будет усиливать то впечатление благополучия, которое должно возникнуть в начальном эпизоде максимы (о дальнейшей разработке этого эффекта см. п. 6).

В-четвертых, надо сказать несколько слов о характере **ИЗОБЛИЧАЮЩЕЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ** в (33). «Плохая» и «хорошая память», выбранные в (33) в качестве **КОНКР** взаимосключающих значений одного и того же параметра, строго говоря, не абсолютно несовместимы. В частности, как было уже сказано, оба эти состояния памяти могут вызываться одной и той же причиной («эгоцентризмом»). Тем не менее данное противоречие, по-видимому, выполняет свою изобличающую роль. Этому способствует ряд факторов: а) общий контекст, из которого явствует, что речь идет об эгоцентризме, и, следовательно, противоречие есть признак вранья; б) «хорошая» и «плохая память» проявляются не в разное время и не в разных актах, а в одной и той же ситуации (**ПВ КОНТРАСТ** с тождеством), что делает противоречие еще более подозрительным; в) с точки зрения тех «наивных» представлений о памяти, в духе которых N в (33) объясняет свое поведение, хорошая и плохая память скорее всего несовместимы; г) «незаконность» этого противоречия в глазах N подтверждается попытками N замазать и само это противоречие, о чем сейчас и пойдет речь ³⁸.

---

³⁸ Следует сказать также, что, хотя члены конструкции **ИЗОБЛИЧАЮЩАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ** (здесь — утверждения о хорошей и плохой памяти) в принципе равноправны (ни один из них не обязан быть истинным), их роли в рамках только что полученной ситуации (33) не одинаковы. Элемент «плохая память», маскирующий наиболее вопиющее проявление и фиаско эгоцентризма и притом сам являющийся заметным отклонением от нормы («маркированным» по сравнению с другим членом — «хорошей памятью», прикрывающей к тому же менее резкие проявления эгоцентризма), оказы-

5.3. Второе ПРИУКРАШИВАНИЕ (вследствие ПРОВАЛА первого)

Как было сказано выше, ПРИУКРАШИВАНИЕ строится по «тройной формуле» ПРИУКРАШИВАНИЕ (фигура I) — ПРОВАЛ вранья (фигура IV) — ПРИУКРАШИВАНИЕ (фигура I) (см. Приложение А, 5). Реализация двух первых компонентов этой формулы была рассмотрена выше. Как же производится второе и последнее ПРИУКРАШИВАНИЕ, призванное замазать на сей раз не «эгоцентризм», а фиаско попыток его приукрасить? Как мы помним, это фиаско имело форму ИЗОБЛИЧАЮЩЕЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ. Очевидно, она и подлечит ПРИУКРАШИВАНИЮ. Строится оно таким образом, что «злокачественному» противоречию (свидетельствующему о вранье) придается вид «незлокачественного», терпимого. Применяется довольно распространенный способ ПРИУКРАШИВАНИЯ низменных эмоций, инстинктов, конфликтов и т. п. — маскировка их под явления, заслуживающие объективного, «научного» рассмотрения³⁹. В данном случае к выбору такого способа ПРИУКРАШИВАНИЯ предрасполагает ряд обстоятельств:

а) Обнаруживаемые в явлениях действительности противоречия — типичная отправная точка для построения разного рода научных гипотез, призванных их объяснить.

б) Поскольку персонаж N является массовым, усредненным (см. (9)), то его поведение — естественный объект для научных размышлений.

в) Перекрашивание под «научное» соответствует установке на умеренность осмеяния, предполагающей выбор не крайних (положительных, «доброкачественных»), а средних (нейтральных, «незлокачественных») АнтиX-ов, маскирующих злокачественный X. Беспристрастный научный интерес как раз и находится посередине между отчужденным, агрессивно-оборонительным отношением, типичным для высмеивания, и сочувствием, партиципацией, воплощаемыми, например, в трагедии⁴⁰.

вается «центром тяжести» самооправданий N. Эта большая весомость, важность указанного элемента сыграет свою роль при определении композиции текста (см. п. 6).

³⁹ Ср. трактовку Бендером гусекрадства Паниковского и тугодумия Кореико как научных явлений (Приложение Б, 31—32); ср. также «психолингвистическую» трактовку притворства и его провала в эпизоде из Булгакова (там же, пример 35), где, как и в рассматриваемой максиме, перекрашивание под «научное» занимает место последнего звена тройной схемы «фигура I — фигура IV — фигура I».

⁴⁰ Ср. среднее положение, отводимое научному подходу в «триптихе» А. Кестлера [18, 2]; ср. также п. 1, пояснение 2.

Использование мотива «науки» можно рассматривать как СОГЛАСОВАНИЕ с уже выбранным ранее элементом «внеэтичность» — наука свободна не только от эмоций, но и от моральных оценок.

г) «Научность» может считаться также реализацией (СОВМ) важных тематических элементов (4) «... реалистическое портретизирование...» и (5) «...объективность, готовность выслушать все стороны...».

д) Выигрышной особенностью «научного» перекрашивания, по-видимому, является возможность полностью (не подвергая СОКР) сохранить и даже подчеркнуть все свойства исходного (перекрашиваемого) объекта (ср. примеры в сн. 39); таким образом, замазывание не мешает и разоблачению (СОВМ).

В результате получается (34):

(34) N считает заслуживающей интереса проблему: чем объясняется то противоречие между хорошей и плохой памятью, которое наблюдается в (33)?

Следует заметить, что в отличие от ярко выраженных случаев «перекрашивания под научное» (см. сн. 39) в данном ЛТ элемент «научная проблема» представлен скорее в редуцированном виде. Если не считать обыденного слова *problème* «почему», он проявляется не в специальных словах или объектах (типа «третья стадия», «парнокопытное», см. Приложение Б, 31—32, и т. п.), а лишь в интонации добросовестного недоумения, интеллектуального любопытства. Таким образом, это ПРИУКРАШИВАНИЕ касается, скорее, отношения к фактам, чем их самих, и потому примыкает к ПРИУКРАШИВАНИЯМ, описанным в п. 5.1. Вырабатываемая там интонация сожаления и только что выработанная (в абстрактном виде) «научная» интонация СОВМЕЩАЮТСЯ в дальнейшем в единый интонационный рисунок (см. (35)).

Обратим внимание, что на пути от (33) к (34) произведен еще один важный шаг в сторону более полного затушевывания «эгоцентризма», запрятывания сколько-нибудь прямых указаний на него (последним шагом в этом направлении было СОКР, описанное на стр. 183). Перекрашивание «эгоцентризма» под «память» дано в (33) как рема, то есть главная п р е д и к а ц и я высказывания («изображает... как...»): в (34) эта предикация заменяется а т р и б у т и в н о й связью между проявлениями эгоцентризма и их объяснением через память, так что эта связь предстает как нечто данное, само собой разумеющееся. Рема оставлена как бы позади, превращена в «тему»⁴¹. Реали-

⁴¹ Ср. перевод ремы в тему высказывания как один из приемов, характерных для техники рекламы и пропаганды (см. [19, 107—111]).

зация этого эффекта языковыми средствами облегчается тем, что (33) подверглось новому ПРИУКРАШИВАНИЮ: именно оно берет на себя роль новой предикации, отодвигая прежнюю на второй план.

Сказанное означает, между прочим, что новая «интонация», придаваемая высказыванию, должна означать не просто введение каких-то наречий, междометий или интонации в чисто фонетическом смысле, но перестройку предикативной структуры: новой «интонации» должна быть отведена роль главного высказывания, главного предположения.

5.4. СОВМЕЩЕНИЕ приукрашенных фактов и приукрашенного отношения к фактам

Это СОВМ — естественное и необходимое, поскольку отношение к фактам неотделимо от изложения самих фактов, — означает сведение воедино формул (28) и (34), результат которого:

(35) Почему это так неудачно устроено, что мы обладаем настолько плохой памятью, что рассказываем много раз одно и то же одному и тому же лицу, хотя имеем достаточно хорошую память, чтобы рассказывать при этом мельчайшие детали о себе?

Произведенное СОВМЕЩЕНИЕ, как легко видеть, выразилось в слиянии N из (34) с nous из (28) и в сплавлении двух интонаций — участливого человеческого сожаления из (28) и интеллектуального недоумения из (34) — в единую интонацию «сожаления и удивления по поводу печальных закономерностей бытия». Для последней во французском языке оказывается возможным найти готовую языковую формулу — вопрос типа *pourquoi faut-il?* 'Почему устроено так?' (в русском языке готовая формула с той же совокупностью значений, по-видимому, отсутствует).

6. КОМПОЗИЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА

Формула (35) довольно близка к окончательному тексту максимы — (0). Однако она «не дотягивает» до формальной безупречности реального ЛТ по крайней мере в двух отношениях: во-первых, в чисто словесном (нетрудно заметить, что с точки зрения выбора слов, стиля и т. п. (35) — не более, чем полуфабрикат); во-вторых, в композиционном, рассмотрением которого мы и ограничимся.

В ситуации (35) естественно выделяются два основных компонента:

- (35а) плохая память = рассказываем много раз... одному лицу;
(35б) хорошая память = рассказываем... мельчайшие детали.

Под композиционной организацией данного ЛТ мы подразумеваем прежде всего взаимное расположение этих компонентов. Один из двух возможных вариантов представлен в (35), другой — в окончательном тексте: в (35) — $[a + b]$, в (0) — $[b + a]$ ⁴². Интуитивно ясно, что реальный порядок, представленный в (0), играет свою роль в том особом впечатлении от максимы, которое было обрисовано в начале статьи. Рассмотрим поэтому эффекты, достигаемые при замене порядка $[a + b]$ на порядок $[b + a]$. Это рассмотрение будет вестись в каждом из двух основных аспектов ситуации (35) — мы имеем в виду, с одной стороны, преувеличенные претензии эгоцентрика и их фиаско (см. (22)), а с другой — ПРИУКРАШИВАНИЕ этого поведения.

Начнем с первого из них, т. е. со сценки, изображенной в ситуации (22). С точки зрения этой сценки, построенной на конструкции ВН.ПОВ (см. выше, п. 4), оптимальным является такой порядок компонентов, при котором фиаско сосредотачивается в конце, в начале же желательно, наоборот, гладкое и даже благополучное развитие событий. Иначе говоря, предпочтительнее порядок $[b + a]$.

Что касается второго аспекта ситуации (35) — «перекрашивания эгоцентризма под память», то для него в силу выбранного ранее способа его опровержения по фигуре IV (конструкция ИЗОБЛИЧАЮЩАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ) порядок компонентов (35б) «хорошая память» и (35а) «плохая память», вообще говоря, безразличен. Ведь разоблачающим ПРИУКРАШИВАНИЕ фактором здесь служит не какой-то один («истинный») из этих компонентов, а их соотношение, так что при любой последовательности их появления разоблачение наступает по появлению второго. Однако, как уже говорилось (см. 5.3, сн. 38), полного равноправия между компонентами нет: «плохая память», маскирующая максимальное проявление и главный провал эгоцентризма, признается главным, «ядерным» ПРИУКРАШИВАНИЕМ. Поэтому в интересах ПРИУКРАШИВАНИЯ — постановка этого компонента в конец как в более «сильную» позицию. Таким образом, желателен опять-таки порядок $[b + a]$.

⁴² Подчеркнем, что расположение $[a + b]$ в (35) не является результатом принципиального выбора, поскольку до настоящего момента вопрос о возможном порядке компонентов текста обсуждался лишь применительно к ситуации с «провалом преувеличенного эгоцентризма» (22), но не применительно к материалу максимы в целом.

Еще одно соображение, относящееся ко второму аспекту, т. е. к ПРИУКРАШИВАНИЮ, связано с интонацией сожаления, которую решено было придать всему высказыванию. Эта интонация оправдана лишь в том случае, если нечто «плохое, отрицательное» находится в «сильной», итоговой позиции, т. е. в конце. Иначе говоря, СОГЛАСОВАНИЕ порядка компонентов с элементом «интонация сожаления...» также располагает к последовательности [б + а], где «а» — и «плохая память» и «провал претензий», т. е. нечто сугубо «отрицательное».

Таким образом, выбранный Ларошфуко порядок компонентов обеспечивает в финале максимальное подчеркивание обоих (СОВМ) полюсов глубинного решения — установки на «разоблачение» и установки на «затушевывание»⁴³.

Определив порядок основных членов — [б + а], их можно подвергнуть некоторой дополнительной обработке с целью усиления полученных эффектов.

Во-первых, проявления эгоцентризма выстраиваются в цепочку, организованную по принципу НАРАСТАНИЯ: слабые, неявные — в начале, более сильные и недвусмысленные в конце (помнит и рассказывает мельчайшие детали — детали о себе — рассказывает много раз — одному и тому же лицу). Более того, ОТКАЗНЫЙ характер начального члена цепочки по отношению к финалу, СОВМЕЩАЮЩЕМУ кульминацию эгоцентрических претензий и их провал, усилен: из двух элементов — «помним и рассказываем» в реальном тексте оставлен лишь первый — «помним» (*assez de mémoire pour retenir*). В результате этого СОКРАЩЕНИЯ

1) проявился контраст между конечным звеном (фиаско) и начальным («достижением»: N может похвастаться отличной памятью), выработанный в свое время (см. предусмотренное

---

⁴³ Чтобы убедиться, что при альтернативном порядке компонентов [а + б] общее впечатление от максимы изменилось бы, представим себе, что окончательным текстом было бы (35). Очевидно, что комизм ситуации (22) оказался бы ослабленным, так как кульминационный провал был бы «выблтан» с самого начала, вместо того чтобы быть эффективно поданным с помощью ОТКАЗА и НАРАСТАНИЯ. В то же время элемент «разоблачения» получил бы — в противоположность ГР — заметный перевес над «затушевыванием»: во-первых, интонация сожаления выглядела бы фальшивой на фоне того *harro end*, которым является «хорошая память» в финале; во-вторых, «главное приукрашивание» («плохая память»), будучи поставлено в «слабую», начальную позицию, оказалось бы ослабленным; в результате фальшивая интонация сожаления воспринималась бы как явный сарказм. Общим итогом была бы не «бесспорно комическая ситуация с затушеванным разоблачением эгоцентризма», а, скорее, «саркастическое описание явным образом разоблачаемого эгоцентризма».

в п. 4 «гладкое место» и его реализацию в п. 5.2 в ходе ПРИУКРАШИВАНИЯ под «память»);

2) в начальной позиции оказалась наиболее слабая и неявная из возможных манифестаций «эгоцентризма»: (молча) помнить нечто о себе — еще не грех.

Элиминация «рассказывания», подчеркивающая «память» в начале текста максимы, способствует прояснению еще одного ОТКАЗНОГО отношения между началом и концом. «Помним» отличается от «помним и рассказываем» не только как «неявный» эгоцентризм от «явного», но и как общее, «нелокализованное во времени и пространстве состояние» от конкретного действия, «события». Это противопоставление и использовано для создания типичного для повествовательных жанров перехода от *descriptio* к *narratio*. Этот переход подкреплен также противопоставлением начального расплывчато-множественного *pour* финальному «точечному» *une*.

Одновременное присутствие в рассматриваемой максиме перечисленных композиционных эффектов — сюжета с ПРОВАЛОМ, построенным по схеме ВН.ПОВ, ОТКАЗНОЙ структуры ПРИУКРАШИВАНИЯ, ОТКАЗНОГО подчеркивания компонента *narratio* с помощью *descriptio*, постепенного НАРАСТАНИЯ к финальной *pointe* в рамках *narratio* — все это позволяет считать эту максиму Ларошфуко небольшой «новеллой» об эгоцентризме и попытках его обелить, располагающей где-то на полпути «от поговорки до сказки» (см. 12).

Приложение А КОМИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ

Ф и г у р а м и называются часто повторяющиеся комбинации ПВ, РАЗВЕРТЫВАЮЩИЕ определенные темы весьма общего характера (как, например, «осмеяние», «остранение», «пафос», «трагизм» и т. п.). Этой своей тематической ориентированностью фигуры отличаются от обычных комбинаций ПВ, хотя бы и устойчивых, но выполняющих лишь чисто выразительные функции, и сближаются со случаями использования индивидуальных ПВ в качестве средств КОНКР определенных тем (см. 1, сн. 19; 3). С этим связано то, что в определениях фигур входят, наряду с перечислением соответствующих ПВ, указания на совершенно определенные свойства тех элементов, к которым должны применяться эти ПВ (см. в следующих ниже описаниях фигур такие элементы, как «злокачественность», «низкое», «претензии на интеллектуальность», «вранье» и т. п.). О фигурах см. 3; 13.

1. Фигура I ПРИУКРАШИВАНИЕ

1.1. Функция этой фигуры, или, иными словами, тема, predisposing к ее применению, — «осмеяние некоторого злокачественного, т. е. низкого, уродливого, вредного и т. п. объекта X_1 ». Суть фигуры I состоит в том, что этот объект X_1 изображается как другой объект X_2 — «доброкачественный», т. е. высокий, прекрасный, полезный и т. п., «отождествляется» с ним. Традиционная поэтика описывает это явление в таких терминах, как метафора и ирония (см. например, 7; 9; 10). Фигура I, как и фигура II (см. ниже), является вербальной, ментальной: производимое ею соединение двух контрастных объектов имеет место лишь на словах и в воображении, а не в «реальных событиях» сюжета.

На языке ПВ фигура I представляет собой последовательность приемов КОНТРАСТ, СОГЛАСОВАНИЕ, СОВМЕЩЕНИЕ, СОКРАЩЕНИЕ:

1) Сначала объекту X_1 сопоставляется достаточно абстрактно мыслимый объект Анти X_1 , контрастный к X_1 по одному из признаков группы «доброкачественность/злокачественность» (ПВ КОНТР).

2) Затем из круга возможных КОНКРЕТИЗАЦИЙ абстрактного объекта Анти X_1 выбирается такой объект X_2 , который имеет с X_1 общий признак (или ряд общих признаков) Q, лежащий вне сферы «оценочных» признаков группы «доброкачественность/злокачественность» (ПВ СОГЛ).

3) После этого X_1 «переименовывается» в X_2 — применяется особая разновидность ПВ СОВМ, представляющая собой ментальное отождествление, взаимоналожение двух контрастных объектов на основании сходства по признаку Q, иногда довольно значительного.

4) Наконец, явные признаки объекта X_1 могут подвергаться СОКР. Этот шаг является факультативным: вообще говоря, явные указания на X_1 и даже его прямое название могут присутствовать в тексте. Например, в высказывании Остапа Бендера «Я вижу, что вы бескорыстно любите деньги» X_1 (= «желание иметь деньги») изображено как X_2 (= «бескорыстная любовь»), причем X_1 полностью сохранен в тексте («... любите деньги»). Пример СОКР явных указаний на X_1 — слова Бендера «За вами приедут в чудной решетчатой карете»: что речь идет о тюремном фургоне, читатель устанавливает лишь путем определенных умозаключений.

1.2. Разновидности фигуры I по степени деформации приукрашиваемого объекта в принципе довольно многообразны. Выделим два при-

нака, существенные с точки зрения характера комического эффекта, создаваемого фигурой.

(1) Сходство объекта X_2 с приукрашиваемым объектом X_1 по конститутивному свойству объекта X_1 ; этот признак принимает два значения: + (X_2 совпадает с X_1 по данному признаку); — (X_2 противоположен X_1 по этому признаку).

(2) Сходство X_2 с X_1 по свойству «злокачественность», существующему объекту X_1 ; этот признак также может принимать два значения: — (X_2 противоположен X_1 по этому признаку, т. е. X_2 является «доброкачественным»); 0 (X_2 не сходен с X_1 и не противоположен X_1 по этому признаку, т. е. X_2 «нейтрален» в смысле «злокачественности/доброкачественности») ⁴⁴.

Считая, что исходный подлежащий приукрашиванию объект X_1 имеет + по обоим этим признакам, возможные типы объекта X_2 могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Типы X_2	I	II	III	IV
(1) Сходство с X_1 по конститутивному свойству	—	+	—	+
(2) Сходство с X_1 по свойству «злокачественность»	—	—	0	0

Поясним эти 4 типа на примере приукрашивания X_1 = «порок скупость» (конститутивное свойство = «удерживание при себе собственности»).

Тип I — это такой X_2 , который противоположен X_1 по обоим признакам, т. е. добродетель, выражающаяся в отдаче собственности (например, «щедрость» или «отказ от собственности как религиозный подвиг»).

Тип II — это такой X_2 , который представляет собой добродетель, выражающуюся в удерживании собственности (напри-

⁴⁴ Третья, теоретически очевидная возможность — значение + (X_2 сходен с X_1 по «злокачественности») не упоминается ввиду ее явной непригодности для целей приукрашивания, каковое является главной функцией фигуры I: «порок», выдаваемый за «порок», — фигура также возможная, но далекая от тех комических эффектов, которые характерны для фигуры I. Несмотря на это, в мнемонических целях используется символ «0» (а не +).

мер, «рачительность, бережливость» или, скажем, «бескорыстная привязанность к объекту обладания»).

Тип III — это такой X_2 , который представляет собой отдачу собственности, не являющуюся ни пороком, ни добродетелью (например, «расставание с вещами вследствие рассеянности, забывчивости, каприза, хобби или какого-либо иного свойства, лежащего вне этической сферы»).

Тип IV — это такой X_2 , который представляет собой удерживание собственности, не являющееся ни пороком, ни добродетелью (например, «удерживание собственности в силу тех же внеэтических причин, что и в типе III»).

Можно заметить, что типы X_2 расположены нами в порядке убывания степени отличия X_2 от X_1 . Действительно, X_2 типа I отличается от X_1 по обоим признакам; X_2 типа II — по одному, и притом более весомому признаку («злокачественность»); X_2 типа III — по обоим признакам, но так, что различие по главному признаку («злокачественность») не максимально⁴⁵; X_2 типа IV — лишь по главному признаку, и притом не максимально.

Естественно, что чем больше отличие X_2 от X_1 , тем более гротескный, неправдоподобный, издевательский характер будет иметь отождествление X_1 с этим X_2 по фигуре I. Выбор более или менее гротескной деформации приукрашиваемого объекта, по-видимому, зависит от темы. Так, в фарсовых комедиях Мольера часто используется довольно сильная II степень деформации (т. е. приравнивание X_1 к X_2 II типа). Например, Гарпагон маскирует нежелание кормить своих гостей под такие добродетели, как «забота о здоровье друзей», «умеренность», «философская мудрость» и т. п. (см. Приложение Б, 27). В рассматриваемой максиме Ларошфуко вследствие особенностей ее темы («правдоподобие», «психологическая верность»...), напротив, использована самая слабая, IV степень деформации. Вообще говоря, в поэтическом мире Ларошфуко допустимы и более гротескные степени приукрашивания — в «мольеровском» духе (ср. Приложение Б, 23, 19, 12).

2. Фигура II ШАРЖИРОВАНИЕ (сокращенно — ШАРЖ)

Функция этой фигуры (т. е. КОНКРЕТИЗИРУЕМАЯ ею тема) — «осмеяние человека по линии материальности, недуховности его природы». Как и фигура I, ШАРЖ является вербально-ментальной «фигурой отождествления», т. е. основан

⁴⁵ Следует признать, что взаимное упорядочение II и III типов — вопрос спорный.

на том, что один объект изображается как другой, контрастный ему. Признак, по которому между объектами X_1 и X_2 наличествует контрастное отношение, может быть сформулирован как «нормальная степень выраженности некоторого свойства Е/ненормально преувеличенная, гипертрофированная степень его выраженности». Преувеличение является, однако, лишь средством осуществления некоторых более общих закономерностей комического; поэтому далеко не во всех случаях оно производит комический эффект. Как показано в классической работе А. Бергсона [16], одним из наиболее универсальных источников комизма является изображение «живого» (гибкого, индивидуального, одухотворенного, чутко реагирующего на изменяющиеся условия) как «механического» (косного, стереотипного, приземленно-телесного, реагирующего с запозданием)⁴⁵. Одним из возможных способов приравнивания «живого» к «механическому» и является преувеличение, карикатура, шарж. Однако связь между гипертрофией некоторого свойства Е и эффектом «механического», по-видимому, может осуществляться различными способами. Наиболее типичный случай, описанный А. Бергсоном, состоит в том, что карикатурист замечает в своих оригиналах скрытые черты окостенелости или стереотипности («гримасы») и, значительно их усиливая, делает их очевидными для окружающих. В других случаях преувеличение не только выявляет уже наличествующие в оригинале «гримасы», но и создает новые — главным образом, путем доведения до ненормально больших размеров тех аспектов человеческой личности, которые более связаны с «телесным и механическим» началом, чем с «духовным и органическим». В частности, может производить комическое впечатление всякая гипертрофия отдельных элементов тела, если она мешает нормальной деятельности сознания и духа, гибкости, подвижности и т. п. Можно представить себе и такие случаи, когда преувеличение создает эффект «механического» независимо от того, связано ли оно с «гримасами» или материально-телесным началом. В частности, некоторые виды преувеличения могут использоваться в качестве технического средства повторение, умножение тех или иных деталей оригинала; но повторение чего бы то ни было заключает в себе возможность уподобления живого существа автомату, о чем подробно писал тот же А. Бергсон, и поэтому является потенциальным источником комического.

⁴⁵ «Механическое» поведение человека может проявляться, например, в стереотипном повторении определенных действий: так, Чаплин в «Новых временах» продолжает закручивать гайки, несмотря на изменившуюся обстановку. Стереотипность поведения — комическая черта, присутствующая и в рассматриваемой нами максиме Ларошфуко (см. п. 4, с. 175).

Подыскание объекта X_2 может рассматриваться в терминах ПВ как одновременное применение КОНТР и СОГЛ: ищется объект, который контрастирует с X_1 по указанному выше признаку («нормальность») ⁴⁷ и вместе с тем тождествен с X_1 в отношении свойства (или элемента) Е как такового и, возможно, в отношении ряда других свойств. Отождествление X_1 с X_2 , как и в фигуре I, представляет собой СОВМ. Факультативный последний шаг — СОКР указаний на X_1 — применяется здесь гораздо чаще, чем в фигуре I: чаще всего читателю предъявляется лишь преувеличенный объект — X_2 , исходный же объект X_1 предполагается известным.

Иногда для усиления эффекта гипертрофированности применяется ВАР объекта X_2 с последующим СОВМ результатов этого ВАР в новый объект X_2 .

Пример использования ВАР и СОВМ для усиления ШАРЖА — карикатура, выдержанная в духе черного юмора, на которой палач готовится гильотинировать инвалида, не имеющего ни рук ни ног. Здесь элемент Е («несчастье в материально-телесном плане») преувеличен до крайности, а затем проведен (ВАР) через два разных проявления: «потеря всех конечностей» и «высшая мера наказания, казнь», которые и сведены (СОВМ) в единую ситуацию. Еще один аналогичный пример — последний акт комедии Мольера «Господин де Пурсоньяк», где жалкое положение главного героя проводится, по меньшей мере, через три крайних проявления: его переодевают в женское платье; его преследуют, угрожая виселицей; он подвергается грубым эротическим приставаниям. Все эти проявления сведены в одну сцену («гвардейцы, разыскивающие Пурсоньяка, пристают к нему, как к женщине»).

3. Фигура III ПРОВАЛ (претензий)

3.1. Функция, или тема, этой фигуры — «осмеяние попыток человека быть значительным, важным, утонченным, духовным, интеллектуальным и т. п., вообще так или иначе акцентировать свою «высокую», человеческую природу по сравнению с другими живыми существами и неживыми объектами». Суть фигуры состоит в том, что эти «высокие претензии» кончаются падением, неудачей, развенчанием и демонстрацией «низкой», материально-физической природы человека («фiasco»). При этом существенно, чтобы механизм, ведущий к фiasco, был так или иначе заложен в самих претензиях или связан с ними.

⁴⁷ Техническим средством придания свойству Е гипертрофированных размеров является, по-видимому, ПВ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ (УВЕЛ_{гипер}).

В отличие от вербальных фигур I и II фигура III является сюжетной, так как основана не на воображаемом, а на фактическом сцеплении двух участвующих в ней объектов.

В терминах ПВ фигура III описывается как комбинация КОНТР, СОГЛ и СОВМ:

1) К осмеиваемой ситуации X_1 (претензии на «высокое») применяется КОНТР, давая абстрактную ситуацию Анти X_1 , демонстрирующую противоположное (свойства группы «низкое»).

2) Из круга возможных КОНКРЕТИЗАЦИЙ ситуации Анти X_1 при помощи СОГЛ выбирается такая ситуация X_2 , которую естественно себе представить в качестве следствия ситуации X_1 .

3) X_1 и X_2 подвергаются СОВМ, сцепляясь в причинно-следственную пару. При этом они могут подаваться в тексте одновременно (в виде двух сторон единой ситуации) или последовательно. Во втором случае X_1 играет роль ОТКАЗА к X_2 , а конструкция в целом может рассматриваться как ВНЕЗАПНЫЙ ПОВОРОТ (ВН. ПОВ; подробнее о ВН. ПОВ см. 5, 49 сл.).

3.2. Кроме указанных обязательных свойств фигура III часто включает некоторые дополнительные содержательные моменты, подчеркивающие развертываемую ею тему. Развенчание интеллектуальных и духовных претензий человека усиливается благодаря введению таких черт, как

(а) неосознание персонажем связи между его претензиями и фиаско;

(б) увлеченность персонажа своей деятельностью, направленной на осуществление претензий (персонаж «вкладывает всю душу», затрачивает массу чувств и энергии — ср., например, увлеченность Журдена).

«Неосознание» выигрышно потому, что «бьет» по интеллектуальным претензиям человека, рисует его как слепую игрушку в руках страстей, случая, других людей и т. п. (ср. высказывание Бергсона о том, что мы смешны той стороной нашей личности, которая ускользает от нашего сознания). «Увлеченность» играет двоякую роль: с одной стороны, она может, в случае надобности, обеспечить естественную мотивировку для «неосознания», поскольку чрезмерные эмоции ослабляют контроль разума; с другой стороны, при наличии «увлеченности» фиаско предстает как надругательство над «лучшими чувствами», т. е. над духовными претензиями человека. Как «неосознание», так и «увлеченность» помимо указанной содержательной функции выполняют и функцию чисто выразительную, а именно усиливают контраст между X_1 и X_2 (то, что человек, находящийся в ситуации X_1 , погружен в нее всей душой [«увлеченность»] и не

замечает X_2 [«неосознание»], резко отделяет, удаляет его от ситуации X_2 и тем самым делает переход к ней поразительным).

К чертам фигуры III, работающим на тему, следует отнести также (в) поучительность фиаско. Существенно, чтобы именно осмеиваемые моменты ситуации X_1 (претензии), а не какие-либо другие ее компоненты выступали в качестве причины фиаско.

Примеры фигуры ПРОВАЛ (претензий) мы находим в карикатурах, например в следующей: человек, который идет, задрав от важности нос, не замечает банановой кожуры, поскользывается и падает (вариант: мексиканец в огромном сомбреро, закрывающем ему глаза, падает в незамеченный им канализационный люк; другой вариант: жена, командующая мужем, не дает ему вставить ни слова, в частности предупредить о том, что впереди открытый люк, результат — жена проваливается в люк).

4. Фигура IV ПРОВАЛ (вранья)

4.1. Функция фигуры IV — «осмеяние вранья, т. е. каких-то ложных утверждений, притворства, попыток приукрасить себя и т. п.». Технически, т. е. по набору ПВ, фигура IV подобна фигуре III, с той разницей, что место претензий в ней занимает вранье. Фигура IV, как и фигура III, является сюжетной. Остается в силе и все сказанное о дополнительных свойствах фигуры III («неосознание», «увлеченность», «поучительность»).

Примером СОВМ вранья и его фиаско (разоблачения) в единовременную и нераздельную ситуацию может служить анекдот «Je» (Приложение Б, 33а). В нем вранье (утверждение говорящего, что он знает французский язык) и разоблачение (демонстрация незнания французского языка) СОВМЕЩЕНЫ не только в единую ситуацию, но даже в односложное слово ⁴⁸.

⁴⁸ Этот пример, собственно говоря, является одновременно иллюстрацией фигур IV и III — происходит фиаско не только вранья, но и претензий (= «выпячивания своего я»). Это фиаско по линии «я» можно наблюдать в чистом виде в другом анекдоте с финальной репликой je! (см. Приложение Б, 33б), где какое-либо вранье отсутствует. Здесь вследствие фиаско (во французском языке) подрывается героическая поза персонажа (несовместимая с ошибками в речи — традиционным способом комического снижения). Как и в случае с враньем (пример 33а), претензии и их фиаско СОВМЕЩЕНЫ в одном слове (je 'я'). Заметим, что тема неправомерное выпячивание своего «я» в обоих случаях оригинально КОНКРЕТИЗИРОВАНА средствами грамматического уровня (орудийная сфера, см. 4, 54—61) — в виде грамматически неправильного абсолютного употребления местоимения je.

4.2. Разоблачение вранья может быть реализовано (а) как демонстрация действительного положения дел; (б) как обнаружение самого факта ложности утверждений без выяснения истины. В том и в другом случае возможны разные степени силы и категоричности разоблачения — от полной очевидности до «набрасывания тени сомнения» — в зависимости от темы, контекста и других факторов.

Разновидностью случая (б), когда делается очевидным лишь сам факт вранья, можно считать разоблачение, основанное на противоречиях в делаемых утверждениях. Так построена известная формула о разбитом горшке (см. Приложение Б, 34). Эту разновидность фигуры IV (встречающуюся и в описываемой максиме Ларошфуко) мы будем называть ИЗОБЛИЧАЮЩАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ.

5. Комбинации фигур I и III—IV

Фигура I (ПРИУКРАШИВАНИЕ) часто сцепляется с фигурой III (ПРОВАЛ претензий) или фигурой IV (ПРОВАЛ вранья) в единую конструкцию. Это естественно, поскольку

(а) приписывание персонажу «высоких» качеств по фигуре I создает условия, предрасполагающие по линии «высокое/низкое» к применению фигуры III, а по линии «вранье/разоблачение» — к применению фигуры IV;

(б) обе фигуры выполняют в более широком плане одну и ту же функцию — осмеяния.

Пример комбинации фигур I и IV мы находим в известном четверостишии Д. Давыдова: *А глядишь: наш Мирабо Старого Гаврило За измятое жабо Хлещет в ус да в рыло*, где разоблачению либерализма как вранья предшествует его ПРИУКРАШИВАНИЕ (переименование либерального дворянина в Мирабо) (см. 14).

По-видимому, следует считать типичной также «тройную» комбинацию фигур: I—IV—I, когда вранье, приукрашивающее объект, разоблачается, а это разоблачение подвергается новому приукрашиванию. Так, в эпизоде в торгсине из романа «Мастер и Маргарита» русский покупатель выдает себя за иностранца (фигура I), затем разоблачает себя, крича по-русски «Караул!» (фигура IV), что тут же подвергается вторичному приукрашиванию, осмысляясь (в авторском тексте) как любопытный научный феномен (см. Приложение Б, 35).

Приложение Б
ПАРЕМИИ И ИЗРЕЧЕНИЯ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ОСНОВНОМ ТЕКСТЕ СТАТЬИ

А. Максимы Ларошфуко

I. Себялюбие как таковое

1. Разновидностей тщеславия столько, что и считать не стоит (506)⁴⁹.
2. Людские страсти — это всего лишь разные разновидности людского себялюбия (531).
3. Даже самые неистовые страсти иногда дают нам передышку, но тщеславие мучает нас постоянно (443).
4. Есть люди, столь поглощенные собой, что, влюбившись, они ухитряются думать о собственной страсти, но не о человеке, которого они любят (500).
5. Тщеславие других потому так невыносимо для нас, что оно уязвляет наше собственное (389).

II. Проявления себялюбия: рассказывание о себе

6. Люди предпочитают говорить о себе плохо, нежели вообще не говорить о себе (138).
7. Любовники потому никогда не скучают друг с другом, что все время говорят о себе (312).
8. Достаточно хорошо известно, что не следует говорить о своей жене, но недостаточно известно, что еще меньше следует говорить о себе (364).
9. Наша искренность в значительной степени вызвана желанием поговорить о себе и выставить свои недостатки в желательном для нас свете (383).
10. Необычайное удовольствие, с которым мы говорим о себе, должно было бы подсказать нам, что мы едва ли доставляем такое же удовольствие своим слушателям (314).

III. Притворство как таковое

11. Ложь иной раз так ловко прикидывается истиной, что не поддаться обману значило бы изменить здравому смыслу (282).

---

⁴⁹ В скобках даются номера максим по изданию 8. Переводы взяты отсюда же, но некоторые из них (как и перевод максимы № 313, разбираемой в статье) отредактированы нами с целью сделать их более буквальными.

12. Лицемерие — это дань уважения, которую порок платит добродетели (218).
13. Люди мнимо благородные — это те, кто скрывает свои недостатки от других и от себя; люди истинно благородные — это те, кто в полной мере осознает свои недостатки и признается в них (202).
14. Любой недостаток прощительнее, чем те способы, которые используются, чтобы его скрыть (411).

IV. Методы притворства.

Его результаты (самообман, неудача притворства)

15. Мы любим приписывать себе недостатки, противоположные тем, которые у нас есть: так, если мы слабохарактерны, мы хвастливо заявляем о своем упрямстве (424).
16. Мы признаемся в мелких недостатках лишь для того, чтобы показать, что у нас нет крупных (327).
17. Все жалуется на свою память, никто не жалуется на свой ум (89).
18. В людях не так смешны те качества, которыми они обладают, как те, на которые они претендуют (134).
19. Как бы люди ни старались прикрыть свои страсти видимостью благочестия и достоинства, они всегда проглядывают сквозь эти покровы (12).
20. Мы так привыкли притворяться перед другими, что притворяемся и перед самими собой (119).
21. Столь же легко обмануть себя и не заметить этого, сколь трудно обмануть других так, чтобы они этого не заметили.

V. Притворство, скрывающее себялюбие

22. Себялюбие — хитрейший из всех хитрецов в мире (4).
23. Корысть говорит на всех языках и разыгрывает любые роли, даже роль бескорыстия (39).
24. Что люди сознают свои недостатки лучше, чем можно подумать, видно из того, насколько безошибочно они умеют рассказывать о своем поведении; то самое себялюбие, которое обычно ослепляет их, в этом случае придает им такую зоркость и пронизательность, что им удается утаить или замаскировать любую мелочь, способную вызвать осуждение (494).

Б. Другие афоризмы и сюжетные положения

25. На своей голове верблюда не видит, а на чужой голове былинку видит; Если наш сын в вашего камнем кидает — так

- он же еще ребенок; а если ваш в нашего — то это судебное дело; В чужом глазу и соломинка кажется верблюдом, а в своем целый лист не заметен [11, 301]; В чужой ... соломинку ты видишь, А у себя не видишь и бревна (А. С. Пушкин, т. I, с. 283).
26. «Еще один великий слепой выискался — Паниковский! Гомер, Мильтон и Паниковский! Теплая компания!» [Бендер о неудачном выступлении Паниковского в роли слепого] (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок, гл. 12).
27. В а л е р ... Разве господин для того приглашает гостей, чтобы убить их едой?.. Нет ничего вреднее для человека, чем чрезмерное обжорство... Стол, уставленный едой, это все равно, что разбойничий притон [coupe-gorge — каламбур на слове gorge 'горло']; если желаешь добра своим гостям, за столом должна царить умеренность; по словам одного древнего мудреца, надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. Г а р п а г о н. Ах, как прекрасно сказано! (М о л ь е р. Скупой, акт III, сц. 1).
28. Д о к л а д ч и к. На сегодняшнее число мы имеем в Германии фашизм. Г о л о с с м е с т а. Это они имеют фашизм. Мы имеем на сегодняшнее число советскую власть (И. Ильф. Записная книжка).
29. Он думает, что оглох с тех пор, как не слышит больше разговоров о себе (Талейран о глухоте Шатобриана).
30. At memoria minuitur... Nec vero quemquam senum audivi oblitum, quo loco thesaurum obruisset. Omnia, quae curant, meminerunt: vadimonia constituta, quae sibi, quibus ipsi debeant. 'Еще (говорят, будто в старости) слабеет память... Но я никогда не слышал о том, чтобы кто-нибудь из стариков забыл, где зарыл деньги. Они помнят все, что их затрагивает: помнят о повестках в суд, помнят, сколько должны им и кому должны они...' (Ц и ц е р о н. О старости, гл. VII).
31. С площади, по направлению к шоссе, согнувшись, бежал человек с белым гусем под мышкой... «Вторая стадия кражи гуся, — холодно заметил Остап. — Третья стадия начнется после поимки виновного. Она сопровождается чувствительными побоями». О приближении третьей стадии Паниковский, вероятно, догадывался, потому что бежал во всю прыть (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок, гл. 3).
32. «Нет ... вы произошли не от обезьяны, как все граждане, а от коровы. Вы соображаете очень туго, совсем как парнокопытное млекопитающее» [Бендер о Кореяко] (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок, гл. 22).

33. а. В о п р о с. Кто здесь в совершенстве говорит по-французски? О т в е т. Je 'я' (вместо правильного moi 'я'); (анекдот). б. Известен ответ его [Ф. П. Уварова] Наполеону, когда тот спросил его, кто командовал русской конницей в блестящей атаке в каком-то сражении: — Je, Sire (П. В я з е м с к и й. Старая записная книжка. Л., 1929, с. 117).
34. В о п р о с. Почему ты не возвращаешь мне горшок, который ты у меня взяла? О т в е т. Во-первых, я его не брала, во-вторых, я его давно вернула целым, а в-третьих, он и был разбитым (Анекдот).
35. [Коровьев и Бегемот наблюдают в торговине за элегантно одетым толстяком, говорящим на ломаном русском языке, и говорят о нем как об иностранце. Затем они провоцируют склоку в магазине] ... Старичок ... с размаху ударил подносом плашмя иностранца по плешивой голове... Толстяк, белея, повалился навзничь в кадку с керченской сельдью, выбив из нее фонтан селедочного рассола. Тут же стряслось и второе чудо. Сиреневый, провалившись в кадку, на чистом русском языке, без признаков какого-либо акцента вскричал: — Убивают! Милицию! Меня бандиты убивают! — очевидно, вследствие потрясения внезапно овладев до тех пор неизвестным ему языком (Б у л г а к о в. Мастер и Маргарита, гл. 28).

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ж о л к о в с к и й А. К. К о п и с а н и ю в ы р а з и т е л ь н о й с т р у к т у р ы п а р е м и й. — Настоящий сборник, с. 136—162.
- 2—5. Ж о л к о в с к и й А. К., Щ е г л о в Ю. К. К о п и с а н и ю с м ы с л а с в я з н о г о т е к с т а. Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике ИРЯ АН СССР (ПГЭПЛ), вып. 22, 33, 39, 49. М., 1971—1974.
6. Ж о л к о в с к и й А. К., Щ е г л о в Ю. К. К п о н я т и я м «т е м а» и «п о э т и ч е с к и й м и р». — Труды по знаковым системам, вып. VII. Тарту, 1975, с. 143—169 (переработанный вариант публикации 2).
7. К р а т к а я л и т е р а т у р н а я э н ц и к л о п е д и я.
8. Л а р о ш ф у к о Ф. д е. М е м у а р ы. М а к с и м ы. Л., 1971.
9. Л и т е р а т у р н а я э н ц и к л о п е д и я. С л о в а р ь л и т е р а т у р н ы х т е р м и н о в, т. 1—2. М.—Л., 1925 [т. 1, с. 307 («Ирония»); с. 434 («Метафора»)].
10. Л и т е р а т у р н а я э н ц и к л о п е д и я. М., 1930—1939, т. IV, с. 571—580 («Ирония»); т. VII, с. 233—234 («Метафора»).
11. П е р м я к о в Г. Л. И з б р а н н ы е п о с л о в и ц ы и п о г о в о р к и н а р о д о в В о с т о к а. М., 1968.
12. П е р м я к о в Г. Л. О т п о г о в о р к и д о с к а з к и (з а м е т к и п о о б щ е й т е о р и и к л и ш е). М., 1970.

13. Щеглов Ю. К. Семiotический анализ одного из типов юмора.— «Семiotика и информатика. Шестой выпуск», М., 1975, с. 165—198.
14. Щеглов Ю. К. К описанию смысла связного текста. ПГЭПЛ (в печати).
15. Эйзенштейн С. М. Избранные произведения в шести томах, т. IV, с. 448—535.
16. Bergson H. Le rire. Essai sur la signification du comique. Paris, 1900.
17. Dictionnaire des pensées et maximes. Collection Seghers, Paris, 1963.
18. Koestler A. The act of creation. London, 1964.
19. Wierzbicka A. Miejsce problematyki ekspresji w teorii semantycznej.— «Pamiętnik literacki», LIX, 1968, т. 4, с. 97—119.

Ю. В. Рождественский

**О ПРАВИЛАХ ВЕДЕНИЯ РЕЧИ
ПО ДАННЫМ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК**

Правила ведения речи требуют особого филологического исследования. Задача такого исследования должна состоять в рассмотрении и описании вещей, казалось бы, хорошо известных, однако нигде в филологии специально не изучаемых. Давно существуют такие явления, как законы о печати, договоры между авторами, издателями и книготорговцами, правила движения деловых бумаг, данные в канцелярских инструкциях, библиотечные и архивные правила комплектования, хранения и выбраковки фондов, правила деловой и личной переписки, различные правила исполнения рукописей (в частности, издательские правила), риторические правила, по которым определяются уместность темы, аргументации и стиля речи, литургические правила отправления служб и многое подобное.

Все эти явления специально рассматриваются каждое в своей области: юриспруденции, делопроизводстве, правилах издания, литургике, риторике и т. д. Вместе с тем можно видеть, что в этих разнородных областях в разных связях трактуется об одном и том же, о ведении речи, т. е. о том, как следует подготовить, исполнить, передать, принять и оценить полученную речь. Изучение ведения речи предполагает рассмотрение сложившихся правил обмена речью, т. е. правил самой коммуникации с помощью речи. Лингвистика нередко ставит коммуникативную функцию языка на первое место, но понимает эту функцию обобщенно и абстрактно. Вместе с тем в обществе давно сложились детализированные правила речевой коммуникации. Эти правила закреплены соответствующими текстами.

Рассматривая совокупность правил ведения речи, убеждаемся в том, что дифференциация этих правил зависит от вида текста. Для каждого вида текста существуют свои правила и свой метод их применения. Это различие в правилах есть один из путей классификации текстов. Единство языка предполагает единство правил ведения речи, единство их систематизации.

Приведенные примеры разных правил показывают, что их деление на группы связано со способом создания текстов: так, книгопечатание вызывает законы о печати, авторско-издательские договоры, рукописная речь дает канцелярские инструкции, почтовые правила, правила библиотечной и архивной работы. Таким образом, правила ведения речи естественно распадаются на ряд синхроний. Каждая синхрония отвечает своему способу создания речи, т. е. характеру соединения орудий и материала речи с целью создания речи.

Первой такой синхронией является устная речь. Устная речь может быть двух видов. Изначальный вид устной речи не зависит от письменной фиксации. Неизначальный вид устной речи связан с письменной речью и составляет так называемую литературную речь. Литературная устная речь регулируется риторикой, литургией, этикетом и другими правилами, так или иначе фиксированными на письме.

Изначальная бесписьменная речь, речь долитературная, регулируется фольклором. При этом в ведении речи, регулируемом фольклорными правилами, необходимо различать общие правила и манеру их исполнения. Общие правила ведения речи, по-видимому, едины для всех народов, тогда как манера исполнения этих правил весьма различна. Так, сравнимая фольклорные правила речевого поведения эстонцев и латышей, можно убедиться в их единстве, тогда как манера ведения речи у этих народов совершенно различна. Манера ведения долитературной устной речи составляет особый предмет фольклористического и этнологического исследования, отличный от филологического изучения правил ведения бесписьменной долитературной речи.

Как было сказано, правила ведения долитературной речи даны в фольклорных текстах. Каждый фольклорный жанр содержит произведения, специально описывающие эти правила. Так, мифологические персонажи нередко выигрывают борьбу путем использования искусства речи или введения противника в обман. Популярна, например, и достаточно интернациональна сказка о дураке, который говорил все невпопад, так как соотносил свои высказывания не с текущей ситуацией, а с уже прошедшей (например, встретив похоронную процессию, говорил «таскать вам не перетаскать», помня пожелания людям, убирающим урожай). Популярные басни о льстецах и обманщиках и многие загадки дают иллюстрации правил ведения речи.

Наиболее кратко и полно эти правила даны пословицами и поговорками. Однако трудность исследования паремий состоит в их систематизации. Многие паремии представляют собой ино-

сказания, применяемые в разных случаях с разным смыслом. Корпус пословиц и поговорок для людей, пользующихся ими, всегда осознается как достаточно сложная система. Описание этой системы, предпринимаемое по тематическому принципу, из-за иносказательности содержания пословиц дает довольно расплывчатую тематическую рубрикацию, почти всегда кажущуюся субъективной. Ведь любые иносказания многозначны. В каждую рубрику включаются паремии, представляющие собой синонимы, редко полные, как правило, частичные. Необщие значения частичных синонимов всегда имеют свои синонимические ряды в других паремиях. От этого семантическая система паремий многопланова. Она не может быть полно изложена ни одной тематической рубрикацией, построенной на отнесении каждого высказывания только к одной рубрике.

Поэтому полезно строить тематическую организацию паремий, заранее дав способ создания рубрик и помня при этом, что любой способ создания рубрик дает только одну проекцию системы паремий.

Например, пословица *От слепой преданности недалеко до неверности* имеет следующие основные синонимические проекции: 1) увидев выражение слепой преданности себе или кому-либо другому, следует ожидать, что лицо, изъясляющее эту преданность, может нанести ущерб. Это значение синонимически связано со значением пословицы *Услужливый дурак опаснее врага*; 2) лицо, невольно и неожиданно изъясвившее преданность, убеждается в том, что его действия не встречают сочувствия или вредят кому-либо. В этом случае, опознавая себя в ситуации, изображенной пословицей, лицо, изъясвившее преданность, понимает вред своей «слепоты», неосознанной преданности. В этом случае разочарование может выразиться в вопросе «чему и как я служу?» и быть синонимичным пословице *Хочешь подвести бровь, не выдави глаз*; 3) лицо, изъясляющее преданность, и лицо, которому изъясняется преданность, в равной мере должны руководствоваться тем, что слепая преданность во всех случаях нехороша, так как, с одной стороны, *Измена всегда верностью прикрывается*, а с другой — *Слепота мысли хуже слепоты глаза*. Эти две пословицы в равной мере для обоих лиц характеризуют возможные опасности, вытекающие из слепой преданности.

В первом случае смысл паремии *От слепой преданности недалеко до неверности* растолковывается в плане будущего, «что следует ожидать». Во втором случае паремия представляет собой опознание уже наличной ситуации и корректировку своего поведения после этого опознания — «что уже случилось». В третьем случае вне зависимости от времени даются высказы-

вания, позволяющие осознать вред слепой преданности и изменить поведение (по-разному для каждого лица).

В первом случае мы имеем дело как бы с «приметой», прогнозом будущих событий, во втором — с переобъяснением наличной ситуации, а в третьем — со стандартом разрешения класса ситуаций и с правилами мыслительного и действительного поведения. Именно третий случай дает применение поговорки в обучении. В этом применении поговорок содержатся правила поведения. При обследовании поговорок с точки зрения правил ведения речи мы рассматриваем значение пословиц и поговорок в той семантической проекции, где можно говорить о правилах поведения. Учитывая общий наднациональный характер правил ведения речи, мы избрали основным источником сборник «Избранные пословицы и поговорки народов Востока», составленный Г. Л. Пермяковым. Рассмотренный в указанной семантической проекции обследованный корпус пословиц распался на несколько тематических групп.

Первая группа говорит об отношении «слова» и «дела», т. е. о связи речи и действия. Вторая группа пословиц говорит о речевых отношениях, т. е. о правилах ведения речи и устройства беседы. Третья группа пословиц дает правила речевого поведения для слушающего, четвертая группа пословиц дает правила речевого поведения для говорящего. Последняя, пятая группа пословиц, говорит «о свойствах слова» и косвенно различает жанры речевых произведений.

ГРУППА ПЕРВАЯ: «СЛОВО И ДЕЛО»

Поговорки этой тематической группы представлены многочисленными пословицами и поговорками. Классификация этих пословиц и поговорок, рассмотренных как правила ведения речи, должна образовать подгруппы-разряды поговорок в соответствии с последовательностью действий человека в этом случае. Разряды поговорок тем самым есть классы операций, последовательность которых должна быть обязательно соблюдена. Первым разрядом является разряд о последовательности мысли и дела. Она дана такими поговорками: *Сначала мысль, потом дело; Мысль рождает действие* и многими подобными им.

К этому разряду примыкают пословицы, требующие тщательного обдумывания предполагаемого дела, например: *Семь раз отмерь — один раз отрежь*, и индивидуальной ответственности за дело, например: *На людях не обрежешь хвост ослу; одни скажут — «коротко», другие — «длинно»*. Поговорки требуют индивидуальности замысла и личной ответственности.

Паремии запрещают нарушение последовательности мысль — потом дело: *Не спросясь броду, не суйся в воду.*

Таким образом, правила предписывают действовать, только положив в основание некоторый замысел, действовать без предварительного замысла нельзя.

Характерно, что действию предшествует именно «мысль», а не слово. Однако различие мысли и слова проводится далеко не всегда четко в том случае, когда речь идет об отношении мысли и слова к делу. Пословицы *Не спросясь броду, не суйся в воду* и *Семь раз отмерь — один отрежь* фактически трактуют о мысли и слове одновременно. Когда же по результатам, т. е. по «сделанному делу», определяется качество замысла, то учитывается не мысль, а слово. Смысл следующего разряда паремий состоит в том, чтобы заставить человека действовать в соответствии со словом: *Кто сказал и сделал — человек, кто не сказал и сделал — лев, кто сказал и не сделал — осел; Взятся за гуж — не говори, что не дюж*, и т. п. Все они предписывают обязательно исполнить сказанное слово. Если человек не действует в соответствии со словом, особенно со словом, которое он сам дал, то он подвергается осуждению.

Языком мастер, а делом левша; Пустой орех звонок; Мяукающий кот мышей не ловит; Работать маленький, а говорить большой и многие другие паремии запрещают «говорить и не исполнять сказанного».

Два разряда паремий направлены на то, чтобы прямо указать на приоритет мысли в отношении дела, но мысль можно узнать из слов, так как слово есть объективация мысли для других. Поэтому пословицы предписывают породить дело из слова и запретить «пустословие» в смысле неисполнения дел, намеченных в словах.

Отсюда следует оценка слова, которая с точки зрения паремий проявляется, в частности, в тех делах, которые следуют за словом. Вернее сказать, должны следовать, так как паремии предполагают правило: *Что завязано ртом, рукой не развязать.*

Таким образом, по наступающему вслед за словом делу производится оценка слова с позиций его способности изменить ситуацию.

Ко второму разряду паремий относятся паремии, подтверждающие правило: действовать в соответствии с данным словом. Например: *Сказал, что небосвод низок, так и ходи нагнувшись*, и подобные. Эти пословицы по содержанию, взятому в аспекте правил речевого поведения, показывают, что сказавший неверные, неразумные слова должен все равно вести себя в соответствии со сказанным, хотя сказанное может быть бессмысленным или неверным. Оценка слова делом позволяет как бы

поправить смысл слова хорошо сделанным делом: *Не бойся, что плохо сказал, бойся, что плохо сделал.*

Характерно, что отношение слова и дела есть концентрированное выражение деятельности человека. Поэтому они есть высшее мерило качеств личности. Этому посвящен третий разряд паремий — паремии словесной оценки человека. Если правильные отношения слова и дела соблюдались человеком всю его жизнь достойным образом, то *Человек умирает, а доброе слово остается; От хорошего человека остается имя, от плохого грязь.*

«Сохранение имени», т. е. доброй славы о человеке, зависит именно от отношений слова и дела, соблюдавшихся им всю жизнь. Это подтверждается таким параллелизмом: *Скот гибнет — кости остаются, человек умирает — слово остается; Лошадь сдохнет, поле останется, человек умрет — дело останется* и др.

Три разряда пословиц о слове и деле дают систему правил, которую можно описать как последовательность таких действий:

1. Всякому делу должна предшествовать мысль. За правильность мысли человек несет личную ответственность.

2. Перед действием мысль может быть высказана в слове и тем стать объективным общественно значимым замыслом.

3. Действовать надо в соответствии с мыслью. Если мысль высказана в слове, то запрещается не действовать в соответствии со словом.

4. Соблюдение своего слова в действии предписывается даже в том случае, если слово было сказано неправильно.

5. Главная оценка жизни человека состоит в соблюдении правильных отношений между словом и делом (данных в п. 1—4).

Таким образом «мысль» и «слово» предшествуют «делу», определяют содержание действия и способ действия и «слово» оценивается по действию как по своему результату.

ГРУППА ВТОРАЯ: РЕЧЕВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Пословицы о речевых отношениях удобно изложить, группируя их так, чтобы, с одной стороны, они отражали временную последовательность действий, а с другой стороны, давали бы степень важности действий в становлении и ведении беседы. С этой точки зрения правила, регулирующие речевые отношения и данные пословицами, распадаются на три основных разряда. Первый разряд паремий предполагает, что речевые отношения собеседников должны быть построены на основании формул вежливости. К таким пословицам относятся, во-первых, оценки человека по его знанию форм речевого этикета: *Лошадь узнают*

в езде, человека — в общении; Вежливость познается среди замства; Учись вежливости у невоспитанного, и многие подобные.

Во-вторых, рекомендации вежливой речи и запрещения невежливой речи: *Одно хорошее слово лучше тысячи слов ругани; От приятных слов язык не отсохнет; Из дурного рта выходит только скверное слово.*

Эта часть пословиц, говорящая о необходимости вежливой манеры ведения речи, фактически предполагает не только знание этикетных форм, но и запрет на оскорбление собеседника словом, о чем будет сказано в разделе «Правила для говорящего».

Второй разряд паремий касается порядка беседы. В эту группу входят высказывания трех видов:

а) высказывания о преференции слова перед бессловесным действием, например: *Умный языком, глупый руками;*

б) высказывания о преференции слушания перед говорением, например: *Прожуй, прежде чем проглотить, послушай, прежде чем говорить; Язык — один, уха — два, раз скажи, два раза послушай; Умный не говорит, невежда не дает говорить и т. п.;*

в) высказывание о возможной значимости молчания на фоне всей беседы: *Молчание — тоже ответ.*

Второй разряд правил дополняется указаниями на типичные ошибки в построении беседы, составляющими третий разряд правил, входящий в группу паремий, определяющих речевые отношения. Важнейшие ошибки характеризуются такими пословицами:

1. *Отвечает тогда, когда его не спрашивают* — указание на ошибку в порядке ведения беседы;

2. *Дед говорит про курицу, а бабка — про утку* — указание на ошибку в теме беседы;

3. *Вы слушайте, а мы будем молчать* — указание на ошибку в ответах молчанием;

4. *Глухой слушает, как немой речь говорит* — указание на ошибку в избрании собеседника.

Четыре правила дают основные типичные ошибки, приводящие к прекращению обмена репликами.

Соблюдение всех разрядов правил о речевых отношениях делает человека искусным в беседе, «удобным» собеседником: *Умей обойтись с глупым, а умный сам с тобой обойдется.*

Формулы вежливости, на соблюдении которых настаивают паремии, делают возможным становление беседы, так как представляют собой систему своеобразных «парольных слов», создающих уверенность в возможности начать и продолжить беседу.

Произнося формулы вежливости, нужно далее вести себя в беседе в соответствии с правилами вежливости, т. е. отдать предпочтение беседе перед неречевым занятием, отдать предпочтение выслушиванию собеседника перед своей речью и, наконец, «уметь промолчать», не нарушив этикета беседы. Эти три основных правила позволяют бесконечно продолжать речь, так как отсутствие неречевого действия предполагает переход к речи, выслушивание вызывает речь, а достойное умолчание не прерывает речи. Все, что может прервать ведение речи или сделать его непродуктивным, считается ошибочным. Такими ошибками может быть избрание не того собеседника, нарушение темы беседы и порядка ее ведения. Все эти действия считаются запрещенными.

Таким образом, система рекомендаций и запретов устроена так, чтобы продолжать речевую деятельность бесконечно. Такое построение речевых отношений не только не противоречит пословицам о «слове и деле», но прямо продолжает содержание этих пословиц. Пословицы, описывающие «слово и дело», с одной стороны, и «речевые отношения» — с другой, могут показаться противоречащими друг другу с формально-логической стороны.

Например: *Не спеши языком, поспеши делом* и *Умный — языком, глупый — руками* или *Языком мастер, а делом левша* и *От приятных слов язык не отсохнет* и т. д.

Это противоречие хорошо иллюстрирует различие в осмыслении пословиц. Пары пословиц, взятые в примере, действительно противоречат друг другу как модели одной и той же ситуации. Но если они являются моделями разных ситуаций, то противоречие снимается.

Пословицы, описывающие «слово и дело», взятые как система правил обучения речевому поведению, не только не противоречат пословицам о речевых отношениях, но и прямо вытекают из них. Если пословицы о «слове и деле» считают, что дело должно рождаться из слова, то пословицы о речевых отношениях обесценивают условия рождения слова, указывая на то, что чем больше рождено слов, тем больше оснований наилучшим образом устроить дело.

Развитием содержания пословиц о речевых отношениях являются отдельные правила для слушающего и говорящего.

ГРУППА ТРЕТЬЯ: ПРАВИЛА ДЛЯ СЛУШАЮЩЕГО

Правила для слушающего представлены многими смысловыми разновидностями паремий. Назовем важнейшие семантические разряды этих паремий.

а) Паремии, утверждающие различие в содержании речи, получаемой от разных лиц. Например: *Сто человек — сто мнений; Сколько мудрецов, столько и мнений; Сколько голов, столько умов; У каждого человека есть хорошая мысль, пять человек — пять хороших мыслей* и т. п. Смысл этого разряда паремий состоит в предписании выслушать и отдельно изучить каждое полученное сообщение, так как в нем изначально следует предположить возможность нового знания (*Рты у многих одинаковые, головы у всех разные*).

б) Паремии, предполагающие деление полученных высказываний на истинные и пригодные и ложные и непригодные. Например: *Нет дров, которые не дымят, нет людей, которые не ошибаются; Самый хороший учитель не без ошибок*. В устной речи, где содержание слито с индивидуальностью говорящего, смысл высказывания должен быть рассмотрен сам по себе, независимо от того, кем высказывание произнесено.

в) Паремии, предлагающие метод отделения лица говорящего от содержания высказывания. Эти паремии делятся на подразряды по характеру проверки:

1. *Не принимай решения, выслушав только одну сторону; Если тебе не ясно, не спеши с выводами*.

2. *Все шакалы одинаково воют; У всех собак лай одинаковый*.

3. *Слону снится одно, погонщику — другое; Один любит редьку, другой — дыню; Одному нравится попадья, другому — попова дочка*.

Указанные три подразряда обеспечивают отделение содержания высказывания от интересов говорящего, которое строится на противопоставлении противоположных мнений и сопоставлении сходных. При этом источник сходства и различия следует видеть в интересах говорящих.

Метод отличения интересов говорящего от содержания высказывания не зависит от свойств характера говорящего: 1. *Иногда и дурак умное слово молвит; И глупая речь бывает к месту*, и т. п.; 2. *Слишком умный подчас не очень отличается от дурака; Чрезмерная мудрость хуже глупости* и т. п.

Противопоставление «умный» — «дурак» уже не содержит интереса говорящего, но только указывает его характерные свойства. В сопоставлении и противопоставлении различается истинность и полезность содержания высказывания самого по себе, независимо от интересов говорящего. Таким образом, паремии разряда в) содержат дистрибутивные правила, позволяющие отличить содержание высказывания, его правильность и полезность от интересов говорящего.

г) Паремии, предлагающие всегда применять правила выделения и распознавать намерения и интересы говорящего.

1. Дурак сказал — умный поверил;
2. Человек спрятан за своими словами; Хочешь узнать человека, вслушайся в его речь;
3. Лиса знает сто сказок, и все про курицу; Кто о чем, а старая дева о муже; Во сне кошки одни только мыши и т. п.

Этот разряд паремий предлагает всегда соотносить содержание высказывания с характером и интересами говорящего и объяснять хотя бы часть содержания, исходя из интересов говорящего, так как:

д) говорящий может воздействовать на слушающего в ущерб слушающему.

В этом случае паремии предупреждают о «неискренности» говорящего: 1. Если бы неискренность горела, дрова были бы вполтину дешевле, и т. п. 2. Встретит человека — говорит как человек, встретит черта — говорит как черт; С волком ест курдюк, с пастухом плачет; Зайцу говорит «беги», борзой говорит «лови»; Как двуручная пила: ходит то к одному, то к другому; Не доверяй человеку, хвалящему тебя; Кто насплетничает о других, тот насплетничает и о тебе: Кто передает тебе о другом, тот передает другим о тебе и т. п.

Способ защитить себя от «неискренности», т. е. от такого воздействия говорящего, которое может нанести ущерб слушающему, состоит в соотношении его высказываний, сделанных в разное время и разным лицам. При нахождении в них противоречий, лести, которая также может содержать противоречие с мнением говорящего, осуждения других, что есть косвенный способ лести и завоевания доверия, следует отвергать побуждения к действию, содержащиеся в высказываниях такого рода.

Таким образом, ущерб, идущий от говорящего, слушающий должен отвергать соотношением данного высказывания с другими высказываниями, т. е. подвергать логическому обследованию.

е) Этот разряд паремий представляет собой правила оценки содержания выслушанных высказываний независимо от характера говорящего, его намерений и интересов. Эта группа высказываний представлена разнообразными правилами оценки содержания высказывания:

1. Нелогичность вывода: Начал о кувшине, кончил о бочке; Начал за здравие, кончил за упокой.

2. Бессмысленность описания ситуации: Ничего, что дом сгорел, зато клопы подошли.

3. Хвастовство и нереальность, вымышленность содержания: Родился раньше отца и нас дедовский табун.

4. Неопределенность суждения: Женили «если» и «разве» и родилось у них «если бы да кабы»; Немного слов — много оговорок.

5. Отделение формы выражения от содержания: *Буквы кривые, да смысл прямой.*

6. Распознавание иносказания: *Плоха та шутка, в которой нет половины правды.*

Эти и подобные им паремии представляют собой правила «выбраковки» содержания получаемых высказываний вне зависимости от интересов говорящего.

ж) Последний разряд правил для слушающего составлен пословицами, пародирующими неверную речь. Эта группа служит для определения окончательного интегрированного вывода об интересах говорящего и содержании сделанных им высказываний. Эти пословицы применяются как модели типичной неправильной по содержанию речи. Они должны применяться слушающим, чтобы опознать типичные случаи неправильной речи. Поэтому все они ироничны.

1. *Раз модно — пусть хоть трахoma* — бессмысленное подражание другим.

2. *Мыслями на троне, задницей в грязи* — неосновательные мечтания.

3. *Его из деревни гонят, а он просится в старосты* — непонимание своего положения.

4. *Танцевать не умеет, а говорит «пол кривой»; Неметкий глаз мушку винит* — попытка неправильного самооправдания.

5. *У кого много недостатков, тот находит их у других* — субъективный перенос своих недостатков на других.

6. *Один воевал, а другой о подвигах рассказывал; Конь скачет, а всадник похваляется* — приписывание себе чужих заслуг.

7. *Каждый может ругать выстроенный дом, но не каждый может его построить* — некомпетентная критика.

8. *Балка нужника упрекает мельничную сваю за грязь* — неуместная тщательность.

9. *Вода всю мельницу унесла, а ты спрашиваешь, где желоб* — непонимание сути событий.

10. *Кто сам ничего не делает, тот любит поучать других* — некомпетентные советы.

11. *Измена всегда верностью прикрывается; Нет, нет — взять не могу, положите мне в карман* — лицемерие.

12. *Гнев шагает впереди, ум сзади* — гневливость, искажающая истину.

13. *Свой ум и чужое богатство всегда сильно преувеличивают* — самомнение и зависть.

14. *Причину и пластырь можно приклеить куда угодно* — неосновательность суждения.

15. *Люди не любят того, чего не знают* — невежество и тому подобные правила, которых много.

Эти правила, в плане речевого поведения, представляют собой опознание типичных ошибок в построении содержания и формы речи. Можно думать, что подобные правила представляют собой также классификацию ошибочных поступков человека. Паремии, обнаруживающие ошибки в суждениях по общему закону паремиологии, противопоставлены похвале точной «дельной» речи: *Рот мой — щит мой; Хорошее слово — половина счастья; Правдивое слово — бога радует* и т. п. Кроме того, такие паремии контрастируют с указанием на возможную двойственность содержания речи: *Язык без костей — как повернешь, так и повернется; Мокрый язык чего только не скажет; Нет людей, которые знают все, нет людей, которые ничего не знают*. Но эти противопоставления могут быть отнесены к правилам для говорящего.

В целом движение по правилам для слушающего может быть изображено как своеобразная программа, где полученное высказывание проходит серию проверок:

- а) внимательно принять все полученные сообщения;
- б) предположить возможность непригодных и вредных предложений, предположений, мнений, содержащихся в принятых сообщениях;
- в) в целях анализа пригодности следует разделить содержание сообщения и интересы говорящего;
- г) распознать намерения и интересы говорящего в зависимости от его характера, его занятий и истории личности;
- д) установить позитивный смысл полученного высказывания;
- е) в случае нужды оказать сопротивление высказываниям, имеющим целью вынудить слушающего совершить неверный поступок.

ГРУППА ЧЕТВЕРТАЯ: ПРАВИЛА ДЛЯ ГОВОРЯЩЕГО

Правила речевого поведения для говорящего строятся на паремиях, содержащих утверждения об опасности слова. При этом паремии распадаются на несколько разрядов в зависимости от того, какую опасность слово в себе содержит. Говорящий, прежде всего, должен обеспечить отсутствие ущерба, который слово может причинить слушающему (*Ножом убивают в безлюдном месте, словом — на людях*), и отсутствие возможных дурных последствий от высказывания при его передаче (*Все беды человека от его языка*), а также предусмотреть прямой ущерб самому себе от неправильного высказывания. Поэтому первый разряд паремий предписывает осторожное обращение со словом:

1. *Зебу ловят за рога, людей — за язык; Будешь следить за языком, он охранит тебя, распустишь его — он тебя предаст.*

2. *Сказанное слово — срубленное дерево; Слово — это птица, вылетит — не поймает; Слово — стрела, выпустишь — не вернешь; Невысказанное высказать можно, высказанное возвратить нельзя; Слово, пока оно у тебя во рту, — твое, а как вылетит — чужое и многие подобные.*

3. *Сердце глупца — в его языке, язык умного в его сердце; Лучше захромать на ногу, чем на язык.*

Смысл правил, содержащихся в этом разряде пословиц, состоит в том, что предписывается осторожность со словом, колы скоро а) сказанное может обернуться против говорящего, б) сказанное — однократный акт, не допускающий переделок, в) сказанное — признак «ума» или «глупости» говорящего, смотря по содержанию сказанного.

Следующий разряд правил касается внутреннего действия со словом.

1. *Сначала свари слово, потом вытащи его из рта; Прежде чем говорить, подумай о смысле слов.*

2. *Не говори всего, что знаешь, но знай все, что говоришь; Лучше хорошо молчать, чем плохо говорить; С коротким языком жизнь длиннее; В книги вошли не все слова, а в слова — не все мысли; Думай дважды, говори раз.*

3. *Если боишься, не говори, если сказал — не бойся; Говорящий не боится, боящийся не говорит.*

Этот разряд правил предписывает следующие операции: а) всестороннего обдумывания будущего суждения, б) обязательности внутренней речи и деления во внутренней речи предложений на годные и не годные к высказыванию и в) открытого и четкого произнесения годных к высказыванию предложений.

Третий разряд паремий касается указаний на типичные не-правильности в произносимых высказываниях. Эти не-правильности классифицируются паремиями:

1. *Противоречие содержания речи и ситуации общения — Лучше плакать кстати, чем смеяться не вовремя; Правильно бриту и давать совет нужно вовремя; Горюющий смеха не любит и т. п.*

2. *Тривиальность содержания высказывания для слушающего — Учит рыбу плавать; Учит старика банан есть; Яйцо курицу уму разуму учило; Спорит с семьей умершего о дне поминок и т. п.*

3. *Многословие, информационная избыточность речи — Много слов хорошо только в Коране; Слова — жемчуг, но когда их много, они теряют цену; Везетка хороша, когда длинна, а речь — когда коротка. К этому ряду пословиц относятся*

и предупреждения о том, что многословие может привести к утрате критерия ценности предложений во внутренней речи — *Кто много говорит, много ошибается.*

4. Повторение одного и того же высказывания в той же ситуации общения — *И хорошее слово хорошо один раз.*

5. Ложь, т. е. намеренно неверное представление действительности в речи — *У лжеца дом сгорел — никто не поверил; Где правда бессильна, и ложь не поможет; Чем плохо скрывать, лучше хорошо признаться; Пусть рот кривой, лишь бы слова были прямые* и т. п.

6. Обесценение содержания высказывания за счет того, что слушающий не может понять ценности содержания — *Мечет бисер перед свиньями; Волу на ухо псалмы читает; Услаждает лютней слух буйвола* и т. п.

Четвертый разряд паремий этой группы содержит рекомендации стилистико-риторического характера. Такие паремии разнообразны по содержанию. Приведем примеры:

1. *Смысл слов зависит от того, каким тоном они сказаны.*

2. *Если хочешь возвысить человека — возвьсь, хочешь унижить — тоже возвьсь.*

3. *Стреляет криво — попадает прямо* (об иносказании).

4. *Умный винит себя, глупый — товарища* и т. п.

Правила ведения речи для говорящего, так же как и правила речевого поведения для слушающего, построены как программа действий, имеющих определенную последовательность:

1. Предписывается понять необходимость произвести умственную работу над словом (так как сказанное может обернуться против говорящего и сказанное есть однократный акт, не допускающий переделок).

2. Предписывается произвести внутреннюю речь и во внутренней речи отобрать годную к высказыванию. Отобранная часть произносится.

3. Такой отбор перед произнесением производится путем сравнения содержания высказывания с содержанием пословиц, которые бракует речь (противоречие с ситуацией общения, тривиальность содержания, длинноты в выражении, повтор сказанного в той же ситуации, намеренное несоответствие речи и действительности, возможное обесценение содержания высказывания характером слушателя).

4. Далее рекомендуется отделка речи в риторическом и стилистическом отношениях.

Правила речевого поведения для говорящего и правила речевого поведения для слушающего могут быть сравнены между собой.

Сравнение обеих программ показывает, что они противо-

поставлены друг другу как целое, а не по отдельным операциям. Ни одна отдельная операция в программе для слушающего не отвечает какой-либо отдельной операции в программе для говорящего. Но обе программы в целом построены так, что программа слушающего определяет программу говорящего. Таким образом устанавливается правило: действия слушающего имплицитно определяют действия говорящего.

ГРУППА ПЯТАЯ: ТИПЫ ТЕКСТОВ

Фольклор достаточным образом различает типы текстов: элементарные высказывания, молву и фольклор. Для бесписьменного общества любой тип текста представлен как устное сообщение, сделанное одним человеком другому, т. е. имеет вид элементарного высказывания. Поэтому общие правила ведения речи, изложенные выше, охватывают все типы устных текстов. Дифференциация текстов бесписьменного языка производится за счет добавочных правил, определяющих существование сообщений более сложных, чем элементарные высказывания. Поэтому правила обращения с разными типами текстов бесписьменной речи полезно показать следующим образом. Сначала изложить различие типов текстов или «свойства слова», затем изложить отдельно правила для молвы и правила для фольклора как двух основных осложненных типов текстов бесписьменной речи.

«Свойства слова» как особая тематическая рубрика скрыты почти во всем корпусе пословиц о речи, и различение типов текстов дается как дистрибуция содержания паремий.

Так, «свойства слова» описываются пословицами вида:

1. *Слово, сказанное к месту, стоит верблюда* и т. п.
2. *Сердечное слово до сердца доходит* и т. п.
3. *Языком убивают как кинжалом, только кровь не льется* и т. п.
4. *Добрую славу легко потерять, от дурной — трудно избавиться* и т. п.
5. *Блюдо, если его передают от одного к другому, пустеет, а слухи — множатся* и т. п.
6. *В доме еще ничего не известно, а на улице уже все знают* и т. п.
7. *У слова нет крыльев, но оно летает* и т. п.
8. *Болезнь приходит через рот, беда выходит изо рта* и т. п.
9. *Небо молчит, за него говорят люди* и т. п.
10. *Глас народа — глас божий* и т. п.

Данный набор примеров содержит систему знаний о слове и описывает фундаментальные свойства слова. Эти свойства,

прежде всего, положительные (полезные), так как разрешают трудные предметные и психологические ситуации (1 и 2); но слово может действовать и губительно. Вредные свойства слова состоят, во-первых, в том, что можно повредить своему собеседнику (3), во-вторых, в том, что оно может принести дурную славу третьему лицу (4).

Возможность принести дурную славу третьему лицу строится на распространении молвы (5 и 6, и 7). Вот почему можно нанести ущерб и собеседнику, и третьему лицу и тем вызвать далеко идущий ущерб для всего коллектива и отдельных лиц: *Болезнь придобит через рот, беда выходит изо рта.*

Но «летучие» свойства слова могут превратиться в стабильные, если такое слово как бы постоянно «находится в полете» (9 и 10 — *Глас народа — глас божий*). Эти слова воплощают высшую мысль, в них проявляется беспредельность мысли, которая относит слово к «гласу божьему». В противном случае частное высказывание человека оценивается пословицами ряда *Гремит как пустой кувшин* (11) и т. п.

Легко видеть, что описание фундаментальных свойств слова, данное в паремиях, внутренне различает молву, фольклор и элементарные высказывания, так как разные паремии, трактующие свойства слова, относятся не ко всем типам устного текста одновременно, а только к части типов. Это можно показать следующей матрицей.

паремии типы текста	паремии					
	1, 2	3, 8	4, 5, 6	7, 9	10	11
Сообщение	+	+	—	—	—	+
Молва	+	+	+	+	—	—
Фольклор	+	—	+	—	+	+

Различение элементарных высказываний, с одной стороны, молвы и фольклора — с другой, дается в паремиях семантическими различениями. Паремии об элементарных высказываниях предполагают любой вид прямого соотнесения речи с действительностью. Паремии о молве и фольклоре предполагают в дальнейшем только речевое оперирование полученными слушателем высказываниями. Легко видеть, что элементарные сообщения, молва и фольклор стоят в отношении друг к другу в контрастном и дополнительном распределении и потому достаточно различны в оперировании словом. Таким образом, паремии о свойствах слова различают типы текстов бесписьменной

речи в структурно-функциональном отношении и закрепляют разделение таких типов текстов.

Молва отмечена в паремиях серией пословиц, представляющих систему правил и оценок суждений. О молве говорят следующие три группы противопоставляемых речений, содержащих в себе последовательность правил, речевых операций как во внутренней речи, так и вовне:

а.1. *Если ухо хоть день не слышит новостей, оно гложет.*

а.2. *За что купил, за то и продаю.*

б.1. *Говорит чужим ртом; Чужим умом далеко не пойдешь.*

б.2. *Нет дыма без огня; Без ветра трава не колышется; И пустельга попусту не кричит.*

в.1. *Большая собака залает, за ней маленькая; Одна собака залает впустую, другие подхватят всерьез.*

в.2. *Собака лает, а караван идет; Что для луны лай собаки?!*

Поскольку молва предполагает только речевые операции, каждая группа присоединяется к предыдущей, как в диалоге. Можно даже соединять их союзом «да, но...», поскольку высказывания дают разную оценку услышанным сообщениям, при переводе из пословичного иносказания «диалог» между пословицами может быть показан такой группой неиносказательных суждений:

а.1. «Новости ценны», а.2. «данная новость известна многим, кроме вас, не уверен в ее достоверности, но передаю слышанное точно», б.1. «он не ручается за действия, вытекающие из этой речи, а только передает чужие слова, что мало ценно», б.2. «но все же, даже не зная ценности данных слов, можно утверждать, что само их появление симптоматично и информативно для ситуации», в.1. «как известно, ценность слов проверяется по тому, кто их сказал, так как от этого зависит действие, следующее за речью. Я не знаю, откуда эти слова, не была бы это клевета и сплетня», в.2. «Серьезному делу не может повредить клевета или сплетня; пусть будет проверена и доказана временем серьезность сказанного».

С приведенным «диалогом», дающим правила обращения с молвой, следует введение еще одной группы правил. Эта группа правил содержит запреты, определяющие молву со стороны правил ее создания. 2.1. *Если крикнешь в кувшин, то и кувшин на тебя крикнет; Что в лесу крикнешь, то и в ответ услышишь.* 2.2. *У лжеца загорелся дом — никто не поверил; Клеветник умрет от клеветы.* 2.3. *Чем больше будешь копаться в полойной яме, тем больше от тебя будет вонять.* 2.4. *И хорошее слово хорошо один раз.* Поэтому данная группа суждений-паремий связы-

ваются между собой отношениями, которые можно передать союзом «и кроме этого», т. е. эти высказывания объединяются друг с другом по принципу добавления к сказанному выше и конкретизации сказанного выше.

Объединение их может быть произведено с помощью слов «кроме этого, надо помнить, что...». Так образуется ряд суждений: «надо помнить, что молва возвращается, и потому не распространять того, что не входит в молву, кроме этого, нужно молву передавать точно и, кроме этого, не распространять вредных и неперспективных сведений, и, кроме этого, надо помнить, что молва, будучи многократно повторенной одному лицу, теряет смысл».

Таким образом паремии дают рекомендации к образованию молвы и предостерегают от неправильных действий при создании молвы.

Если первый набор правил допускает репродукцию чужой речи на определенных условиях, то второй набор правил указывает на необходимость воздержаться от репродукции высказываний, содержание которых чревато ущербом для репродуцирующего и потому негодно для молвы.

О фольклоре говорят следующие группы паремий, сильно отличающиеся по своему содержанию и образному строю от паремий о молве. Их особенность в том, что это паремии не только о речи, но о знаниях вообще.

Во-первых, это паремии о достоинстве и преимуществе сведущего перед несведущим: *Ученый повсюду ученый, король только в своем королевстве король; Ум женщины в ее красоте, красота мужчины в его уме.* При этом добавляют, что знания должны быть дополнены разумом, так как *Ученый дурак хуже всех дураков.*

Во-вторых, это паремии о необходимости учиться: *Узнать можно лишь тогда, когда учишься, прийти можно лишь тогда, когда идешь; Учение лучше богатства; Стремись завоевать не мир, а его мудрость.*

В-третьих, паремии утверждают, что главным путем приобретения знаний является использование старого, бывшего прежде: *Изучая старое, узнаешь новое; Старое бережет новое.*

В-четвертых, паремии устанавливают, что главным источником старого является слово: *Предания предков — источник мудрости; Слова дедов — источник разума.*

В-пятых, паремии рекомендуют обучение молодых: *Молодое дерево легко согнуть, юноше легко ошибиться; Согнулся молодой прутик — сломался, осрамился молодой человек — умер.* И прямое наставление: *Гни дерево, пока оно молодо, учи ребенка, пока он мал; Выпрямляй молодое, пока оно гибко.*

В-шестых, обучение должно исходить от носителей традиции — стариков: *Старик между молодыми тупеет, молодой между старыми умнеет; Где нет хороших стариков, там нет хорошей молодежи.* Смысл этой группы правил в разделении учащихся и обучающихся, в определенной принудительности обучения, в построении обучения как репродукции традиционных форм словесности, в предоставлении знанию первого места в жизненных установках человека.

Заключая разбор правил ведения бесписьменной речи, нужно сказать следующее. Данная статья не является работой по фольклористике, она лишь использует фольклорный материал для исследования по общей филологии. Поэтому, несмотря на ограниченность и возможную ущербность материала с точки зрения классических правил собирания, фиксации и сравнительно-исторического исследования фольклора, в чем автор отдает себе полный отчет, автор надеется, что в аспекте исследования правил речевого поведения, как раздела филологии, прибавка фольклорного материала, равно как и учет варьирования пословиц в разных местностях, не изменят основных положений статьи.

Изучение правил ведения речи, составляющих структуру речевой коммуникации, не может вестись без предварительного анализа этих правил для бесписьменной речи. По общему закону культуры на этих правилах, как на подкладке, развертываются более дифференцированные правила речевого поведения, применяемые для разных видов письменной и печатной речи. Важность изучения указанных правил очевидна, ибо они создают условия, в которых формируется содержание речи, задают спектр содержания для каждого вида, каждой разновидности речи.

Вильмош Фойт

РАЗРАБОТКА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПОСЛОВИЦ

1. В современной паремиологии нет единого взгляда на природу пословиц и поговорок. Как правило, исходные позиции авторов отдельных паремиологических исследований и используемые ими методы совершенно различны. Тем более знаменательно, что в ряде существенных вопросов многие паремиологи подошли довольно близко друг к другу. В настоящем обзоре мы коснемся некоторых из этих вопросов и рассмотрим их в том смысле и в том порядке, в каком их решение у разных авторов взаимно дополняет друг друга ¹.

2. Определение понятия «пословица» — задача, безусловно, нелегкая. И традиционная паремиология, как известно, не смогла с ней справиться. В качестве «оправдания» исследователи ссылались на то, что термином «пословица» обозначается множество самых различных (языковых и фольклорных) явлений. После второго, несколько уточненного и дополненного, издания книги А. Тейлора «The Proverb» [30] и на его основе появились и получили известное распространение, хотя и нечеткие, но все же приемлемые формальные определения пословицы, построенные на перечислении ее отдельных отличительных признаков. В последнее время эти определения более или менее успешно используются для разграничения некоторых видов изречений.

3. Существуют две основные точки зрения на систематику пословиц и поговорок. Согласно одной, ее следует строить на основе структуры изречений, а согласно другой, — на принципе их использования. В новейших исследованиях эти аспекты, как правило, объединяются, и изучение пословиц сосредоточивается на их смысловом (логическом) содержании и соответствующей

---

¹ К сожалению, история паремиологии пока не написана. О новейших тенденциях в изучении пословиц и поговорок см. работу 31.

ему языковой (грамматической) форме. В настоящее время паремиологи стали уделять значительно больше внимания вопросам функционирования пословиц и теории коммуникации вообще (ярче всего такой подход проявляется в работах Г. Л. Пермякова и, особенно, в его книге «От поговорки до сказки» [2]). Это сразу же расширило их возможности, так как вовлекло в сферу паремиологического исследования ряд новых явлений фольклора, начиная от элементарных фразеологических сочетаний и кончая миниатюрными сюжетами и «эпическими историями» в одном предложении. А, как известно, изучение одних форм изречений помогает изучению других.

4. В связи с более детальным изучением пословиц возрос интерес к жанровым особенностям изречений в рамках отдельных культур. И хотя давно было установлено, что некоторые пословицы получили широкое международное распространение, в их толковании были обнаружены значительные местные различия. Первоначально это явление описали американские авторы, сторонники так называемой «речевой этнографии» (см., например, 6, 70—85), а позднее оно получило более широкое обоснование в теории «этнических жанров» [9, 275—301] и поддержку отдельных паремиологов из других стран [7, 880—884]. Конечно, изучение и систематизация материала по отдельным культурам представляется весьма важным делом. Без точной классификации изречений внутри разных культур вряд ли можно вести плодотворные сравнительные исследования. Однако нам кажется несомненным, что помимо такого «внутрикультурного» освоения материала необходимо выявлять и общие его закономерности, отвлекаясь от частных этнических особенностей. При этом очень важно правильно определить основания, на которых следует строить единую схему классификации.

5. Сравнительное изучение пословичных типов и сюжетов в традиционной паремиологии, по существу, также является исследованием в области общей теории пословицы. Таким образом, создание международной классификации пословиц превратилось в общую задачу всей современной паремиологии. На наш взгляд, попытки решить эту задачу не привели к удовлетворительным результатам по двум основным причинам: Во-первых, накопленный международный материал настолько велик, что отдельный исследователь и даже целый институт просто не в состоянии его охватить. Во-вторых, — и в теоретическом отношении это еще важнее — до сих пор не разработаны принципы такого рода классификации.

Паремиологи прошлого подобрали международные параллели к основной массе национальных пословиц и поговорок. Выдающимся образцом такого труда может служить двухтомный сборник пословиц германских и романских языков, составленный сто лет назад немецкими исследователями Дюрингсфельдами [11]. Этот сборник построен на чисто механистическом принципе: все его части (разделы и подразделы) расположены в алфавитном порядке, и изречения в нем надо искать по алфавиту их «опорных слов». Следует признать, что такой принцип оказывается довольно удобным для ряда специальных публикаций и архивной обработки материалов. Недаром труд Дюрингсфельдов до сих пор используется в качестве справочника и систематически пополняется за счет разного рода списков и приложений. (Кстати сказать, все наиболее значительные сборники венгерских пословиц, начиная с собрания Яноша Эрдейи (1851 г.) и кончая собранием Габора Надь (1966 г.), составлены по такому же принципу.) Однако с теоретической точки зрения система Дюрингсфельдов совершенно несостоятельна, даже если подкрепить ее различными указателями. Казалось бы лучших результатов можно было ожидать от тематической классификации пословиц. Но как показала одна из последних работ, созданных на такой основе (см. 5 и разбор ее в 23), теоретические достижения тематической классификации пока что очень невелики и, во всяком случае, совершенно недостаточны для того, чтобы служить основанием международной системы.

В последнее время работы по классификации пословиц приобрели международный и даже глобальный характер. В паремиологию, бывшую до сих пор преимущественно западноевропейской областью знания, Г. Л. Пермяковым были введены материалы азиатского, а Матти Кууси — африканского и угрофинского происхождения. Однако работы этих ученых заслуживают внимания не только поэтому, а главным образом потому, что они предложили новые способы систематизации пословиц. Приблизительно десять лет назад Пермяков предпринял попытку классифицировать 7 тыс. восточных пословиц и поговорок по признакам их языковой и логико-семиотической структуры (см. 1). В первой части книги он расположил изречения по их языковой структуре (пословицы, поговорки, сравнительные обороты и т. д.), а во второй, почти целиком состоящей из пословиц, — по логико-семиотической. При классификации своего материала Пермяков основное внимание обращает не на отдельные пословичные слова, а на **общий смысл изречения**, определяемый самим исследователем. Этот смысл не совпадает со смыслом составных элементов пословицы, в частности ее грамматической формы, и представляет собой абстрактную схему, соответствующую логи-

ческим отношениям между отображенными в данной пословице вещами и/или их свойствами. Преимущество такого подхода заключается в том, что по своей природе он относится к более высокому уровню, чем уровень языка, т. е. стоит выше отдельных языков и даже целых языковых семей, и потому может лечь в основу международной классификации пословиц. Именно по этой причине метод Пермякова завоевал широкую популярность у паремиологов разных стран и стал предметом горячих дискуссий. Матти Кууси поначалу тоже принял указанный метод и даже попытался использовать его при классификации прибалтийского материала, а потом и всемирного. Однако, учитывая критические замечания коллег по адресу этих работ, он в 1972 г. выступил со своим собственным предложением о принципах международной классификации пословиц. В журнале «*Proverbum*», № 19 Кууси опубликовал большую статью [22]², в которой дал аналитический обзор двухсот важнейших паремиологических источников и представил для обсуждения разработанный на их основе образец новой классификации изречений, относящихся к двум распространенным по всему миру смысловым группам. Как говорит М. Кууси, он исходит из непосредственно данного материала и строит свою систему при помощи индуктивного метода в противовес дедуктивному методу Пермякова. При сопоставлении названных работ Пермякова и Кууси становится очевидным, что обе они еще далеки от совершенства. Система Пермякова, по крайней мере в том виде, в каком она была опубликована в 1968 г., не охватывает многих типов пословиц. Что же касается системы Кууси, то, судя по напечатанному отрывку, пределы ее весьма неопределенны, и пока еще неизвестно, когда и в какой форме может быть составлен международный каталог пословиц. В одной из последних статей, посвященных разбору этих двух работ [18], справедливо указывалось, что трудности, возникающие при классификации пословиц, объясняются промежуточным положением этого жанра. Исследование проблем, связанных с функциями пословиц, относится к компетенции фольклористики, а изучение семантики и структуры изречений — к области языкознания.

6. Практический ответ на вопросы, связанные с функциями и значением пословиц, обещает дать так называемая «теория уровней», получившая за последнее время известное распространение. В 1966 г. М. Кууси, говоря о структуре пословицы, отмечал, что ее следует рассматривать с трех точек зрения: а) основ-

² Указанная статья М. Кууси опубликована в настоящем сборнике на стр. 53—81.— *Прим. ред.*

ного смысла (Idee), б) строения (Struktur) и в) конструктивного ядра (Baukern). Пословицы с тождественным смыслом он назвал синонимичными, с тождественным строением — структурно сходными, а с тождественным конструктивным ядром — одноядерными. Такой подход был определенным шагом вперед, так как выделял в пословице различные структурные уровни. К сожалению, разработка новой идеи на этом прекратилась. Дальнейшим более углубленным изучением структурных уровней пословицы занялись венгерские паремиологи. В 1972 г. вышла первая работа А. Семеркеньи и В. Фойта на эту тему [28]. За ней последовали другие [32 и 33]. В результате проведенных изысканий было установлено, что пословица как таковая складывается из трех основных компонентов: **текста, значения и употребления**. Текст, в свою очередь, содержит три разных уровня: языковой, конструктивный и формальный. Значение имеют два уровня: собственно значение (Signification, Bedeutung, meaning) и смысл (sens, Sinn, sense). Особым достоинством этой модели является выделение употребления (function, use) в качестве самостоятельной паремиологической категории. Венгерские исследователи отметили, что на всех уровнях наблюдаются сходные, хотя и не зависимые друг от друга, явления, в частности **варьирование** [32; 33]. А. Семеркеньи попыталась развить эти идеи с точки зрения семиотики [29]. Но, как показала дискуссия 1975 г., семиотический подход к теории уровней пока что не может похвастаться большими успехами. Впрочем, и сама эта теория до сих пор не получила какого-либо практического подкрепления в исследованиях на конкретном паремиологическом материале.

7. Вопрос о практическом использовании фольклорных текстов (в том числе и пословиц) в той или иной мере затрагивался во многих названных выше работах. Но он имеет и самостоятельное значение, составляя основу так называемой «теории использования», которая, кстати сказать, непосредственно касается и современной паремиологии. Исходной точкой соответствующих взглядов служит представление о пословицах как о **речевом жанре** или, по определению Р. Д. Абрахамса, «конверсиональных» единицах [4]. К сожалению, сводных работ по теории использования, относящихся к пословицам и поговоркам, пока очень и очень мало (фактически, можно назвать только две — 13 и 18), а более детальные исследования (как, например, 27) посвящены какой-нибудь одной узкой теме и потому не могут служить основой для обобщения. Пожалуй, наиболее существенным выводом из всех подобных работ является следующий: значение пословицы в ее конкретном употреблении зависит от понимания употребляющим ее человеком данного социального контекста (т. е. дан-

ной ситуации) (см. 16), и, таким образом, главным предметом изучения должно явиться **представление** (performance) об этой пословице, а не она сама. Такой вывод, безусловно, оправдан. Однако им ни в коем случае нельзя ограничиваться, и, помимо частных вопросов использования пословиц, следует постоянно иметь в виду общие закономерности их употребления.

8. Большинство сделанных выше ссылок и оговорок в той или иной степени относились к проблеме значения пословиц. Эта проблема действительно чрезвычайно важна. Однако долгое время не было теории, которая позволяла бы выделить и систематически рассмотреть соответствующий круг вопросов. Такую возможность предоставили фольклористике и паремииологии порождающая грамматика, теория вторичных моделирующих систем, структурная семантика, а в последнее время — и семиотика. Поскольку на многие работы, относящиеся к этой области, мы уже ссылались, упомянем здесь лишь последние статьи А. Крикманна [18 и 19], которые, как нам кажется, могут служить отправным пунктом для ряда дальнейших исследований.

По мнению Крикманна, при анализе пословиц и поговорок следует использовать три подхода — **чисто семантический, синтактико-семантический** и **прагматико-семантический**, — в зависимости от того, что в данный момент рассматривается: значение, конструкция или употребление. При рассмотрении значения (денотата) проявляется смысловая неопределенность пословицы, под которой Крикманн, по сути, подразумевает варьирование, происходящее на разных пословичных уровнях. Рассматривая это явление более подробно, Крикманн различает **модальные** (функциональные и прагматические), **структурные** и **ситуативные** (проявляющиеся в процессе актуализации) и, наконец, **текстуальные** формы неопределенности. Используя аппарат современного языкознания и логики, Крикманн приходит к выводам, удивительно сходным с теми, которые были получены нами при разработке теории уровней, что, по нашему мнению, лишний раз подтверждает их правильность. Немалым достоинством работ Крикманна является и то, что ему удалось систематизировать результаты исследований своих предшественников и разработать единую терминологию.

9.1. Учитывая сказанное, представляется возможным и целесообразным создание полной модели пословицы на основе теории коммуникации. Как известно, предложенную Р. Якобсоном в 1960 г. схему значительно уточнил — и как раз в фольклорно-этнографическом отношении — Делл Хаймс [13].

Тем не менее его новейшие и самые совершенные модели до сих пор не используются паремиологами. Большую помощь в создании всеохватывающей модели пословицы может оказать и современная теория текста, которая учла последние достижения теории коммуникации и структурной семантики (см. 26, а также 34 и 24) и фактически разработала общую теорию жанров (см. 12).

9.2. Структурное направление в паремиологии с самого начала давало обобщенные формулы и искало единую модель для объяснения всех пословиц. Однако такое решение вопроса может оказаться приемлемым лишь в том случае, если искомая модель будет достаточно богатой и, к тому же, будет содержать такие правила трансформации, пользуясь которыми можно было бы из исходной конструкции выводить различные варианты и типы изречений. Надо сказать, что попытки продвинуться именно в этом направлении уже предпринимались. Так, например, Э. Кёнгэс-Маранда и П. Маранда в разных видах пословиц увидели воплощение известной формулы «медиатора» (по К. Леви-Строссу), Г. Л. Пермяков — разнообразные формы атрибуции, а А. Крикманн — различные типы метафоризации. Однако авторы соответствующих работ не определили форм и правил преобразований, при помощи которых различные виды пословичных изречений могут рассматриваться как проявления единой структуры.

В этом отношении дальше других пошел венгерский ученый Золтан Каньо, который в своей диссертации [15] показал, что пословицы и поговорки содержат коннексивную импликацию, зависящую от одного «универсального» оператора (Каньо изобразил это формулой $f(x) \supset g(x)$). Новым в его работе было, конечно, не это общее определение — ведь такого рода утверждения имелись в упомянутых выше исследованиях, — а тот метод, пользуясь которым Каньо из исходной формулы выводит 35—40 реально существующих разновидностей пословиц и поговорок. Система Каньо по своей сути относится к области порождающей грамматики и поэтики и не рассматривает таких «частных» вопросов, как употребление или варьирование пословиц. Согласно теории Каньо, основу пословицы составляет особая логико-семантическая структура, которая при помощи специальных правил преобразования переводится во внешнюю синтактико-грамматическую структуру. Образование внешней структуры Каньо объясняет двумя последовательными способами кодирования, основанными на грамматической структуре, однако отличными от нее. По нашему мнению, система Золтана Каньо может служить отправной точкой для построения общей теории пословиц.

10. Подводя итоги, можно сказать, что за последнее десятилетие исследование пословиц развивалось ускоренными темпами. Во всех рассмотренных областях произошло заметное продвижение вперед. При этом развитие паремиологии отличалось двумя характерными чертами. Во-первых, значительно увеличилось число теоретических работ и, по существу, впервые была нащупана обобщающая теория, опираясь на которую можно более плодотворно вести конкретные паремиологические исследования. И, во-вторых, работы разных ученых, проведенные в разное время и с разных исходных позиций, прекрасно дополняли друг друга, содействуя общему прогрессу нашей науки.

Весьма отраднo, что в последние годы установилось и окрепло международное сотрудничество ученых-паремиологов. В немалой степени этому способствовали усилия доктора Матти Кууси и сотрудников организованного им журнала «*Proverbi-um*». Мы особенно горды тем, что наряду с представителями «великих паремиологических держав» в развитии современной паремиологии видное место заняли советские и угро-финские (в том числе и венгерские) исследователи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
2. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970.
3. Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда.— «Типологические исследования по фольклору». М., 1975.
4. A b r a h a m s R o g e r D. The Complex Relations of Simple Forms.— «Genre», II, 1969.
5. A q u i l i n a J o s e p h. A Comparative Dictionary of Maltese Proverbs. La Valletta, 1972.
6. A r e w a O j o E., D u n d e s A l a n. Proverbs and the Ethnography of Speaking Folklore.— «American Anthropologist», LXVI (6), pt 2, 1964.
7. B a r l e y N i g e l. «The Proverbs» and Related Problems of Genre Definition.— «Proverbium», № 23, 1974.
8. B a u m a n R i c h a r d, S c h e r z e r J o e l [ed.] Explorations in the Ethnography of Speaking, Cambridge, 1974.
9. B e n - A m o s D a n. Analytical Categories and Ethnic Genres.— «Genre», II, 1969.
10. C i r e s e A l b e r t o M a r i o. I proverbi — struttura delle definizioni. Università di Urbino, Centro Internazionale di Semiotica e di Linguistica.— «Documenti di lavoro e prepubblicazioni. Serie D», № 12, 1972.
11. D ü r i n g s f e l d I d a v o n, D ü r i n g s f e l d - R e i n s b e r g O t t o v o n. Sprichwörter der germanischen und romanischen Sprachen verglichen zusammengestellt. Leipzig, 1872—1875.
12. H e m p f e r K l a u s W. Gattungstheorie. Information und Synthese. München, 1973.

13. H y m e s D e l l H. The Ethnography of Speaking.— «Anthropology and Human Behavior». Washington, D. C., 1962.
14. H y m e s D e l l. Foundations in Sociolinguistics. Philadelphia, 1974.
15. K a n y ó Z o l t á n. Zur Theorie der «einfachen Formen» — Sprichwörter. Eine semiotisch—literaturtheoretische Untersuchung. Budapest, 1976 [в печати].
16. K i r s h e n b l a t t - G i m b l e t t B a r b a r a. Toward a Theory of Proverb Meaning.— «Proverbium», № 22, 1973.
17. K ö n g ä s M a r a n d a E l l i, M a r a n d a P i e r r e. Structural Models in Folklore and Transformational Essays. The Hague—Paris, 1971.
18. K r i k m a n n A r v o. Some Difficulties Arising at Semantic Classifying of Proverbs.— «Proverbium», № 23, 1974.
19. K r i k m a n n A r v o. On Denotative Indefiniteness of Proverbs. Some Additional Aspects of Semantic Indefiniteness of Proverbs. Tallinn, 1974.
20. K r i k m a n n A r v o. Vanasonateksti denotatiivsest määramatusest.— «Keel ja Kirjandus», XVII, 1974.
21. K u u s i M a t t i. Ein Vorschlag für die Terminologie der parömiologischen Strukturanalyse.— «Proverbium», № 5, 1966.
22. K u u s i M a t t i. Towards an International Type-System of Proverbs.— «Proverbium», № 19, 1972.
23. K u u s i M a t t i. Tiefenstruktur und Oberflächenstruktur in der Parömiologie.— «Proverbium», № 23, 1974.
24. P l e t t H e i n r i c h F. Textwissenschaft und Textanalyse. Heidelberg, 1975.
25. P r i e b e R i c h a r d. The Horses of Speech — A Structural Analysis of Proverbs.— «Folklore Annual of the University Folklore Association», 3, 1971.
26. S c h m i d t S i e g f r i e d. Texttheorie. Probleme einer Linguistik der sprachlichen Kommunikation. München, 1973.
27. S e i t e l P e t e r. Proverbs — A Social Use of Metaphor.— «Genre», II, 1969.
28. S z e m e r k é n y i Á g n e s, V o i g t V i l m o s. The Connection of Theme and Language in Proverb Transformations.— «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», XX, 1972.
29. S z e m e r k é n y i Á g n e s. A Semiotic Approach to the Study of Proverb.— «Proverbium», № 24, 1974.
30. T a y l o r A r c h e r. The Proverb and an Index to the Proverb. Hatboro — Copenhagen, 1962.
31. V o i g t V i l m o s. Uj jelenségek a szóláskutatásban...— «Magyar Nyelv», LXXI, 1975.
32. V o i g t V i l m o s. Les niveaux des variantes des proverbes.— «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae», XX, 1970.
33. V o i g t V i l m o s. Sananlaskujen variantit kielellä eri tasonrakenteissa.— «Kalevalaseuran Vuosikirja», LIV, 1974.
34. W e r l i c h E g o n. Typologie der Texte. Heidelberg, 1975.

ОБ ОДНОЙ МОДЕЛИ ПОСЛОВИЧНОГО СООБЩЕНИЯ

(Heda Jason. Proverbs in Society:
The Problem of Meaning and Function.— «Proverbium»,
№ 17, 1971)

Автор указывает, что пословицы, подобно произведениям других жанров устной литературы, обладают сложной структурой. Основным элементом предлагаемой автором модели есть некоторая идея, которая представляет собой абстракцию совокупности частных случаев и, по большей части, имеет метафорическое выражение.

Метафора до некоторой степени независима и может в различных случаях служить для выражения различных, даже взаимно противоположных, идей.

Для иллюстрации того, как одна и та же пословица может выражать противоречивые идеи, автор приводит изречение из известного сборника Гойтейна «Йеменика»¹.

Отец и мать в этом мире — в гостях (Гойтейн, № 3).

Эта метафора может иметь две противоречивые интерпретации:

а) так как родители скоро покинут этот мир, заботься о них, пока они с тобой; и

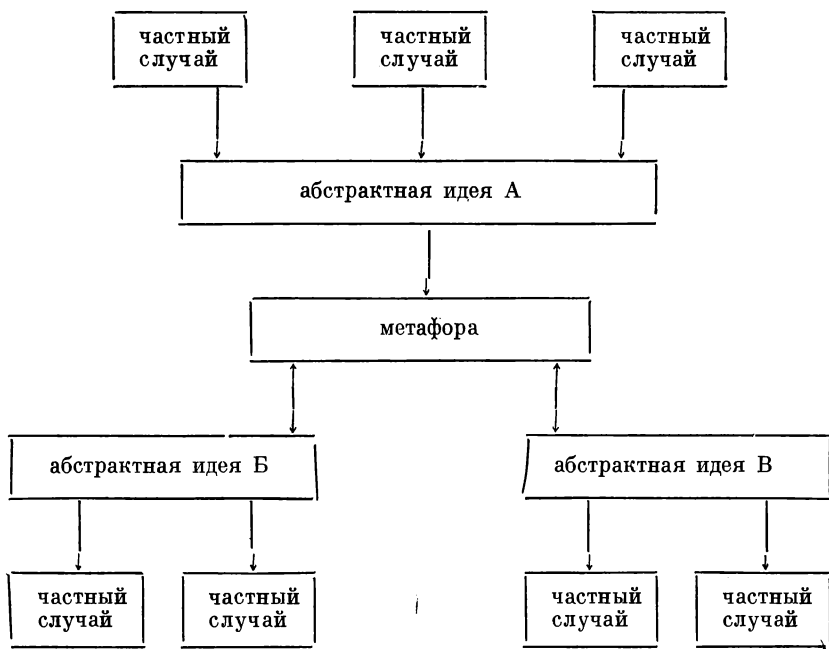
б) если родители — бремя для тебя, не печалься: они скоро умрут.

Тема пословицы — обычно не описание какой-то конкретной ситуации, а некий воображаемый случай. Такой случай «выше» уровня конкретных контекстов и потому применим ко многим из них. Употребляя пословицу, мы интерпретируем ее тему применительно к данной ситуации.

Предлагаемая модель пословичного сообщения представлена автором в виде следующей диаграммы:

---

¹ Goitein, S. D. F. Jemenica. Sprichwörter und Redensarten aus Zentral Jemen. Leipzig, 1934.

Например:

Метафора:

Когда кошка уйдет — мыши пустятся в пляс (Гойтейн, № 78).

Идея:

Когда руководитель не контролирует подчиненных, они делают не то, что нужно.

Частный случай:

Когда учитель отсутствует или излишне мягок, ученики балуются.

Автор полагает, что носителем информации в пословице является элемент, обозначаемый им как «идея». Этот элемент является связующим между пословицей и обществом: и д е я служит посредником между множеством частных случаев реальной жизни и их художественной символизацией в пословице. Метафора не связана с реальностью непосредственно. Их связывает идея, когда пословица применяется к конкретной ситуации.

ЗНАЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦЫ И КОНТЕКСТ

(Barbara Kirschenblatt-Gimblett. Toward a Theory of Proverb Meaning.— «Proverbium», № 22, 1973)

В названной статье рассматривается явление многозначности пословиц. Автор показывает, как одна и та же пословица может быть применена к различным, хотя и родственным ситуациям.

Истина, провозглашаемая пословицей, представляется абсолютной. Этот эффект усиливается «авторитетной» формой пословицы. Остроумное слияние звучания и значения, точность формулировки, привычность метафоры и некоторые другие элементы вызывают ощущение, что звучащее столь «истинно» должно и в самом деле быть истиной. Однако в действительности пословицы не выражают никаких истин. Они лишь воспринимаются таковыми. Проанализировав различные применения пословиц в конкретных ситуациях, мы увидим, что а) пословица может иметь более чем одно значение; б) иногда эти значения взаимно противоречат друг другу и в) значение пословицы не является независимым от контекста, в котором она употребляется.

В качестве примера того, как одна и та же пословица может быть интерпретирована различными способами, автор приводит результат эксперимента, проведенного с группой из восьмидесяти техасских студентов, которым было предложено объяснить значение английской пословицы *Катящийся камень мохом не обрастает*. В ответах студентов было представлено три варианта объяснения этой пословицы:

1) катящийся камень, не обрастающий мохом, подобен машине, которая всегда в движении, никогда не ржавеет и не ломается;

2) катящийся камень подобен человеку, постоянно движущемуся, никогда не оседающему на месте и поэтому никогда ничего не достигающему;

3) катящийся камень подобен человеку, который постоянно движется и поэтому не обременен семьей и имуществом.

Согласно анализу, проведенному автором, многозначность пословицы *Катящийся камень мохом не обрастает* зависит от того,

1) что понимается в качестве **объекта** данной метафоры;

2) что понимается в качестве основной **идеи**, выраженной метафорически;

3) как **оценивается** основная идея;

4) каковы **требования ситуации**, в которой употребляется пословица.

В дополнение к факультативным, иногда противоречивым значениям одной пословицы в коллективном и индивидуальном

репертуаре содержатся пословицы, противоречащие друг другу по своему основному смыслу. Таковы, например: *Учиться никогда не поздно* и *Старую собаку не научить новым проделкам* или *Чем больше людей — тем веселее* и *Слишком много поваров портят похлебку* и т. п. Эти и многие другие пары, которые можно было бы привести, подтверждают мысль о том, что 1) пословица выражает отношение, а не абсолютную истину; 2) значение и истинность пословицы определяются контекстом; 3) пословица, отражающая какую-либо ситуацию, может не быть рассчитана на то или иное конкретное ее употребление; 4) человеку свойственно выбирать пословицу в зависимости от требований жизненной ситуации, а не в силу ее абстрактного смысла и, наконец, 5) сама жизненная ситуация может быть оценена более, чем единственным способом.

Значительная часть статьи посвящена анализу возможных вариантов употребления одного и того же изречения *Money talks*, что можно перевести примерно как *Деньги говорят сами за себя*, *Деньги убеждают* или *Деньги красноречивы*. Автор приводит восемь различных жизненных ситуаций, в которых может быть употреблена эта пословица. Приведем три из них:

№ 1. Джон расстроен своей неудачей в получении работы. Он рассказывает своему другу Гарри, что даже выгодный контракт, предложенный его отцом фирме, не убедил ее руководителей принять его. *Деньги не убеждают и нет оснований утверждать, что они убеждают*.

№ 4. Джон получил работу благодаря собственным достоинствам, независимо от того, что его отец обеспечил фирме выгодный контракт. Гарри, претендовавший на получение того же места, не может признать, что Джон подготовлен лучше, чем он, и считает, что причиной успеха Джона явился контракт. Но, поскольку Джон теперь, в силу занимаемого положения, в состоянии помочь Гарри поступить в ту же фирму, Гарри не высказывает своих мыслей, чтобы не рассердить Джона. *Деньги не говорят сами за себя, и даже если одна сторона думает, что говорят, не в ее интересах утверждать это*.

№ 6. Джон получил работу благодаря отцовскому контракту. Он, однако, думает, что получил ее благодаря собственным способностям. Его друг Гарри, тоже хорошо подготовленный и старавшийся получить то же место, обескуражен своей неудачей. Джон утешает Гарри тем, что его неудача не зависит от его способностей, а является следствием обстоятельств. Утешая Гарри, Джон старается связать свой успех с деньгами. «*Money talks*», — говорит он. *Деньги красноречивы*,

Джон так не думает, но говорит это, чтобы утешить Гарри.

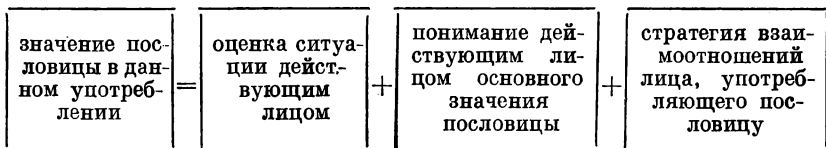
Во всех восьми примерах, приведенных автором, основное значение («base meaning») изречения *Money talks* относительно постоянно: «Если ты дал кому-то деньги, он будет стараться выполнить твои желания». При этом могут иметь место следующие варианты: а) деньги действительно дают положительный результат; б) по меньшей мере один из участников разговора думает, что это так; в) утверждение пословицы соответствует целям, которых желал бы достичь употребивший ее участник разговора. Эти три фактора, выступающие независимо друг от друга, могут быть скомбинированы восемью различными способами. Результаты этих комбинаций автор представил в виде следующей матрицы:

	Фактически деньги дали позитивный эффект	Употребляющий пословицу дума- ет, что деньги дали позитивный эффект	Для употребляю- щего пословицу выгодно утверж- дать, что деньги дали позитивный эффект
Пример 1	—	—	—
Пример 2	—	—	+
Пример 3	—	+	+
Пример 4	—	+	—
Пример 5	+	+	+
Пример 6	+	+	—
Пример 7	+	—	—
Пример 8	+	—	+

Как видно из таблицы, пословицу можно употребить независимо от того, дали ли деньги на самом деле положительный эффект, а также от того, думают ли так участники разговора.

Ситуационная обусловленность смысла пословицы зависит не столько от многозначности пословичной метафоры, сколько от характера ситуации, от ее оценки участниками разговора и от стратегии их поведения.

На основании проведенного анализа автор приходит к выводу, что значение пословицы полностью вытекает из контекста, в котором она употребляется.

Автор указывает, что основное значение пословицы (base meaning) не должно смешиваться со значением пословицы в дан-

ном употреблении (proverb performance meaning), которое определяется приведенной выше схемой.

В реальной жизни пословицы обладают ситуационно обусловленным значением (socially-situated meaning). Однако в сборниках, где изречения отделены от конкретных ситуаций, они представляются независимыми текстами, выражающими абсолютные истины.

О ЯВЛЕНИЯХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ И СИНОНИМИИ

(Тезисы доклада Г. Л. Пермякова. Сб. «Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам». Тарту, 1974)

1.0. Как известно, каждый знак в той или иной мере независим от своего дезигната. Именно поэтому он может означать не одну какую-либо вещь (явление, свойство или отношение), а две, три и более, и, напротив, — два, три и более знаков могут означать одну и ту же вещь (явление, свойство или отношение). Иначе говоря, отсутствие неразрывной связи между означающим и означаемым служит принципиальной основой омонимии и синонимии — явлений, свойственных всякой совокупности знаков, в том числе, конечно, и знаков естественных языков.

2.0. Подобно любым языковым знакам, паремии также обладают указанными в п. 1 свойствами.

2.1. Нередко «одно и то же» изречение получает в разных контекстах совершенно различный смысл. Так, русское народное пожелание *Будь здоров!* после чихания или после слов «Я ухажу» имеет свой обычный смысл. И то же сочетание слов в предложении: «А он — *будь здоров*: косая сажень в плечах» означает что-то вроде «силен», во всяком случае, резко отличается по своему значению от приведенного выше пожелания здоровья.

2.2. В то же время совершенно разные по своему составу и даже по синтаксической и паремиологической структуре изречения часто имеют один и тот же смысл. Ср. русскую народную поговорку *Хвост вытащит — нос увяз(ит), нос вытащит — хвост увяз(ит)* и крылатую «нечленимую фразу», восходящую к басне Крылова, *Тришкин кафтан*. Обе они означают одну и ту же типовую ситуацию. В таком же отношении между собой находятся и две известные русские пословицы: *Черного кобеля не отмоешь добела* и *Сколько волка ни корми, он все в лес глядит*.

3.1.0. Мы различаем следующие виды паремиологической омонимии:

3.1.1. **Омонимия паремии и сходного с ней свободного (переменного) сочетания слов.** Ср. поговорку *Сел не в свои сани* (о человеке, который занял неподобающее ему место) и сходное со-

четание слов в рассказе о езде, который по ошибке сел не в свои сани, а в сани своего соседа.

3.1.2. **Межуровневая омонимия** или буквальное совпадение какой-либо паремии с сочетанием слов иного (а именно, фразеологического) уровня языка. Ср. народное правило *Не бей лежащего* и сходный с ним по форме фразеологический оборот в таком предложении: «А у него работа — *не бей лежащего!*»

3.1.3. **Межтипичная омонимия** или буквальное совпадение изречений разных паремиологических типов, например, поговорки и приметы, пословицы и «делового» клише, вроде хозяйственной или гигиенической рекомендации, и т. п. Ср., например, народное юридическое правило *Не пойман — не вор* и аналогичную по внешней форме пословицу, т. е. изречение принципиально переносного (метафорического) смысла.

3.1.4. **Внутритипичная омонимия** или буквальное совпадение разных по значению изречений одного и того же паремиологического типа. Так, известная русская пословица *Гречневая каша сама себя хвалит* употребляется в двух совершенно различных смыслах: а) «Эта вещь настолько хороша, что ее не надо хвалить; она, как гречневая каша, не нуждается в похвале — ее качества говорят сами за себя»; и б) «Этот человек — самохвал; он не ждет, пока другие похвалят его, а подобно гречневой каше сам себя хвалит».

3.2. Случаи паремиологической омонимии всех указанных выше видов встречаются не только в русском паремиологическом фонде, но и в соответствующем фонде любого другого языка. Сошлемся хотя бы на пример внутритипичной омонимии из языка народа баньянг, проживающего на территории Камеруна. Пословица *Кэнгак абекэ го а мфаз пу квэн а мёк — Если орех наверху (т. е. на дереве) не вырос (т. е. не созрел), то он не упадет (на землю)* — употребляется в двух различных смыслах: а) «Не всякое зло сразу становится очевидным, но в конце концов такой день приходит. Со временем истина созреет, как орех на лиане, и тайное станет явным. Поэтому тот, кто причинил зло, не вправе надеяться, что его деяния останутся нераскрытыми». И б) «Хорошее дело (для своего исполнения) требует времени»¹. (Разумеется, указанные различия можно обнаружить лишь в конкретном речевом контексте).

4.1. Несколько проще обстоит дело с паремиями-синонимами. Если два или несколько изречений передают одни и те же логические отношения и касаются одних и тех же сущностей, а также совпадают по своей прагматической функции, в результате чего

¹ См. J. I t t m a n n. Sprichwörter der Nyang, № 245. — «Zeitschrift für Eingeborenen—Sprachen», Bd XXII. Berlin, 1931.

могут без какого-либо изменения смысла заменить друг друга в одном и том же контексте, то, значит, перед нами изречения-синонимы. Так, например, русские пословицы *Игра не стоит свеч* и *Овчинка не стоит выделки* или *На безрыбье и рак рыба* и *На безлюдье и Фома дворянин* являются типичными изречениями-синонимами.

4.2. Единственная трудность, касающаяся данного вопроса, заключается в том, что многие фольклористы и паремиологи привыкли считать приведенные выше (и подобные им) пары или группы изречений вариантами. Но стоит поставить вопрос, вариантами чего служат данные изречения, как сразу же выяснится, что их инвариантная сущность находится вне данных изречений, на каком-то ином, более высоком, абстрактном уровне. На паремиологическом же уровне они выступают как равноправные соварианты, или синонимы.

4.3. Вариантами же паремий будут такие формы, в которых варьируются (т. е. заменяются равноценными для данного изречения) элементы низших уровней — вставные фразеологические обороты или отдельные слова, а также синтаксические конструкции, изменение которых, однако, тоже не приводит к изменению смысла. Пример лексических вариантов: *Неча (нечего) на зеркало пенять, коли (если) рожа крива (жоса)*. Пример синтаксических вариантов: *Каков привет, таков и ответ* и *По привету ответ*.

5.1.0. Итак, паремии, подобно другим языковым знакам, обладают свойствами омонимии и синонимии. И это обстоятельство нельзя не учитывать при фиксации и анализе паремиологических форм.

5.1.1. Чтобы избежать омонимии, мало привести (например, в словаре или сборнике) то или иное народное (или авторское) изречение, необходимо указать его паремиологический тип (пословица, поговорка, примета, загадка, поверье, пожелание, шуточный ответ и т. д.), ибо от этого будет зависеть правильное понимание его смысла. Либо надо привести изречение в его обычном контексте, так как в речи омонимия, как правило, снимается.

5.1.2. Что же касается синонимии, то поскольку изречения моделируют обозначаемые ими ситуации, постольку их можно оставить без пояснения. Однако в случаях, когда мотивировка общего значения отсутствует (последнее касается почти исключительно пословиц, поговорок и загадок), то тут уже пояснения требуются.

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

ЗАГАДКА

Элли Кёнгэс-Маранда

ЛОГИКА ЗАГАДОК*

«...нет необходимости физически разъединять элементы структуры так, чтобы сначала они существовали порознь и лишь потом объединялись в одно целое. Достаточно, чтобы они были мысленно различимы»

Сюзанна Лангер

ИСТОЧНИКИ

Настоящее исследование посвящено финским загадкам. Выбор объясняется тем, что финский язык для меня родной и я, кроме того, в течение долгого времени изучала его профессионально-лингвистически, а подобное знание языка здесь особенно важно, потому что язык фольклорных жанров сильно стилизован. Я надеялась также, что моя принадлежность к финской культуре и знакомство с финской этнографией помогут свести до минимума, а может быть и совсем устранить, проблемы культурного контекста.

Материал взят мной из книги *Haavio Martti and Jouko Hautala* [eds.]. *Souomen kansan arvoituskirja* («Book of riddles of the Finnish people»). Helsinki, WSOY, 1946. Этот сборник, содержащий 3 500 финских загадок, хорошо представляет собрание фольклорного архива Финского литературного общества, основная часть которого состоит из десяти тысяч загадок (см. 18, 28). Конечно, по сравнению с 1 400 000 записями загадок, имеющимися во всем собрании, это немного. Однако, если учесть, что оба издателя по праву считаются выдающимися знатоками в этой области и в течение ряда лет были директорами архива, то на их выбор можно положиться. А из отобранных ими десяти тысяч каждая третья загадка вошла в сборник. Неопуб-

---

* *Elli Kōngäs Maranda*. *The Logic of Riddles*.— «Structural Analysis of Oral Tradition», ed. by P. Maranda and E. Kōngäs-Maranda. Philadelphia, 1971.

ликованными остались, фактически, разного рода варианты (см. 13, XVII).

Другой вопрос, можно ли всю совокупность архивных материалов считать представительной по отношению к полному корпусу финских загадок. Видимо, можно, ибо в сборе загадок принимало участие огромное число самых разных людей, так что субъективность подхода, в конечном счете, должна была нейтрализоваться. «Тысячи жителей страны — священники, учителя, чиновники, деловые люди, студенты, ремесленники, фермеры, рабочие и их жены — принимали участие в сборе материала, наряду со специалистами, постоянно занимающимися этой работой» [18, 5].

Чтобы иметь представление о фактическом использовании фольклорной единицы, необходимо проследить как за ее вариантами, так и за частотой, с какой она употребляется носителями традиции. Вопреки мнению Дюркгейма, индивидуальный акт может стать социальным фактом, если общество такой акт допускает. Первым всерьез заинтересовался вопросом частотности Томпсон, который составил диаграмму, отразившую популярность тех или иных типов сказок в разных странах [4]. Заслуживают внимания результаты некоторых новейших исследований, проведенных с помощью вычислительных машин [9 и 10; 35 и 36]. Однако применению статистических методов мешает недостаточное количество полевых данных.

Вполне понятно, что варианты фольклорных загадок должны быть тщательно записаны [32, 58], так как вариативность не менее важна, чем устойчивость. Существование вариантов загадок повлекло за собой ряд проблем, с которыми приходится сталкиваться в процессе публикации, классификации и анализа. Некоторые авторы уже указывали на эти трудности [15, 28—29], другие же по-прежнему произвольно выбирают какой-либо вариант в качестве «истинного».

В ходе исследования, на котором основана настоящая статья, вопрос о вариативности занимал важное место. Я пришла к убеждению, что исследование различных вариантов одной или нескольких «базисных» загадок (ср. «ядерные предложения» Хомского: 7, 17) дает возможность понять их структуру. Изучив трансформации какой-нибудь «базисной» загадки, можно получить информацию о глубинных механизмах построения загадок вообще. Характеристика этих механизмов дается ниже. Я совершенно убеждена, что загадки представляют собой одну из наиболее строго организованных народно-поэтических форм и что структурный анализ, как он очерчен в этой статье, может показать, в каких случаях вариант является «неполным» или «искаженным» (хотя я и не могу проверить истинность подобных

предположений без обращения к активным носителям традиции).

В нашем понимании вопрос о «вариантах» существенно отличается от давней проблемы «праформы» или протоформы [1; 2; 3; ср. 16, 41]. В дальнейшем употребление таких слов, как «базисный» или «исходный», не предполагает хронологическую первичность, а говорит лишь об относительной простоте структуры. Точно так же любая сложная форма не обязательно предполагает забытую или еще не зарегистрированную элементарную форму, ибо, как и в языке, здесь одновременно существует достаточное число как простых, так и сложных форм, определяющих модели для новых единиц разной степени сложности. Поэтому, говоря о трансформациях, я ни в коей мере не утверждаю, что последовательность трансформаций отражает временную последовательность, в которой эти трансформации имели место; в частности, многие трансформации, как это будет показано в дальнейшем, обратимы (см. также 34, 302—307).

МЕТОД

В основе используемого здесь метода лежит следующий ряд постулатов и решений. Во-первых, эмпирически я устанавливаю, что, несмотря на уверения Джорджиса и Дандиса [11] и Скотта [40], теоретическое определение загадки не является необходимым для идентификации жанра. Действительно, любое априорное определение было бы теоретически не оправдано, так как мы хотим изучить некоторый «класс явлений», созданных носителями определенной культуры; да и простая проверка показывает, что существует полное согласие между «народом» и специалистами в отношении того, что такое загадка. Всякий раз, когда я просила финнов загадать загадку, я слышала именно загадку, и когда я просила их опознать загадку в ряду разного рода изречений, например пословиц, они это делали. Рассмотреть данный класс явлений, например те загадки, которые употребляют финны, и лишь затем проанализировать характеристики этого класса — это вовсе не значит использовать «интуитивный» или «неадекватный» подход к проблеме; напротив, именно такой подход необходим при изучении любого множества этнографических данных.

ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

Далее, я вынуждена идти вразрез с практикой, распространенной среди специалистов по загадкам [43; 8; 45; 11 и др.], которая состоит в том, чтобы подвергать анализу только образ-

ную (описательную) часть загадки в отрыве от ответа на нее. Наиболее важная из моих предпосылок состояла в том, чтобы изучить взаимоотношения между обеими частями загадки — ее образной частью и отгадкой. Обе эти части устойчивы и кодированы. И тот факт, что одна и та же образная часть загадки может иметь несколько ответов, еще не значит, что отгадка произвольна.

Между собственно загадкой и отгадкой существует тесная связь, как и между альтернативными отгадками одной и той же загадки. Можно показать, что отгадка участвует даже в формировании стилистических черт, определяющих описательную часть загадки, — таких, как аллитерация, рифма или отбор согласных в словах.

Иоллес считает, что в некотором смысле миф и загадка являются взаимно обратимыми явлениями: он определяет миф как ответ, содержащий в себе вопрос, а загадку как вопрос, который требует ответа [20, 129]. Такую симметрию можно было бы провести до конца; по крайней мере, в отношении загадок Иоллес совершенно прав. Образная часть ее есть вопрос, который уже содержит в себе ответ. Это справедливо для всех загадок, и в особенности для тех, ответ которых буквально прочитывается в описании (замаскированный игрой слов). Кроме финских загадок, я обнаружила указанную особенность в загадках других народов, например у удмуртов.

ВЗАИМНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ И БИНАРНЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

При загадывании загадок один из участников произносит первую (описательную) часть, а другой — вторую (ответ); следовательно, загадка является одним из немногих «взаимных» (reciprocal) жанров, может быть единственным, реализуемым двумя активными исполнителями. Этот факт имеет значение с точки зрения функционирования загадок. Как установили многие исследователи, например Хаутала, Тейлор, Виртанен [17, 21—22; 43, 687—688; 45], загадывание загадок связано с приготовлениями к свадьбе (ухаживание или же сама свадебная церемония). Тут приходит на ум точка зрения Лича на миф как на «некоторый способ описания определенных типов человеческого поведения» [31, 14] или как на язык, посредством которого некоторая группа говорит о своих социальных действиях. Точно так же и загадки можно рассматривать как особый язык, пользуясь которым некоторая группа говорит о наиболее важном социальном действии: о союзе мужчины и женщины.

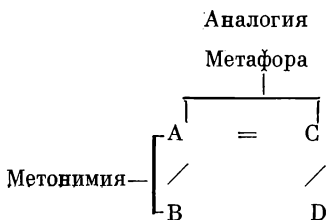
Настоящая статья базируется на представлении о том, что загадка — это структурная единица, всегда состоящая из двух компонентов — образной части и отгадки. Обе части закодированы в соответствии с принятым наименованием жанра; в финском — это *arvoitus*, производное от глагола *arvata* «отгадывать», но в конечном счете образованное от существительного *agra* «игральная кость, инструмент, используемый при гадании» [44]. Семантика самого термина подсказывает коннотацию, подобную коннотации соответствующих слов в индоевропейских языках; так, например, английское слово *riddle* этимологически связано с немецким *rätsel*, датским *raadsel*, древнеанглийским *raedan* и с архаичным *read, rad, redd, rede* «советовать». Кроме того, немецкая форма *rätsel*, как и та, которая ей соответствует в английском языке, связана с *rat* «мнение, совет» (глагол *raten* — «советовать, рекомендовать, отгадывать, предсказывать»).

АНАЛОГИЯ, МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ

Аналогия, метафора и метонимия относятся к основным понятиям, используемым в данной работе. Первому из этих понятий Аристотель дает следующее определение: «Аналогия существует, когда имеются четыре члена, причем отношение между первым и вторым членами подобно отношению между третьим и четвертым» (5). Это может быть записано следующим образом:

$$A/B = C/D$$

Аналогию я назвала бы техникой вывода. Использование этой техники основано на двух видах отношений между явлениями: подобии и смежности, другими словами — метафоре и метонимии [19, 55—82; 30]. В формуле аналогии, приведенной выше, два члена, находящиеся в одной и той же структурной позиции (A и C), образуют знак — метафору, причем один из них (A) представляет означающее, а другой (C) — означаемое (ср. 39; 19; 42, 2—3; 12, 10); члены одной и той же части тождества находятся в отношении метонимии (A и B). Таким образом, в аналогии мы имеем и метафорические, и метонимические отношения:

Другими словами, метонимия есть отношение двух объектов, метафора же устанавливает подобие двух объектов.

Мне кажется необходимым несколько развить определение метафоры. Ее можно рассматривать как знак, состоящий из двух множеств. Каждое из них имеет по крайней мере два подмножества, даже если оно состоит только из одного элемента (в последнем случае подмножествами будут сам этот элемент и пустое множество). Приравнивание двух множеств метафоры основано на аналогии. Таким образом, если мы введем обозначения:

- A — первое множество
- a — один из его элементов
- B — второе множество
- b — один из его элементов,

то можно сказать, что каждое из отношений a / A и b / B метонимично. Аналогия $a / A = b / B$ лежит в основе уравнения, т. е. метафоры $a = b$ и $A = B$. В метафоре «ножка стола» множество A — человек (или животное), a — его нога (или ноги), а B — стол. Тогда при помощи аналогии $a / A = x / B$, из которой следует, что $x = \text{нога}$, создается метафора.

Следовательно, аналогия дает основание для установления структурного тождества двух множеств — A и B. В этой процедуре они выступают в качестве подмножеств (или элементов) множества, большего, чем два исходных. Так, в метафоре «ножка стола» сверхмножество, содержащее как A, так и B, могло бы быть определено как «множество вещей, имеющих ноги (ножки)». Предполагается, что два множества противопоставлены друг другу и что основания этой оппозиции достаточно очевидны: люди (и животные) — это живые существа, а столы — нет, люди и животные растут, а столы — нет, люди и животные могут перемещаться, а столы — нет и т. д. Метафора устанавливает структурный мост между столь далекими друг от друга понятиями.

Необходимым условием возникновения метонимии является наличие смежности у двух множеств или их элементов [19]. И так как метафоры-загадки ставят два множества в такую позицию, при которой они становятся двумя элементами одного «сверхмножества», то исходные множества вступают в контакт, т. е. в отношении метонимии. В результате метафора и метонимия, эти два противоположных полюса мышления, вновь встречаются.

Метод, применяемый здесь, вытекает из внимательного изучения материала, однако следует отметить три главных источника, оказавших на нас наибольшее влияние. Это исследования Леви-Стросса о структуре мифа, ранее использованные в нашей с П. Маранда работе «Структурные модели в фольклоре», ис-

следования Якобсона по семантике и стилистике и трансформационный анализ синтаксиса у Хомского. Относительно последнего источника следует оговориться: при изучении загадок элементы предложения рассматриваются не с синтаксической точки зрения, а с точки зрения структуры народно-поэтического высказывания, единицы более крупной, чем фраза; элементы, которые ее составляют, не совпадают с элементами фразы. Так, следующие возможные синтаксические варианты эквивалентны с точки зрения структуры загадки.

Что это за человек, у которого голова в огне, а зад подмочен?

У кого это голова в огне, а зад подмочен?

У человека голова в огне, а зад подмочен.

Голова человека в огне, но его зад подмочен.

У него голова в огне, а зад подмочен.

Его голова в огне, а зад подмочен.

Его голова в огне, зад подмочен.

Голова в огне, зад подмочен. — Трубка [13, 103].

Таким образом, производя синтаксические трансформации, например, переводя вопросительные фразы в утвердительные, мы не трансформируем загадку, поскольку ее образная часть всегда остается вопросом, независимо от того, является ли соответствующая конструкция вопросительной с синтаксической точки зрения.

Как бы то ни было, загадку недостаточно определить как последовательность «вопрос — ответ» и даже как закодированную последовательность «вопрос — ответ», так как к таким «закодированным» последовательностям относятся и последовательности типа: «Как вы поживаете? — Спасибо, очень хорошо».

АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Можно по-разному подходить к изучению загадок, однако нет возможности описывать и разграничивать здесь различные варианты исследовательских подходов. Прежде всего, можно установить функциональную классификацию загадок, различая загадки эмоциональные, интеллектуальные и информативные. Первые относятся к области сексуальной, или, более точно, они рассчитаны на создание атмосферы, окрашенной эротикой, ибо провоцируют «ложные» эротические ответы. Как заметили некоторые авторы [43; 45, 181], здесь перед нами дразнящий прием, применяемый для того, чтобы задать тон в сеансе загадок. Я не буду рассматривать их в этой статье по недостатку места, хотя таких загадок очень много и большинство из них метафоричны. Второй тип обычно называют «истинными загадками» [43], так

как при их разгадывании требуется интеллектуальное усилие, а не только память. Третьи известны под названием «монашеских вопросов»; они требуют предварительного знания ответа и, в особенности, специальных сведений в области религиозной догматики [43; 16, XV—XVI]. Следует помнить, что как образная часть загадки, так и ответ во втором типе кодированы и что основное интеллектуальное усилие в рассматриваемом случае направлено не на то, чтобы «изобрести» новый ответ, а на то, чтобы быстро распознать зашифрованное сообщение и таким образом разрешить задачу. В этом смысле процесс отгадывания ближе к академическому испытанию, чем к творческому поиску.

Структурный подход к изучению загадок представляется более плодотворным, чем функциональный. Мы исходим из того, что у загадок, как у всех знаков, есть означающее — ядро загадки — и означаемое — ответ на загадку [39; 19; 12, 10]. Как и метафоры, загадки демонстрируют сходство означающих и означаемых, которое скорее является сходством структуры, чем сходством содержания, как это было бы в случае с метонимией (см. 39). Своеобразие метафор в загадках, как мы увидим из примеров, заключается в том, что в большинстве случаев они бытуют в двух возможных реализациях: если в результате метафорического «скачка» А оказывается подобным В, то можно найти и «обратную» загадку, в которой В подобно А. Такие «обратимые» метафоры составляют одну из самых примечательных черт финских загадок, и было бы интересно провести с этой точки зрения исследование загадок других народов.

Недостаточно сказать, что загадка имеет означающее и означаемое. В повседневном языке также прочно укоренились метафоры условные и утерявшие свой образный смысл (например, «ножка стола» или «ручка двери»). Определение их значения не составляет труда. Совсем не так обстоит с метафорами загадок, поскольку сущность их в их «загадочности». В противоположность стершимся разговорным метафорам метафоры загадок (и поэтические метафоры вообще) отличаются свежестью взгляда на предмет. Это метафоры условные, и образная часть загадки как раз и определяет условие, при котором метафора верна. Таким условием с логической точки зрения является истинная посылка, данная в образной части загадки.

Структура загадки может иметь разную степень сложности: я различаю загадки простые, сложные и цепные. Простые загадки одночленны и содержат одну истинную посылку, одну ложную посылку и один ответ. Если какой-либо из этих компонентов распространен, то мы имеем уже сложную загадку. Наконец, есть загадки, которые я называю цепными: как образная часть, так и ответ у них многочленны.

Неожиданность загадок часто основана на таких механизмах, как игра слов и парадокс. При этом игра слов может использоваться в качестве парадокса в миниатюре и может, как и парадокс, противостоять «трюизмам», избитым, общепринятым истинам. Игра слов и парадокс, в особенности последний, разрушают трюизмы и делают очевидными их односторонность и ограниченность.

Метафоры и парадоксы можно рассматривать с другой точки зрения — теории множеств и логики. Каждая загадка может быть записана в форме логического высказывания какого-то определенного типа. Я буду пользоваться логической терминологией для обозначения структурных элементов загадки: явный термин (метафора загадки), скрытый термин (ответ), истинная посылка (она верна как для явного термина, так и для скрытого и является константой) и ложная посылка (она указывает на то, что явный термин не должен быть признан истинным и что в процессе поисков должен быть обнаружен скрытый термин). Отыскать ответ на загадку — значит найти равновесие терминов и посылок.

Теперь стоит упомянуть о другом аспекте анализа — об изучении стиля. Стиль, наряду со структурным и функциональным уровнем (см. 21, 292), образует самостоятельный фольклорный уровень. Для стиля загадки характерен целый ряд поэтических средств; некоторые из них явно архаичны для финского языка, например такие, как бессоюзие и эллипсис.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ СТРУКТУРЫ В ЗАГАДКАХ

В этом разделе я сначала представлю самую простую структуру и попытаюсь ее проанализировать как можно обстоятельнее. Затем я покажу, как сложные структуры, сложные загадки образуются из простых и как происходит «обращение» простых структур.

Структура простой загадки

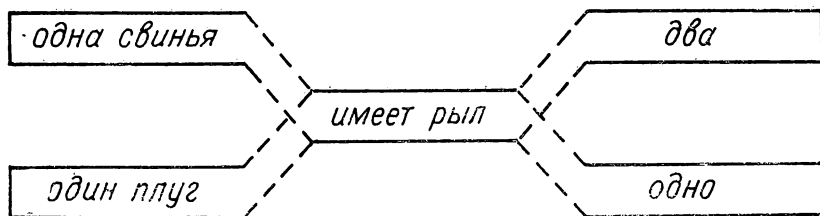
Следующий пример иллюстрирует простую структуру:

(1) *Одна свинья,
два рыла. — Плуг. 227/17*¹.

Прежде всего, это типичное эллиптическое выражение: глагол отсутствует, но легко восстанавливается. Образную часть загадки можно рассматривать как совмещение двух трюизмов: «у свиньи одно рыло» и «у плуга их два». В данном случае имеет-

¹ Цифры, которые указаны после каждой загадки, соответствуют странице и номеру варианта в источнике 9.

ся в виду финский плуг с двумя лемехами (см. 46, 17). Когда эти два трюизма совмещаются, рождается загадка:

Следующая таблица показывает структуру загадки:

Термины		Посылки		
		Постоянная	Переменная	
Явные	свинья (I)	Имеет рыл (II)	два (IV)	Образная часть
Скрытые	плуг (V)		одно (III)	Ответ

Таким образом загадка состоит из пяти элементов:

I. Явный термин, который служит означающим метафоры и составляет ядро образной части загадки.

II. Постоянная посылка, которая одинаково истинна как для означающего (явный термин), так и для означаемого (ответ).

III. Скрытая переменная посылка, которая необходима, чтобы сообщить отгадывающему, что в образной части загадки что-то не так (у свиньи ведь одно рыло, а не два). По определению, этот элемент никогда явно не выражен.

IV. Явная переменная посылка, которая служит для того, чтобы подсказать ответ. Она представляет собой условие, при котором метафора истинна.

V. Скрытый термин, означаемое, т. е. ответ.

I, II и IV рассказываются лицом, которое предлагает загадку; III восстанавливается отгадывающим, чтобы воскресить в памяти V, которое и сообщается в качестве отгадки.

Такую структуру можно обнаружить во всех финских загадках. Переменные посылки представляются наиболее значимыми элементами структуры, «ключами» к отгадке. Ход рассуждений

отгадывающего должен располагаться в следующем порядке:
I — II — III — IV — V.

Приведу еще несколько дополнительных примеров:

(2) *Инструмент, который сам по себе поет на коленях. — Ребенок. 27/4.*

Чтобы разгадать эту загадку, нужно знать, что на кантеле, традиционном финском музыкальном инструменте, обычно играют, положив его на колени. Таким образом, загадка представляет собой совмещение утверждения «инструмент поет на коленях, когда на нем играют» и «ребенок поет на коленях сам по себе». Загадка имеет следующую структуру: инструмент (явный термин I), который поет на коленях (постоянная посылка II) сам по себе (явная переменная посылка IV), ребенок (скрытый термин V). Как можно видеть, скрытая переменная посылка, или указание, не выражена в загадке словесно; я могу только повторить, что она и так очевидна. В силу того, что загадка содержит все элементы двух утверждений, можно сказать, что она представляет собой объединение двух множеств.

(3) *С маленького неба идет снег. — Просеивание муки через сито. 68.*

Эта загадка с трудом поддается переводу: отгадка в финском варианте представляет собой сложное слово *seulominen*, оно состоит из двух морфем и включает в себя смысл четырех слов перевода. И в этом случае метафора строится по аналогии: небо/снегопад = сито/просеивание муки. Метафорой, или явным термином, является «небо» (I), константой в буквальном переводе — «идет белый дождь» (II), скрытая переменная посылка — это известное представление о том, что небо обширное (III), явная переменная посылка — прилагательное «маленький» (IV) и, наконец, скрытый термин — это «сито» (V). Интересно, что записанный ответ несколько отличается от ожидаемого, так как он скорее указывает на предназначение сита, чем на само сито. Конечно, это мое предположение, которое я не могу в настоящее время проверить на информантах. Но я уверена, что «вина» за это расхождение падает на собирателя или издателя.

Теперь я приведу пример, в котором явный термин не выражен прямо, хотя и ясен из контекста.

(4) *Что растет без корней? — Человек. 4/22.*

Это фактически загадка-парадокс; ее можно рассматривать как результат совмещения утверждений «дерево растет при помощи корней» и «человек растет без корней». Причина, по которой я выбрала дерево, а не растение вообще, состоит в том, что в очень многих других финских загадках, когда требуется назвать человека, используется метафора дерева. Впрочем, нет никакой разницы в том, будет ли подразумеваемое слово выражать-

ся более общим термином «растение» или более узким словом «дерево». Интересно, что в данном случае мы имеем «нулевую» метафору: образ, который полностью восстанавливается при помощи контекста, но который прямо не назван.

Постоянная посылка «растет» также раскрывается благодаря намеку на корни, хотя существование корней и отрицается. И в самом деле, «растет» является синонимом «живет, имеет жизненный цикл». Явный термин здесь заменен его «тенью» — вопросительным местоимением «что». Случай, когда явный термин загадки фактически оказывается «нулем», встречаются очень часто.

Структура этой загадки может быть записана так: какое [дерево] (I) растет (II) без корней? (IV) — Человек (V).

Структура сложной загадки

Я считаю, что трансформации загадок возникают в результате развертывания аналогии, т. е. в результате соотносения элементов двух множеств в образной части загадки. Так, например, метафора дерева усложняется путем добавления аналогии: свадебное платье / женщина = листья / дерево. В итоге получается следующая загадка:

- (5) *Рябина на священном холме,
священные листья на рябине.— Невеста (на свадьбе).
22/1.*

В данном случае постоянная посылка подразумевается. Как листья на дереве, так и свадебное платье невесты — временный наряд. Чтобы проиллюстрировать это, можно привести другую загадку:

- (6) *Она цветет, как трава,
расцветает, как цветы,
живет только несколько часов,
и все смотрят на нее.— Невеста. 22/2.*

(Ср. псалом 103, а также 24, 330.)

Финляндия не может похвастаться плодовыми деревьями. Поэтому в следующей трансформации используется аналогия: ягода в листе — ребенок в чреве женщины.

- (7) *Священная рябина
у края священного поля,
священная ягода на рябине.— Беременная женщина.
23/1.*

Метафора дерева подвергается дальнейшим трансформациям. В образе следующей загадки описано рождение ребенка:

- (8) *Ветка тополя падает на землю,
но сам тополь остается целым.— Роженица. 24/1.*

Следующая загадка (9), в деталях не вполне ясная, начинается со слов:

«Дерево растет...»

Далее идет описание тех частей его, которые срезают, а завершается загадка так:

«...и все же дерево остается зеленым (молодым)». 25/10.
Снова следует ответ — *«Роженица»*.

И, наконец, еще один пример трансформации той же основной метафоры:

(10) *Дятел, вытаскивающий червяка. — Ребенок, сосущий грудь.* 25/3.

Структура каждой простой загадки, как мы здесь выяснили, включает в себя все основные элементы, и притом по одному. Так, в примерах (4) — (10) метафорой является $A = B$, т. е. человеческое существо (означаемое) = дерево (означающее). Однако в действительности нет ни одной загадки, которая состояла бы только из двух терминов. Постоянной посылкой, связывающей термины, здесь служит слово «растет», которое относится к обоим терминам одновременно. Возникает структура:

$$f_x A = f_x B,$$

т. е. человек растет = дерево растет; или:

человек = дерево, так как оба растут или живут.

Если и означающее и означаемое обогащаются с помощью метонимии, то происходит трансформация и возникает новая метафора, зависящая от исходной. Так, аналогия «свадебное платье/невеста = листья/дерево» на основе метонимии — «украшаться, наряжаться в определенный период (по поводу определенного события)» — приводит к новой загадке, формула которой:

$$f_y a / f_x A = f_y b / f_x B,$$

где: A — женщина; a — свадебное платье; B — дерево; b — листья; x — «стоящий на холме» = живущий; y — украшенный, наряженный. Эта формула описывает загадку (5).

В загадке о беременной женщине символы имеют следующие значения: A — женщина; a — зародыш; B — дерево; b — ягода; x — «стоящий на холме» = живущий; y — «начинать расти». Функция y могла бы быть описана и как «быть привязанным к чему-либо», «быть зависимым от чего-либо», «быть частью чего-либо».

В загадке (10), где ребенок представлен как отдельный индивид, трансформация происходит несколько по-иному. Снова мы имеем дело с метонимическим соединением: как дятел находит себе пищу в коре дерева, так и ребенок находит себе пищу в материнской груди. По двум причинам можно считать это соеди-

нение метонимическим. С одной стороны, дятла чаще всего видят «соприкасающимся» с деревом (и именно так его изображают на картинках), с другой стороны, народная этимология в финском языке связывает tikka (дятел) с tikku (кусочек дерева). Таким образом возникает аналогия:

ребенок / мать = дятел / дерево.

На этот раз формула дает следующее распределение значений: А — женщина; а — грудной младенец; В — дерево; b — дятел; х — «стоящий на холме» = живущий; у — питающийся.

Ряд трансформаций загадок о жизненном цикле женщины может быть записан следующим образом:

Элементы исходной загадки

I	II	III	IV	V
дерево	растет	с корнями	без корней	человек

трансформация 1; преобразователь «украшение»:

рябина		листья	свадебное платье	невеста

трансформация 2; преобразователь «оплодотворение»:

рябина		ягода	эмбрион	беременная женщина

трансформация 3; преобразователь «размножение»:

дерево		удаленные ветки	новорожденный	рожевица

(Если образные части загадок развернуть более подробно, то они превратятся в финские пословицы. Весьма распространенная пословица на тему о том, что дети походят на своих родителей, гласит: «Яблоко от яблони недалеко падает».)

трансформация 4; преобразователь «кормление»:

дерево (тополь)		дятел	ребенок	кормящая мать

Взятые вместе трансформации базисной загадки позволяют изучить возможности исходной метафоры, в которой человек просто оказывается подобным дереву. По-видимому, «женская линия»

является более продуктивной (по крайней мере в финских загадках), ибо жизненный цикл женщины четче выражен; в собрании нет загадок, в которых мужчина сравнивается с деревом. Однако встречаются пословицы, где мужчины сравниваются с вечнозелеными (хвойными) деревьями, которые в финском языке противопоставляются лиственным. Так, финны говорят: *Мужчины, как сосны* [26, 383]; *Мужчины, как хвойные деревья в лесу* [26, 386]; *Черный и скрученный, как болотная ель* [26, 398].

Метафора «дерева» содержится и в следующей загадке:

(11) *Все падает, все возвращается в землю,*

все находит место в лоне матери. — Могила. 35/1.

В данном случае преобразователем является «умирание». Таким образом, мы смогли проследить полный цикл жизни человека, описанный в терминах жизни дерева.

ОБРАЩЕНИЕ В ЗАГАДКАХ

Совсем другой тип трансформации выявляется, когда метафора обращена. Если исходная метафора утверждает, что $A = B$, то новая устанавливает, что $B = A$. Видимо, возможность такого обращения — особенность поэтических метафор, отличающая их от устойчивых языковых метафор. Иными словами, мы говорим о «ножке» стола, а не о «ножке стола» человеческого существа. Механизм обращения в загадках удивительно продуктивен — совсем как в фугах Баха.

В следующих загадках деревья, преимущественно лиственные, сравниваются с человеческими существами и, в частности, с женщинами:

(12) *Девушка растет на холме,
и на плечах у нее волосы. — Береза. 375/6.*

Приведем примеры четырех типов трансформации:

Трансформация 1; преобразователь «украшение»

(13) *Зимой — голая,
летом носит новое свадебное платье. — Лиственное
дерево. 374/2.*

(14) *Невеста стоит на холме,
все лето нарядная,
зимой вся голая. — Лиственное дерево. 374/1.*

Трансформация 2; преобразователь «размножение»

(15) *Весной — прекрасная невеста,
осенью рождаются дети,
дети кругленькие,
и у каждого по камню в желудке. — Вишня со
своими цветками и плодами. 378.*

Трансформация 3, 4; преобразователи «вдовство и новое замужество».

(16) *Осенью вдова, зимой вдова,
летом снова невеста. — Лиственное дерево. 374/4.*

Таким образом, загадки могут получаться в результате трансформаций двух типов, причем порядок их следования произволен. В одном случае сначала происходит разворачивание «женщина = дерево» в «женщина в подвенечном платье = дерево с листьями», затем путем обращения «дерево с листьями» превращается в «женщину в подвенечном платье». Во втором случае сначала происходит обращение, а затем разворачивание.

Примеры трансформаций рассматриваемой базисной загадки этим не исчерпываются; но другие примеры ничего не добавили бы к описанным выше структурным принципам. Приведу еще несколько трансформаций, в которых используется «дополнительное» к паре женщина/лиственное дерево сравнение: мужчина/хвойное дерево. Базисная метафора и здесь «дерево подобно человеческому существу».

Трансформация 1; преобразователь «обладание оружием»

(17) *Стоит солдат на холме,
вооруженный сотней мечей. — Хвойное дерево (сосна или ель). 371*

Трансформация 2; преобразователь «воспроизведение»

(18) *Большой человек, голова мохнатая,
все его дети близнецы. — Сосна. 372.*

Интересной трансформацией загадки о женщине, подобной лиственному дереву (12), является следующая «мужская» загадка о хвойных деревьях:

(19) *Голубое покрывало,
лицо покрыто бородой. — Ель. 373.*

Однако в следующей загадке плодovitость женщин берет верх над «мужским началом» вечнозеленого дерева:

(20) *У тысячелетней старухи
каждый год дети. — Сосна и сосновые шишки. 373.*

В данном случае «мужеподобность» пропадает, но одновременно и женщина лишается женственности (букв. tuhannen vuoden vanha amma — «старая тысячелетняя женщина»).

Другие примеры обращения

Загадка (1) «Одна свинья, два рыла. — Плуг» допускает обращение; однако оно возникает лишь в таких трансформациях, в которых имеется не только плуг, но и пахарь:

(21) *Йонас пашет черную землю. — Свинья. 203.*

(22) *Пашет да пашет,
но никогда не сеет. — Свинья. 201/7.*

(23) *Пашет каждую ночь, пашет каждый день, а пива к рождеству не получает.— Свинья. 201/6.*

Упоминание о рождестве связано с тем, что в Финляндии свиней обычно режут на рождество (ветчина — типичное финское рождественское блюдо).

Очевидно, эти загадки основаны на метафоре «рыло свиньи = плуг», что явно выражено в загадке:

(24) *На острие мотыги золотой рубль,
в монете две дырки,
всегда работает как плуг,
летом перепашивает землю.— Свиное рыло. 202.*

Загадка (2) «Инструмент, который лежит на коленях и поет сам по себе.— Ребенок» может быть обращена следующим образом:

(25) *Рожден в лесу,
вырос в глубине лесов,
висит на стене,
поет на коленях.— Кантеле (музыкальный инструмент) 331/1.*

(26) *Рожден в болотах,
вырос на холме,
висит на стене,
поет на коленях.— Кантеле. 337/3.*

(27) *Рожденный в глубине лесов,
выросший в глубине лесов,
кричащий и вопящий
приходит в деревню.— Кантеле. 337/5.*

В этом последнем случае скрытая переменная посылка («ключ») состоит в том, что выросший в лесной глуши ребенок должен быть тих и робок, появляясь в деревне.

(28) *Рос в глубине лесов,
сделан дома,
висит на стене,
кричит на коленях,
поет лютин, лантин (звукоподражание).— Кантеле. 337/6.*

Все загадки о музыкальных инструментах имеют сложную структуру, поскольку используют несколько посылок: кантеле рождено в лесу — ребенок рожден в деревне; кантеле растет, подобно дереву, в лесу, а ребенок растет в деревне; кантеле рождается благодаря искусству мастера, а ребенок — естественным образом; кантеле растет до того, как родится, а ребенок растет после рождения; кантеле висит на стене, а ребенок стоит на полу, и т. д.

Загадка (3) *С маленького неба идет снег.* — Просеивание муки через сито, в основе которой лежит аналогия снегопад/небо = мука/сито, становится сложной в результате замены этой аналогии на «облака»/снегопад = пальцы повара/посыпание мукой» и добавления двух переменных посылок «пять» и «в разгаре лета». Это дает:

(29) *В разгаре лета
идет снег из пяти облаков.* — Приготовление каши. 82/3.

Загадка (3) обращена следующим образом:

(30) *Мука падает в корзину,
повешенную на ветвях дерева.* — Снегопад. 426/5.

(31) *Мука, сыплющаяся всю зиму,
летом становится водой.* — Снег. 425/7.

(32) *Мельники дерутся так, что мука летит.* — Снегопад. 429/33.

Вот еще несколько взаимобратимых метафор:

игла = птица	сосуд = человек
колбаса = змея	мельница = человек
меч = змея	курица = женщина
ножницы = краб	баран = епископ
ножницы = ласточка	волосы = сено

ПРОДУКТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ

Образная часть загадки (или ее близкие варианты) может иметь несколько различных ответов. Но это еще не значит, что ответы загадки случайны. Это показывает лишь, что одни метафоры имеют более широкую сферу употребления, чем другие. Превосходными примерами образов, распространенных в загадках финского фольклора, являются «старуха, сидящая в углу» и «мужчина, входящий в лес». Эти метафоры, рассматриваемые как множества, являются взаимно дополнительными в том смысле, что они содержат противопоставление по полу. Есть, однако, наряду с указанным, другое важное противопоставление в этих загадках — противопоставление по возрасту. Загадки говорят о женщине в пожилом возрасте, как о существе мало подвижном; мужчина же оказывается существом, обладающим наибольшей свободой движений. Эти две метафоры взаимно дополняют друг друга и соответствуют разделению труда согласно полу: труд земледельца, лесоруба, охотника или рыбака является делом мужчины, а работа по дому, уход за домашними животными — это удел женщины.

Старуха с глазами

Здесь и в следующих подразделах я приведу несколько примеров загадок, в которых используется образ старой женщины. Метафорами в них выступают предметы домашнего обихода. Эти предметы, как правило, неподвижны; если же они выходят из состояния покоя, то перемещение их строго ограничивается пределами дома. Эти образы соотносятся со сложившемся представлением о том, что мужчина создан, чтобы двигаться, женщины же, и тем более старухи, — неподвижны, — представлению, отразившемуся в пословицах вроде «Сидит как церковная старуха», т. е. старуха, забота о которой возлагается на крестьянский двор в порядке благотворительности. Есть примерно двадцать пословиц такого рода (см. 26, 133—136).

(33) *Старуха сидит в углу,
сто глаз у нее на лице.* — Сито. 67/5.

(34) *Старуха сидит в углу,
сто глаз у нее на лице.* — Короб из бересты. 167.

Из этой последней загадки при помощи трансформации с преобразователем «движение» образуются другие загадки. Ответы, по-видимому, идентичны, но их нужно интерпретировать, имея в виду противопоставление «в покое» — «в движении».

(35) *Человек входит в лес,
у него на спине сто глаз.* — Короб из бересты. 167/2.

(36) *Человек входит в лес,
сотня глаз смотрит на дом.* — Короб из бересты. 167/1.

(Число «сто», противопоставленное нормальному числу глаз у человека, используется здесь в образном смысле для обозначения очень большого количества. Этот образ часто используется и в других загадках.)

Зубы и рот старухи

В свою очередь, «зияющие» и «кусающие» (т. е. напоминающие рот и зубы) орудия и предметы домашнего обихода описываются в образной части таких загадок:

(37) *Старуха в углу,
сто зубов во рту,
кусает, но не глотает.* — Терка. 74.

(38) Та же образная часть загадки. — Гребень. 146/1.

(39) Та же образная часть загадки. — Чесальный станок. 147/6.

(40) Та же образная часть загадки, но без «кусает». — Чесальный станок 147/7.

(41) Та же образная часть загадки. — Печка. 114/16.

- (42) *Старуха в углу,
сто зубов во рту.— Метла. 143/3.*
- (43) *Старуха сидит на окне,
готовит бобы у себя во рту.— Горшок. 52/14.*

Голова старухи

Здесь, как и в предыдущих примерах, используются метафорические значения частей тела.

- (44) *Старуха сидит в углу,
сотня палок на голове.— Метла. 143/4.*
- (45) *Старуха сидит в углу,
сотня шишек на голове.— Печка. 113/7.*
- (46) *Маленькая Мари с лентой в волосах
все сидит и сидит.— Метла.— 143/6.*

Колени старухи

Метонимические аналогии, лежащие в основе следующих трансформаций, относятся к вещам, которые являются главным предметом загадки. Так, та или иная форма печи, будь это печь в доме или в бане (сауне), становится означаемым; метонимически использованные предметы — это красные горящие угли или черный древесный уголь.

- (47) *Старуха сидит в углу
с блестящими ягодами на коленях.— Очаг и горящие угли. 114/3.*
- (48) *Старуха сидит в углу
с красными ягодами на коленях.— Очаг и горящие угли. 114/4.*
- (49) *Старуха сидит в углу
с черными яйцами на коленях.— Печь в сауне. 188/3.*
- (50) *Старуха сидит в углу
с горшком дегтя в руках.— Печь. 114/15.*

Еще одна соотнесенная пара

Приведенных примеров с продуктивной образной частью загадки вполне достаточно, но мне все же хотелось бы сравнить еще одну из трансформаций уже рассмотренной образной части с ее мужской параллелью.

- (51) *Старуха черная и толстощекая,
старуха толстая и толстощекая
сидит с волосами во рту.— Бутылка водки. 95/1.*
- (52) *Человек идет на медную гору,
проходит заснеженный замок,
доставляет радость вечером
и огорчение утром.— Водка. 95.*

Снова мы видим противопоставление пассивности и активности. Бутылка сравнивается со старухой, а водка, которая течет за губы и зубы и вообще представляет активное начало, становится мужчиной.

Человек входит в лес

В противоположность «пассивным» предметам быта и домашнего обихода, представленным в образе старой малоподвижной женщины, означаемым следующих загадок является оружие или, по крайней мере, движущиеся вещи.

(53) *Человек входит в лес,
его нос царапает небо.— Ружье на плече. 262/2.*

(54) *Человек входит в лес
с выдолбленной сосновой палкой на плече.— Ружье на плече. 262/1.*

В последней загадке (54), как и во многих других загадках этой группы, наблюдается интересная «асимметрия»: так как предметы не могут передвигаться без помощи человека и, следовательно, не пойдут в лес без него, возникает тенденция частичного смешения означающих и означаемых, так что и отгадка содержит хотя бы намек на человека.

Другими означаемыми подобных загадок служат топор, футляр для ножа, сани [13, 170, 169, 288, 289, вариант 7] и тому подобное мужское снаряжение, подвижное и не «домашнее». Следующая загадка является примером частичного слияния образной части и ответа:

(55) *Человек входит в лес,
оставляет за собой две тропинки.— Лыжник входит в лес. 283/2.*

Структурное сопоставление с примерами (53) — (54) показывает, что истинным означаемым является здесь не сам человек, а пара лыж. Аналогично в следующих примерах:

(56) *Старик входит в лес,
бросает позади себя круги.— Следы от лыжных палок. 283/1.*

(57) *Человек идет,
оставляет блюда за собой.— Следы от лыжных палок. 283/2.*

Студент в каждом доме

Еще одна продуктивная образная часть загадки:

(58) *«Тейни» в вашем доме,
«тейни» в нашем доме,
«тейни» во всей деревне.— Печная труба. 122/2.*

Слово *teini* — архаизм в финском языке; так называли студентов, которые во время каникул ходили из дома в дом, собирая продовольствие на предстоящий учебный год или попросту нищенствуя. С точки зрения хозяина дома подобный гость безусловно «вещью неизбежной», на что и указывает означаемое всех этих загадок. Эта точка зрения находит выражение и в поговорке *Стоит как «тейни»* (37, 82). Сама формула слегка варьируется:

- (59) *«Тейни» в вашем доме,
«тейни» в нашем доме.
«тейни» в каждом доме. — Печная труба. 121/1.*
- (60) *«Тейни» в нашем доме,
«тейни» в вашем доме,
«тейни» в каждом доме. — Стенные часы. 141/25.*
- (61) *«Тейни» в вашем доме,
«тейни» в нашем доме,
«тейни» в каждом доме,
в одеждах пророга,
красный колпак на голове,
кричит рано утром,
мстя за плохой ночлег. — Петух. 216/20.*

На финском языке это выглядит так: *teini meillä, teini teillä, teini kaikella kylällä*. Здесь имеются три связанные формы (суффиксы — *lla/llä*), не считая определения *kaikella*, «все, целиком». Это можно перевести по-разному: *meillä* мы перевели выше «в нашем доме», но это слово может также означать «у нас есть» (глагол-связка «есть» в загадках опускается). Поэтому, несмотря на различие в переводе, в следующих загадках, которые являются типичными примерами «монашеских загадок», образная часть имеет ту же структуру, что и выше:

- (62) *У нас он один,
у вас он один,
у всей деревни он один. — Бог. 327/1.*
- (63) *Та же образная часть. — Солнце. 406/28.*
- (64) *У нас их двое,
у вас их двое,
у всей деревни их двое. — Солнце и луна. 413/15.*
- (65) *У нас их пять,
у вас их пять,
у всей деревни их пять. — Окно (когда-то в деревенских домах обычно бывало по пять окон). 110/9.*
- (66) *Нечто черное в нашем доме,*

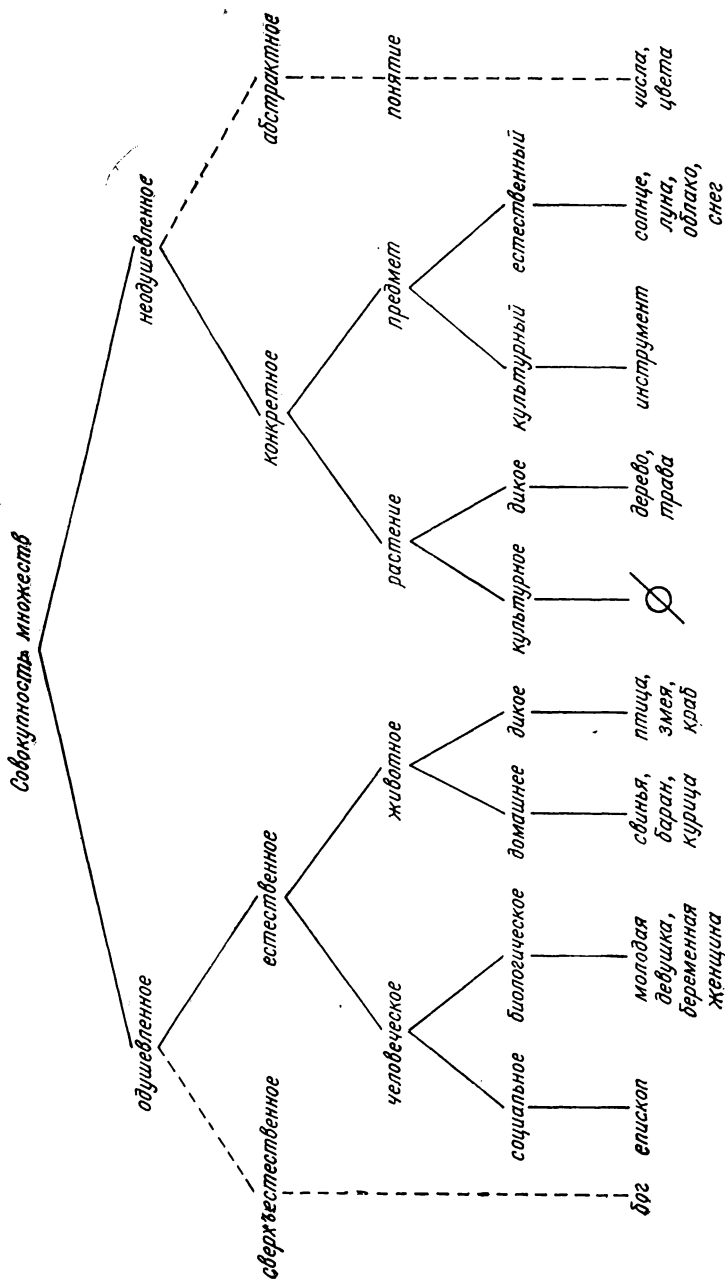
- ничто черное в вашем доме,
ничто черное во всей деревне.* — Горшок. 50/11.
- (67) *Та же образная часть.* — Печь. 113/5.
- (68) *Ничто черное в нашем доме,
ничто черное в вашем доме,
ничто черное во всех деревнях.* — Печь в сауне. 190/16.
- (69) *Каток в нашем доме,
каток в вашем доме,
каток в каждом доме.* — Сани. 289/4.
- (70) *Запруда в нашем доме,
запруда в вашем доме,
запруда в каждом доме.* — Колодец. 181/2.
- (71) *У нас есть это,
у вас есть это — тарелка на конце палки.* — Мутовка для взбивания масла. 72/2.
- (72) *В каждом доме есть маслобойка,
каждый день взбивают масло.* — Колодец. 182/5.

МНОЖЕСТВА, ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ В ЗАГАДКАХ

Общеизвестно, что загадки содержат в себе неожиданности. Самая большая неожиданность состоит в том, что А оказывается не равным А. В этом смысле всякая метафора — это парадокс; но я попытаюсь показать, что загадки-парадоксы принципиально отличаются от загадок-метафор.

После того как было выяснено, что в загадках сочетается несочетаемое, задача состоит в том, чтобы узнать, какие именно множества там сопоставлены. На примере 72 загадок, приведенных выше, можно убедиться, что основное противопоставление в них не *природа — культура*, а *одушевленное — неодушевленное*. Наиболее распространено сопоставление *человек — предмет культуры*. В итоге используемые множества могут быть классифицированы, как это показано на схеме, приводимой ниже (см. с. 272).

Крайние классы, *боги и абстрактные понятия* (числа и цвета) появляются в ограниченном числе загадок, составленных по одной и той же модели (загадки 62—65 — числа, 66—68 — цвет). В примере (62) образной частью служит число, а ответом — бог, это типичная «монашеская загадка». Число является образной частью и в тех случаях, когда дается «метеорологический» ответ, также лежащий в сфере абстрактной мысли. Вот множества, использованные в данной группе из 72 загадок, расположенные в порядке убывания их частоты:

Образная часть загадок	Ответ	Частота
человек	предмет культуры	32
человек	дикое растение	9
дикое растение	человек	8
человек	домашнее животное	4
цвет	предмет культуры	3
предмет культуры	предмет культуры	2
естественный предмет	предмет культуры	2
человек	явление природы	2
явление природы	предмет культуры	2
число	явление природы	2
дикое животное	человек	1
предмет культуры	домашнее животное	1
домашнее животное	предмет культуры	1
предмет культуры	человек	1
предмет культуры	явление природы	1
число	бог	1

72

Человеческие существа и предметы культуры сопоставляются в 33 загадках, человеческие существа и дикое растение — в 17 загадках. Растения никогда не сравниваются с растениями, люди с людьми или животные с животными, но предметы сравниваются с другими предметами в 4 загадках (69—72). Абстрактное понятие не очень подходит для того, чтобы служить элементом метафоры. Это было отмечено еще Квинтилианом в *Institutio Oratoria* (38, кн. VIII, гл. 6), где он различал 4 типа метафор:

1. Один вид живых существ заменяется другим видом живых существ.
2. Один неодушевленный предмет заменяется другим неодушевленным предметом.
3. Неодушевленный предмет заменяется предметом одушевленным.
4. Одушевленный предмет заменяется предметом неодушевленным.

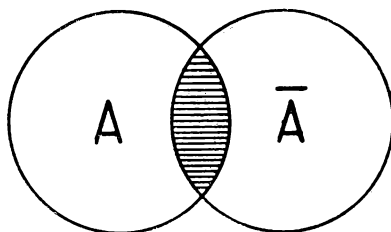
Загадка, которая содержит абстрактные понятия, представляет собой парадокс.

ПАРАДОКС

Загадку-метафору я определила как объединение двух множеств. Парадокс я определяю как пересечение двух множеств. Другими словами, если метафорическая загадка представляет собой объединение двух трюизмов, то загадка-парадокс — опровержение какого-либо трюизма. Вот пример:

(73) Другим дает советы,
а сам ничего не знает. — Дорожный знак. 295.

Трюизм сказал бы: тот, кто знает (A), функционирует как A (fa). Загадка-парадокс говорит: тот, кто не знает ($\bar{A}$), функционирует как A (fa). Загадку-парадокс схематически можно изобразить так:

Вот еще несколько примеров сходных загадок:

- (74) Без ума, без языка,
один на весь свет. — Календарь. 342/1.
- (75) Без рта, без души,
знает звезды,
предсказывает дождь. — Календарь. 342/2.
- (76) Что это такое
голова отрезана,
сердце вырвано,
а служит королю, короне,
епископу, священнику, чиновнику
и маленькому студенту? — Перо для письма. 342/1а.
- (77) Моя голова отрезана,
мои внутренности вырваны,
мои губы расщеплены,
я вызываю войну,
я устанавливаю мир,
я служу королям и господам. — Перо для письма.
342/3.
- (78) Мать и отец привели меня на луг и там оставили;
вот какова моя мать, вот каков мой отец. Они
пришли и забрали меня в город и во все деревни стра-
ны. Мужчины пользуются мной, женщины поль-
зуются мной. Мир и война приходят со мной, без
меня не крестят детей, без меня ни одна невеста
не может выйти замуж. — Перо для письма. 342/4.
- (79) Я из мяса и костей, нет ни мяса, ни костей во мне,
я принес почет многим людям, я обесчестил многих
людей, я многих людей свел в могилу. — Перо для
письма. — 343/7.

Метафора, о которой шла речь в предыдущем разделе, представляет собой сравнение двух различных вещей, противопоставленных, но сходных по структуре и, особенно часто, по внешней форме. Парадокс — это сравнение двух вещей, сходных только по одной функции. Парадокс основан на «подфункциях» или на функциях, включающих подфункции; метафора показывает, что участвующие в ней множества в сущности являются элементами большего множества. Так, метафора дерева говорит о том, что люди и деревья (или другие растения) суть подмножества большего множества, именно множества всех «живых» (или «растущих») вещей. В трансформациях этой базисной метафоры появляются другие функции, цель которых — соединить два противопоставленных множества (функции «плодовитость», «размножение», «зависимость порожденного от порождающего» и «смерть»).

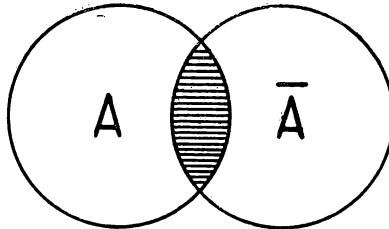
Загадка-парадокс не допускает трансформаций, так как нет другой функции, объединяющей два объекта, кроме той, которая используется в исходной загадке.

Следовательно, в то время как метафора допускает трансформации типа $(f_a A = f_b B) \rightarrow (f_{a_1} A = f_{b_1} B) \rightarrow \dots$
 $\dots (f_{a_n} A = f_{b_n} B)$, парадокс может быть только структурой вида $f_a (A \cap \bar{A})$.

Причина, по которой парадокс не может быть продуктивным в том же смысле, что метафора, состоит в том, что другое множество определяется только одной-единственной функцией. Так, в загадке:

(80) *Зубы есть,*
а ничего не ест. — Гребень. 48/8

первое множество — «вещи с зубами (зубьями)» (A), второе — «вещи, которые не едят» ($\bar{A}$). Возможно только одно пересечение этих множеств:

То же самое и в загадке (73) — «Другим дает советы, а сам ничего не знает. — Дорожный знак», — где ко второму множеству принадлежат «объекты, не обладающие знанием».

ЦЕПНЫЕ ЗАГАДКИ

Следующая загадка не является сложной (в описанном выше смысле), поскольку на каждый вопрос здесь дается свой ответ:

- (81) *Что бежит без ног? — Часы;
 Что летает без крыльев? — Пуля;
 Что плавает без плавников? — Парусное судно;
 Что кричит без горла? — Орган;
 Что ест безо рта? — Солнечный зной;
 Что бьет без рук? — Часы;
 Что отвечает без языка? — Эхо. 143/41.*

Вопросы даны вместе только потому, что они тождественны в структурном плане; единственная формальная связь между ними — это *suō*, *yuō* («ест», «бьет» и т. д.).

Если верно, что различные звенья этой цепной загадки фактически независимы, то мы должны были бы найти их в изолированном виде. И действительно такие загадки существуют. Они приводятся в соответствующем порядке.

- (82) *Без пальцев показывает,
 без рук бьет,
 без ног бежит. — Часы. 140/18.*
- (83) *Без крыльев летает,
 без зубов убивает. — Пуля. 262/1.*
- (Нет загадки для парусного судна).
 Нет загадки для органа).
- (84) *Без рта пожирает,
 без рук убивает. — Солнечный зной. 409/14.*
- (Для второй загадки о часах — пример 82).
- (85) *Безо рта и без языка говорит,
 без ушей и без слуха слышит,
 знает все языки на свете,
 его рот отвечает быстро,
 вы не сможете его увидеть,
 вы не сможете его настигнуть. — Эхо. 473/2.*

Последняя загадка противоречит самой себе, так как в ее образной части в одно и то же время есть рот и нет рта. Следующая загадка более «корректна»:

- (86) *Не имеет ни души, ни тела,
 но может говорить и отвечать. — Эхо. 438/3.*

Как видно из примеров (82) — (86), элементы загадки (81) действительно независимы и допускают развертывание. Подчеркнем еще раз разницу между загадками-парадоксами и загадками-метафорами: в парадоксах мы имеем, так сказать, «антиметафору»: они не используют никаких ссылок на конкрет-

ную форму, видимую и осязаемую. Поэтому образная часть загадки благодаря трансформации не становится более понятной, напротив — она выхолащивается, так как любая добавленная функция отрицает существование метонимического элемента, связанного с этой функцией.

БОЛЕЕ А, ЧЕМ САМО А

- (87) *Что нежнее нежности?* — *Материнские колени.* 26/2.
 (88) *Что тяжелее тяжести?* — *Смерть.* 33/8.
 (89) *Что легче легкости?* — *Мысль.* 37/7.
 (90) *Что светлее света?* — *Солнце в зените.* 410/24.
 (91) *Что слаще сладости?* — *Материнское молоко.* 26/3.
 (92) *Что круглее круга?* — *Звезда.* 416/6.
 (93) *Что круглее круга?* — *Солнце.* 407/37.
 (94) *Что жарче жары?* — *Солнце.* 407/41.
 (95) *Что чернее черноты?* — *Горе.* 35.
 (96) *Чернее черноты,*
белее белизны. — *Душа человеческая.* 35.
 (97) *Что вкуснее вкусного?* — *Соль.* 92/5.

У всех этих загадок (а в список включены образцы всех типов загадок, представленных в собрании) ответ более или менее абстрактный, а образная их часть имеет следующую языковую структуру: «что + сравнительная степень прилагательного + само это прилагательное или соответствующее существительное». Кроме того, многие прилагательные указывают на качества, которые не могут быть выражены в большей или меньшей степени; если бы такие качества были найдены, они выражались бы при помощи других прилагательных (подобно тому как теплый «меньше», чем жаркий, а серый «меньше», чем «черный»). В загадках речь идет о крайних случаях, что и подчеркивается посредством сопоставления «чернее черноты — белее белизны». Здесь так же, как, по-видимому, во всех парадоксах, используется тот факт, что множество черных вещей, по определению, включает в себя все черные вещи. Но множество черных предметов не включает в себя предметы, которые являются черными только иносказательно, такие, как горе, грех, преступление и т. д. Ответ на вопрос находится именно в сфере иносказания. Хотя структура все еще остается той же, что в примере с «советчиком, который ничего не знает» (73), данный случай заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь речь идет о моделях наиболее компактных. Для них есть эквиваленты среди пословичных изречений, но эти изречения настолько лаконичны, что вызывают сомнения, могут ли они вообще быть причислены к названному жанру. Я приведу некоторые из них:

Материнское сердце нежнее шерсти [37, 175].

Сладкий, как молоко.

Сладкий, как птичье молоко [26, 352].

Круглый, как луна [26, 628].

В соответствующих загадках мы имеем дело с наиболее простой формой парадокса или, по крайней мере, с формой, сравнимой с другими простейшими формами. Вот с какой структурой мы здесь встречаемся:

Термины		Посылки		
		Постоянная	Переменная	
Явные	Предметы	черный	метафорический	Образная часть
Скрытые	грех (понятие)		буквальный	Ответ

В финской фольклорной традиции парадокс встречается как в пословицах, так и в загадках. Кууси изучал некоторые финские пословичные парадоксы (см. 25), взяв за основу своего анализа определение, данное парадоксу С. Лангер, которая рассматривала его как утверждение, противоположное логике, показывающее нам, что бессмыслица имеет смысл и что в противоречии есть логика. Сделаем выборку из каждой группы примеров, приведенных Кууси [25, 60—64].

Плохо быть тем, кто получает жалованье, плохо быть тем, кто выдает жалованье.

Появление жизни (рождение) — трудное дело, исчезновение жизни (смерть) — трудное дело.

Люди совершают ошибки, люди исправляют ошибки.

Плохое — для чего-то хорошо.

Даже находясь в центре, бедный человек находится на окраине.

Даже тепло зимы — холод.

Воскресенье — рабочий день для священника.

Пьянство (himala) — бог (jumala) пьяницы.

Земля (multa) — золото (kulta) земледельца.

Заслужил имя лентяя, хотя ничего не делал.

По Кууси: «Парадоксально утверждать, что самое маленькое есть самое большое, что самое дешевое — это то, что имеет наибольшую ценность, и т. д. Формула сравнения „лучше X,

чем У^а дает жизнь множеству подобных неожиданных эффектов» [25, 64].

Примеры, которые Кууси дает для формулы «лучше X, чем У», следующие:

Лучше свое худо, чем чужое добро.

Лучше вода от брата, чем суп от незнакомца.

Лучше иметь воду под подошвой на своей собственной земле, чем на чужой земле мед, льющийся из золотой чаши.

Лучше немного полученного, чем много обещанного.

Лучше одна куропатка в руках, чем две на ветке.

Лучше окунь в бочонке, чем щука в озере.

Лучше ложка в кармане, чем перо на шляпе.

Лучше пойти в церковь в дождь, чем в ад, когда солнце в зените.

Лучше пройти мило в обход, чем сделать один опасный шаг.

Лучше худой мир, чем толстая (т. е. большая) ссора.

Лучше горсть чести, чем подол срама.

Лучше хороший совет, чем плохой поступок.

Лучше неделя размышлений, чем день напрасной работы.

Лучше совсем простое, чем плохо украшенное.

Эти примеры Кууси («лучше X, чем У») включают в себя больше, чем позволяет его собственная формула. Там, где было бы сказано «Лучше суп, чем вода», парадокс утверждает: «Лучше вода от брата, чем суп от незнакомца» — т. е. приемлемая (желательная) функция низшего объекта больше (лучше), чем неприемлемая (нежелательная) функция высшего объекта; или в виде формулы:

$$f_{a\bar{A}} > f_{\bar{a}A}$$

Пословичный парадокс отличается от парадокса загадки тем, что он выражает определенное ценностное суждение, но в принципе оба парадокса разоблачают триумф.

ЗАГАДКИ И ПОСЛОВИЦЫ

Загадки и пословицы очень близки по форме: оба жанра кратки и компактны, оба используют архаические структуры фразы (в финской — это эллипсис, бессоюзие и «поэтическая тавтология»). Но можно показать, что отношения между загадкой и пословицей идут гораздо дальше сходства формы. Приведу пример:

(98) *Пирог, с виду приятный,
набит соломенной сечкой. — Плохой человек. 38.*

Образную часть этой загадки часто используют в современном финском языке, но всегда в форме пословицы: *Пирог с виду хороши, а внутри — соломенная сечка*. Практически образная часть загадки и пословица являются тождественными означающими, и их означаемые также тождественны, а разница лишь в том, что в случае пословицы означаемое понятно из контекста. Когда приводят пословицу, чтобы отметить, что видимость может быть обманчивой, возникает ситуация, в некотором смысле противоположная загадыванию загадки: «ответ» — означаемое — заранее задан (например, человек, о котором идет речь), и пословица дает краткое адекватное определение этого означаемого. В случае с загадкой последовательность обратная: сначала предлагается вопрос (в качестве означающего), ответ на который (т. е. означаемое) должен быть назван. Иначе говоря, пословица — это «образ», или означающее, возникающее в контексте, предполагающем определенное означаемое, тогда как загадка — это означающее, для которого означаемое должно быть найдено и названо. Единственное действительное различие состоит в том, что означаемое пословицы не может быть — и обычно и не является — таким же относительно недвусмысленным и определенным, как означаемое загадки².

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Aarne Antti. Arvoitusten tutkimisesta («The study of riddles»), 1916. Reprinted in J. Hautala and M. Kuusi, eds., *Tutkijain perintö* («The legacy of scholars»), Tietolipas 14, Helsinki, SKS, 1958.
2. Aarne Antti. Vertailevia arvoitustutkimuksia («Comparative riddle studies»). Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja 34. Helsinki, Société Finno-Ougrienne, 1917.
3. Aarne Antti. Vergleichende Rätselforschungen, 1—3. FFG № 26—28. Helsinki, Academia Scientiarum Fennica, 1918—1920.
4. Aarne Antti and Stith Thompson. *The Types of the Folktale* (second revision). FFC № 184. Helsinki, Academia Scientiarum Fennica, 1951.
5. Aristotle. *On the Art of Poetry*. Translated by Ingram Bywater. Oxford, Oxford University Press, 1954.
6. Chomsky Noam. *Syntactic Structures*. Hague, 1957.
7. Chomsky Noam. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Mass., Institute of Technology Press, 1965.
8. Christiansen Reidar. *Myth, Metaphor and Simile*. — T. A. Sebeok, ed., *Myth: a Symposium*. Bloomington, Indiana University Press, 1958, c. 39—49.
9. Colby Benjamin N. *Cultural Patterns in Narrative*. — «Science», 151, 1966, c. 793—798.
10. Colby Benjamin N. *The Analysis of Culture Content and the*

² Следующий за этим (последний) раздел работы, посвященный стилю загадок, и связанное с ним небольшое Заключение в русском переводе опущены.

- Patterning of Narrative Concern in Texts.— «American Anthropologist», 68, 1966, c. 374—388.
11. Georges Robert A. and Dundes Alan. Toward a Structural Definition of the Riddle.— «Journal of American Folklore», 76, 1963, c. 111—118.
  12. Greimas A. Julien. Sémantique structurale. Paris, Larousse, 1966.
  13. Haavio Martti and Jouko Hautala, eds. Suomen kansan arvoituskirja («Book of riddles of the Finnish people»). Helsinki, WSOY, 1946.
  14. Hakulinen Lauri. The Structure and Development of the Finnish Language. Uralic and Altaic Series, 3. Research Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics, Indiana University, Bloomington, 1961.
  15. Hart Donn V. Riddles in Filipino Folklore: an Anthropological Analysis. Syracuse, Syracuse University Press, 1964.
  16. Hautala Jouko. Suomalaisten arvoitusten julkaisemisen ja tutkimuksen historiaa («The History of the Publishing and Study of Finnish Riddles»).— «Kalevalaseuran Vuosikirja», 25—26, 1946, c. 96—126.
  17. Hautala Jouko. Suomalainen kansanrunoudentutkimus («Finnish folklore scholarship»). Helsinki, SKS, 1954.
  18. Hautala Jouko. The Folklore Archives of the Finnish Literature Society.— «Studia Fennica», 7, 1957, c. 1—36.
  19. Jakobson Roman. Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances.— R. Jakobson and M. Halle. Fundamentals of language. The Hague, 1956, c. 55—82.
  20. Jolles André. Einfache Formen. Halle, Niemeyer, 1930.
  21. Königäs Maranda Elli. Finnish-American Folklore: Quantitative and Qualitative Analysis. Ann Arbor, University Microfilms, 1963.
  22. Königäs Maranda Elli. The Cattle of the Forest and the Harvest of Water.— J. Helm, ed. Essays on the Verbal and Visual Arts. Proceedings of the 1966 Annual Meetings of the American Ethnological Society. Seattle, University of Washington Press, 1966.
  23. Königäs (Maranda) Elli and Maranda Pierre. Structural Models in Folklore.— «Midwest Folklore», 12, 1962, c. 133—192.
  24. Korhola Leena. Suomalaisista sateenkaariarvoituksista («On Finnish rainbow riddles»).— «Kalevalaseuran Vuosikirja», 41, 1961, c. 321—334.
  25. Kuusi Matti. Kansanparadokseista («About folk paradoxes»).— «Kalevalaseuran Vuosikirja», 42, 1962.
  26. Kuusi Matti, ed. Suomen kansan vertauksia («Finnish similes»). Helsinki, SKS, 1960.
  27. Kuusi Matti, ed. Suomen kirjallisuus, I: Kirjoittamaton kirjallisuus («Finnish literature, I: Unwritten literature»). Helsinki, SKS and Otava, 1963.
  28. Langer Susanne K. An Introduction to Symbolic Logic. New York, Dover, 1937.
  29. Leach Edmund R. Political Systems of Highland Burma. Cambridge, Harvard University Press, 1954.
  30. Leach Edmund R. Anthropological Aspects of Language: Animal Categories and Verbal Abuse.— E. H. Lenneberg, ed. New Directions in the Study of Language. Cambridge, Mass., Institute of Technology Press, 1964.

31. Leach Edmund R. Reprint of 1954. London, 1964.
32. Lévi-Strauss Claude. The Structural Study of Myth.— T. A. Sebeok, ed. Myth: a Symposium. Bloomington, Indiana University Press, 1955 (Revised as Ch. 11 of 1958).
33. Lévi-Strauss Claude. Anthropologie structurale. Paris, 1958 (English translation: Structural Anthropology. New York, Basic Books, 1963).
34. Lévi-Strauss Claude. Mythologiques II: Du Miel aux cendres. Paris, 1966.
35. Maranda Pierre. Computers in the Bush: Tools for the Automatic Analysis of Myths.— J. Helm, ed. Essays on the Verbal and Visual Arts. Proceedings of the 1966 Annual Meetings of the American Ethnological Society. Seattle, University of Washington Press, 1967.
36. Maranda Pierre. Formal Analysis and Intra-cultural Variation.— «Social Science Information», 1967.
37. Nirvi Ruben E. and Lauri Hakulinen. Suomen kansan sananparsikirja (Finnish proverbs). Helsinki, WSOY, 1953.
38. Quintilianus. Institutio oratoria. Translated by H. E. Butler. Cambridge, Harvard University Press, 1953.
39. Saussure Ferdinand De. Cours de linguistique générale. Paris, 1916 (Translated by Wade Baskin. Course in General Linguistics. New York, Philosophical Library, 1959).
40. Scott Charles T. Persian and Arabic Riddles: a Language-centered Approach to Genre Definition. Supplement.— «International Journal of American Linguistics», 31; pt II, 1965.
41. Siukonen Leena. Antti Aarne arvoitusten tutkijana («Antti Aarne as a student of riddles»).— «Kalevalaseuran Vuosikirja», 32, 1952.
42. Sturtevant Edgar H. An Introduction to Linguistic Science. New Haven, Yale University Press, 1960.
43. Taylor Archer. English Riddles from Oral Tradition. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1951.
44. Toivonen Yrjö H. Suomen kielen etymologinen sanakirja («Etymological dictionary of the Finnish language»). Helsinki, Société Finno-Ougrienne, 1955.
45. Virtanen Leea. Arvoitus ja sen tehtävä («Riddle and Its function»).— J. Hautala, ed. Jumin keko, Tietolipas 17. Helsinki, SKS, 1960.
46. Vuorela Toivo. Kansatieteensanasto («Ethnological dictionary»). Helsinki, SKS, 1958.

Ю. И. Левин

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗАГАДКИ *

С семантической точки зрения загадку можно определить как текст, денотатом которого служит некоторый объект, в самом этом тексте явно не названный.

Если ограничиться приведенным определением, то к загадкам следует отнести, например, перифразы, многие метафоры, а также выражения вида «2 + 3» или «множество точек, равноудаленных от данной точки». Добавим поэтому к определению загадки, что с прагматической точки зрения функцией этого текста является побудить адресата назвать объект-денотат (это избавит нас от рассмотрения перифраз и метафор в качестве загадок) и что этот текст не должен исчерпывающим образом описывать объект (это исключает из класса загадок тексты типа «2 + 3» или статьи в толковых словарях).

Загадка представляется в высшей степени благодарным объектом семиотического исследования. Прежде всего, сознательная зашифрованность отношения знака (текста загадки) к денотату (отгадке), являющаяся принципом существования загадки, дает повод для изучения общесемиотической проблемы отношения знака к денотату. Представляя собой намеренно трансформированное описание реальности, загадка дает возможность поставить вопрос о принципах художественного преобразования действительности и рассмотреть его на простейшем примере такого преобразования. Такие внешние обстоятельства, как малый объем загадок и наличие большого массива их, облегчают исследование и делают его более перспективным (давая, например, возможность использовать статистические методы).

Загадка, далее, представляется объектом, на котором с наибольшим успехом могут быть опробованы методы формального описания семантики. Более того, напрашиваются попытки «алгоритмизации» такой семантической процедуры, как отгадыва-

---

* Статья перепечатана из сборника «Семиотика. Труды по знаковым системам, VI». Тарту, 1973 (Уч. зап. ТГУ, вып. 308).

ние загадки. Однако ближайшее рассмотрение материала показывает чрезмерную оптимистичность такой точки зрения. Именно на примере загадки можно явственно усмотреть все своеволие человеческого мышления, в частности языкового, и его нежелание укладываться в определенные рамки и рубрики. И хотя в работе мы предпринимаем попытки некоторой формализации семантики загадок, однако уже здесь хотим оговорить, что вполне отдаем себе отчет в несовершенстве этих попыток. Чисто формальный подход резко огрубляет истинное положение вещей и, в лучшем случае, проходит для того или иного достаточно узкого класса загадок; попытки же более или менее адекватно описать семантику достаточно широкого класса загадок сразу становятся неформальными. По видимости простой объект оказывается при ближайшем рассмотрении весьма сложно устроенным и с трудом поддается не только углубленному изучению, но даже и простой классификации.

В статье три части. Первая из них посвящена синтезу загадки, вторая — ее внутренней структуре, третья — процедуре отгадывания. Материалом служили нам тексты из наиболее полного свода русских загадок: Загадки. Л., 1968.

Подчеркнем, что предметом статьи является формальная семантическая структура загадки, рассматриваемой как замкнутый в себе текст, в отвлечении от всех прагматических (бытование загадки) и диахронических моментов. Выходит за рамки статьи и рассмотрение «субстанции содержания» загадок, хотя построение семантического словаря загадок (т. е. каталога объектов и образов, используемых в загадках) и изучение его состава и структуры представляло бы несомненный интерес.

1. СИНТЕЗ ЗАГАДКИ

1. Введение

Чаще всего загадка представляет собой неполное и/или искаженное (трансформированное, метафорическое) описание загаданного объекта. Поэтому при синтезе загадки естественно исходить из (неискаженного) описания объекта. В самых общих чертах путь синтеза загадки представляется в следующем виде:

Загаданный объект → его описание → текст загадки.

Процедурой перехода из объекта к его описанию мы заниматься не будем, исходя из того, что каждый человек может описать более или менее точно и полно любой знакомый ему объект.

Что же касается преобразования описания в текст загадки, то мы оставим в стороне собственно языковую сторону этого

процесса, так что в результате преобразований элементов описания у нас будет получаться, строго говоря, не сам текст загадки (с его фонетическими, метрическими, грамматическими и т. д. особенностями), а, скорее, ее семантическая схема, еще подлежащая языковому оформлению.

2. Описания и их элементы

Мы будем пользоваться следующими обозначениями:

П — загаданный (описываемый) объект,
 а, в... — его свойства (признаки, действия, состояния),
 А, В... — его части (сегменты),
 г, г₁... — отношения (между частями объекта П или самого объекта к другим объектам).

Простейшие описания имеют следующий вид:

- 1) П: а, в... (объект П обладает свойствами а, в,...),
- 2) П: А, В... (объект П включает в себя сегменты А, В,...),
- 3) П = АгВ или П = Аг₁Вг₂С и т. д. (объект П состоит из частей А и В, находящихся в отношении г, и т. д.).

Возможны и смешанные описания, например, П: а, в, А или П = АгВ, а.

Для большей дифференцированности описаний нам понадобятся еще такие обозначения:

К, L,... — «другие» объекты (т. е. отличные от П и его сегментов),
 α, β,... — условия (обстоятельства),
 м, n,... — определенные числа,
 р — много.

Эти и ранее введенные символы используются в следующих сочетаниях:

...аК — ...производит действие а над объектом К,
 ...гК — ...находится в отношении г к объекту К,
 ...αа — ...в условиях α обладает свойством а,
 mA — m экземпляров сегмента А,
 pA — много экземпляров сегмента А,
 Aa (или Ka) — сегмент А (или объект К) обладает свойством а.

Условимся, что сочетания гК и αа синтаксически эквивалентны а (т. е. могут заменять а в составе описания), а mA, pA, Aa синтаксически эквивалентны А. Таким образом, элементами описания, наряду с А, могут быть Aa, АгК, (Aa)гК, или, наряду с АгВ — (Аг₁К) г(mB) и т. д.

Примеры описаний:

- 1) стол: стоит на полу, деревянный, его покрывают скатертью (П: г₁К, а, г₂L)

- 2) стол: имеет 4 ножки (П: mA)
 3) стол = горизонтальная деревянная доска, положенная на 4 ножки (П = (Aa, b)г (nB)).

3. Преобразование элементов описания

Каждый элемент описания в процессе синтеза может преобразовываться. Мы будем рассматривать следующие типы преобразований (λ означает любой элемент описания).

$\lambda \rightarrow \lambda$ — тождественное преобразование,

$\lambda \rightarrow \Delta$ — аннулирование,

$\lambda \rightarrow [\lambda]$ — замена произвольным,

$\lambda \rightarrow \bar{\lambda}$ — замена сходным, в том числе:

$\lambda \rightarrow \tilde{\lambda}$ — переход к другому виду того же рода,

$\lambda \rightarrow \tilde{\tilde{\lambda}}$ — конкретизация (переход от рода к виду),

$\lambda \rightarrow \hat{\lambda}$ — обобщение (переход от вида к роду),

$\lambda \rightarrow \lambda'$ — переход к другому значению того же слова.

Следующие разделы (п. 4—7) посвящены преобразованиям отдельных элементов описания.

4. Преобразования П

- 1) П $\rightarrow$ Δ (загаданный объект вообще никак не назван):

Стучится, вертится, никого не боится (Часы);

Красна, в землю вросла (Свекла);

Без рук, без ног богу молится (Зыбка);

Красна, да не девка, зелена, да не дубрава (Морковь);

Два брюшка, четыре рожка (Подушка);

- 2) П $\rightarrow$ [П] (загаданный объект заменен произвольным, безразличным):

Сидит дева, как береза бела (Редька);

Горбатый кот бабе плечи трет (Коромысло);

Варвара выше амбара (Скворечня).

Наиболее «безразлична» замена именем собственным; следующую ступень «безразличия» — замену местоимением (*Я красна — не девица... (Морковь)*), особенно вопросительным (*Кто дом стережет? (Замок)*), — следует скорее отнести к аннулированию.

- 3) П $\rightarrow$ $\bar{П}$ (замена сходным объектом). Это может быть сходство по форме (радуга $\rightarrow$ коромысло, месяц $\rightarrow$ тарелка, лукошко, блин), по материалу (коромысло $\rightarrow$ лес), по функции (замок $\rightarrow$ собачка), по цвету или вообще по внешнему виду и т. д.

Наиболее обычный случай такого преобразования можно представить следующим образом:

$$\begin{array}{c} \Pi: a, \dots \\ \swarrow \quad \searrow \\ \bar{\Pi}(a), \end{array}$$

где $\bar{\Pi}(a)$ — объект, сходный с Π по признаку a . При этом само a может аннулироваться (*Гибкий лес на плечи залез*, где Π = коромысло, a = деревянное, $\bar{\Pi}(a)$ = лес) или же остаться в составе загадки (*Маленькая собачка... в дом не пускает*, где Π = замок, a = охраняет дом, $\bar{\Pi}(a)$ = собачка).

Отметим, что резкой границы между $\Pi \rightarrow [\Pi]$ и $\Pi \rightarrow \bar{\Pi}$ нет: например, в загадке *Стоит кошка о четыре ножки (Скамейка)*, кошка ($[\Pi]$ или $\bar{\Pi}$) не имеет почти ничего общего с Π , но все же указанная в загадке «четырёхногость» является признаком сходства.

Само собой разумеется, что тождественному преобразованию Π подвергаться не может.

5. Преобразования А, m, p, K

- 1) $A \rightarrow A$: *Четыре ноги, да не зверь; есть перья, да не птица (Кровать*с периной)*;
- 2) $A \rightarrow \Delta$ (только в сочетании с a , т. е. $Aa \rightarrow \Delta a$): *Красна, да не девка, зелена да не дубрава (Морковь)*;
- 3) $A \rightarrow A'$ (преобразование, основанное на многозначности слова): *Шесть ног, две спины, одна голова (Человек на стуле)*;
- 4) $A \rightarrow [A]$ (обычно в сочетаниях $Aa \rightarrow [A]a$ или $nA \rightarrow n[A]$): *Мать толста, дочь красна... (Печь и огонь)*; *Два Анисима, четыре Максима, седьмая Софья (Стул)*;
- 5) $A \rightarrow \bar{A}$: *Лошадь в ограде, хвост на горе (Свекла)*; *Три девицы под одним зонтиком стоят (Лохань)*.

Вспомогательные элементы m и p , сочетающиеся с A , допускают следующие преобразования:

$m \rightarrow m$: *Два брюшка, четыре рожка (Подушка)*;

$p \rightarrow p$: *Четыре уха, а перьев не сосчитать (Подушка)*;

$p \rightarrow \bar{p}$ (много $\rightarrow$ определенное число): *Антипка низок, на нем сто ризок (Лук)*.

«Посторонние» объекты K преобразуются так же, как и A ; лишь $K \rightarrow \Delta$ и $K \rightarrow K'$ не встречаются, и количественно резко преобладает $K \rightarrow K$ (например, *Сама в з е м л е, коса снаружи (Свекла)*).

6. Преобразования г

Отношения — а чаще всего в загадках используются пространственные отношения — обычно либо преобразуются тождественно, либо конкретизируются.

- 1) г → г: *Сверху зелено, посередке толсто, под конец тонко (Редька);*
Стоят вилы, на вилах короб, на коробе шарик... (Человек);
Баран в хлеву, рога за хлевом (Свекла; речь идет об отношении целого и части);
- 2) г → $\tilde{г}$: *Голубое поле серебром у с ы п а н о (Небо и звезды);*
Маленький, горький, луку б р а т (Чеснок);
Красная деvушка с и д и т в горенке (Морковь).
 Реже встречаются другие преобразования, например,
- 3) г → $\bar{г}$: *Без рук, без ног, а рубашку п р о с и т (Подушка;*
нуждается в... → просит).

7. Преобразования а

- 1) а → а: *Маленький горький, луку брат (Чеснок);*
Стоит кошка о четыре ножки (Скамейка);
Черен, да не ворон (Чугун);
- 2) а → а': *Красна, да не девка... (Морковь),*
Нет ни рук, ни ног, а идет (Дождь);
- 3) а → $\tilde{а}$: *Без рук, без ног богу молится (Зыбка) (колеблется → богу молится);*
...красный колобок по платку катается (Солнце)
(движется → катается);
- 4) а → $\bar{а}$: *На всех зла и всем мила (Редька) (горькая → злая).*

Заметим, что если для признаков, относящихся к П, допустимы все перечисленные преобразования, то для признаков, относящихся к сегментам (т. е. в сочетаниях Аа), используются почти исключительно тождественные преобразования.

8. Преобразование целого

При синтезе загадок удобно исходить из достаточно полного описания загаданного объекта ¹. Особенно наглядно это прояв-

¹ Заметим, что в описание могут входить более или менее случайные или факультативные признаки объекта; например, в описание чугуна — что он валяется под лавкой (медвежья голова по подлабочью валяется), или в описание коромысла — что по воду ходят утром (ни свет ни заря пошел горбатый со двора).

ляется при рассмотрении целого семейства загадок с общей отгадкой.

Рассмотрим, например, загадки о моркови. При их синтезе можно исходить из следующего описания:

Морковь = плод (основная часть) — красный, с хвостом, растет,

          П   А   a₁   a₂   a₃

находится в земле; ботва — зеленая, растрепанная, ее обрывают,

          r₁   K   B   b₁   b₂   b₃

находится над землей.

          r₂   K

Схема описания: $\Pi = (Aa_1, a_2, a_3, r_1 K) r (Bb_1, b_2, b_3, r_2 K)$, где r — отношение основной части к второстепенной.

Вот различные преобразования этого описания, соответствующие разным загадкам (результаты аннулирования записываем не всегда):

- $(\Delta r_1 K) r (\bar{B} r_2 K)$: Сама в земле, коса снаружи;
- $(\Delta r_1 \bar{K}) r (\bar{B} r_2 \bar{K})$: Сама в темной горнице, а коса на улице;
- $([A] \tilde{r}_1 \bar{K}) r (\bar{B} r_2 \bar{K})$: Сидит девка в темнице, а коса на улице;
- $([A] a'_1, \tilde{r}_1 \bar{K}) r (\bar{B} r_2 \bar{K})$: Сидит красна девица в темной темнице, коса на улице;
- $[A] a'_1, \tilde{r}_1 \bar{K}$: Красная девушка сидит в горенке;
- $([A] a'_1, a_3, r_1 \bar{K}) r (\bar{B} b_3)$: Красная девица росла в темнице, люди в руки брали, косы срывали;
- $\Delta a_1, a_3, r_1 K$: Красна, в землю вросла;
- $\Delta a'_1, a_2$: Красна (да не девка), хвостовата (да немышь);
- $(\Delta a'_1) \Delta (\Delta b_1)$: Красна (да не девка), зелена (да не дубрава);
- $[A] r (\bar{B} b_2)$: Сидит Федосья, растрепаны волосы
и т. д.

Если исходить из такого достаточно полного описания, то синтез загадки можно представить как случайный процесс — в том смысле, что отдельные элементы описания преобразуются практически независимо друг от друга, и притом случайным образом: одни аннулируются, другие преобразуются тождественно, третьи подвергаются иным преобразованиям. При этом на

преобразования и их сочетаемость не накладывается почти никаких ограничений, кроме некоторых очевидных, каковы, например,

1) запрещение преобразований $\Pi \rightarrow \Pi$ и $\Pi \rightarrow \Pi'$;

2) запрещение одновременного тождественного преобразования всех элементов правой части описания;

3) запрещение совокупности преобразований, состоящей только из $\lambda \rightarrow \Delta$ и/или $\lambda \rightarrow [\lambda]$ (если все преобразуется по $\lambda \rightarrow \Delta$, то не остается ничего; если все описание преобразуется по $\lambda \rightarrow [\lambda]$, или если часть описания — по $[\lambda]$, а остальное — по Δ , то получаем преобразованное описание, не имеющее ничего общего с исходным).

О некоторых других ограничениях, имеющих уже не безусловный, а лишь вероятностный характер, см. выше в п. 5—7, а также ниже, в III.

9. Замечания о классификации загадок

Рассмотренный материал показывает всю затруднительность построения удовлетворительной классификации загадок, даже если ограничиться лишь загадками рассмотренного типа и не обращаться к разного рода «экстранормальным» загадкам. Ограничимся несколькими замечаниями.

Загадки можно классифицировать по типу исходного описания, независимо от характера преобразований. В соответствии с тремя типами описаний, введенными в п. 2, выделяются:

а) «признаковые» загадки — полученные из описаний вида Π : а, б, ..., гК, ... (*Маленький, горький, луку брат (Чеснок); В воде родится, а воды боится (Соль)*);

б) «сегментные» загадки — полученные из описаний вида Π : А, В, ... или Π : Аа, Вв, ... или Π : пА, мВ, ... и т. д. (*Четыре уха, а перьев не считать (Подошкa)*);

в) «сегментно-структурные» загадки — полученные из описаний $\Pi = \text{AgV}$ и им эквивалентных (*Три теленка, один хвост (Вилка); В синем мешочке белых пуговок полно (Небо и звезды)*).

Заметим, что тип б можно считать вырождением типа в — когда отношение г между сегментами сводится к чистому переисчислению (соположению).

«Признаковые» загадки, в свою очередь, можно классифицировать по типу преобразования Π :

а') $\Pi \rightarrow \Delta$ (*На всех зла, и всем мила (Редька)*);

а'') $\Pi \rightarrow [\Pi]$ (*Антипка низок, на нем сто ризок (Лук)*);

а''') $\Pi \rightarrow \bar{\Pi}$ (*Синенька шубенка весь мир покрыла (Небо)*).

Более дробная классификация загадок по преобразованиям вряд ли имеет смысл, ибо для любой допустимой структуры преобразованного описания может быть найдена (или составлена) соответствующая загадка. Стоит только отметить два крайних (и типичных) случая:

А) Загадки, построенные только на тождественных преобразованиях (и аннулированиях), например:

*Верху зелено, внизу красно, в землю вросло (Свекла);
Крупно дробно зачастило, всю землю напоило (Дождь);
Черненька, маленька, сладенька, всем ребятам миленька (Черника);
Днем молчит, ночью ворчит (Собака);*

Б) загадки, построенные преимущественно на преобразованиях типа $\lambda \rightarrow [\lambda]$; здесь наиболее интересны те загадки, в которых сегменты заменены безразличными объектами ($A \rightarrow [A]$), а отношения между ними сохранены ($r \rightarrow r$); такие загадки воспроизводят на ином материале структуру загаданного объекта, описывая объект, изоморфный в некотором смысле (именно относительно отношения r) загаданному, например:

*Баран в хлеву, а рога за хлевом (Свекла);
Полное рыто огурцов намыто (Небо и звезды).*

10. Негаторы

Синтез загадки не всегда оканчивается описанными выше преобразованиями. Загадки часто содержат дополнительные, посторонние по отношению к загаданному объекту элементы. Это могут быть элементы чисто орнаментальные (*На горе горынской стоит дуб сарацынской...*) или, например, «метазагадочные» (*Загадаю я загадку, закину за грядку...*), но наиболее часто встречающимися и важными являются негаторы — элементы, в которых отрицается некоторое положение вещей, на утверждение которого может натолкнуть преобразованное описание.

Рассмотрим встречающиеся в загадках типы негаторов и способы их введения.

1. Негаторы-объекты. Вводятся они почти исключительно в загадках, где $\Pi \rightarrow \Delta$. Схема введения: $\Delta : \lambda \rightarrow \Delta : \lambda (\neg Q)$ (читается: « λ , да (а) не Q », например: *Черен, да не ворон*), где λ — это или a , или A , или элемент, им эквивалентный, и притом почти всегда тождественно преобразованный (очень редко преобразованный по $\lambda \rightarrow \lambda'$), а Q — типичный носитель (свойства или сегмента) λ , причем $Q \neq \Pi$.

Примеры: Чиста, да не вода; клейка, да не смола; бела, да не снег; сладка, да не мед (Молоко)

$\Delta: a, b, c, d \rightarrow \Delta: a (\neg Q_1), b (\neg Q_2), c (\neg Q_3), d (\neg Q_4),$
Кругла, а не мясця; с хвостом, а не мышь (Свекла)

$\Delta: a, A \rightarrow \Delta: a (\neg Q_1), A (\neg Q_2);$

Четыре ноги, да не зверь; есть перья, да не птица (Кровать с периной)

$\Delta: nA, B \rightarrow \Delta: nA (\neg Q_1), B (\neg Q_2),$

Не кузнец, а с клещами (Рак)

$\Delta: \bar{A} \rightarrow \Delta: \bar{A} (\neg Q).$

2. Негаторы — признаки. Схема введения: $\Gamma \dots \rightarrow \Gamma (\neg \gamma) \dots$, где Γ — как угодно (но не тождественно) преобразованное Π или A ; γ — свойство, сегмент и т. д.; при этом: если $\Gamma \neq \Delta$, то γ — типичное свойство (сегмент) объекта Γ , не принадлежащее Π ; если же $\Gamma = \Delta$, то γ — типичное свойство (сегмент) типичного объекта, обладающего другими свойствами, указанными в загадке (и тоже γ не принадлежит Π).

Примеры. Случай $\Gamma \neq \Delta$:

Маленькая собачка, не лает, не кусает... (Замок)

$\bar{\Pi}: a, \dots \rightarrow \bar{\Pi} (\neg a_1, \neg a_2): a, \dots (a_1, a_2 — типичные свойства \bar{\Pi}),$

Катится бочка, нет на ней ни сучочка (Яйцо)

$\tilde{\Pi}: a \rightarrow \tilde{\Pi} (\neg A): a, (A — типичный сегмент \tilde{\Pi}),$

Случай $\Gamma = \Delta$:

Без рук, без ног богу молится (Зыбка)

$\Delta (\neg A, \neg B): \tilde{a} (A, B — руки и ноги — типичные сегменты типичного носителя свойства $\tilde{a}$ — человека),$

Без рук, без ног рубашку просит (Подушка)

$\Delta (\neg A, \neg B): \bar{r}\bar{K},$

Не солено, не варено, а едят (Молоко)

$\Delta (\neg a_1, \neg a_2): a.$

Введение негаторов (как и других дополнительных элементов) не является обязательным этапом синтеза загадки; можно считать, что оно имеет случайный характер: именно, вопрос о том, вводить ли негаторы, а если да, то куда и какие, решается случайным образом.

II. ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЗАГАДКИ

1. Введение

Описанная выше процедура синтеза позволяет производить загадки в неограниченном количестве, но получаться будут, как правило, загадки пресные, скучные, неинтересные и неуклюжие. Дело в том, что синтез, как он описан в разделе I, является ненаправленным, он не подчинен никакой «сверхзадаче»: преобразования отдельных элементов никак не согласованы между собой, и преобразованное целое является поэтому бесструктурным — мы имеем в виду отсутствие как семантической, так и фонетической структуры. Если мы хотим построить достаточно адекватный механизм синтеза, то необходимо тем или иным способом еще до начала преобразований исходного описания задать — в качестве цели синтеза — ту или иную результирующую структуру, например потребовать наличия рифмы, или антитезы, или параллелизма и т. д. В дальнейших преобразованиях эта заданная структура играет роль дополнительного ограничения. В некоторых простейших случаях подобный механизм, видимо, достаточно точно моделирует реальный процесс создания загадки: так, задание «рифменной» структуры, накладывая довольно жесткие ограничения на подбор слова, замещающего загаданное, может потребовать введения произвольного слова ($\Pi \rightarrow [\Pi]$), например имени собственного.

Это структурное начало в загадке, обычно несущее в себе элемент неожиданности, — то, что выделяет загадку из класса обычных фраз, делая ее художественно значимой, — мы будем называть point'ом загадки.

Мы будем различать, с одной стороны, семантический и фонетический point'ы, а с другой — внутренний (основанный на внутритекстовых отношениях, семантических или фонетических, безотносительно к отгадке), и внешний (основанный на отношении текста загадки к ее отгадке) point'ы.

2. Внутренний семантический point

В этом пункте загадка рассматривается как самостоятельный текст, независимо от ее отгадки, и притом только с семантической точки зрения.

Рассмотрим два свойства, каждое из которых может присутствовать (в той или иной степени) или отсутствовать в тексте загадки:

1) структурность² (С) — загадка обладает свойством С, если она построена с использованием формальных семантических механизмов (таких, например, как антитеза, контраст, каламбур и т. д. — подробнее см. ниже);

2) нереалистичность (Н) — загадка обладает свойством Н, если ее текст (рассматриваемый независимо от отгадки!) представляет собой описание невозможной или неправдоподобной ситуации.

Наличие хотя бы одного из этих свойств (т. е. $C \vee H$) создает внутренний point загадки; лишь отсутствие обоих (т. е. $\bar{C} \ \& \ \bar{H}$) влечет за собой отсутствие внутреннего point'a.

Разумеется, границ между С и $\bar{C}$, Н и $\bar{H}$ провести нельзя: фактически мы имеем дело с непрерывной градацией. Проследим ее на примере свойства Н.

Так, беспорно к классу Н относятся такие загадки, как

Воробей гору держит (Замок);
Мышь с двумя хвостами (Лапоть);
Мать детей сосет (Река),

описывающие реально невозможные (хотя и зрительно, быть может, представимые) ситуации, и тем более загадки

Овца в корове (Чулок в башмаке);
Пришли воры, хозяев украли, а дом в окошки ушел (Рыбу ловят неводом);
Лошадь в ограде, хвост на горе (Свекла);
В брюхе баня, в носу решето, на голове пупок, рука на спине (Чайник),

описывающие не только невозможные, но и непредставимые ситуации.

Столь же беспорно к $\bar{H}$ относятся загадки

Стоит Фекла — глаза мокры (Окна);
У одной матери пять сыновей (Пальцы),

описывающие возможные и вполне обычные ситуации. Более сомнительно отнесение к $\bar{H}$ таких загадок, как

В темном лесу тараканов бьют (Ступка с миндалем);
Лежит Егор под межой, покрыт зеленой фатой (Огурец),

описывающих хотя и возможные, но достаточно маловероятные ситуации³.

Выше приведены примеры «загадок-картинок», описывающих некоторую ситуацию (предмет, положение вещей); в них обязательно назван субъект. Наряду с ними широко распростра-

² В узком, именно, ниже объясняемом смысле слова.

³ Загадки Н представляют собой в той или иной степени семантически неотмеченные, а $\bar{H}$ — отмеченные тексты. Отсутствие четкой границы между этими классами текстов общеизвестно.

нены «признаковые загадки», характеризующиеся отсутствием субъекта, — указываются лишь его признаки, действия, состояния или сегменты ⁴.

Среди признаков загадок также выделяются нереалистические (Н):

*Стучит без рук, без огня горит (Гроза);
Без языка, а сказывает (Верстовой столб);*

что же касается $\bar{H}$, то, в отличие от «загадок-картинок», для которых $\bar{H} = P$ («реалистическая»), здесь среди $\bar{H}$ приходится различать P и N (нейтральные):

P: *Что всегда маслено? (Сковорода);
Летать летаю, птиц всех забиваю (Орел);
Один вход, три выхода (Рубашка);*
N: *Сама бела, а дитяtko красен (Свеча);
Сам худ, голова с пуд (Безмен).*

Таким образом, мы получаем следующую схему «имманентной» классификации загадок (табл. 1):

Таблица 1

		с	$\bar{c}$
$\bar{H}$	H	<i>Пять чуланов, одна дверь (Перчатки). Не горит, а гасить приходит-ся (Известь).</i>	<i>Барвара выше амбара (Скворешня). Красный бес на девку влез (Сарафан).</i>
	N	<i>Сама коротка, а хвост длинен (Иголка с ниткой). Сам худ, а голова с пуд (Безмен).</i>	<i>Бегут плоски, загня носки (Лыжи). Красна, в землю вросла (Свекла).</i>
	P	<i>По черной земле белый заяц пробег (Мел).</i>	<i>Стоит Фекла — глаза мокры (Окно). На коне верхом сидит Пазом (Очки).</i>

Ниже — в п. 3—5 — мы рассмотрим загадки, относящиеся к классу С. Что же касается загадок, лишенных выраженной формальной структуры, то внутренний point может создаваться

⁴ «Загадки—картинки» получаются в результате преобразования описаний вида AgV или П: ..., причем в последнем случае П не аннулировано; в «признаковых» загадках $\bar{H} \rightarrow \Delta$.

в них чисто содержательным путем — через описание нереалистической, неправдоподобной, невозможной ситуации (см. клетку НС̄). Классификация таких загадок — именно в силу их «бесструктурности» — весьма затруднительна. Ограничимся лишь еще несколькими примерами:

В Питере рубят, сюда щепки летят (Письмо);
Шла свинья по мосту, полно брюхо хворосту (Щетка);
Овца в корове (Чулоч в башмаке).

Остаются еще загадки НС̄, лишенные как «структурности», так и «нереалистичности». Это — загадки без внутреннего семантического point'a. Среди них выделяются (как уже отмечено выше) «реалистические» загадки (Р) — чаще всего «загадки-картинки»:

Конь гогочет, овса хочет (Жернов);
Два братца пошли на Иордань купаться (Ведро);
Двое сойдутся, приобоймутся (Ворота),

и нейтральные (N), представляющие собой набор более или менее совместимых признаков, действий и т. д.:

Между грядок лежит гладок (Огурец);
Горит и тает, все тайны скрывает (Сургуч).

3. Продолжение: антитеза в загадке

Обратимся теперь к более подробному рассмотрению того свойства загадок, которое названо выше структурностью. Речь идет о некоторых характерных формальных семантических схемах (приемах, механизмах, фигурах), часто используемых в загадках (а равно и в поэзии, риторике и т. д.). Некоторые из подобных приемов, например градация, хотя и достаточно распространены в поэзии (в том числе народной), в загадках практически не используются. Напротив, широко используются такие приемы, как п а р а л л е л и з м (семанτικο-синтаксический) и а н т и т е з а (и ее ослабленная форма — к о н т р а с т), причем часто совместно.

Именно антитезу в загадке мы и рассмотрим более подробно.

Вообще под антитезой мы понимаем противопоставление противоположного или взаимопротиворечащего.

Антитеза может быть о д н о о б ъ е к т н о й, если противопоставляются противоречащие друг другу свойства одного объекта, и р а з н о о б ъ е к т н о й, если противопоставляются разные объекты, обладающие противоположными свойствами. Промежуточный случай — с е г м е н т н а я а н-

титеза, когда противопоставляются части одного объекта, обладающие противоположными свойствами.

С точки зрения формального (синтаксического) выражения антитетичности возможны следующие случаи:

а) синтаксически выраженная антитеза (обычно с помощью союза *а*),

б) нейтральный случай (обычно — бессоюзное сочинение),

в) синтаксически невыраженная антитеза (обычно здесь возможно преобразование к случаю а), например: *Без языка говорю (Часы) → Без языка, а говорю*.

Наконец, антитеза может быть выражена (или не выражена) лексически — с помощью антонимов или слов, относящихся к антонимичным семантическим полям.

Таким образом, мы получаем следующую классификацию загадок, построенных на антитезе (табл. 2).

Особенно широко распространены загадки, имеющие в основе однообъектную антитезу. Такие загадки имеют, как правило, следующую семантическую структуру: объект обладает свойствами а и б; при этом подразумевается, что обычно (или всегда) обладание свойством а влечет за собой не-б.

Примеры (сверх приведенных в таблице):

Палят и варят, а не едят (Валенок);

Весь в шерсти, а кожи нет (Валенок);

Ума нет, а хитрее зверя (Капкан);

В воде родится, а воды боится (Соль).

Реже встречается ослабленная форма: объект обладает свойствами а и б; подразумевается, что обычно свойство а сопровождается свойством с, а свойство б — свойством не-с:

Сидит на рогоже, а бьет соболей (Охотник) (с — бедный);

Два братца хотят подраться, да руки коротки (Ведро на коромысле);

Всех наградила, все загубила (Осень).

Распространены и загадки типа «*С хвостом, а не мышью*» (Клубок), схема которых такова: объект обладает свойством а и не является объектом А, подразумевается, что а является типичным свойством объекта А и что весьма высока вероятность того, что объект, обладающий свойством а, есть А.

Встречаются и более сложные случаи. Например, в таких загадках, как

Зимой — нет теплой, летом — нет холодной (Погреб);

В лес идет — домой глядит, из лесу идет — в лес глядит (Топор);

В печь положишь — вымочишь, в воду положишь — высухнет (Воск);

Что мужик бросает, а царь в карман подбирает? (Сопли).

Таблица 2

Синтаксически	Однообъектная		Сегментная		Разнообъектная	
	лексически		лексически		лексически	
	выражена	не выражена	выражена	не выражена	выражена	не выражена
выражена	Не горит, а за- сигит приподится (Ивесть). Хорошо видит, а слепой (Негра- мотный).	Не живой, а дышит (Паровоз). Кругом вода, а с питьем беда (Море). Сидит на ро- гоже, а бьет со- бойей (Охотник).	Сама коротка, а хвост длинен (Иволга с нит- кой).	Сидит деека в темнице, а коса на улице (Мор- ковь).	Мать толста и широкa, а сын худ и узок (Скал- ка).	не выра- жена
невыражена	В воде кунался, сухим остался (Турь). На всех зла и всем мила (Редька). На улице рого- то, в избе комоло (Угол дома).	Чем больше из меня берут, тем больше станов- люсь (Яма). Что поколочу, то и позолочу (Огонь).	Сам худ, голова с пуд (Безмен). Сколько чер- неньких домков, столько белень- ких жильцов (Подсолнух).	Сама в земле, коса снаружи (Морковь) Брошу с блошку, вырастет с лу- тошку (Репя).	Кто в избе пла- чет и кто смеет- ся? (Стекла и це- ли). Большой ста- чет, малый пла- чет (Дува и коло- кольчик).	—
не выражена	Висит немая, бранит лентяя (Стенгазета).	Кто ходит без ног? (Часы). Без языка гово- рю (Часы). Маленькая ло- шадка сто чело- век перевозит (Паром).	—	—	По черной зем- ле белый зацв пробег (Медь). Мертвые встп- нут, живые по- едят (Музи).	—

мы сталкиваемся с «двухэтажной» антитезой: внутри каждой половины и между половинами. Эти загадки устроены по схеме: в условиях α объект обладает свойством а, а в условиях β — свойством б; при этом подразумевается, что обычно α влечет за собой б, а β влечет а; кроме того, α и β , а также а и б противоположны (антонимичны).

Наконец, заметим, что отмеченные выше семантические схемы отнюдь не исчерпывают всего многообразия загадок, построенных на однообъектных антитезах. В качестве довольно редкого типа приведем загадку, нарушающую закон противоречия:

Спал я не на сухом и не на мокром (На корабле),
схема которой: объект обладает свойствами а и не-а.

Крайним выражением антитезы является парадокс:

Хорошо видит, а слепой (Неграмотный);

Чем больше из меня берут, тем больше становлюсь (Яма);

Кровь пью, а жизнь даю (Пиивка);

В печь положишь — вымочишь, а в воду положишь — высушит (Воск);

Когда нужен — в Дон бросают, а когда не нужен — наверх поднимают (Якорь).

Отметим, что если однообъектная антитеза не выражена ни лексически, ни синтаксически, то это обычно сопровождается подчеркнутой реальной антитетичностью, резким противопоставлением противоречащих свойств (см. соотв. клетку табл. 2).

4. Продолжение: контраст

Другим, хотя и близким антитезе (и ослабленным по сравнению с ней), семантическим механизмом, используемым в загадках, является к о н т р а с т, т. е. противопоставление разного (но не противоречащего или противоположного); при этом, поскольку здесь уже нет семантически очевидной противоположности, для того, чтобы отношение воспринималось именно как контраст, необходимо явное синтаксическое выражение противопоставления (обычно с помощью союза *а*) или, в крайнем случае, нейтральное соположение.

Используется контраст, главным образом, в сегментных загадках. Наиболее типична следующая схема: сегмент (или весь объект) А обладает свойством а, а сегмент В — свойством б; подразумевается, что а и б существенно различны.

Таковы, например, загадки:

Конь стальной, хвост льняной (Иголка с ниткой);

Поле хрустальное, межи деревянные (Окно);

Одна губа долговата, а другая сжата (Сквородник);

Сам верхом, а ноги за ушами (Очки).

Встречается контраст и в загадках иной структуры, например такой: в условиях α объект обладает свойством а, а в условиях β — свойством б, причем α и β обычно противоположны, а а и б — просто различны:

Днем обрuchем, ночью змеей (Пояс);

В воду идет красный, а из воды выходит черный (Уголь).

Используется контраст и в разнообразных загадках типа:

Одна коптится, другая топчется (Потолок и пол);

Сама бела, а дитяtko красен (Свеча).

5. Продолжение: численная антитеза

Противопоставление чисел, которое с равным правом можно назвать и контрастом и антитезой, распространено в загадках весьма широко. Общая схема таких загадок: m экземпляров сегмента (объекта) А, n экземпляров сегмента (объекта) В; $m \neq n$. Наиболее обычный случай: m велико (40, 70, 77, 100 и т. д.), $n = 1$, например; *Сорок цыган на одной лошади сидят (Потолочины и матица)*; однако часто и m невелико (2, 3, 5, 7), например:

Два братца под одной шляпой стоят (Ворота).

Такие загадки могут быть и нереалистическими (Н):

Три теленка, один хвост (Вилка);

На одном быку семь шкур (Лук);

Семьдесят семь Семенов, одна мать Матрена (Потолочины и матица),

и реалистическими (Р):

Три сестрицы под одним зонтиком стоят (Лохань),

и нейтральными (N):

Сто полей, один запор (Книга);

Сто дыр, две петли, одна лазья (Корзина).

Загадки Н и Р объединяются тем, что между объектами (сегментами) А и В имеется реальная связь (мать и дети, бык и шкура, сестры и зонтик), что и создает «картинку» — реальную (в случае Р) или невозможную (в случае Н). Что же касается загадок N, то здесь такой связи нет, имеется лишь перечисление несвязанных объектов.

В случае, когда $n \neq 1$, а m невелико, говорить о наличии числовой антитезы едва ли можно:

Два боровка, четыре хвоста (Лапти);

также сомнительна антитегичность загадок, где m и n оба велики:

Сто братьев за пятьсот сестер спрятались (Бревна дома, обшито тесом).

6. Внешний семантический point

Внешний point загадки проявляется в неожиданности соотношения текста загадки (знака) и ее отгадки (денотата). О его наличии свидетельствует чувство типа «ах, как ловко!», появляющееся у воспринимающего загадку при сообщении ему отгадки. Явление это носит более неопределенный характер, чем внутренний point, однако факт его существования несомненен: достаточно сравнить совершенно плоское

Летать летаю, всех птиц забиваю (Орел)

с озорным

Суну стамо, а выну вяло (Лен мнут).

Наиболее характерный пример внешнего point'a дает случай, когда запрашивается одна отгадка, а дается другая, существенно отличающаяся от первой. Здесь point связан с эффектом обманутого ожидания. Особенно типичны здесь загадки, в которых запрашивается эротическая отгадка, а дается вполне невинная и пристойная. Таковы, например (кроме приведенной выше):

Кто хлебы пек, на того бы и лег (На печь);

Мил полюбил, на дороге повалил (Сон);

Дедушка Сидор знет бабушку сидя, сидеть не гоже, дай-ка я лежа (Сон);

Гни меня, ломи меня, полезай на меня; на мне есть мохнатка, в мохнатке гладка, в гладкой сладко (Орех);

На белой простыне людям удовольствие (Кино);

Что под подолом? (Подшивка);

Днем висит, болтается, а к ночи в норку забирается (Крюк и петля);

Заяшка-белозаяшка, полежи на мне, хоть тебе трудно, так мне хорошо (Озимь под снегом).

С обманутым ожиданием связаны не только эротические загадки. Например, в загадке

Лежит кирка, кирочка, взял бы кирочку, да руки болят (Г...о)

эффект основан на несоответствии «фактуры» отгадки ожиданию чего-то твердого и тяжелого.

Другие типы загадок на обманутое ожидание связаны с наличием у отгадывающего некоторых **формальных** устан^овок. Такова, например, установка на то, что загадан один объект, обладающий всеми перечисленными в загадке свойствами, с которой связан point таких, например, загадок:

Без огня горит, без крыл летит, без ног бежит, без ран болит (Солнце, туча, река, сердце);

Растет без кореньев, цветет без расцвету, шумит без ветру (Камень, ель, вода).

Другого рода формальная установка — на то, что загадан **реальный предмет** — используется в автонимных загадках, где вместо ожидаемой предметной отгадки дается буквенная:

Что посреди земли стоит? (Буква М)

Что стоит между стеной и дверью? (Буква И).

Автонимность может сочетаться с более или менее ярко выраженным эротическим намеком:

Что у Адама впереди, а у Евы сзади? (А);

В бабе два, в девке ни одного (Б);

Кое у Бориса спереди, то у Глеба сзади (Б).

Среди других приемов создания внешнего point'a отметим использование игры слов (загадки-каламбуры), от довольно примитивной:

Где небо без звезд? (Во рту);

Какая мушка не летает? (На ружье);

Кто на все руки мастер? (Перчаточник)

и до весьма изысканной:

— Черная? — Нет, красная. — А почему она белая? — А потому, что зеленая (Красная смородина)

(слова *черная, красная и зеленая* используются и как название цвета, и как термин).

Хожу на голове, хотя и на ногах, хожу я босиком, хотя и в сапогах (Гвоздь в сапоге)

(используется многозначность слова *голова* и двузначность предлога *в* в сочетании *в сапогах*).

Наконец, широкий и достаточно размытый класс загадок с внешним point'ом образуют «трудно отгадываемые» загадки, текст которых близок к парадоксу, так что кажется невозможным подобрать объект, обладающий названными свойствами, — и, однако, отгадка неожиданно точно и ловко ложится на этот текст, например:

Пустое стоит, полное ходит (Обувь);

На улице рогато, в избе комоло (Угол избы);

Под гору тихонько, а в гору бегом (Сопли).

7. Принцип компенсации

Мы не будем столь же подробно, как семантический, рассматривать фонетический point загадки. Заметим лишь, что в звуковой организации загадки имеется непрерывная градация, начиная с отсутствия такой организации (*Полна коробка красных ложек (Угли в печи)*), через ассонанс (*Стоит баба в углу, а рот в боку (Печь)*) к рифме (*Сито вито, решето покрыто (Крыша)*), причем степень насыщенности звуковыми переключ-

ками может быть весьма различной; при достаточно высокой степени насыщенности и можно говорить о фонетическом point'e загадки.

Ниже мы остановимся лишь на некоторых вопросах, относящихся к связи между семантикой и фонетикой загадки.

Хотя и имеется довольно большое число загадок, лишенных какого бы то ни было point'a (например, *Маленький мальчик всем под ноги смотрит (Порог)*; *Кто дом стережет? (Замок)*), однако, взяв достаточно большой массив загадок, можно заметить, что загадки подчиняются (в статистическом смысле) определенному принципу компенсации: невыраженность или слабая выраженность одного вида point'a часто компенсируется сильно выраженным point'ом другого вида; и наоборот, наличие одного вида point'a снижает вероятность присутствия других видов.

Особенно ярко проявляется этот принцип при сопоставлении семантических и фонетических point'ов. Качественные наблюдения могут быть подтверждены статистически.

Так, случайная выборка из ста загадок, рассматриваемых относительно двух свойств: наличия рифмы (Р) и антитезы (А), дала следующие результаты:

	Р	$\bar{P}$
А	12	26
$\bar{A}$	34	28

Проверка зависимости признаков А и Р по критерию χ^2 заставляет при 5%-ном уровне значимости отвергнуть гипотезу о независимости: $\chi^2 = 5,2$; $\chi^2_{\text{крит.}} = 3,8$.

Вычисляя выборочный коэффициент корреляции А и Р, получаем $r = -0,23$, что также превышает (для 2,5%-ного уровня значимости) критическую величину $r_{\text{крит.}} = -0,195$. Таким образом, между наличием рифмы (показатель фонетической организованности) и антитезы (семантическая организованность) имеется отрицательная корреляция, хотя и небольшая, но все же значимая.

Поскольку наличие в загадке антитезы не поддается точному установлению, мы прибегли и к сопоставлению по чисто формальному признаку: наличию (или отсутствию) противительного союза *а* (являющегося, как правило, показателем антитезы или контраста). Результаты (другая случайная выборка из ста загадок):

	Р	$\bar{P}$
с союзом <i>а</i>	5	12
без союза <i>а</i>	46	37

Здесь $\chi^2 = 3,9$, что снова (хотя и незначительно) превышает критический уровень, а $r = -0,2$, что также дает значимую отрицательную корреляцию.

Наконец, заметим, что доля загадок, содержащих рифму, составляет (по совокупности двух наших выборок) около 50%; взяв новую случайную выборку из 50 загадок, содержащих союз *a*, мы получили, что содержат рифму 15 из них, т. е. лишь 30%. Эта разница в частоте рифмы также значима по критерию χ^2 ($\chi^2 = 8$, критическое значение при 5%-ном уровне значимости $\chi_{\text{крит.}}^2 = 3,84$).

Таким образом, наличие обратного отношения между семантической и фонетической организованностью загадки (наличием семантического и фонетического point'a) можно считать доказанным.

8. Принцип компенсации (окончание)

Принцип компенсации семантики фонетикой, рассмотренный в предыдущем пункте в связи с изучением point'a загадки, имеет на самом деле более широкое поле действия. Мы отметим еще два явления, где проявляется этот принцип.

При преобразовании описания загаданный объект часто замещается произвольным словом ($\Pi \rightarrow [\Pi]$, см. 1.4). Имеется тенденция (статистическая), чтобы при такой замене замещающее слово рифмовалось. Особенно явственна эта тенденция, когда $[\Pi]$ — имя собственное, т. е. максимально произвольное слово: такое $[\Pi]$ рифмуется почти всегда (*Стоит Федосья, растрепаны волосы*). Таким образом, здесь фонетическое богатство компенсирует семантическую произвольность (или пустоту, как в случае с собственными именами), подобно тому как оно компенсировало — см. п. 7 — семантическую аморфность. Этот факт может быть использован при отгадывании: если «подлежащее» загадки рифмуется, это повышает вероятность его произвольности (*Горбатый кот бабе плечи трет: тот факт, что кот рифмуется, заставляет предполагать, что загаданный объект ничего общего с котом не имеет*).

Другой случай компенсации связан с особым типом загадок — крайне неопределенным или бессмысленным вопросом вроде: *Что в избе гадко? (Кадка); Что в избе Фрол? (Стол); Что не корыстно? (Коромысло)*. Ответ «по смыслу» здесь, как правило, невозможен: такая загадка строится только на фонетике и сводится к упражнению на подбор слова, рифмующегося с данным. Эти загадки обладают фонетическим point'ом, но не внутренним, содержащимся в самом тексте, а внешним, основанным на фонетическом отношении между текстом и отгадкой. С другой сто-

роны, здесь можно говорить и о внешнем семантическом point'e, ибо эти загадки построены формально сходно с такими, как: *Что у нас неизвестно? (Судьба); Что не лень делать? (Дышать); Что в избе сборщик? (Шкаф)*, и поэтому при сообщении отгадки может возникать чувство обманутого ожидания: вместо ожидаемой отгадки «по смыслу» дается «фонетическая».

III. ОТГАДЫВАНИЕ ЗАГАДКИ

1. Введение

Главное в проблеме отгадывания — не отыскание собственно отгадки (денотата), а восстановление по тексту загадки первоначального, «истинного» описания загаданного объекта. Нахождение собственно отгадки по восстановленному описанию не представляет принципиального интереса: речь здесь идет просто о нахождении объекта, обладающего данными свойствами. Такой объект может отыскиваться легко или с трудом, однозначно или (чаще) многозначно, но, так или иначе, особенно интересных семантических проблем тут не возникает, поскольку в принципе искомый объект может быть найден путем полного перебора. Вопрос же о том, как по тексту загадки восстановить описание объекта, какую точную или хотя бы вероятную информацию о загаданном объекте мы можем извлечь из текста, представляется весьма интересным.

Таким образом, отгадывание мы рассматриваем как двухэтапный процесс, соответствующий — в обратном порядке — процессу синтеза (ср. I.1):

загадка → описание → объект;

речь идет о преобразованиях, обратных тем, которые рассматривались в разделе о синтезе; основное внимание при этом мы будем обращать на переход от текста загадки к описанию, т. е. на снятие тех фикций и искажений, которые внесены были в описание в процессе синтеза. Но прежде чем снимать эти искажения, надо определить — что именно искажено, и что нет. Главным и наиболее трудным вопросом оказывается следующий: как узнать, является ли данный элемент текста загадки точным (т. е. относящимся непосредственно к загаданному объекту) или преобразованным, и если преобразованным, то как именно?

Заметим, что полной зеркальной симметрии между синтезом и отгадыванием нет. Так, при синтезе применяется аннулирование элементов описания; очевидно, аннулированные элементы непосредственно восстановлены быть не могут. Далее, при син-

тезе выбор того или иного преобразования данного элемента описания имеет более или менее случайный характер; поэтому с достоверностью восстановить описание по тексту невозможно — речь может идти только о более или менее вероятном восстановлении соответствующего элемента описания.

Упомянутые два этапа отгадывания только искусственно могут быть разделены — при реальном процессе отгадывания необходимо их взаимодействие: восстановив описание, мы можем обнаружить, что его элементы противоречат друг другу, или просто может оказаться, что ему не отвечает ни один реальный объект; тогда следует вернуться к первому этапу и испробовать иные варианты обратных преобразований элементов текста. Таким образом, трудности на втором этапе (описание → объект) могут вызвать необходимость корректировки первого этапа (текст → описание).

Заметим, что такое «поэлементное» отгадывание является достаточно грубой моделью реального процесса отгадывания загадки человеком. Отгадывающий обычно идет от целого, от общей системы семантических связей текста загадки. Но моделирование такого глобального процесса не представляется возможным, ибо многообразия возможных связей необозримо и не формализуемо. Поэтому ниже мы занимаемся лишь локальными, поэлементными преобразованиями, учитывая — и то не всегда — только парные семантические связи между синтаксически связанными словами.

Обращаясь ко второму этапу отгадывания, мы сразу обнаруживаем, что вопрос об отыскании точной отгадки не может и ставиться. Восстановленное описание (совокупность признаков) весьма редко однозначно определяет ответ. Чаще возможно указать лишь класс предметов, притом иногда весьма разнообразных. Это подтверждается и обилием загадок с разными отгадками (*Круг носа вьется, а в руки не дается (Ветер, Запах, Муха); Без рук, без ног на брюхе ползет (Червяк, Корабль); У нас, у вас поросенок увяз (Клин, Мох в бревнах, Задвижка, Матица, Волоковое окно, Ключ в замке, Пуговица)* и мн. др.). Но даже если реально зафиксирована только одна отгадка — круг возможных отгадок может быть весьма широк. Так, загадка *Черен, да не ворон* имеет отгадку *Чугун*, но фактически отгадкой ее может быть любой черный объект (кроме вбрана). С другой стороны, иногда по описанию трудно подобрать хотя бы один объект, ему удовлетворяющий (например, *Под гору тихонько, а в гору бегом (Сопли)*).

Заметим далее, что первому этапу отгадывания во многих случаях должно предшествовать своего рода «предредактирование». Речь идет, например, об опознании в тексте загадки слоб-

ва, называющего загаданный объект — процедуре, далеко не всегда тривиальной и даже вряд ли формализуемой. Так, в загадке *Долгая Орина по мосту ходила, ключи обронила; свекор видел, деверь поднял (Роса)* замещают загаданный объект *ключи*, в то время как по формальным признакам скорее должна была быть *Орина*. Другим предварительным шагом должно быть исключение из текста посторонних элементов, не имеющих отношения к отгадке. Ввиду крайнего разнообразия таких элементов — это может быть глагол-сказуемое (*С т о и т мальчик, скривя пальчик (Трубка)*), или обстоятельственные слова (*В Ю р ь е в с к о м, А ф а н а с ь е в с к о м билася коза с козлом . . . (Хлебы замещивают)*), или определительные слова (*Синь плат висит, шелком выше т (Угар)*) и мн. др. — проблема их опознания по формальным признакам также вряд ли разрешима. Все подобного рода вопросы мы оставляем без рассмотрения.

* * *

Ниже употребляется следующая терминология:

т о ч н о е с л о в о — слово в тексте загадки, имеющее тот же смысл, что и в описании, т. е. результат тождественного преобразования $\lambda \rightarrow \lambda$; *п р о и з в о л ь н о е с л о в о* — результат преобразования $\lambda \rightarrow [\lambda]$; *п р е о б р а з о в а н н о е с л о в о* — результат любого другого преобразования; в частности, *к о н к р е т и з и р о в а н н о е с л о в о* — результат преобразования $\lambda \rightarrow \tilde{\lambda}$.

Обозначать обратные преобразования (от элементов текста к элементам описания) будем обратными стрелками: $\lambda \leftarrow \mu$ означает, что элемент текста загадки λ переходит в элемент описания μ .

2. Примеры

На нескольких простых примерах постараемся убедиться в том, что поставленный выше вопрос об опознании того, преобразован ли данный элемент, и если да, то как, является основным при отгадывании. При попытках восстановить описание мы будем исходить из чисто интуитивных соображений.

Черен, да не ворон (Чугун). Ясно, во-первых, что загадан не ворон. Видимо, негатор всегда является точным словом, ибо невозможно предположить, что если в тексте прямо говорится «не А», то загадано все-таки А. Впрочем, и это бесспорное положение не вполне бесспорно: загадка эта могла бы быть и шуточной (а отличить шуточную загадку от серьезной по тексту, как

правило, невозможно) и отгадываться как ворона⁵, подобно известной загадке *Сидит на окошке кошка, и хвост, как у кошки, и нос, как у кошки, ... а не кошка (Кот)*. Является ли точным слово *черен*? Видимо, да: если бы оно было преобразованным, то не осталось бы ни малейшей опоры для отгадывания. Итак, восстанавливается описание: черный объект, отличный от ворона.

Без рук, без ног богу молится (Зыбка, Колодезный журавль). Негаторы подсказывают, что загаданный объект — не человек (и, видимо, не животное). Следовательно, *богу молится* — явно преобразованный элемент. Что вообще значит *богу молится*? Или читает молитвы, или крестится, или кладет поклоны. Но все это — чисто человеческие действия; надо, стало быть, найти такое действие неодушевленного объекта, которое походило бы на одно из названных действий; весьма вероятно, что это — совершение колебательных движений (кладет поклоны); тогда восстанавливается (с некоторой долей уверенности) описание: неодушевленный предмет, совершающий колебательные движения. Впрочем, загаданным действием могло бы быть и что-то вроде бормотания (читает молитвы), а загаданный объект, например, ручьем. Заметим, что и здесь может вкратце шутка: отгадкой мог бы быть, например, набожный инвалид. Это показывает, что шуточная загадка может строиться по принципу обращения «серьезной»: негатор в ней становится фактически неточным словом, а признак, от которого ожидается преобразованность, — наоборот, точным.

Кто ходит без ног? (Часы). Ходить без ног нельзя; следовательно, *ходит* — преобразованное. Как именно? Это может быть конкретизация: ходить ← перемещаться. Тогда описание: предмет, не имеющий ног и перемещающийся. Это могло бы быть и солнце, и змея, и поезд и т. д. Впрочем, представляется маловероятным преобразование: ходить ← ездить, или: ходить ← ползать, так что последние две отгадки сомнительны. Возможно и иное предположение — что используется иное значение слова *ходить*. Тогда отгадкой могут быть только часы.

Иду в воду красен, выйду черен (Головешка и т. д.). Кажется очевидным (но неясно почему), что *вода, красен, черен* здесь точные слова, а *иду* и *выйду* — преобразованные (но близкие к точным). Описание: предмет, который до погружения в воду имеет красный цвет, а после — черный.

Пошла щука до Киева, кости дома покинула (Пенька). Очевидно, *Киев* — произвольное слово или посторонний элемент,

⁵ Тот факт, что ворон и ворона относятся к разным видам, для нас несуществен.

а все остальные элементы, видимо, преобразованные. Без уверенности восстанавливается примерно такое описание: предмет, лишившийся твердого остова.

Кожана квашня, а мутовка мясна (Нога в сапоге). С уверенностью можно утверждать, что загаданы не *квашня* и *мутовка*, но что отношение между квашней и мутовкой, т. е. некоторой вместимостью и предметом, который помещается и может перемещаться в ней, — сохранено; эпитеты, скорее всего, точные или близки к точным. По восстанавливаемому таким образом описанию отгадка — если не считать неудобного для печати варианта — может быть найдена лишь с большим трудом, и не из-за обширности класса удовлетворяющих описанию объектов, а из-за того, что трудно обнаружить хотя бы один такой объект.

Три братца под одной шляпкой стоят (Лохань). Только *три* и *под одной* здесь явно точные слова; описание: три похожих предмета, находящихся под одним, скорее всего круглым.

Во всех этих примерах описание восстанавливается сравнительно легко и с достаточной уверенностью; однако, как правило, далеко не ясно, чем мы руководствуемся, считая одни слова точными, другие произвольными и т. д. Ниже мы попытаемся, обобщив более широкий материал, установить хотя бы некоторые из подобных «правил».

3. Роль негаторов

Легче всего устанавливается в отгадывании функция негаторов. Прежде всего, — если исключить шуточные, пародийные загадки, — негаторы являются точными словами. Их очевидная роль в отгадывании состоит в ограничении множества возможных отгадок, но негатор может служить — что еще более важно — и указателем преобразованности (соответственно, точности) других элементов загадки.

Негаторы-объекты (см. I.10) чаще всего не только уменьшают на единицу мощность множества возможных в качестве отгадки объектов, но и исключают из этого множества целый класс объектов — именно весь родовой класс, к которому принадлежит отрицаемый объект. Например, в загадке *Не снегирь, а шейка красная (Пионер)* негатор заставляет искать отгадку вне класса птиц; в загадке... *С хвостом, а не мышь (Свекла)* отрицается не только мышь, но и, скорее всего, любое животное. Наличие негатора-объекта при признаке или сегменте, как правило, говорит о точности названия этого признака или сегмента.

Негаторы-признаки при трансформе загаданного объекта (или его сегмента) несут обычно мало информации, только

лишний раз подтверждая, что слово, замещающее загаданный объект, — преобразованное. Например, *Маленькая собачка, не лает, не кусает... (Замок)*: и без негаторов ясно, что загадана не собачка. При аннулированном же объекте негаторы-признаки весьма информативны, резко ограничивая класс возможных отгадок (*Весь в шерсти, а кожи нет (Валенок)* — ясно, что загадано не животное), а также часто указывая на преобразованность других элементов загадки. Таковы, например, многочисленные загадки с негатором *без рук, без ног*, указывающим на неодушевленность заданного предмета и тем самым утверждающим преобразованность таких элементов, как *рубашку просит* (подушка) или *богу молится* (зыбка).

4. Некоторые общие закономерности

• Отметим несколько общих принципов — к сожалению, достаточно неопределенных — помогающих распознавать преобразованность элементов загадки.

1. Чем шире дистрибуция слова (чем оно менее конкретно), тем больше вероятность, что оно точное или почти точное. Это не относится, конечно, к трансформам загаданного объекта, который вообще не может быть точным.

2. Семантическая неотмеченность сочетания также повышает вероятность того, что один из его компонентов — точный; в частности, если известно, что данный компонент неотмеченного сочетания — преобразованный или произвольный (например, является трансформом загаданного объекта), то с большой вероятностью второй компонент является точным словом.

3. Вхождение слова в рифму повышает вероятность того, что оно произвольное (или, по крайней мере, не точное; ср. II. 8).

Более конкретные правила можно высказать об отдельных элементах загадки, к рассмотрению которых мы и обратимся.

5. Трансформ загаданного объекта (подлежащее загадки)

Трансформ загаданного объекта является произвольным словом, когда он выражен именем собственным (Егор, Антошка, Федосья) и, тем более, местоимением (кто, сам) или «квазимероимением» (*Загадаю загадку, перекину через грядку, лежи, моя загадка, до нового года (Посев ржи)*). То же почти всегда относится к названиям лиц (дева, девица, барыня, баба, старик, пан, гость и т. д.) и к названиям животных и птиц (жеребец, свинья, корова, овечка, кошка, курочка, орел и т. д.). В последнем случае возможны, хотя и редки, исключения, например, бык может замещать месяц (оба — «рогатые»). Но

в общем можно считать, что в перечисленных случаях мы не имеем никакой информации об отгадке.

Сложнее обстоит дело с названиями неодушевленных предметов, которые, как правило, являются п р е о б р а з о в а н н ы м и словами, причем характер преобразования не может быть указан с определенностью; чаще всего это просто похожий, сходный в том или ином отношении (по форме, цвету, материалу, функции и т. д. — ср. I.4) с загаданным объект. Отметим, что наиболее обычно, так сказать, формальное сходство: так, *сыр* может означать «нечто круглое» и/или «нечто желтое» (например, в загадках о месяце), но не «нечто съедобное».

Среди заместителей-предметов часто встречаются названия помещений или вместимостей (изба, церковь, хата, чулан, посудина, бочка, квашня и т. д.). Чаще всего они замещают также некоторые вместимости или оболочки (например, *избенка* ← гнездо √ раковина; *церковка* ← бутылка √ яйцо); однако и здесь нередки исключения, например, возможно: *котел* ← месяц и т. д.

Особо отметим случай, когда трансформ загаданного объекта называет некоторое множество объектов, например, выражен множественным числом (овцы, голуби, братья) или является собирательным (горох, просо). В этом случае почти всегда сам трансформ является произвольным словом, но несет информацию о том, что загаданный объект является множественным; например, *горох* ← звезды √ снег √ народ, выходящий из церкви; *овцы* ← звезды √ град √ пельмени √ брусника.

6. Прилагательное (определение при подлежащем)

Вообще прилагательные чаще всего являются точными словами. Вероятность этого еще более повышается (ср. III.4):

а) для прилагательных достаточно общего характера (с широкой дистрибуцией), таких, например, как прилагательные, выражающие цвет (белый, черный, темный, зеленый, синий, красный), величину (большой, маленький, тонкий, толстый, высокий, низкий) и многие другие (старый, новый, легкий, живой, мокрый, круглый, крепкий, гладкий и т. д.);

б) для прилагательных, входящих в семантически неотмеченные сочетания, в том числе и для конкретных (например, *К о ж а н а квашня, а мутовка мясна (Нога в сапоге)*).

Постоянный эпитет — случай крайне узкой дистрибуции — напротив, обладает пониженной вероятностью быть точным словом, и может быть даже произвольным. Например, *красная девица* может быть и морковью, но и вообще овощем; *белые лебеди* ← зубы, но и огурцы.

Всегда произвольны прилагательные орнаментального характера (*На горе горы нской дуб с а р а ц ы н с к о й...*).

Прилагательные конкретные, почти никогда не бывая произвольными, могут быть как точными, так и преобразованными (чаще всего — конкретизированными). Восстанавливая описание, целесообразно в этом случае перейти к ближайшему роду, что не даст ошибки и в случае точного слова; например, липовый ← деревянный; горбатый ← изогнутый; нагой ← лишенный покрова, оболочки; пузатенький ← толстый, округлый.

7. Глагол (сказуемое загадки)

Здесь господствует куда большая неопределенность, чем для прилагательных. Такой фактор, как неотмеченность сочетаний с существительным, здесь не работает (практически все такие сочетания отмечены, или же — в случае $\Pi \rightarrow \Delta$ — существительное отсутствует); несущественным оказывается и абстрактность / конкретность глагола. Почти для любого глагола одинаково вероятным оказывается быть точным или преобразованным словом. Напротив, произвольными словами глаголы бывают весьма редко. Частичное исключение — такие глаголы с весьма широкой дистрибуцией, как *стоит* и *идет*: они довольно часто оказываются произвольными (например, *стоит Федосья...* может означать и березу, и гребень с пряжей). Для глаголов же более узкого круга употребления произвольность очень редка (например, *Ел, ел конь, да в ясли упал (Месяц за облаками)*).

Можно указать некоторые глаголы, почти всегда оказывающиеся точными словами, например, *растет* (в загадках о сосульке, сосне, волосах, ржи и т. д.), и на довольно широкий класс глаголов, выражающих действия или состояния, специфические для одушевленных предметов, оказывающихся почти всегда преобразованными, например, *глядит* — относится к таким отгадкам, как зубы, ухват, труба, стены, месяц; *клянется* — к топору, косе; *умирает* — к свече, месяцу; *ржет* — к грому, колоколу, автомобилю.

Сам характер преобразований у глаголов является значительно более неопределенным, чем у прилагательных. Чаще всего глагол называет действие или состояние, похожее в том или ином отношении на истинное, причем дальнейшему уточнению характер отношений между истинным и названным действием часто не поддается (например, *сидит девица...* — про морковь, *лежит мертвец...* — про язык или дорогу, *по земле бежит...* — про веник, *девушка смеется...* — про лошадь или иксель). Поэтому, восстанавливая описание по тексту, чаще все-

го следует прибегать к обратному преобразованию вида: $v \leftarrow$ «что-то похожее на v »; в случае, когда легко указать родовой глагол, наиболее разумно перейти к нему, например, ревет $\leftarrow$ издает (громкие) звуки.

8. Числительные

Здесь дело обстоит довольно просто. Малые числительные (1, 2, 3, 4, 5) практически всегда являются точными; средние (7, 10) могут быть и точными (*Шелков клуб, семь дыр вокруг (Лицо)*), и преобразованными из «много» (*На одном быку семь шкур (Лук)*); большие почти всегда означают «много», будь то якобы точные числа (*Семьдесят семь Семенов, одна мать Матрена (Потолочины и матица)*) или явно «округленные» (*Антипка низок, на нем сто ризок (Лук)*). Едва ли не единственное исключение — это многочисленные загадки о годе, где все числительные (4, 7, 12, 30, 52, 365) точные.

9. Отношения между сегментами целого

В текстах загадок, описывающих целое посегментно (например, в загадках об овощах, где отдельно описываются плод и ботва, или об орехе, где отдельно описываются ядро и скорлупа), а равно и в загадках с комплексной отгадкой (например, «небо и звезды», «земля под снегом», «зубы и язык») часто указаны отношения между сегментами или объектами, образующими целое (речь идет об отношении r в структуре AgB — ср. I.2).

Эти отношения могут быть выражены чисто реальным, неязыковым образом (например, *Мать детей сосет; Утка в море, хвост на заборе; Кадка стара, крышка нова*: известно, каково реальное отношение между матерью и детьми, уткой и ее хвостом и т. д.) и с помощью языковых средств: предлогов (*Стоят вилы, на вилках короб...*), наречий (*Спереди шильце, сзади вильце*) и прочих (*По л о л н о подполье белых лебедей; Кругленька дощечка, по к р а я м обшивочка...*).

Наиболее обычны разного рода пространственные отношения:

Полна печь калачей, а в середине пирог (Зубы и язык, Звезды и месяц);

Два брата впереди бегут, два сзади догоняют (Ноги лошади, Колеса);

Бежит свинья к овину, с обеих сторон по рылу (Носилки, Корыто),

в том числе — чаще всего — отношение «одно в другом»:

Стоит тюрьма, в тюрьме ящик, в ящике мучка... (Дом, Печь, Зола);

*Полное корыто огурцов намыто (Небо и звезды, Зубы);
Махоточка маленька, да кашка сладенька (Орех, Яйцо).*

Часто встречается и отношение целого к части (или главной, большей части — и второстепенной, меньшей):

*Стоит Федосья, распустив волосья (Береза, Помело,
Сноп, Морковь);*

Шут в луже, борода наружи (Редька, Хрен);

Сам худ, голова с пуд (Молоток, Безмен).

Указанные отношения почти всегда точно воспроизводят соответствующие отношения между частями загаданного объекта.

Другие типы отношений встречаются реже. Таково, например, генетическое отношение (порождающего и порожденного):

Мать детей сосет (Река и ручьи, Море и реки);

*Мать толста, дочь красна, сын кудреват, отец горбоват
(Печь, огонь, дым, кочерга).*

Такие отношения могут быть как точными (2-й пример), так и преобразованными (1-й пример, где истинное отношение является скорее отношением доминирования, которое сходно с генетическим, но отлично от него).

10. «Условия»

Речь идет о загадках типа «в таких-то условиях то-то, а в таких-то — то-то» или более редких «то-то, а в таких-то условиях — то-то». Слова, выражающие условия, почти всегда являются т о ч н ы м и:

Поутру в сажень, в полдень в пядень (Тень);

Летит — воет, сядет — землю роет (Жук);

Весной веселит, летом холодит... (Дерево);

Кину с блошку, вырастет с лутошку (Репя);

Всуну — поправится, а выну — свалится (Рукав, Сапог);

лишь изредка они оказываются приблизительными:

Встану, так выше коня, а лягу, так ниже kota (Дуга);

*Кланяется, кланяется, придет домой — растянется
(Топор).*

ЗАГАДКО-ПОСЛОВИЦЫ И ПРОБЛЕМА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

(Matti Kuusi. Southwest African Riddle-Proverbs. — «Proverbium», № 12, 1969; George Milner. From Proverb to Riddle and Vice Versa. — «Proverbium», № 15, 1970; İlhan Başgöz. Riddle-Proverbs and the Related Forms in Turkish Folklore. — «Proverbium», № 18, 1972)

Структурная близость загадок и пословиц была замечена давно. Фольклористы не раз обращали внимание на случаи перехода этих паремий из одного типа в другой. Об этом писали В. И. Даль, А. Тейлор и многие другие. А в японском «Этнографическом словаре» под редакцией Янагида Кунио дано даже такое определение загадки: «По своей форме загадка — это задаваемый собеседнику вопрос в виде сравнительно трудной для понимания пословицы...» («Этнографический словарь». Токио, 1966, с. 425).

Рассматриваемые ниже статьи из журнала «Proverbium» основаны на фольклорном материале разных стран, но все они в той или иной форме касаются вопроса взаимной трансформации загадки и пословицы.

М. Кууси в своей статье приводит примеры загадко-пословиц «байли» в устной традиции овамбо (Намибия). При этом отмечается, что граница между загадками и пословицами в фольклоре банту вообще менее резко выражена, чем в фольклоре европейских народов. Систематизируя материал, которым располагает Финская Академия наук, для сборников «Пословицы овамбо» и «Загадки овамбо», автор столкнулся с рядом общих структурных элементов (тем, образов и т. д.) в загадках и пословицах народов Юго-Западной Африки, говорящих на ндонга, кваньяма и других родственных языках.

Наиболее характерная черта загадко-пословиц овамбо, по мнению автора, состоит в том, что первая и вторая части таких пословиц представлены «параллельными образами», т. е. построены по одной модели. При этом первая часть является вопросом загадки, а вторая — ее ответом, т. е. отгадкой. Отгадка может не совпадать со смыслом пословицы.

Шип дерева омуговле пронзил ногу слона.

Гриб проткнул склон термитника.

Отгадка — вторая строка, а общий смысл загадко-пословицы: «Родить ребенка нелегко».

Иногда отгадка полностью совпадает со смыслом пословицы.

Тут пальма и там пальма, с какой из них ты сорвешь лист?

Тут дорога и там дорога, которую ты выберешь?

Ответ загадки и смысл пословицы: *Если твои родители спорят, чью сторону ты примешь?*

В некоторых случаях форму пословицы имеет только вопрос или ответ:

Длинное (высокое) просо привлекло на поле воробьев.

Длинный путь принес в дом ссору.

Пословица — лишь первая часть. Другой вариант отгадки:

Красивые девушки привлекают в дом молодых людей.

А иногда вопрос и ответ загадки — это две самостоятельные пословицы:

Сколько ни подметай хижину, что стоит на песчаной равнине, в ней будет полно песку.

Как ни оплакивай скончавшуюся мать, она не вернется.

Другой вариант ответа — пословица:

Никогда не избавиться от всех ведьм в большом доме.

Как и в обычных загадках, один вопрос допускает несколько разных ответов, а один ответ — разные вопросы.

На своей сестре не женишься, даже если она хороша собой.

Этот ответ одинаково подходит для двух разных пословиц (когда они служат первой частью загадки):

1) *Прекрасный плод омбе на кончике ветки.*

2) *Не станешь выкапывать клубни около своей двери.*

Но в отличие от обычных загадок ответ загадко-пословицы в другом случае может безо всяких изменений сам становиться вопросом.

Встречаются «байли», в которых взаимная трансформация не привела к полному слиянию загадки с пословицей и одна из форм является доминирующей.

Для жанра «байли» вне зависимости от его употребления в виде загадки или пословицы характерна дидактическая направленность и определенный набор постоянных образов, что отмечено также в работе Г. Хулстаерта «Загадки Нкундо», на которую ссылается автор. Приведа данные и других исследователей, в частности Д. Симмонса и Дж. Мессенджера, М. Кууси указывает на типологическую общность загадко-пословиц Нигерии, Юго-Западной Африки и Экваториального Конго, которую нельзя объяснить простым заимствованием.

По мнению автора, сходные явления можно найти и в фоль-

клоре других народов, доказательством чему служит финская поговорка: *Грибы (трава) не растут на дороге*, которая по традиции означает: *У женщин легкого поведения не может быть детей*.

В статье Дж. Милнера, который использует материалы самоанского фольклора, рассматривается механизм самой трансформации. В качестве иллюстрации автор предлагает два близких текста: поговорку *Только птица тули поет свое имя*, и загадку *Что за человек хвалит сам себя?* (Ответ: *птица тули*).

В обоих случаях проводится разграничение между внешним (мнимым) сообщением и подразумеваемым (истинным). В поговорке истинным сообщением является намек на конкретного человека, известного собеседнику, а в загадке — намек на птицу тули, название которой, как известно всем самоанцам, совпадает с ее криком.

Из этого Дж. Милнер заключает:

1. В обоих случаях говорящий не досказывает чего-то, что и так известно слушающему и без чего невозможно найти соответствие между мнимым и истинным сообщением. Элемент намека является, следовательно, общим для загадки и поговорки.

2. В приведенных загадке и поговорке мнимое и истинное сообщения как бы меняются местами, что объясняется противоположностью целей высказывания: цель поговорки — указать на определенного человека с помощью намека на некоторую птицу, а цель загадки обратная.

Приведя слова Леви-Стросса, определившего загадку, как вопрос, рассчитанный на отсутствие ответа, а известные высказывания, эпизоды из мифов, истории и т. д., как «ответы, к которым нет вопроса», автор высказывает предположение, что поговорки принадлежат ко второй категории.

Отличие от Дж. Милнера М.И. Башгёз не ограничивается анализом текста загадок и поговорок. Различное употребление одного и того же текста, подчеркивает он, доказывает необходимость контекстуального анализа, учета таких факторов, как личность рассказчика, характер аудитории и социальная среда, в которой бытует данная загадко-поговорка. Особое внимание в статье уделено следующим вопросам: Когда и почему рассказчик использует поговорку как загадку? Переносит ли он эти типы из одного в другой сознательно? Является ли двойное употребление одного текста традиционным или же одна из форм загадко-поговорки представляет собой просто искаженный или появившийся позднее вариант другой ее формы?

Благодаря сходству внутренней структуры, внешней формы и способа описания предмета в турецких пословицах и загадках, отмечает М. И. Башгёз, для трансформации пословицы в загадку часто бывает достаточно исключить из пословичного предложения подлежащее и сделать его ответом.

Пословица: *Апрельский дождь — золотая повозка с серебряными колесами.*

Загадка: *Золотая повозка с серебряными колесами. (Апрельский дождь).*

Описанные выше случаи взаимного перехода загадок и пословиц не исчерпывают всех видов паремиологической трансформации. Она в различной степени распространяется и на другие типы фольклора. Об этом, в частности, свидетельствует статья Дж. В. Хассела «Пословицы в загадках» («Proverbium», № 15, 1970), где показано, что шесть из шестнадцати загадок, цитируемых автором по рукописному альманаху XV в. «Adevineaux amoucheux», основаны на народном поверье о том, что все мельники — воры. М. И. Башгёз приводит примеры перехода в загадку песни, сказочной формулы, анекдота, четверостишия в жанре «мани». О многообразном употреблении загадко-пословиц как приветствий, ругательств, юридических формул и т. д. упоминают Г. Хулстаерт, Дж. Мессенджер и др. Примеры самых различных трансформаций содержатся в монографии А. Сиддики «Бенгальские загадки в устной традиции. От загадки к пословице», на которую ссылаются авторы рассмотренных работ, М. И. Башгёз и М. Кууси.

В статье «К вопросу о структуре паремиологического фонда» Г. Л. Пермяков на обширном фольклорном материале разных стран приходит к выводу, что в результате наличия у всех типов изречений большого числа общих свойств (функций) «паремиологическая трансформация — не случайное явление, а всеобщее свойство паремий... паремиологические типы можно даже трактовать как парадигматические формы одной и той же сущности (паремии вообще), у которой трансформированы те или иные стороны внешней или же внутренней структуры» («Типологические исследования по фольклору». М., 1975, с. 261).

Авторы реферируемых статей особо указывают на недостаток сведений о загадко-пословицах в имеющихся собраниях фольклора, составители которых обычно проводят резкую грань между загадками и пословицами, не выделяя случаев взаимной трансформации. Поэтому очевидна необходимость пополнения материала новыми записями. Загадко-пословицы еще ждут своих исследователей.

Приложение

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ОСНОВНЫХ СТАТЕЙ СБОРНИКА

Алан Дандис — фольклорист и паремиолог, профессор Калифорнийского университета в г. Беркли (США), автор ряда теоретических работ по фольклору, в частности — американскому.

М. А. Черкасский — языковед, кандидат филологических наук, доцент Казахского государственного университета (г. Алма-Ата), а впоследствии — Пермского педагогического института, автор монографии «Тюркский вокализм и сингармонизм» (1965 г.) и ряда исследований по тюркологии и общему языкознанию.

Матти Кууси — фольклорист и паремиолог, профессор университета в г. Хельсинки (Финляндия), автор ряда трудов по финскому эпосу, древнейшему периоду финской литературы и многочисленных исследований в области сравнительной паремиологии. Из последних его работ наиболее значительны сборники «Пословицы овамбо» (1970 г.), «Загадки овамбо» (1974 г.) и статья по проблеме международной классификации пословиц.

А. А. Крикманн — паремиолог, кандидат филологических наук, сотрудник Института языка и литературы ЭстССР, автор работы «К проблематике исследования содержания и мировоззрения пословиц» (1975 г.) и цикла статей по семантической неопределенности пословиц.

Г. Л. Пермяков — фольклорист-паремиолог и переводчик (г. Жуковский), автор цикла работ по структурной паремиологии, а также составитель нескольких сборников фольклора восточных народов, творчество которых ранее никогда не переводилось на русский язык.

А. К. Жолковский — языковед, кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник ОВНИИЭМ «Информэлектро» (г. Москва), автор монографии «Синтаксис сомали» (1971 г.) и ряда работ по семиотике и структурной поэтике.

Ю. К. Щеглов — языковед, кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, автор книг «Очерки грамматики языка хауса» (1970 г.), «Современные литературы на языках тропической Африки» (1976 г.) и ряда статей по структурной поэтике.

Ю. В. Рождественский — языковед, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, автор монографии «Типология слова» (1969 г.), очерков по истории лингвистики (1975 г.) и ряда теоретических работ по китайско-тибетской филологии и типологии языков.

Вильмош Фойт — фольклорист, доцент Будапештского университета (ВНР), автор ряда работ по эстетике и историографии фольклора, а также паремиологии (в частности, о вариативности пословиц).

Элли Кёнгэс-Маранда — фольклорист-паремиолог, профессор университета в г. Ванкувер (Канада), автор статей о финских загадках. В соавторстве с мужем, известным канадским фольклористом Пьером Маранда, выпустила книгу «Структурные модели в фольклоре и очерки трансформации» (1971 г.), а также участвовала в составлении нескольких теоретических сборников по фольклору.

Ю. И. Левин — математик, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной математики МИСИ (г. Москва), автор ряда работ по семиотике, структурной поэтике и этнографии.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
От составителя	7

Часть первая ПОСЛОВИЦА

А л а н Д а н д и с. О структуре пословицы (пер. с англ. <i>Г. Пермякова</i>)	13
<u>М. А. Черкасский</u> . Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (Пословицы и афоризмы)	35
М а т т и К у у с и. К вопросу о международной системе пословичных типов (Опыт классификации количественных пословиц) (пер. с англ. <i>Т. Погибенко</i>)	53
А. А. К р и к м а н н. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы	82
Г. Л. П е р м я к о в. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений	105
А. К. Ж о л к о в с к и й. К описанию выразительной структуры паремий (разбор одной сомалийской пословицы)	136
А. К. Ж о л к о в с к и й, Ю. К. Щ е г л о в. Разбор одной авторской паремии	163
Ю. В. Р о ж д е с т в е н с к и й. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок	211
Обзор. Рефераты	
В и л ь м о ш Ф о й т. Разработка общей теории пословиц	230
Об одной модели пословичного сообщения (H e d a J a s o n. Proverbs in Society: The Problem of Meaning and Function.— «Proverbium», № 17, 1971) (реферат <i>В. Манделя</i>)	239
Значение пословицы и контекст (V a r b a g a K i r s c h e n b l a t t - G i m b l e t t. Toward a Theory of Proverb Meaning.— «Proverbium», № 22, 1973) (реферат <i>В. Манделя</i>)	241
О явлениях паремиологической омонимии и синонимии (Тезисы доклада Г. Л. Пермякова. Сб. «Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам». Тарту, 1974)	244

Часть вторая. ЗАГАДКА

Э л л и К ё н г ё с - М а р а н д а. Логика загадок (пер. с англ. <i>Н. Кузьминой</i>)	249
Ю. И. Л е в и н. Семантическая структура загадки	283
Рефераты	
Загадко-пословицы и проблема паремиологической трансформации (M a t t i K u u s i. Southwest African Riddle—Proverbs.— «Proverbium», № 12, 1969; G e o r g e M i l n e r. From Proverb to Riddle and Vice Versa.— «Proverbium», № 15, 1970; I l h a n B a ş g ö z. Riddle-Proverbs and the Related Forms in Turkish Folklore.— «Proverbium», № 18, 1972) (рефераты <i>В. Мазурика</i>)	315
П р и л о ж е н и е. Краткие сведения об авторах основных статей сборника	319

2. p. 30k.